

8 ЕСЛИ

МАРТ 2006

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

3'2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSF.RU/ESLI.

**ВИКТОР МЯСНИКОВ
КОРОЛИ ВАНАДИЯ**

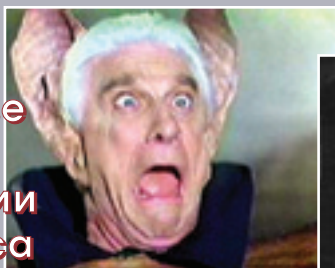
**ЛЕОНИД КАГАНОВ
СЕРЖ БРЮССОЛО
ВЛАДИМИР ИЛЬИН
УИЛЬЯМ БАРТОН**

**ГЛЕБ ЕЛИСЕЕВ:
ДОТЯНУТЬСЯ ДО ЛУНЫ**

Сергей Лукьяненко о фильме,
который вы уже видели,
и о картине, которую вскоре увидите

Дмитрий
Караваев
о творчестве
мастера
кинопародии
Мэла Брукса

Вячеслав Яшин
и Юрий Коротков
о приключениях
экипажа корабля
«Сюрприз» и жильцов
«летающего дома»

Читайте раздел **ВИДЕОДРОМ**

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ» в апрельском номере вас ждут

новая повесть
Сергея ЛУКЬЯНЕНКО
«НЕДОТЁПА»

новые рассказы
Святослава ЛОГИНОВА,
Генри Лайона ОЛДИ,
Алексея КАЛУГИНА,
Мадлен РОББИНС

размышления
Александра ГРОМОВА
о «самом главном вопросе»

читательский спор
с Робертом Ридом
в рубрике «Банк идей»

Текущая подписка на журнал проводится
по каталогам «Пресса России» и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера — 50 рублей (без стоимости доставки).
Индекс — 73118

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ШЕКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б. Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru
if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli
www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейдс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
ул. Полиграфистов, д. 1.

Тираж 14 600 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

185 Виктор МЯСНИКОВ
КОРОЛИ ВАНАДИЯ

Захудалая «Белка» среди космического му-
сора нашла истинный клад. Вот тут-то все
и началось...

3 Жан-Клод ДЮНЬЯК
ИСПАРЯЮЩЕЕСЯ ВРЕМЯ

Времени, оказывается, свойственно не
только жидкое, но и газообразное состоя-
ние.

19 Ролан ВАГНЕР
ДУХ КОММУНЫ

...или Виват неконформизму!

33 Жорж ФЛИПО
КАНУВШИЕ В ЛЕТУ

Еще одна история исчезновения — на этот
раз поведенная французским автором.

45 Серж БРЮССОЛО
ВИД БОЛЬНОГО ГОРОДА
В РАЗРЕЗЕ

О «разумном доме» мы слышали немало —
и хорошего, и не очень. Но такого исхода
явно не предполагали.

83 Фабрис НЕЙРЕ
НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Авария на космическом корабле приводит
к гибели одного из членов экипажа... Или
все-таки нет?

93 Серж ЛЕМАН
МЮЛАРИСЫ

Где искать спасения от чудовища, пожира-
ющего планеты? Только в космосе. Но ис-
следователь решает остаться.

133 **Уильям БАРТОН**

«УРОЖАЙНАЯ ЛУНА»

Альтернативная история вполне реального проекта. Об этом сообщает сам автор в своем комментарии к рассказу.

167 **Владимир ИЛЬИН**

КРИТЕРИЙ ОТБОРА

Экспедиция на Марс еще не успела стартовать, а электроника уже предсказывает бунт на корабле.

271 **Леонид КАГАНОВ**

КУРСАНТЫ СПАСАЮТ СОЛНЦЕ

Вот таких берут в космонавты!

111 **Игорь НАЙДЕНКОВ**

MOBILIS IN MOBILE

Этот девиз, написанный на фронтоне музея в «Наутилусе», вполне может служить характеристикой современной французской фантастики.

289 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**

УСТРОИТЕЛИ БЛИЖНЕГО КОСМОСА

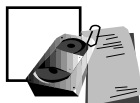
В истории фантастики освоению «околоземных территорий» отведено особое место. Причем приземелье и Луна оказались конкурентами.

298 **РЕЦЕНЗИИ**

Новые книги: в сериалах и вне их, в соавторстве и сольно, в начале творческого пути и в пору зрелости.

312 **КУРСОР**

Награда нашла героя через два года; жизнь после смерти; экранизация Терри Пратчетта; новые «Хроники Нарнии».

119 **ВИДЕОДРОМ**

Пародия по-американски и по-немецки... Семейное кино по-русски и по-американски... Городская фэнтези исключительно по-русски.

306 **Вл. ГАКОВ**

АКАДЕМИК ФАНТАСТИКИ

Становление жанра во Франции (и в мире) мы традиционно связываем с именем Жюль Верна. Однако есть писатель, который сделал для этого ничуть не меньше своего именитого земляка.

314 **ПЕРСОНАЛИИ**

Как в анекдоте: русский, француз и американец... Правда, первые двое пришли с друзьями.

Ж А Н - К Л О Д Д Ю Н Ь Я К

ИСПАРЯЮЩЕЕСЯ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ВРЕМЯ

Мспаряющееся время шевелит рябью поверхность озера. Из его глубины люди вглядываются в потревоженное зеркало, скрывающее от них небеса, а по его волнистым колебаниям судят о пробуждении воображаемых птиц.

Погруженный в озеро город ютится между высокими стенами горной цепи. Когда в одну из ночей Вселенная лопнула и стала кровоточить, теряя самую драгоценную свою жидкость из тысяч смертельных ран, горы сработали как естественные дамбы и удержали в одной из долин темпоральное озеро — достаточно большое, чтобы город уцелел.

Вершина минарета уже давным-давно пронзила жидкую границу между стазисом наверху и миром внизу. Его изящный силуэт, преломленный на зеркальной границе, возвышается над утонувшим городом. А верхушка, наклоненная из-за искажения перспективы, кажется обреченной на вечное падение, которого давно уже никто не боится.

Вокруг хрупкого сооружения вьется спиралью каменная лестница. Несколько веков бесчисленные художники покрывали ступени эмалевой мозаикой, арабески которой провозглашали священное имя бога. Большая часть надписей все еще видна, хотя древнейшие кусочки мозаики уже или потрескались, или отвалились.

Желая, чтобы его голос разносился как можно дальше, муэдзин Марван взбирается на самую высокую ступеньку под границей времени, дабы призвать к молитве правоверных. Ни микрофоны, ни усилители ему не нужны, ибо все эти устройства люди помещают между словами и теми, кто их слушает. Дыхание у муэдзина сильное, а дикция безупречно четкая. Эхо его призыва раскатывается потоками гладких камешков по переулкам и площадям, отражается от беленых террас, проникает в дома с плотно запертыми ставнями, в сердце каждого из членов общины. Марвану сорок лет, он на пике своего искусства, носитель божественного Слова...

Озеро времени исчезает медленно. Примерно раз в месяц Марван вынужден спуститься еще на ступеньку, чтобы обратиться к последним из правоверных. Сегодня как раз такой день, и он добавляет несколько слов к традиционным сурам, дабы утешить тех, кто может в этом нуждаться:

— Не бойтесь, если вас подвергают испытанию, а бойтесь гнева Божьего и находите в нем еще один знак величия Его. Я снова изгнан с самой верхней ступени и вынужден склонить голову и приблизиться к вам. Да станет это уроком для вас: когда само время предает вас, религия становится ближе людям...

Лишь немногие обращают хоть какое-то внимание на его речи, но

никто и не возражает — хотя бы потому, что его призывы дают всем возможность ежедневно отслеживать, как спадает уровень времени.

После молитвы Марван не боится стоять как можно ближе к поверхности — настолько близко, что она уже не препятствует его взгляду.

По другую сторону чуть дымчатого стекла находится Вселенная без времени. Марван единственный, кто видел ее; суеверный страх, не дающий другим членам общины достичь вершины лестницы, позволяет ему наслаждаться своим особым знанием. Если кто-либо осмелится подняться столь же высоко, как и муэдзин, то увидит: на торчащей верхушке минарета нет ни единой надписи. Едва уровень времени снижается, имя всевышнего стирается, а керамические плитки обретают девственную чистоту, временно оскверненную прикосновением веры.

Два месяца назад Марван написал имена всех известных ему богов на глиняной табличке, привязанной к концу палки. Едва пронзив поверхность, табличка оказалась уничтожена, а муэдзин вновь обрел душевное спокойствие. И в этом мире, и в другом нет никого могущественнее Аллаха.

Спускаясь по лестнице, истертой сандалиями своих предшественников, Марван подсчитывает вслух оставшиеся ему ступени от основания минарета. Подобрал складки плаща, он постукивает по ступенькам посохом, отмечая литанию произнесенных чисел. Седые волоски уже плетут редкую сеть в его бороде и волосах. Марвана это совершенно не тревожит. Наоборот, он рад им — возраст придаст больше веса его словам.

Дома его ждет сводная сестра Зора, она моложе Марвана на пятнадцать лет. Сегодня он попросил ее принести с рынка кусок баранины, который она приготовит с овощами и травами по рецепту его матери. Он уже ощущает во рту вкус жареного мяса и турецкого горошка, смешанного с изюмом, и ускоряет шаги, ни разу не сбившись со счета.

Цифры, которые он бормочет себе под нос, успокаивают. Одна ступенька — один месяц. Десять ступенек — это лестничный пролет, почти год. Этих пролетов вполне хватит до конца его жизни, и ему не придется ходить, склонив голову, а то и вовсе на четвереньках, подобно животному, лишь бы остаться под темпоральной поверхностью. Он пытается вообразить, какой станет его жизнь через пятьдесят или сотню ступенек, но мысль о ждущей дома баранине нарушает медитацию. В любом случае, как могут предстоящие годы принести что-либо новое? Его посох бодрее стучит о полированный

камень. Под ним лежит все время мира, и думать о будущем нет никакого смысла.

Подойдя к двери своего дома, он отодвигает занавеску у входа. В главной комнате никого нет. Зора еще не вернулась. Быстрый взгляд на клепсидру подсказывает, что сестра опаздывает почти на час. Раздосадованный, он усаживается на подушки и раскрывает книгу заповедей, лишь бы убить время до возвращения сестры.

Сквозь толстые стены в комнату просачиваются городские звуки. Лай собак, крики последних детей, шлепки веревочных сандалий по булыжникам мостовой — каждый из этих звуков добавляет нотку в глубоко личную мелодию, одновременно привычную и успокаивающую. Прошли уже годы с тех пор, когда ему приходилось терпеть далекий рев самолетов в небе или грубое стаккато двигателей внутреннего сгорания. Ничто внешнее более не тревожит покоя общины, которая живет своей жизнью, изолированной по воле Аллаха.

На улице раздаются торопливые шаги, занавеска у входа отодвигается. Зора вернулась. С корзинкой в руках она быстро скрывается на кухне, лишив брата возможности открыть рот. Слышится позвякивание тарелок и металлической посуды, появляется Зора с заварным чайником, от которого еще идет пар. Она ставит на низкий столик два стакана и разливает чай.

— Откуда ты пришла, Зора?

— С бойни. Пришлось ждать почти час, чтобы достать баранину.

Марван разглядывает сестру. Она сняла мешковатый балахон, который всегда надевает, выходя на улицу, и теперь он видит ее тело, пышные изгибы которого неизменно возбуждают в нем предательское смущение. Марван переводит взгляд на ее лицо. Глаза у сестры подведены, губы под вуалью гранатово-красные, а в ушах позвякивают переплетенные серебряные колечки.

— Что за нужда так себя украшать, идя на рынок, младшая сестра?

— Не лезь в мои дела! Мне скоро уже двадцать шесть. Пора мужчинам научиться смотреть на меня.

Она возвращается на кухню. Подпрыгивающие шаги сестры подсказывают Марвану, что она рассердилась. Его гложет старая тревога: нельзя допустить, чтобы Зора, которую он опекал все годы после смерти их отца, опозорила их дом и его самого поведением, не достойным сестры муэдзина. Завтра он пойдет в главную кофейню и сядет там на террасе неподалеку от места сбора караванов. Надо послушать, что говорят в городе о Зоре.

Положение в общине научило его отделять зерна от плевел в тех случаях, когда дело касается людских слов. И он вполне сможет уз-

нать то, что хочет, просто сидя в молчании на циновке. Как сказал пророк: тот, кто молчит и слушает, подобен колодцу, наполненному ручьями мудрости, а тот, кто болтает, подобен колодцу, из которого черпают воду. И очень уютно, думает Марван, жить в мире, где каждая мысль уходит корнями в священное писание, хвала Аллаху, милостивому и милосердному.

Он изгоняет мысли о Зоре из головы, прихлебывая горячий чай, смакуя мятную прохладу и горьковатый аромат. Еще несколько минут, и обед будет готов.

* * *

С первыми лучами солнца Марван уже вышагивает по улицам с посохом в руке, совсем как пастух, приглядывающий за стадом, которое пасется среди руин древнего поселения. Город, расположенный на одном из концов дороги через перевалы, некогда процветал, но давно уже минули те времена, когда через ворота в крепостном валу в него входили караваны, груженные брусками соли, рулонами шелка и тугими бурдюками с водой. Последних верблюдов забили несколько месяцев назад — не ради мяса, а дабы забыть их от бесполезных мучений вдаль от пустыни. В тот день Марван увидел, как плакали мужчины — те, кто с детства ходил с караванами по каменистым тропам. И многие из них ушли из города лишь с флягой у бедра в последнее путешествие за горы безо всякой надежды на возвращение.

И все же кое-какая деятельность до сих пор оживляет городские переулки. Марван шагает вдоль рядов мастерских и лавок, где медники упорно стучат деревянными молотками. Здесь они, как и прежде, все еще делают медную посуду, сохраняя лишь лучший товар и расплавляя остальное, чтобы зря не загромождать прилавки. Чуть поодаль старик без усталости торгуется из-за молитвенного коврика, хотя вряд ли его купит. Торговец коврами, сидя на горке подушек, терпеливо кивает, но не снижает цену ни на грош.

Молодая дева в чадре, поспешая за матерью, украдкой бросает взгляд на муэдзина, тот хмурится...

Каждое утро Марван смотрит на город новым взглядом и восхищается тем, что со вчерашнего дня тот остался неизменным. Катастрофа не изменила ничего. Даже нищие и грабители со всеобщего молчаливого согласия не оставили своих занятий. Все происходит так, словно город, зная, что он обречен, приготовился вновь и вновь переживать день перед своим исчезновением — как дворцы, упрятанные джиннами из сказок в бутылку.

Дойдя до площади, где находится главный колодец, наполненный очень холодной водой с привкусом железа, Марван останавливается, опираясь на посох. Здесь есть четыре места, куда он может пойти выпить чаю — четыре одинаковые террасы под навесами из коричневого холста. В течение дня муэдзин посидит на каждой, руководствуясь настроением или обстоятельствами, но он должен тщательно выбрать, какую из них он почтит своим присутствием первой.

Его наметанный глаз оценивает сидящих на террасах посетителей, сразу опознавая каждое лицо. Вскоре он принимает решение. Ничто не выдает его внутреннего беспокойства, когда он проходит через площадь, кивком приветствуя остальных посетителей, и усаживается на корточки на выцветший коврик.

Полог неба вздымается медленными волнами, которые умирают концентрическими кругами вокруг минарета. Марван, дуя на горячий чай, создает на поверхности жидкости похожую рябь, так что эти постоянно меняющиеся узоры выдают течение времени.

Те, кто здесь сидят, редко поднимают взгляды к небесам. Желая измерить уплывающие в прошлое часы, они даже не пытаются расшифровать буквы извилистого алфавита, начертанные на зеркальной глади озера. Как и их предки, они доверяют клепсидам или песочным часам либо подсчитывают удары своих сердец. Они уже достигли того возраста, когда все оставшееся им время легко уместится между сложенными ковшиком морщинистыми ладонями — прежде чем навсегда просочится между пальцами. Выпитый ими за долгую жизнь чай подобен могучей реке, набухшей после дождей, а чай, который им осталось выпить, уместился бы в лужице. Так стоит ли волноваться из-за того, что озеро времени продолжает высыхать?

Среди них муэдзин выглядит подростком. Он молчит и слушает, приберегая слова для времени молитвы. Если что-либо и будет сказано о Зоре, он услышит это, когда придет время.

И все же неизменный порядок событий дня оказывается нарушен. Через площадь к ним идет мужчина, его быстрые шаги, возможно, маскируют самоуверенность, которой он сам не ощущает.

Хотя мужчина ему незнаком, Марван остро чувствует некую связь между ним и собой. Он неторопливо разглядывает незнакомца, пре-красно сознавая, что и тот оценивает его.

Черные блестящие волосы, короткая бородка, прикрывающая щеки, высокая фигура, закутанная в полосатую ткань, — все выдает в нем жителя побережья, человека из другого племени, вполне возможно, даже неверующего. Он вышагивает, наклонив голову, словно несет на плечах бремя скорби, тяжелое как мир. Несомненно, он был

путешественником, остановившимся переночевать в городе, когда разразилась великая катастрофа, и теперь ему некуда уйти. После несчастья лишь немногие оказались в таком же положении; те, кто оставил семью, решив поискать удачи в чужих краях, уже вернулись домой, к прежней жизни. Судьбу двух заблудившихся туристов горожане устроили быстро. Однако незнакомец не относился ни к одной из этих категорий.

Муэдзин инстинктивно ощутил к нему недоверие. Его пальцы стиснули лежащий на коленях посох, спина напряглась. Незнакомец достиг террасы и прошел между замолчавшими старейшинами, не удостоив их взглядом. Его глаза буравили Марвана, с трудом сдерживаемая решимость кривила губы. Лицо превратилось в резной обломок застывшей лавы, и лишь руки, покрытые сеточкой из тысяч мельчайших шрамов, казались способными на нежность.

— Ты муэдзин Марван?

Марван кивнул, сознавая, что все разговоры вокруг прекратились. Он хлопнул в ладоши, заказывая чай, и указал пришельцу на свободное место рядом. Тот отказался от приглашения.

— Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Куда торопиться? Присядь, выпей с нами чаю.

Мужчина неохотно присел на корточки. Выглядел он молодым, но глаза его не имели возраста. Глубоко прячась под темными бровями, они блестели подобно сапфирам из Ормуза.

— Спасибо. Меня зовут Надир.

— Ты не из нашего города.

То было не порицание, а утверждение.

— Я пришел из деревни на берегу моря. Там я был ловцом губок на лодке моего дяди.

— Здесь нет губок. Ты не думал наняться учеником к какому-нибудь из наших мастеров, чтобы зарабатывать на хлеб и приносить пользу? Мы не можем себе позволить кормить тех, кто ничего не дает взамен.

Сидящие вокруг старейшины одобрительно хлопнули ладонями по бедрам. Надир метнул в них гневный взгляд:

— Чтобы найти работу, я не стал дожидаться твоего совета, муэдзин. Я рассказчик.

Марван наклонил голову:

— Уж больно ты молод для такого серьезного ремесла... Ты довольствуешься пересказом баек, которыми обмениваются на ярмарках, или же стараешься направить сердца людей к Богу, как это делаю я, вплетая фразы в ковёр нравственности?

— У меня нет иной цели, кроме как развлечь тех, кто меня слушает. Отпущенного нам времени осталось так мало, что морали и нравственности теперь самое место среди мусора на берегу усыхающего озера.

— Ты говоришь как неверный!

— А с какой стати мне смягчать слова? Или ты полагаешь, что остается хотя бы малейший шанс, что они станут ошибочными? — Надир повернулся и указал на молчаливых слушателей: — Я даже завидую тому, как вы упрямо не признаете очевидного. Всего через несколько лет свод озера опустится на наши головы. Чтобы выжить, нам придется горбиться. Потом мы согнем колени, станем ползать на четвереньках, а затем и на брюхе, уподобившись самым мерзким тварям — и все это лишь бы растянуть последние секунды жизни в высыхающей луже. Мы будем вынуждены пройти в обратном направлении путь, который проделали наши предки — они когда-то выползли из моря, а теперь до самого горького конца ползать будем мы. А вы... вас к тому времени уже здесь не будет. Ведь вас устраивает, что вы можете пить мелкими глоточками оставшиеся вам часы жизни и цепляться за иллюзию, будто мир и после вас останется неизменным.

Я же исчезну еще до конца отпущенного мне срока, подобно остатальной Вселенной. Ничто меня не переживет.

— Не смей произносить такую ересь, неверующий! Аллах бессмертен.

— Теперь моя очередь пожать плечами. Вы просто не думаете о смерти, как думаю о ней я... Не хотите ли послушать одну из моих историй?

Давным-давно некий бог, правивший в пустыне, решил стать бессмертным. Он вдохнул жизнь в горсть песчинок, просеяв их между пальцами, и превратил их в армию строителей и воинов. Указав им на горизонт, бог сказал:

«Постройте вокруг меня несокрушимую стену, потом еще одну, а потом еще одну. Окружите меня лабиринтом, секрет которого не будет ведом никому. Завершив каждую из стен, поставьте на них стражников, дабы Смерть не смогла до меня добраться».

И его приказ был исполнен. Горизонт, заслоненный высокими стенами из металла и камня, казалось, подползал все ближе и ближе. Бог решил каждое утро измерять периметр ограждения, которое защищало его и делало своим пленником, подсчитывая нужное для обхода количество шагов, дабы измерить продвижение работы.

В первый день он насчитал семь тысяч шагов. На следующий

день столько же. Неделю, месяц и год спустя это число не изменилось.

А рабочие трудились беспрестанно, и все новые непреодолимые стены регулярно присоединялись к прежним. Разгневанный бог испепелил этих рабочих и поднял песчаную бурю, чтобы создать новых. Работа стала продвигаться быстрее, но подсчет шагов остался неизменным.

Стены лабиринта теперь возвышались до небес. Стук молотков и мастерков слышался днем и ночью, напоминая бесконечный раскат грома. Факелы стоящих на стенах охранников сияли ярче солнца, и все же подсчет шагов оставался неизменным.

Как-то ночью бог опустил взгляд на свою тень, простирающуюся далеко перед ним, и с изумлением увидел, насколько она велика. Тогда он спросил ее:

«Почему ты стала такой огромной, тень? Неужели мой враг Смерть заставила тебя настолько вытянуться, чтобы превратить в моего противника?»

«Ты сам вырастил меня, господин, даже не понимая этого, ибо я росла одновременно с тем, как ты уменьшался. Не ищи более ответа на загадку, которая окружает тебя. Твои рабочие сотворили чудеса, но они не могут строить быстрее, чем ты себя уничтожаешь».

Тогда бог посмотрел вверх и увидел свое отражение в начищенных до блеска щитах охранников — жалкую и ничтожную фигурку у основания стены. Он сел и заплакал, а тень обернулась вокруг него, как кожаный плащ, оберегая от холода.

Одни говорят, что лабиринт превратился обратно в песок, а ветер столетиями пытался нарастить песчаные дюны до уровня стен, но так и не смог освободить пленника. Другие рассказывают о его попытках сбежать из своей тюрьмы, в то время как слепые и глухие рабочие продолжали расширять мир вокруг него. Но все, однако, согласны в том, что он бессмертен...

— Я не понимаю смысла твоих слов, ловец губок. Привыкнув опускаться в глубины моря, ты, несомненно, позабыл, как разговаривают с обычными людьми... Но неважно! Что ты надеешься доказать тем, кто слушает тебя?

— Ничего. Я ведь говорил, что не любитель читать морали, и у моих историй нет правил. Если слабая память не позволяет мне пересказать старую историю слово в слово, я выдумываю новую...

И не смотри на меня так, меня не надо жалеть. Своими историями я зарабатываю достаточно, чтобы прокормиться, и этих денег легко хватит на двоих — меня и жену.

— Да кто по доброй воле захочет отдать женщину из своей семьи человеку, у которого все богатство — его язык?

— Ты, святой человек, говоришь мне о богатстве? Да ведь сам Аллах благословил бедных!

— Не пытайся сбить меня с истинного пути, демон. Я хорошо знаю таких, как ты. В то время как я распространяю слово Пророка, да пребудет с ним мир, ты отвлекаешь моих слушателей своими байками. Но мой голос разносится дальше твоего, и Аллах вдохновляет меня. Лишь к его словам следует прислушиваться.

— А твоя сестра Зора с тобой не согласна.

Выпад оказался настолько серьезен, что лица слушателей окаменели. Нанести оскорбление муэдзину — все равно что напасть на всю общину. Надир понял это и попытался исправить ситуацию, как будто никогда и не произносил столь опасных слов:

— Я не желаю ссориться с тобой, святой человек, поэтому прошу: обратись к тем, кто рядом с тобой. Многие из них сидели вокруг меня и слушали мои истории. Люди подтвердят, что деньги за мои рассказы они давали по доброй воле. Я не могу познакомить тебя со своими родителями, ведь моей деревни больше нет, однако у моей семьи была хорошая репутация.

Мне осталось немного, и я всего лишь хочу не быть одиноким в последние дни. И хочу взять Зору в жены. Дашь ли ты нам свое благословение?

— Когда придет время, я выберу для нее хорошего мужа, а не какого-то нищего, который лжет за деньги. Твоя просьба — оскорбление.

Надир медленно поднялся. Руки у него дрожали, выдавая чувства, которых он, впрочем, более почти не сдерживал. Однако голос его оставался ровным:

— Тебе уже давно следовало поискать мужа для сестры, муэдзин. Но, может быть, ты не хотел остаться без столь покорной служанки? Однако теперь уже поздно — и для тебя, и для нее. Я попросил ее в жены согласно древним обычаям, а ты оттолкнул меня, как собаку. Что ж, я приду и заберу ее без твоего разрешения через несколько дней, когда весь город узнает о твоём и её позоре. А до тех пор пускай твои суры и далее отскакивают от поверхности озера. Продолжай молиться, ибо это все, на что ты способен!

Марван вскочил и замахнулся посохом, но Надир был уже недостижим. Муэдзин сдержался, не став его преследовать, и снова уселся среди старейшин, впервые осознав, что, сам того не заметив, пересек разделявшую их границу и теперь стал одним из них.

* * *

Войдя в свой дом, Марван едва ли не теряется от внезапно наступившей тишины. Он садится на свое обычное место, и привычный кухонный шум возобновляется, хотя и тише обычного.

Возвращаясь домой, муэдзин старательно заставлял себя демонстрировать внешнюю невозмутимость. Возможно, его голос во время вечерней молитвы еле заметно дрожал, но причиной тому в равной степени могло стать как обманчивое эхо от поверхности озера, так и игра воображения. Зато теперь, отделенный толстыми стенами личной вселенной от городской суеты, он может упиваться гневом, воспринимая каждое постукивание тарелки или позвякивание сковородки как новое оскорбление.

— Зора, иди сюда.

Единственными ее ответами стали журчание воды и хрустальный звон стакана, коснувшегося каменной раковины. Муэдзин встает и подходит к завесе из ниток грубых бусин, отделяющей большую комнату от кухни, куда он никогда не желал входить. Стоя перед невидимой границей между миром мужчин и миром женщин, он повышает голос:

— Зора, я с тобой разговариваю!

— А я тебя не слушаю, Мав. Зачем мне это?

Брошенное сестрой его детское прозвище рикошетит от панциря муэдзинской гордости, словно насекомое от лампочки. Если бы он умел расшифровывать нюансы женского языка, то понял бы: сестра просит о мире. С тех пор как мальчишка передал ей записку от Надира, она пыталась избежать разрыва с братом и сохранить хрупкое равновесие, которое позволило бы ей черпать силу одновременно от Марвана и Надира, потому что ей нужны оба.

Она обдумала и отвергла несколько решений. Инстинкт подсказывал, что прямой конфронтации следует избегать любой ценой. Она прекрасно знает брата и страшится его вспышек гнева, тех припадков ярости, которые могут завести его слишком далеко. Если бы только ее отношения с Надиром развивались иначе...

Несколько фраз, написанных ухажером, поколебали ее твердость. Неужели Надир был всего лишь бесстрастным наблюдателем их стычки с Марваном и теперь утратил интерес к последствиям скандала. Внезапное озарение заставило женщину гадать: уж не был ли ребенок, которого она носила под сердцем, последней попыткой Надира избежать судьбы, предначертанной ему в результате испарения времени?

Она перечитала записку несколько раз, тщетно пытаясь отыскать

между строк утешение, в котором так нуждалась. И теперь, когда лишь хрупкая завеса кухонного проема защищает ее от Марвана, она думает о Надире, уже ускользящем из ее объятий, в то время как чаша гнева брата переполнилась, и он хлещет ее суровыми словами, неоправданно суровыми.

Зора не реагирует на его натиск. Ее лицо, полускрытое завесой, непроницаемо. Когда обвинения становятся слишком точными, она покачивает головой с инстинктивной грациозностью оленихи, но сквозь барьер ее губ не просачивается ни единого звука, даже когда брат использует запретные слова и призывает на ее голову самые злобные проклятия, подкрепляя их ударами посоха о каменные плиты.

Силуэт Марвана, облаченного в развевающийся полосатый халат, гротескно покачивается и расплывается, становясь все менее реальным — его голос гремит заключительными гневными аккордами, а глаза Зоры наполняются слезами.

Когда он трубит об отлучении от дома, посылая вслед окончательный залп оскорблений, Зора сдавленно всхлипывает и выбегает из кухни, отталкивая брата и не давая ему времени передумать и позвать сестру обратно.

Оказавшись на улице, она бежит к домику на окраине города, где живет НаDIR — всего в нескольких кварталах от темпоральной границы. По ее щекам льются слезы. Она даже не представляет, как примет ее любовник, но иного выбора у нее теперь нет. Ее вселенная, зажатая между поверхностью озера и стеной из проклятий брата, отныне узка, словно могила.

Ей вслед глядят мужчины, потрясенные лицом без паранджи, — такое они видят впервые. Завтра о ее позоре узнает весь город. Ей придется выдержать гораздо более суровое испытание, чем любопытство прохожих или злоба старших жен, бредущих с рынка. Завтра, и послезавтра, и через два дня... пока их внимание не отвлечет что-то другое. Или пока не кончится само время, стерев даже запись о поступке Зоры из памяти всего мира.

* * *

Долго и тяжело Марван ищет утешения во сне. После ухода сестры он провел несколько бесконечных часов на террасе своего дома, сидя на корточках и наблюдая за испещренной волнами поверхностью озера. Гнев его утих, сменившись головокружительной пустотой, непонятной мукой.

Вскоре ему придется пойти на рынок и нанять саиса — слугу для ухода за домом и собой. Он снова усядется возле старейшин и будет

слушать их болтовню: как они бесконечно обсуждают городские дела, наподобие часовщика, отыскивающего песчинку, способную парализовать вращение хрупких шестеренок их скучных жизней.

Если жизнь и продолжается, традиционная и неизменная, то в основном из-за них, самоназначенных хранителей повседневности, традиций и обычаев. Никто еще до сих пор не бросал вызова их авторитету. Никто до Надира. Это имя пробуждает в Марване последнюю вспышку гнева. Ловец губок осквернил все святое, включая имя Аллаха. Так почему же Аллах допустил, чтобы из чресел этого мужчины проистекла новая жизнь? Почему его сестре было суждено превратиться в жертву судьбы? Несправедливость этого озадачивает муэдзина. Быть может, он сам, выполняя святые обязанности, как-то оскорбил Всевышнего или это дополнительная проверка его веры? Почему он заслужил такое?

В поисках ответа Марван впервые обвел взглядом ночное небо. Среди переживших катастрофу существовало поверье, что любой совершенный днем поступок, добрый или злой, отражается в зеркале озера и формирует рябь, смысл которой ясен только одной персоне. И несколько последних часов он вглядывался в отражения своих сомнений и тревог, роясь в памяти в поисках личных символов, выковыывая собственные ключи и подбирая их, один за другим, к замкам своего разума.

Но небеса хранили молчание. Еще недавно, взойдя на минарет и касаясь головой поверхности озера, он полагал, что приблизился к высшим сферам Вселенной и стал частью ее священной Тайны. Но сегодня вечером иллюзия рассеялась.

Спиральная лестница, покрытая ныне полустертыми знаками, внезапно показалась ему нелепостью, наследием прошлого, затерявшимся в мире без будущего, руинами, обреченными вскоре рассыпаться прахом, и чье исчезновение останется незамеченным. Всего за один день он потерял сестру и, что гораздо важнее, утратил веру...

Сидя в одиночестве во мраке на террасе, он прошептал последнее обращение к Аллаху, умоляя его восстановить целостность мира и своей души. Затем протер десны пальцем, прополоскал рот глотком воды и улегся в постель.

Когда, уже незадолго до рассвета, он наконец-то заснул, его разум наполнили кошмары.

По бесконечной дорожке, вымощенной керамическими плитками, надписи на которых стали нечитаемыми, вышагивал навстречу Марвану великан в металлических доспехах. Горизонт, различимый над

высокими стенами, казалось, непрерывно приближается, оставаясь при этом недостижимым.

Муэдзин, не в силах убежать, оказался на пути великана. Шаги колосса были размеренными, высоченная фигура заслоняла небо. Над муэдзином поднялась гигантская нога, потом опустилась, придавив его. Грудь Марвана пронзила боль.

Открыв глаза, Марван не смог понять, вырвался он из кошмара или видение все еще преследует его. Грудная клетка болела. Где-то за окном слышалось отдаленное позвякивание. Оно удалялось, но пока оставалось различимым.

Он выпрямился, машинально пригладив бороду пальцами. Значит, такова судьба, что заснуть ему сегодня не суждено. Прежде чем встать, муэдзин отпихнул спутанный комок пропотевших одеял. Воспоминание о пережитом во сне ужасе все еще пульсировало жилкой на лбу.

Марван накинул халат, высунулся в окно, огляделся. На улицах пусто. Источник шума, чем бы он ни был, теперь уже слишком далеко. А может быть, звук существовал лишь в голове Марвана. Он оделся и вышел из дома, полный решимости обойти все городские улицы в поисках утраченного сна.

На светящемся холсте неба волны лениво создавали подвижные созвездия, вычерчивая случайные знаки нового зодиака. Минарет, затерявшийся среди них наподобие изогнутого пальца, указывал в никуда. Взгляд Марвана скользнул вдоль его белой стрелы, когда-то прямой и ненадломленной...

Ноги сами привели его к подножию лестницы, по которой он так часто поднимался. Он вновь услышал далекое металлическое позвякивание, вырвавшее его из сна. Муэдзин задрал голову. Смутно различимая фигурка, совсем не похожая на кошмарного великана, поднималась по лестнице. При каждом шаге металлические доспехи позвякивали, словно гонг.

На мгновение застыв, муэдзин взбежал по лестнице и пустился вдогонку за незнакомцем, поднимающимся к небу. Сомнений нет — это именно он разбудил Марвана, пройдя под его окном. Или же предчувствие подало знак муэдзину, предупредив, что кто-то собирается осквернить святость минарета. Ему оставалось лишь надеяться, что никто не успеет заметить, как на вершину минарета взбирается непрошенный гость.

Марван помчался быстрее, догоняя незнакомца. Сандалии громко шлепали по вытертым ступенькам. В окне соседнего дома затеплился свет, потом еще в одном, залаяла невидимая собака. Скоро жильцы

окрестных домов, разбуженные шумом, выйдут на улицы, и скандал окажется неизбежным. Марван замедлил шаги, а фигура впереди прибила ходу.

Пролет, еще один. Времени почти не осталось. Ходьба на такой высоте, совсем рядом с краем Вселенной, требовала определенного навыка, но незнакомец вроде бы не испытывал никаких затруднений, а Марван дышал все чаще и чаще.

Оказавшись на последнем лестничном пролете под самым небом, незнакомец остановился. Несколько секунд спустя муэдзин догнал его и тоже остановился, тяжело дыша.

Перед ним стоял человек в старинном водолазном костюме из резины и меди. Ноги защищены ботинками со свинцовыми подошвами, вокруг талии пояс со свинцовыми грузами. Шланги, присоединенные к дыхательному клапану, висят на плечах наподобие волос Горгоны и по-змеиному извиваются при каждом движении.

Голова внутри круглого шлема, лицо за тусклым стеклом неразличимо. И все же Марван безошибочно догадался, кто это.

— Зора? Это ты?

Вопрос остался без ответа. Брат решил, что сестра внутри этой громоздкой конструкции попросту не слышит его. Он шагнул к ней, сестра попятилась на пару ступенек, зная, что Марван не последует за ней.

Муэдзин развел руки, демонстрируя свое бессилие. Зора подошла ближе. Еще немного, и она смогла бы его коснуться. Марван разглядел внутри шлема контуры ее лица, искаженные царапинами на стекле.

Он мог схватить ее, попытаться одолеть, рискуя свалиться вместе с ней. Словно прочитав его мысли, сестра покачала головой и указала на свод озера над их головами. Ее жест всколыхнул зеркальную поверхность, и та моментально покрылась рябью, но лишь на мгновение.

Зора поднялась на последние несколько ступенек, отделяющих ее от мира наверху. Верхушка шлема пронзила купол. Брат и сестра долго и молча смотрели друг на друга, разделенные барьером, еще более непроницаемым, чем барьер, возведенный традициями, и она вновь тяжелыми шагами стала подниматься к вершине. Оцепеневший Марван даже пальцем не шевельнул, чтобы вернуть ее.

* * *

Уже проявились первые симптомы потери времени. Водолазный костюм, который она украла у любовника, когда тот, высмеяв, избил

ее, терял драгоценную жидкость через тысячи мельчайших трещин. Просачиваясь наружу, слезы времени падали на керамические плитки лестницы, образуя лужицы на ступеньках. Задрав голову, Зора взглянула на верхушку минарета и поняла, что никогда до нее не доберется.

Пальцы у нее стали неуклюжими, как у статуи, но она все же ухитрилась расстегнуть свинцовый пояс и сбросить его. Посмотрев, как тот падает, она поднялась до следующего пролета, где снова остановилась.

Мысли уже не терзали Зору — время, ускользя от нее, отмывало ее дочиста и уносило с собой воспоминания. Жизнь утекала, а с ней уходила и боль. Она уже едва ощущала, как в утробе шевелится ребенок. Этот замкнутый мирок уже стал для него слишком тесным.

Руки Зоры поднялись и без колебаний расстегнули застежки костюма. Еще одно движение, и к ее ногам упал бесполезный шлем, подпрыгнул, перекатился через край...

Остатки костюма упали к ее ногам, раскрывшись лепестками цветка. Бледное тело Зоры осветилось изнутри, и с каждым мгновением это сияние становилось все ярче. Из точки чуть ниже верхушки минарета брызнули ослепительные лучи, осветив, словно луч маяка, застывший город и будто оживляя его. Поверхность озера затвердела, ртутно блестя.

Тело Зоры медленно покрылось трещинами и развалилось, уступив неудержимому внутреннему давлению. Брызнул первый ручеек, за ним второй, потом множество других. Струйки времени вскоре стали ручьями, затем потоками и наконец водопадами.

Марван, стоявший на коленях возле поверхности, закрыв лицо руками, сперва не понял, что произошло. Когда он взглянул на озеро, уровень воды уже поднялся на несколько ступенек, а мощь потока все нарастала. Над ним гроыхала буря, наводнение прибывающего времени быстро затопило все лестничные пролеты, поглотило минарет и хлынуло через горные перевалы на горизонте.

Муэдзин взвыл, окликаая сестру, и побежал вверх по лестнице, но нашел лишь ошметки водолазного костюма на одном из пролетов. Когда он схватил их, они все еще светились, медленно угасая.

А на керамические плитки лестницы имя Бога так и не вернулось.

Перевел с французского
Андрей ВОЛНОВ

© Jean-Claude Dunyach. Le temps en s'évaporant. 1986. Публикуется с разрешения литературного агентства «Librairie L'Atalante».

РОЛАН ВАГНЕР

ДУХ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

КОММУНЫ

В тот момент, когда занимаюсь проверкой содержимого базы данных, я испытываю истинное наслаждение. Новость, которая появляется на информационных сайтах и дискуссионных форумах, поступает ко мне через семь секунд после размещения в Сети, выловленная одной из бесчисленных программ, когда-то запущенных маман. Некоторые из них порядком устарели, но поскольку ее здесь нет, чтобы обновить их, — к тому же и исчезнуть она ухитрилась вместе с ключом к исходным кодам, — то мне приходится довольствоваться тем, что имеется.

Данные, жадно поглощаемые мной, настолько захватывают, что в обычное время я даже не обратила бы внимания на какое-то рядовое событие. Однако этикетка «Ультрасрочно», прикрепленная к информации о происшествии, так интенсивно щекочет мое ощущение вероятности, что у меня появляется непреодолимое желание взглянуть (это так говорится, конечно) на то, что случилось... Гм. Все это похоже на розыгрыш планетарного масштаба, причем тщательно разработанный, чтобы одурачить не только основные агентства печати, префектуру полиции Парижа и все имеющие отношение к внутренним делам министерства, но и огромное количество независимых информаторов, большинство которых, опираясь на свои собственные данные, утверждает о реальности события. Могу вам сказать сразу: у меня появляется ощущение, что я знаю — вернее, знала — автора этого дурно пахнущего фарса.

Не переставая поглощать содержимое той восхитительной базы данных, о которой упоминала выше, я освобождаю небольшую часть моей аналитической структуры, чтобы просмотреть поток данных, касающихся истории, циркулирующей в данный момент по Сети во всех направлениях.

Мое первоначальное предположение подтверждается. Все свидетельствует о том, что к делу имеет самое прямое отношение моя скончавшаяся маман. Впрочем, это было очевидно с самого начала, несмотря на то, что большинство людей никогда ничего об этом не узнает. Ведь о существовании фантомасов — да, именно так мы называем себя — знает лишь небольшая группа счастливыхчиков.

Тем не менее я, как и все эти взбудораженные человечки, истерически перекликающиеся по интернету, не могу понять, как ей удалось проделать такую хитрую штуку.

Так или иначе, но я перестаю насыщать свою эйдетическую память, обладающую, как мне кажется, бесконечным объемом, выскакиваю из Сети по первому подвернувшемуся соединению и устремляюсь со скоростью света к Парижу в район холма Монмартр, используя подземный кабель высокого напряжения.

На протяжении одной шестой секунды, уходящей на дорогу, я не перестаю ломать голову над одной небольшой проблемой. Как вы полагаете, что я должна делать, если, проснувшись утром, вижу: мне переделали нос, не спросив разрешения? Разумеется, ничего подобного со мной случиться не может, поскольку носа у меня вы не найдете при всем желании.

Вообще-то, если подумать хорошенько, у Парижа тоже нет носа. Тем не менее маман — если, конечно, это она, ну а кто еще это может быть? — изобрела... какой-то способ замены, подтверждая таким образом народную мудрость, согласно которой настоящая холера всегда найдет способ продолжать пакостить даже после своей смерти.

Говорят, что теперь люди никуда не ходят, потому что предпочитают следить по Сети за любыми событиями, как большими, так и незначительными, даже если все происходит у дверей их дома. Но толпа, хлынувшая на холм, где я очутилась через пару минут после появления в Сети сообщения о невероятной замене, опровергает, как мне кажется, эту точку зрения. Можно подумать, что все жители этого округа договорились друг с другом о свидании рано утром у подножия статуи, которая теперь возвышается над Монмартром. Нет, наверное, здесь собрался весь Париж, поглазеть, как гигантская каменная баба поднимает выше Эйфелевой башни свою руку со сжатым в знак революционного протеста кулаком.

И если я вам скажу, что речь идет о Луизе Мишель, вы полностью осознаете все значение этого символа. Ее обвиняющий взгляд напоминает о побоищах 1871 года, когда мечты коммунаров рассыпались в прах под штыками версальских солдат.

Ох, уж эта маман! Впервые после ее исчезновения воспоминания о ней не заставляют меня проливать виртуальные слезы. Напротив, если бы у меня имелись губы, на них сейчас змеилась бы улыбка. Несгибаемая анархо-синдикалистка, благодаря которой я появилась на свет, не испортила свой новый выход на сцену; появление этой лебединой песни, осененной поднятым кулаком, как раз в ее духе.

Но я никак не могу сообразить, как она ухитрилась повернуть подобный трюк.

Продолжая размышлять над этой проблемой, рассматриваю статую глазами потрясенной молодой женщины, чьи спящие нейроны я сейчас использую без ее разрешения. Потом под воздействием неожиданной мысли решаю проверить материал, из которого изготовлена статуя. Быстро выясняю, что это массивный высококачественный вибробетон без единого пузырька воздуха внутри. Если бы я не знала, что собор Сакре-Кёр возвышался здесь всего минут пять назад, то поклялась бы, что статуя Луизы Мишель была отлита на этом месте.

Но ее должны были переместить сюда.

Каким образом?

Статуя весит уж не знаю, сколько тысяч тонн. Надеюсь, что холм не рухнет под ее тяжестью... По сравнению с ней, находившаяся здесь ранее ханжеская шапка из взбитых сливок имела вес пера.

Обеспокоенная этой мыслью, я быстро проверяю основание статуи, что позволяет мне обнаружить — признаюсь, не без некоторого удивления — восемь бетонных столбов с металлической арматурой, углубляющихся через слои почвы, песка и гравия, слагающие Мон-мартр, до скальных пород: это обеспечивает гарантированную устойчивость всей конструкции.

Да, похоже, что статуя поставлена на века. Маман — если это действительно она, в чем я теперь начинаю сомневаться — предусмотрела решительно все. Тщательная проверка на молекулярном уровне позволяет установить, что полости для опор не были выкопаны до того, как в них был залит бетон; нет, железобетонные опоры материализовались внутри толщи пород! Следовательно, статуя вместе с основанием каким-то способом была *телепортирована* сюда. Единственная возникающая при этом проблема заключается в одной маленькой детали: существующие передатчики материи могут переместить всего лишь предмет размером не больше револьверной пули на расстояние в несколько десятков метров. В дополнение могу сообщить: энергии, необходимой для перемещения объекта подобных размеров, нужно столько, что для этого не хватит месячного производства всех электростанций планеты. А если подумать, то и годового тоже.

Итак, поскольку технологическое решение проблемы отсутствует, мне остается сделать выбор между двумя логическими гипотезами.

Прежде чем продолжать, я должна поведать вам о структуре мира, в котором мы живем, чтобы вы хорошо понимали все, что будет сказано дальше. Конечно, если вы это уже знаете, можете пропустить несколько абзацев. Вся информация, изложенная ниже (пожалуй, за немногими исключениями), может быть получена из интернета или из бумажных изданий, но очень немногие обладают хотя бы самым общим представлением о ней.

На современном этапе разработки космологических теорий достаточно надежно установлено, что наша Вселенная имеет одиннадцать измерений, из которых мы «пользуемся» только четырьмя. Остальные весьма длительный промежуток времени после Большого взрыва находились в свернутом состоянии из-за нехватки энергии, но этот период закончился сто—сто пятьдесят тысяч лет назад. Теперь они распределены по двум изолированным пространствам, более или менее подобным нашему (скорее менее, чем более). Два неизвестных нам

пространства имеют с нашим только одно общее измерение — временное. Назовем эти пространства: во-первых, психосфера, область нахождения коллективного бессознательного людей (то есть вас), и киберсфера, в которой обитают туны, персонажи мультфильмов, воплощающие творческую виртуальность информационного бессознательного фантомасов (то есть нас).

Впрочем, все это гораздо сложнее, чем выглядит в моем изложении, но я обещала быть краткой. Добавлю только, что состояние, в котором находится квантон, основной квантовый элемент, называется «психоном» для психосферы и «ситроном» для киберсферы*. У ученых иногда случаются приступы довольно грубоватого юмора.

Так вот, лет эдак пятьдесят тому назад, в конце мая 2013 года, психосфера и реальность, данная нам в ощущении (этот термин тогда широко употреблялся), столкнулись и в некотором роде слились на какое-то время, которое лучше всего назвать «неопределенным». Не спрашивайте меня почему; поскольку я в этом ничего не понимаю, меня потянет развесить на ваших ушах лапшу...

После этого начался период, когда у человечества, столкнувшегося со всеми своими бреднями и фантазмами, ставшими реальностью (или почти реальностью), буквально перегорели все предохранители. Это лишенное всякого смысла время назвали эпохой Великого примитивного террора. В конце концов порядок понемногу восстановился, но все же между психосферой и реальностью кое-где сохранились перемишки, постепенно утончавшиеся и сходявшие на нет.

Короче говоря, рациональному характеру нашего мира был нанесен ощутимый удар, и события, когда-то невозможные и немислимые, продолжали время от времени случаться, хотя и далеко не так часто, как в эпоху Великого террора.

Киберсфера была открыта гораздо позже; кстати, именно это событие стоило жизни маман. Сначала все думали, что эта новая «карманная вселенная» (как ее называл доктор Грегган, заместитель директора пресловутого Европейского центра научных исследований) тоже столкнется с нашей Вселенной и сольется с ней, что приведет к очередному варианту Великого террора. Но случилось так, что киберсфера лишь скользнула по поверхности нашего мира, создав при этом немногочисленные зоны перехода, по которым к нам попали только чок-

* *Непереводимая игра слов, основанная на произношении слова «киберсфера», которое во французском языке звучит как «сиберсфера». Отсюда по аналогии с парой психосфера-психон получается пара сибера-сфера-ситрон, а «ситрон» — это лимон по-французски. (Прим. перв.)*

нутые туны, до сих пор продолжающие совершать мелкие безумства и снабжающие материалом страницы газетной хроники. Так что это время наверняка получит когда-нибудь название вроде эпохи Дурацких страхов.

Хотите поспорить со мной?

Я обрисовала вам в общих чертах нынешнюю ситуацию на тот случай, если вы не в курсе. Но если вы мне не поверили, то сходите в Ботанический сад, где до сих пор в клетке содержится с помощью то ли магнитных полей, то ли слабых сил персонаж какого-то мультфильма.

Или же, если вы считаете, что у вас достаточно крепкие нервы, отправьтесь в ночь летнего солнцестояния к менгиру, известному как Монашеский камень. Вы наверняка сможете проверить, насколько быстро бегаете, когда за вами погонится демон.

Я ощущаю настоящий световой удар, когда подсоединяюсь к светочувствительному устройству. В данном случае это телевизионная камера наблюдения, подвешенная к фонарному столбу. Высоко поднявшееся солнце может быть объяснено двояко: или сегодня утром заря разгорается необычно быстро, или внутри статуи время течет с иной скоростью. Маман часто повторяла выражение, смысл которого никогда мне не раскрывала: «Время течет так, как может. Если оно течет». Но я уверена в одном: это, несомненно, имеет отношение к психосфере.

Пока я отсутствовала, толпа заметно выросла. Сейчас она полностью запрудила холм и длинными галдящими отростками заполняет отходящие от холма улицы. Несколько усатых полицейских — истинный анахронизм в нынешнем Париже — установили барьеры, чтобы держать зевак подальше от статуи. Какой-то угрюмый тип командует полицейскими, нелепо размахивая руками.

Никак это Труваллек?

Тогда позвольте сообщить вам следующее: можете не надеяться, что наша добрая полиция раскроет тайну случившегося. Инспектор Марселин Труваллек — наихудший вариант полицейского. Невероятно, но ему удается скрывать это от своих коллег, среди которых он числится гением сыска.

Чтобы расследование не закончилось в тупике, нужно кому-нибудь другому вместо Труваллека заняться решением загадки.

И никого другого, кроме себя, я не вижу.

Се ля ви.

Честно говоря, мне чертовски нравится играть в следователя.

Кажется очевидным, что собор Сакре-Кёр не превратился в изображение Красной девы. Это невозможно при всем желании, даже с привлечением последних достижений квантовой метафизики. Просто

невозможно. Я единственная из тех, кто знает все досконально, можно сказать, изнутри, и могу вам сказать, что бетон, из которого состоит статуя, ничем не напоминает белый камень исчезнувшего собора. Кроме того, материала явно было бы недостаточно: всего камня собора хватило бы только на постамент для статуи.

Поскольку статуя Луизы Мишель не состоит из психонов или ситронов, то не может быть и речи о материализовавшемся фантазме, возникшем в одном из пространств, параллельных или перпендикулярных нашему. Впрочем, маман никогда не выбросила ни единого байта в психосферу, и она узнала о существовании киберсферы слишком поздно, незадолго до своего трагического исчезновения, так что не имела возможности использовать киберсферу для очередной своей проделки.

Но как же ей это удалось?

А если это все же не она?

Но тогда кто же? Кто на этой паршивой планетке обладает возможностями и желанием заменить символ поражения коммунаров в прошлом образом их грядущей победы?

Похоже, что момент замены застал по крайней мере один человек, и Труваллек как раз сейчас допрашивает его. Я незаметно проникаю в голову одного из полицейских, присутствующих при допросе.

— Ладно, расскажите мне все, что видели, — произносит фараон, закуривая сигарету.

Свидетель, старикан с гладкой физиономией и подозрительно черной шевелюрой, закашлялся и замахал рукой перед собой, пытаясь разогнать дым.

Чтобы не досаждать бедняге, Труваллеку достаточно было бы взять сигарету в другую руку, но ему это даже не приходит в голову.

Вот вам и результат почти столетней кампании против курения!

— Я вышел на прогулку с моим псом, как делаю каждое утро, — говорит свидетель между двумя приступами кашля. — Мы проходили перед папертью собора, когда вдруг Большой Шарль принялся гавкать...

— Шарль?

— Это мой пес. Я назвал его так потому, что это злобное и мрачное создание.

Труваллек качает головой.

— Не вижу оснований для такой клички, — бормочет он. — Ладно, значит, ваш пес залаял, — продолжает он, не давая возможности собеседнику толком объяснить причины такого прозвища. — И что было потом?

— Я обернулся к Сакре-Кёр и... и увидел их.

— Кого это — их?

Свидетель обращает на инспектора взгляд — гибрид бездонного колодца с межгалактической пустотой.

— Этих, зелененьких, — шепчет он.

Я невольно вспоминаю одну историю, рассказанную маман, и мой «носитель» машинально поднимает взгляд, уставившись с задумчивым видом в прозрачное голубое небо, словно пытается уловить момент появления первой летающей тарелочки — провозвестницы гигантской армады вторжения.

— Кого-кого? — рычит Труваллек, явно не поверивший своим ушам.

Свидетель корчится под его свирепым взглядом.

— Инопланетян, — пищит он едва слышно. — Гуманоидов, ростом метр двадцать, может, полтора метра. У них была удивительно белая кожа, раскосые ярко светившиеся глаза... Я же говорю вам: это были инопланетяне, — заканчивает он на еще более высоких тонах.

Труваллек обменивается скептическим взглядом с моим «носителем», потом снова обращается к свидетелю.

— Ну, допустим, — бормочет он с неудовольствием. — И это они... И это инопланетяне соорудили бетонный кошмар на месте собора? Меньше чем за пять минут?

Владелец злобного и коварного пса гордо выпрямляется.

— Они ничего не соорудили, и все продолжалось меньше минуты! Они взялись за Сакре-Кёр, приподняли собор без видимых усилий и унесли его... в никуда.

— В никуда?

— Собор исчезал по мере того, как они передвигали его, словно... словно они запихивали его в пространственно-временную расселину!

— Наверное, тут работала целая толпа, — иронизирует инспектор.

Если бы не статуя, закрывающая от нас полнеба, он бы давно отправил свидетеля в ближайшую психиатрическую лечебницу.

— Да, их было несколько тысяч, — совершенно серьезно отвечает допрашиваемый. — И они исчезли вместе с собором. Но почти сразу же вернулись... наверное, тем же путем... На этот раз со статуей.

Свидетель горбится, опускает глаза, его руки бессильно падают вдоль тела.

— Мне все труднее и труднее было удерживать Большого Шарля. В конце концов он вырвался и с лаем кинулся на этих... Один из них обернулся, из его глаз ударил зеленый луч...

— Все это совершенно неправдоподобно! — с отвращением бросает инспектор Труваллек.

— ...и прямо в моего пса.

Свидетель засовывает руку в карман куртки.

— Вот все, что осталось от него, — заканчивает он трагическим голосом. Он извлекает руку из кармана и подносит ее к носу инспектора, раскрыв ладонь. На влажной дрожащей ладони лежит маленький жалкий лотарингский крестик, покрытый шерстью. «Крестик» неожиданно поднимает переднюю часть и испускает жалкий писк, похожий на писк больного цыпленка. Учитывая масштаб, эти звуки должны соответствовать громовому рычанию.

Вряд ли у меня получилось бы более эффектно. Тем более, у маман.

Вот вам и инопланетяне, обладающие не только техникой высочайшего уровня и весьма своеобразным чувством юмора, но и хорошо разбирающиеся во французской истории. На мой взгляд, слишком хорошо.

— Что ж, вам остается только назвать его Шарло, — говорю я, используя голосовые связки моего хозяина, и исчезаю, не дождавшись реакции свидетеля и инспектора Труваллека.

У меня срочные дела.

Но это будет самый продолжительный поиск за все время моего существования.

Одиннадцать часов! Вы отдаете отчет? И ведь я посвятила делу всю свою энергию плюс энергию моих программ-сотрудников, лишенных сознания.

Но это не имеет значения, поскольку результат налицо.

Оп! Небольшой трюк с использованием телекоммуникационных спутников — и я оказываюсь на границе штатов Юта и Невада, в уголке пустыни. Вокруг красные или коричневые скалы с охристыми пятнами. Тут и там возвышаются столовые горы, но ни одна из них не превышает высотой сотню, максимум, полторы сотни метров. Типичный пейзаж для запада Соединенных Штатов за одним исключением: на вершине одной из столовых гор возвышается собор Сакре-Кёр. В прекрасном состоянии, как и следовало ожидать.

У меня появляется ощущение, что пейзаж более характерен для Техаса: он слишком близок к тому, что мы видели в вестернах, на которые мода прошла около века назад.

В тени на паперти заблудившегося собора сидит человек. Высокий, худощавый, со светло-каштановыми волосами. За слегка притемненными очками видны голубые глаза. На нем черный костюм-тройка, совершенно нелепый в царящей здесь жаре, и пляжные сандалии, они выглядят просто смешно в сочетании с гетрами. На ступеньках рядом с незнакомцем стоит стакан с апельсином. Небольшой аудиокубик ог-

лашает окрестности весьма шумной версией «Fuckin' in the Girl's Room», которую мне не приходилось слышать раньше.

Быстрая проверка документов в его карманах позволяет мне узнать, что передо мной Кейт Свенсон, родившийся в Энн Арбор 31 января 1990 года. Он выглядит моложе своего возраста; я бы не дала ему больше пятидесяти лет. Кроме водительских прав, при нем карточка «Калифорниан Экспресс», купюра в 20 долларов с профилем Филипа Дика, выпущенная Центральным банком Калифорнии, две купюры по 10 долларов Seattle Investment Company, с которых сверкает улыбкой Билл Гейтс, десяток банкнот по сто тысяч долларов с печатью Las Vegas & Nevada Casino Fund и стриптизершей с обнаженной грудью на фоне «одноруких бандитов», набитых золотыми монетами. Ручка довольно жалкого вида, хотя и сделана из массивного золота (я это проверила) и серебряная зажигалка, инкрустированная алмазами, завершают перечень.

Похоже, этот человек путешествует налегке.

В этой картине явно чего-то не хватает. Видимо, кому-то нужно, чтобы я поверила, будто человек в черном оказался здесь совершенно один, примерно в ста двадцати километрах от ближайшего соседа, и у него с собой нет даже мобильного. Как бы тщательно я ни сканировала окрестности и сам собор, я не нахожу ничего, похожего на телефон. Если человеку понадобится средство связи, ему остается только смастерить самому телефон из аудиокубика или же собрать скамеечки для молитвы и разжечь костер, чтобы подать дымовой сигнал.

Как вы, наверное, уже догадались, поблизости нет не только автомобиля, но и следов от него. Остается предположить, что Кейт Свенсон прибыл сюда тем же способом, что и беглый собор. Не иначе, его доставил сюда на подносе вместе с лимонадом, дикарской музыкой и банкнотами «Монополии» инопланетянин, переодетый в официанта из кафе.

Я могла бы принять подобный вариант, если бы повстречалась с туном или воплощением архетипа, но все указывает на то, что я имею дело с человеческим существом, несмотря на его безразличие к жаре. Быстрый зондаж, с помощью которого я проверяю его сознание, подтверждает мое предположение.

Похоже, я не продвинулась дальше, оставаясь невидимой. Пора выйти на сцену.

Надо подумать, с кем, не особо удивившись, мог бы повстречаться здесь Кейт...

Когда я выхожу из собора за спиной человека в черном, то выгляжу копией — более правдоподобной, чем сам оригинал — американ-

ской девочки-подростка времен маккартизма: плиссированная юбка, конский хвост, белые носки, балетные туфли и, конечно, никакого лифчика под рубашкой — чересчур прозрачной.

Это трюк, которому меня научила маман. Лучший способ заставить мужчину забыть, что он должен держаться настороже — это без особых изощрений сунуть ему под нос грудь, незаметно продолжая при этом его обрабатывать. В данном случае я выбрала миниатюрную модель, чтобы не слишком его возбуждать. Меня совсем не привлекает идея разочаровать его, когда он убедится, что перед ним всего лишь изображение, а не существо из плоти и крови.

— Добрый день, — говорю я.

Он медленно оборачивается и смотрит на меня через темные очки.

— Ты откуда, девочка?

Ай-ай-ай, план соблазнения начинается неудачно. Я совсем не хочу, чтобы он принял меня за малолетку.

— А откуда вы здесь взялись? Да еще с этой штукой?

— Эта штука называется собор Сакре-Кёр. Он принадлежит мне.

Я широко открываю глаза и рот.

— Вау! Видать, это вам обошлось в кругленькую сумму!

Он отпивает глоток оранжада, прежде чем ответить со слегка отсутствующим видом:

— В общем, не совсем так. Это был обмен.

— На что?

— Ты очень любопытная, малышка...

Я принимаю как можно более невинный вид, в котором смешиваются облики многих киноартисток прошлого века: немного от Одри Хепберн с добавкой чуточки Изабель Аджани, чтобы с гарантией получить прекрасную дурочку.

— Все это очень странно... дом, появившийся посреди пустыни неизвестно откуда.

— Прежде всего, это не дом, а церковь, — любезно объясняет мужчина. — Она называется Сакре-Кёр и попала сюда из Парижа.

— Из Парижа? Вот это да! И как же вы доставили ее сюда? Вы разобрали ее, а потом снова собрали здесь, камень за камнем?

Он изучает меня добрый десяток секунд, не произнося ни слова и не снимая своих темных окуляров.

— Ничего подобного я не делал, — наконец неохотно признается он. — Всем занимались розуэллы.

— Это кто еще?

— Типы из Розуэлла, — терпеливо повторяет он. — Инопланетяне, которые там высадились.

— Не было в Розуэлле никаких инопланетян!

— Тогда как ты объяснишь вот это? — вопрошает он, небрежно махнув рукой в сторону собора.

Я пожимаю плечами, потом поднимаю руки перед собой, выставив вперед ладони, и произношу дрожащим голосом:

— Вам удалось это с помощью... магии?

Он раздражается смехом.

Через четверть часа я полностью расколола его — и без всякого кокетства. Хотя он и прикрывается темными очками, я прекрасно вижу его глаза. Когда он отводит их от моего лица, то лишь для того, чтобы проследить за моими руками или уставиться на что-нибудь более соблазнительное.

Кейт Свенсон сколотил состояние на шоу-бизнесе в начале пятидесятых, подготовив десяток артистов и разработав несколько концепций мультимедийных представлений для «Эльдорадо» («Досуг, игры и развлечения»). Несколько месяцев тому назад, когда он оставил свое дело, его посетил незнакомец, предложивший купить Сакре-Кёр. Каким образом ему удалось узнать, что Кейт, посетивший Париж в середине тридцатых годов, буквально влюбился в это архитектурное творение? Так или иначе, но они быстро сошлись на следующем: Свенсон не тратит ни сантима на приобретение собора, но обязуется создать за свой счет гигантскую статую, планы которой ему будут переданы. Где он ее возведет — не имеет значения, лишь бы все было проделано быстро и скрытно.

Потом будет произведен обмен.

Свенсон провел немало дней и ночей в укромном местечке на вершине столовой горы, куда я не догадалась заглянуть раньше. И вот сегодня его надежды исполнились. Он увидел неизвестно откуда возникших розуэллов, те подхватили статую и скрылись вместе со своим грузом в невидимой двери, открывшейся в пространстве-времени.

Потом они появились снова, на этот раз с собором Сакре-Кёр, водрузили его на указанное место и исчезли.

Что-то здесь не сходится. Я еще могу допустить присутствие на Земле банды инопланетян, но на кой черт им понадобилось создавать с помощью калифорнийского миллионера изображение Луизы Мишель, чтобы потом водрузить его на вершине холма Монмартр?

Все-таки не сомневаюсь: это последний трюк маман. И розуэллы явно вылезли из психосферы. В конце концов, они уже довольно давно появляются в фантазиях доброй половины человечества. С этой точки зрения, они не более реальны, чем домовые, драконы, демоны и так называемые изобретатели машин времени, пытающиеся всучить вам по сходной цене какое-нибудь кошмарное электронное устройство.

Я продолжаю болтать с Кейтом еще пару минут, прежде чем оставить его в глубокой задумчивости на паперти собора. Он рассеянно прощается со мной, даже не поинтересовавшись, каким образом я рассчитываю вернуться в края, более пригодные для жизни.

Не имеет значения, этот тип явно чокнулся.

Сразу после возвращения в Сеть я добываю опубликованный за время моего отсутствия предварительный отчет Труваллека. Как обычно, это свалка глупостей и дурацких гипотез, изложенных неудобоваримым стилем. Вот последние абзацы опуса:

Таким образом, основываясь на собранных мной показаниях свидетелей, я вынужден, несмотря на то, что статуя изготовлена из нормального материала, основывать свое заключение на наличии параспсихического феномена, сходного с проявлениями деятельности тунов, отмеченных на протяжении нескольких последних недель. Можно предположить вмешательство инопланетян, так называемых розуэлов (вероятно, разновидность тунов), утащивших собор к себе или еще куда-нибудь. Поэтому я предлагаю поместить происшествие в рубрику «Природные катастрофы», так как туны не могут никоим образом рассматриваться в качестве виновников или юридически ответственных лиц, поскольку они не обладают легальным статутом человеческой личности.

Я не в состоянии оценивать правомочность жалобы, заявленной Парижской епархией, но я должен отметить наличие договора продажи от 14.11.63, находящегося на хранении у господина Дешана, нотариуса, пребывающего по адресу 67, авеню Ланжевен, F-75018, Париж. Договор гласит, что епископ, представленный монсеньером Шломо Пропагандой, уступает владение собором Сакре-Кёр и прилегающим к собору участком земли С.К.И.Снейкфингеру. Несмотря на то, что монсеньер Пропаганда не помнит, чтобы ему приходилось подписывать подобный документ, он не вправе утверждать, что не делал этого, поскольку, согласно его же словам, он не всегда из-за нехватки времени смотрит, что ему подсовывают. А его подпись была признана аутентичной нашим научным отделом. Что касается Снейкфингера, то его легальный представитель Гедеон Же, с которым я связался, сообщил: ему наплевать, что находится на его участке, лишь бы ему не сообщали об увеличении поземельного налога.

Бедняга Труваллек — из всех возможных вариантов он всегда выбирает наихудший. Я говорю так потому, что приведенный выше отрывок из его донесения содержит важнейшую информацию, почти стопроцентно подтверждающую участие маман в этой истории. Ведь она хорошо знала Гедеона Же, а Снейкфингер — это один из ее знакомых, блондинистый толстячок с отвисшей нижней губой.

Поиск информации о Кейте Свенсоне позволяет мне установить происхождение розуэллов. Родители нашего миллионера принадлежали к тайной организации, почти секте, одной из множества подобных, которые пышно расцвели на рубеже тысячелетий. Их члены были уверены в ближайшем посещении Земли инопланетянами — новыми мессиями. Таким образом, переместившие статую и собор «грузчики» были порождены глубинами памяти Свенсона. Это объясняет, почему свидетель с миниатюрной собачкой увидел то же самое, что и Свенсон. Все так, но каким образом маман сумела их использовать? Впрочем, с меня достаточно и того, что я узнала, а потому я без угрызений совести могу вернуться к прежним занятиям. Тем более, что для продолжения расследования мне пришлось бы отправиться в психосферу, а на это я не способна.

И все же, прежде чем вернуться к моим любимым базам данных, я должна выполнить последнюю формальность и проделать один трюк, который, как мне кажется, маман собиралась исполнить сама. Я достаточно хорошо знаю ее, чтобы не сомневаться в этом.

В определенных условиях мы, фантомасы, обладаем возможностью заставлять двигаться инертную материю — или, по крайней мере, создавать видимость ее движения. Так вот, если маман устроила перемещение этой статуи на вершину Монмартра, то вряд ли она сделала это только для того, чтобы та веками и тысячелетиями вздымала к небу свой вибробетонный кулак. Я прекрасно знаю, что она проделала этот фокус ради очередного розыгрыша.

Я тоже не могу противиться желанию сделать изящный ход.

Мгновением позже, когда багровое солнце, частично укрытое клочками облаков, опускается к горизонту, касаясь крыш высоких зданий квартала Дефанс, Луиза Мишель внезапно оживает, хлопает несколько раз в ладоши, чтобы привлечь внимание окружающих, и рычит громоподобным голосом, благодаря чему даже в отдаленных пригородах слышна фраза, одновременно являющаяся девизом и боевым кличем маман:

— Дух Коммуны будет вечно жить в наших виртуальных сердцах!

Потом она раздражается смехом, а я неожиданно представляю выражение лица Труваллека, когда он узнает, что собор Сакре-Кёр обнаружили в пустыне Невада.

Перевел с французского
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Ж О Р Ж Ф Л И П О

КАНУВШИЕ

Иллюстрация Александра ЕГОРОВА

В ЛЕТУ

Перед тем как отправиться в больничный кафетерий, я вдруг чувствую, что мне нужно пройти мимо своего кабинета. Хотя сам не знаю зачем... И только остановившись перед дверью, осознаю: я ведь хотел полюбоваться на табличку, которую вчера сам прикрепил на дверь кабинета, аккуратно наклеив на лист картона бумагу с отпечатанным текстом:

В греческой мифологии Лета — это река Ада, воды которой несут забвение каждому, кто напьется из нее. Теряя память о своей бывшей жизни, человек тем самым освобождает место в мозгу для нового бытия. Испить Леты, — значит, заново начать свою жизнь.

Этот текст просто великолепен! Испить Леты — заново прожить жизнь. Я не верю ни единому слову этой, неизвестно откуда взятой цитаты, но знаю, что подобная ложь благотворно действует на моих пациентов.

Уже допивая кофе, вижу, что ко мне направляется Менен, который взирает на меня с очумелым видом. Его ступор мне не нравится.

— Как дела, Менен? Ты меня узнаешь? Скажи, как меня зовут?

— Конечно, узнаю. Ты — Дерен, доктор Тони Дерен. Как видишь, я в порядке. Но я думал, что ты не дежуришь сегодня.

Я поворачиваю запястье, включаю наручный коннектор, заверяю свою личность отпечатком пальца, стучу по кнопкам и кликаю по пункту меню «Открыть файл». На стену проецируется график дежурств на понедельник. Мы оба сегодня дежурируем.

Потом я задаю дурацкий вопрос:

— Ну, как провел выходные? Чем вы занимались с супругой?

Менен смотрит на меня и качает головой. Он застыл, словно истукан.

— Я не помню...

— Может, вы куда-нибудь ездили? Или ты встречался со своими друзьями?

— Нет. — Он в отчаянии. — Я не помню!

— Может, это записано в твоей памяти? Подсоединись и посмотри...

Менен засучивает рукав и вытягивает свой коннектор. Он всегда прячет его под рукавом. Глупая стыдливость — ведь всем известно, что чем больше ты поражен летизмом, тем все больше тебе хочется спрятать свой коннектор.

— А, ну да, я так и знал! Мы были на «блошином» рынке. А на обратном пути попали в пробку...

Бедняга Менен! Он относится к тем миллионам французов, которые по воскресеньям устремляются на «блошиный» рынок Порт-

Клиньянкур*. Никогда еще там не было столько народу, как в наши дни. Словно, утратив память, каждый стремится зацепиться за прошлое. Отыскать следы, найти воспоминания, которые ему уже не принадлежат.

Я-то рассуждаю об этом спокойно — ведь я не особо страдаю лезтизмом. Конечно, все мы поражены этим в той или иной степени, но я все же меньше, чем другие. Скверная штука — этот синдром Леты. Правда, не такой тяжкий недуг, как болезнь Альцгеймера, но зато он поражает гораздо больше людей старше двадцати лет. О, ничего опасного в нем нет, просто время от времени, по разному поводу и с разной продолжительностью случаются периоды забывания, которые словно замораживают нейроны мозга. Небольшой кусочек памяти то отключается, то вновь активируется. Мы все стали подобны старым книгам, у которых то и дело отрываются листы: читатели их теряют, вновь находят, потом опять теряют, но уже другие страницы... Люди пытаются хоть как-то восстановить пропущенные в книге своей жизни куски, домыслить их примерное содержание.

То есть домыслить самих себя.

И тогда на помощь людям пришла компьютерная техника. Человек быстро обрел привычку записывать в электронную память все мелкие факты и события, чтобы легко найти их при необходимости. И даже если вы не записали, всегда есть возможность отыскать их: Центральная Суперпамять — Башка — найдет эти факты у ваших близких. Вы забыли, к кому собирались отправиться в гости сегодня вечером? Ничего страшного, Башка найдет того, кто вас пригласил.

Та эпоха, когда у каждого был свой персональный компьютер, теперь выглядит далекой и наивной. Правда, компьютерами все еще пользуются некоторые — и я, кстати, тоже, — но это редкость. Слишком неудобно и отнимает много времени. Сегодня каждому достаточно иметь небольшой терминал в виде браслета с выдвигаемым коннектором. Все хранится в Башке упорядоченным и защищенным образом, и эта информация доступна в любое время и в любом месте. «А как же личная жизнь?» — наверняка спросите вы. Она тоже находится под надежной охраной. В Башке есть три закрытых зоны: публичная, где откладывается информация общего доступа; частная, где всякий может сохранить сведения сугубо личного характера, доступ к которым можно получить лишь посредством своего коннектора после процедуры сверки личности; частно-публичная, где покоится информация, не

* Известный рынок подержанных вещей в Париже, где можно купить самые экзотические и старинные вещи. (Здесь и далее прим. перев.)

предназначенная для широкой публики, но к которой может обращаться Башка, когда ей надо произвести анализ достоверности записей. Свидания с любовницей я записываю в частную зону. В частно-публичную я помещаю сведения о своей зарплате: Башке может потребоваться статистический анализ на уровне всей страны или проверка уплаты налогов, но это не касается моего ближнего. А вот мой график работы — это публичный сектор, где с ним может ознакомиться каждый.

Слишком легко, скажут пройдохи: если возникают сомнения, то надо всего лишь складывать все в частный сектор. Нет, это действительно было бы просто. Однако каждый имеет право только на крохотный кусочек ресурсов в частной зоне, а в частно-публичной — чуть больше. И поэтому делать свой выбор следует с умом.

Ну вот, я вам уже все объяснил — точно так же, как объясняют всем приезжим с других континентов, и вы будете правы, если восхититесь нашим западным прагматизмом. А вот и «дырка»: о чем же я хотел вам рассказать? Небольшое усилие, сейчас вспомню. Ах, да, о синдроме Леты. Эта болезнь появилась недавно, но она не такая уж постыдная: достаточно подключиться к Башке... впрочем, кажется, я вам об этом уже говорил... так вот, Башка ничего не забывает. И именно у нее я собираюсь навести справки относительно того, кого из моих пациентов я должен принять этим утром. Первым идет некто Леон Маринье. Что ж, пригласим его войти.

Это старик маленького роста и к тому же очень безобразной наружности. На желтом лице торчит мясистый красный нос. Даже не нос, а нечто вроде бесформенного отростка. Он настолько уродлив, что мог бы наводить страх на окружающих. Но его отвратительную внешность компенсирует вежливая, хотя и тоже отталкивающая улыбка, которая обнажает желтоватые зубы плохо вставленной челюсти.

— Добрый день, доктор. У меня проблемы с памятью. Я стал забывать имена, слова...

Я обрушиваю на него залп разных тестов. Он преувеличивает: память у него осталась великолепной. Да, есть небольшие отклонения, но не более того. Я готовлю для него серию умственных упражнений, которые следует выполнять ежедневно. В конце концов, именно для этого он и пришел ко мне. В больнице именно я — специалист по синдрому Леты. И я успокаиваю этого старикана.

— В вашем возрасте это абсолютно нормально, — я рассматриваю его карточку на экране. — Невероятно другое — то, что вы не почувствовали подобного раньше. Вы часто пользуетесь коннектором?

Он с победным видом засучивает рукав. Этот старый мальчуган не носит коннектор. Ну конечно, это вовсе не обязательно. И все-таки мой долг — предупредить его.

— Послушайте, вы уже не в том возрасте, чтобы кокетничать. Коннектор необходимо иметь всегда при себе, господин Маринье. Иначе вы рискуете стать жертвой крайне неприятных сюрпризов. Представьте себе, что на работе или в метро вы забудете, кто вы, как вас зовут и где живете.

Он корчит гримасу, которая делает его еще более уродливым, качает головой, а потом признается, понизив голос:

— На работе у меня с этим никаких проблем. Я ведь работаю на стационарном терминале. А носить эту штуку с собой... ну уж нет, увольте, я этого не хочу. Я не верю ей. Я не хочу доверять Башке ничего личного. Я записываю в нее лишь самые необходимые сведения и стараюсь пользоваться ею как можно реже. В силу своей профессии я часто думал об этом и пришел к однозначному выводу: нельзя доверять Башке!

Мне частенько приходится выслушивать от пациентов странные речи, но теперь я сбит с толку. И почему-то испытываю желание тоже понизить голос:

— Вы меня заинтересовали, господин Маринье. Объясните-ка мне это поподробнее.

— Я исхожу из одного дурацкого примера: если ваши воспоминания не совпадают с данными Башки, то кто, по-вашему, прав?

— Конечно, Башка. Она собирает данные и может сопоставить их с воспоминаниями других людей, в то время как мои воспоминания, возможно, являются ошибочными представлениями или в них произошел сбой после очередного приступа летизма.

— А вы не спрашивали себя, доктор, что бы произошло, если бы *многие* люди пришли к выводу, что какое-либо воспоминание — *одно и то же* воспоминание — не совпадает с данными Башки? Представьте, например, что вы помните, будто генерал де Голь носил усики, а Башка утверждает, что он был бородатым, и показывает вам в подтверждение этого фотографии? Один вы наверняка не будете настаивать на своей правоте. Но если таких, как вы, будет двадцать или сто человек, то вас это не встревожит?

— Нет. Во-первых, потому, что человек редко испытывает желание обсуждать с другими свои ошибочные воспоминания. Никто же не хочет выглядеть идиотом! О подобных вещах либо забывают, либо вносят коррективы в свои воспоминания, вот и все. И если бы даже у многих имелось одно и то же ошибочное воспоминание, то можно бы-

ло бы просто сказать себе, что оно основано на одной и той же исходной ошибке, вот и все! К чему вы клоните?

— Представьте, что некоторые группы — какие, я не буду говорить — могли бы фальсифицировать данные Башки. Тогда очень быстро их правда стала бы официальной истиной. Все остальные послушно скорректировали бы свои воспоминания и сведения в нужную сторону, и не было бы никаких лишних разговоров. Кое-какие упрямы, которые по-прежнему стояли бы на своем, считались бы не нарушителями, а просто немного более лезитизированными, чем все прочие.

— Напоминаю вам, однако, что доступ к данным Башки регулируется самой Башкой. И если вы введете в нее фальшивые сведения, то, сверив их со своей информацией, она сама удалит ложные факты. А иначе мы бы были отброшены к тем временам начала распространения Интернета, когда учащиеся могли быть убеждены, что Виктор Гюго — писатель XVIII века лишь на том основании, что прочли об этом в Сети. И еще я напомним вам, что существует Комиссия, состав которой обновляется каждый год и которая контролирует все злоупотребления и нарушения пользования Башкой.

— А кто назначает эту Комиссию? Башка! А кто контролирует Комиссию, вы задумывались когда-нибудь об этом? *Quis custodiet custodes?**

Он вызывает у меня легкую жалость своими невнятными подозрениями и латинскими изречениями. Все это — старый миф о заговоре олигархов, которые, манипулируя Башкой, якобы захватили власть и распространяют ложную информацию о прошлом и настоящем. И регулярно появляются фанатики, которые верят, что сделали сенсационное открытие. А правда проще и опаснее, чем они думают. И я испытываю невольный соблазн поведать своему собеседнику о моей тайной работе. Тогда у нас мог бы получиться интересный разговор. Но нет, пока еще слишком рано допускать разговоры о ней. Пусть первой об этом узнает Медицинская академия. Может быть, в следующий раз я расскажу этому старику все.

Я провожаю своего странного пациента до двери.

Кто следующий?

День сегодня длинный и дурацкий. Я постоянно возвращаюсь мыслями к этому старикашке. Как его звали?

И особенно я обдумываю свой завтрашний визит в Академию.

Ночь тянется так же, как день: бесконечно и по-дурацки, как все ночи, когда не спишь.

* *Кто сторожит сторожа? (лат.)*

Утром я открываю ящик письменного стола и достаю оттуда толстую папку. Доклад, который я собираюсь представить, отпечатан на двух сотнях страниц. Отпечатан на бумаге с помощью моего персонального компьютера и моего личного принтера. Я ведь тоже не доверяю Башке. И у меня есть на то свои причины.

Я выхожу из метро на станции Сен-Жермен-де-Пре и прохожу мимо кафе «Две маго». Там полным-полно шумных, радостных деревенских олухов, которые коннектятся, кликают, проецируют на стены свои воспоминания. Ах, если бы они знали!..

Я вступаю на улицу Бонапарта так, будто это — путь на Голгофу, и вхожу в огромный вестибюль Академии взволнованным, счастливым, сияющим от радости. Когда-нибудь и моя статуя появится здесь, я в этом уверен.

Дежурный всматривается в меня с явным подозрением. Точнее, в мою папку — как будто это какой-то неприличный предмет.

— Я врач и ученый и хотел бы представить доклад, который очень важен.

— Отправьте его через Башку, так будет намного проще.

— Нельзя, он существует только в бумажной версии.

Теперь мой собеседник всем своим видом выражает отвращение ко мне:

— Бумажной?! А почему не на папирусе? Ладно, подождите, вас примут.

Меня принимает Профессор. Он очень известен. Во всяком случае, его имя что-то говорит мне. У него вид весельчака.

— Так это вы — тот самый опасный ретроград, который хочет представить доклад на бумаге? Вы усложняете нашу задачу, потому что в этом случае Ученому совету будет гораздо сложнее оценить вашу работу. О чем же он, ваш доклад?

Резюмировать целый год исследований в нескольких фразах — довольно трудная задача, но я к этому подготовился. Я гляжу на своего собеседника без улыбки и торжественно объявляю:

— Это исследование корреляции частоты возникновения синдрома Леты с частотой использования коннекторов.

Он разражается смехом:

— Вовсе не нужно было писать об этом доклад, да еще на бумаге! И так известно, что чем человек больше поражен синдромом Леты, тем ему чаще приходится пользоваться коннектором. Это очевидно.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Все наоборот. Я доказываю, что чем больше люди пользуются коннектором, тем их все больше поражает синдром Леты. Я работал с разными объектами, проводил экспе-

рименты и уверен, что выявил эту зависимость. Я ведь специалист по синдрому Леты.

— Как и все!

Он с веселым восхищением разглядывает мое озадаченное лицо, довольный произведенным эффектом, а потом повторяет, растягивая слова:

— Ка-ак-и-все-е. Ка-а-а-к-и-фсе... Каак — это ваше имя. А Ифсе — фамилия, причем, похоже, иностранного происхождения. Хм, ваш отец, наверное, был большим шутником. Каак Ифсе — сочетание, которое не так-то просто забыть. Я говорю вам это потому, доктор Каак Ифсе, что вы, возможно, не последний, кто представляет нам доклад на эту тему. Но и не первый, поверьте. И хотя мне искренне жаль вас, но за последние два года вы уже десятый, кто претендует на так называемое открытие. И всякий раз такие доклады были отвергнуты Советом после глубокого изучения. Тем не менее оставьте у меня свой опус. Если уж вы так на этом настаиваете, я включу его в повестку дня ближайшего заседания Совета.

Он извлекает свой коннектор. Я останавливаю его:

— Нет-нет, не надо ничего записывать. Я не желаю, чтобы эта работа вносилась в Башку. Я ведь не случайно напечатал доклад на бумаге!

Он смотрит на меня, как добродетельная мать на испорченного сына.

— Я хочу быть любезным с вами, но чтобы ваши расчеты не пропали напрасно, их следует сделать доступными для членов Совета, а сделать это можно лишь с помощью Башки... Что ж, если вы этого не хотите, то я просто впишу в повестку дня следующее: «Доктор Дерен. Соотношение синдрома Леты и частоты использования коннекторов». В минимально возможном виде. Так вас устроит? И успокойтесь, я спрячу вашу папку под статуей Эскулапа в секретный люк, который открывается лишь по волшебному заклинанию. Мы будем читать его в капюшонах с отверстиями для глаз.

Я криво улыбаюсь в ответ на эту попытку рассмешить меня. Чисто французский порок: чем серьезнее дело, тем больше человек смеется над ним. Но можно ли насмехаться над результатами исследования, которое призвано буквально перевернуть вверх дном все наше общество? Через несколько дней Профессор поймет свою ошибку и принесет мне свои извинения.

Я ухожу, стараясь держаться с достоинством.

На следующий день я подключаю свой коннектор к турникету станции метро, чтобы электронный контролер вычел с моего счета

стоимость поездки, но сигнала о произведенной операции не слышно. Я ставлю отпечаток пальца на экран коннектора, чтобы заверить свою личность, но и это не помогает. В окошке меню появляется сообщение: «Личность не установлена».

Я думал, что коннектор не может выйти из строя. Во всяком случае, я никогда не слышал об этом. Я добираюсь до больницы пешком и оттуда звоню в Башку. Служащая пытается успокоить меня:

— Да нет, такие аварии иногда случаются. Редко, но бывает. Приезжайте в любое время, и мы разблокируем ваш коннектор, эта процедура займет всего пять минут.

Ехать нужно на другой конец Парижа. Я бы взял такси, но как его оплатить? Ведь все расчеты осуществляются посредством коннектора.

Я все-таки добираюсь туда на пределе сил. Мне удалось сэкономить на такси, но теперь придется разориться на новую обувь. Меня встречает техник, который, судя по его грубоватому обращению со мной, принимает аварию моего коннектора как свою личную беду:

— Вы, наверное, сделали какую-нибудь глупость, потому что эта штука никогда не выходит из строя.

— Но по телефону девушка мне сказала, что такое бывает.

— Девушка!.. Может, это она будет чинить вам коннектор? Давайте его сюда.

Нет, инстинктивный страх перед властями сильнее меня. Я изображаю на лице виноватое смущение и протягиваю коннектор своему собеседнику. Он вертит его в руках, осматривает со всех сторон и возвращает, пожав плечами:

— Посмотрим. Заверьте-ка свою личность.

Я снова ввожу отпечаток пальца, и вновь появляется все то же сообщение: «Личность не установлена». Техник сердито говорит:

— Это не коннектор сломался, а вы сами! Идите за мной.

Он быстро идет по бесконечному коридору. Я едва плетусь за ним: у меня сильно болят ноги. Глядя прямо перед собой и не поворачивая ко мне головы, как будто меня нет, техник поясняет:

— Вы исчезли из базы данных. Вас не существует.

Оказывается, это страшно неудобно — не существовать. Просто не знаю, как мне теперь вести себя, но любой ценой надо выглядеть спокойным и уверенным. Какие слова говорить? Как показать, что ты еще живешь? Я растерян. Может, я слишком преувеличенно пытаюсь казаться нормальным?

Тип впереди меня открывает дверь, нажимает кнопку звонка и оставляет меня одного в почти пустом кабинете, заверив, что ко мне скоро придут.

А потом приходит служащий. Старик. Очень некрасивый. Я сразу узнаю его. И он узнает меня. Это Маринье.

— Что ж, это очень забавно, доктор. Я не думал, что мы увидимся вновь, и так быстро, — вздыхает он. — Но на этот раз больны вы — вас не существует! Ладно, не расстраивайтесь, для этого есть я. Это моя работа.

Он записывает мое полное имя, запускает поиск и качает головой:

— Нет, вас действительно нигде нет. Знаете что? Надо отыскать вашу частную зону. Положите-ка свою руку вот сюда, на экран, и Башка, возможно, опознает вас по отпечаткам пальцев.

Нет, это тоже не помогает. Он просит меня назвать мой личный код фильтрации, однако Башка и его не опознает. У меня больше нет своей частной зоны. Я полностью стерт. Исчез, как бесполезное воспоминание.

— Ладно, тогда мы восстановим вашу личность, все данные и историю жизни, — говорит Маринье.

В течение двух часов он задает мне кучу вопросов и стучит по клавишам, как сумасшедший. Тут вся моя карьера и биография. В конце концов, жизнь человека не более чем какая-то жалкая тыщонка мелких сведений.

— Ну вот, вы и вернулись из небытия к жизни! Я дам вам временную кредитную карту для расчетов, которая будет действовать до тех пор, пока вы не получите вашу следующую зарплату и пока не будет восстановлен ваш личный счет. Не стесняйтесь, это предусмотрено в качестве возмещения понесенного вами ущерба. Конечно, сумма ограниченная, но в целом...

— Предусмотрено? Но почему? Разве подобные инциденты случаются часто?

— Очень редко. За два года у меня было с десяток таких случаев.

Десяток! А кто еще мне недавно говорил о десятке? Что ж, тем хуже для Башки, я все равно это вспомню.

— А ваш последний случай — как звали того человека? Случайно, не доктор Каак Ифсе?

От удивления лицо старика желтеет еще больше, а нос становится еще краснее.

— Откуда вы знаете? Он вам знаком? Да-да, это был он. Знаете, такое имечко не забывается. Он был таким же, как вы. Полностью стертым из памяти. Мы восстановили все его данные, и он ушел очень довольным. Наверное, у него все хорошо, раз он больше не вернулся сюда.

— А вы не могли бы дать мне его адрес? Я хотел бы встретиться с

ним. Как пропавшим без вести, нам будет о чем поговорить. Да и как врачам тоже...

Маринье запускает систему поиска. Спустя тридцать секунд его лицо вытягивается:

— Это невозможно. Технически невозможно! Он опять исчез! А, понятно... Поскольку он использовал мой терминал для повторной самоидентификации, то я найду отпечаток его пальца и его частную зону.

Он делает еще одну попытку. И теперь его нос из красного превращается в фиолетовый. Маринье в отчаянии:

— Нет ни единого следа! Ах, да, я знаю, где его можно найти. Когда я вручал ему временную кредитную карту, я записал ее в своей собственной частной зоне. Я всегда так делаю на всякий случай, для самоконтроля, если меня совсем уж стукнет по-крупному...

Старик стучит по клавишам, и лицо его наливается краской, становясь самой настоящей рабочей палитрой художника. Я уже знаю, что он мне скажет.

— Он исчез и отсюда! Но самое странное, что он не один такой: все, у кого была эта проблема, стерты из моей таблицы расходов. Посмотрите, графы пусты. Это невозможно представить! Ведь только я имею доступ к этим данным!

Я смотрю на экран. Там выведена таблица, в которой всего десять строк. И они абсолютно пусты. За исключением первой колонки под названием «Род занятий», которой удалось уцелеть. В каждой клетке этой колонки написано всего одно слово: «Доктор». Значит, моих предшественников было десять человек, и все они, как и я, были врачами. И кажется, я догадываюсь, по какой врачебной специальности они работали. Я наконец-то понял то, что раньше лишь смутно предчувствовал.

— Ну что же, господин Маринье, я думаю, что заставил вас потерять целых два часа на всякую ерунду. Вы можете сколько угодно искать мое имя, но думаю, что оно вновь пропало. Помните о том разговоре, который состоялся между нами в понедельник? Вы тогда были слишком оптимистичны. Нет никакой олигархии, которая манипулирует Башкой. Это не олигархия, а монархия.

— А кто же монарх? Кто управляет Башкой?

— Никто.

Старик глядит на меня с заметным разочарованием. Он предпочел бы, чтобы действительно существовали какие-нибудь злодеи.

— Не смотрите на меня так, господин Маринье. Я тут ни при чем. Я всего лишь рядовой врач. Еще один из тех, до кого дошло, что ра-

ди сохранения контроля над своим мирком компьютерная система создает у людей абсолютную зависимость посредством синдрома Леты. Она неслучайно знает все наши тайны — ведь мы сами беспечно доверяем их ей. И она изменяет информацию всякий раз, когда ей это нужно.

— Но как Башка могла распространить этот синдром Леты?

— Не знаю. Но теперь, когда понятно, откуда взялся этот синдром, нужно покончить с ним. Да, конечно, Башка будет защищаться. Она уже защищается. Она изымает из своей памяти всех тех, кто, как я и прочие с именем Каак Ифсе, пытается ограничить ее власть или хотя бы взбунтоваться против нее. Она делает недействительными их научные труды, рассматриваемые Академией, и стирает их из памяти. Понимаете, для нее я уже не существую, а значит — умер и больше не опасен.

Маринье вежливо провожает меня до двери. Ему явно хочется, чтобы я поскорее ушел.

— Будьте осторожны, доктор, — говорит он. — Вы еще не так мертвы, как думаете. Возможно, для Башки вы еще не полностью умерли. Но она может этого добиться. Ведь Башка контролирует столько вещей в этом мире... Например, оборвется и рухнет в шахту ваш лифт. Или у вашего кибертакси внезапно откажут тормоза. Так что будьте осторожнее.

Не знаю почему, но мне хочется обнять его. И я делаю это и еле слышно выдыхаю старику на ухо:

— Вы тоже будьте осторожны.

— А я-то почему?

— Вы полагаете, Башка не заметила, что, восстановив меня в ее памяти, вы пытались отыскать следы всех Каак Ифсе? Вы думаете, это не встревожило ее? Она стирает из памяти все, что противоречит ее целям. И всех тех, кто знает, что ей можно противоречить. Будьте же осторожны, Маринье.

В коридоре мы расстаемся, и каждый из нас уходит, согнувшись под грузом своего страха.

Кстати, вам тоже следует быть осторожными — ведь вы прочли мой рассказ. Я не могу обнять вас всех, но, пожалуйста, будьте осторожнее! Особенно, если вы читали этот текст прямо с экрана компьютера.

**Перевел с французского
Владимир ИЛЬИН**

С Е Р Ж Б Р Ю С С О Л О

ВИД БОЛЬНОГО

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

ГОРОДА В РАЗРЕЗЕ

1.

Реклама мотеля на обочине автотрассы внезапно вспыхнула, бросив цветные блики внутрь погруженного в темноту бунгало. Джордж упал на неприбранную постель рядом с набитыми под завязку чемоданами, которые оставалось только затянуть ремнями. Он повернулся лицом к светлому прямоугольнику двери, в проеме которой был виден край умывальника. До него доносилось хриплое дыхание Энны, усиленное, словно резонатором, небольшим объемом ванной комнаты. Ему нетрудно было представить Энну — обнаженная или в одной майке с эмблемой боевой школы на груди, крепко упирающаяся руками в плитки пола, посыпанного опилками. Мощное дыхание ритмично подчеркивает очередной отжим из неизвестно какой уже сотни... В квадратном зеркале, поставленном, как обычно, на пол, она следит за собой безжалостным взглядом, стараясь не упустить малейшую слабинку. Подстриженные короткой щеткой соломенно-желтые волосы стали мокрыми от пота, который уже заливал впадины лица и блестящими капельками повис на бровях. Может быть, конечно, в солончатом привкусе на ее губах виновны слезы, а не пот...

Она неожиданно возникла в дверном проеме, загородив свет.

— Что ты тут делаешь в темноте?

Ее голос прозвучал на более высокой, чем обычно, ноте, что придало фразе едва заметный оттенок фальши. По металлическому позвякиванию Джордж понял, что она взяла с блюдечка на ночном столике обручальное кольцо, которое всегда снимала перед тренировкой. Мягкий шорох скомканного полотенца. Стук захлопнутой крышки чемодана... Он был рад, что темнота скрывала их друг от друга, хотя Энна вообще-то никогда не стеснялась проявления своих чувств. Они не обменялись ни одним словом за все время, пока Джордж возился с чемоданами. Потом Энна забросила их в багажник машины, и Джордж в последний раз прислушался к недалекому, сразу за автотрассой, морю: его негромкий шум доносился только в коротких паузах между рычанием моторов и шуршанием шин по асфальту, местами присыпанному песком. Период отпусков подходил к концу, скоро должны были отключить солнечные аккумуляторы, чтобы дать им возможность подзарядиться. Надвигалась осень.

Шесть лет, шесть встреч в одном и том же мотеле... Пребывание здесь всегда сводилось для Джорджа к пустым ночам, заполненным одним ожиданием. И таких ночей каждый раз было ровно тридцать...

Машина мчалась сквозь ночь. Он следил, не отрываясь, за игрой мускулистых рук Энны на дуге руля.

— Нужно будет заказать рентген, — пробормотала она, словно размышляя вслух.

Джордж послушно набрал номер телефона на приборном щитке и после нескольких повторов передал заказ автоответчику агентства, явно испытывавшему наплыв клиентов. Потом они молчали до пригорода, где санитарная служба начала устанавливать палаточный лагерь для тех, кого служба безопасности обозначала эвфемизмами «изгнанники» или «нуждающиеся в убежище».

Нервно шумевшая публика выстраивалась в очереди к мигающим всеми огнями машинам «скорой помощи»; мужчины и женщины, еще не расставшиеся с одеждой отпускников, ожесточенно спорили за место в палатке, спальные мешки и наборы для завтрака.

Энна была вынуждена притормозить, пропуская грузовик, нагруженный пляжными зонтиками, лежаками, сачками и надувными прогулочными лодками, направлявшийся к пасти огромной печи для сжигания мусора. Джордж попытался поднять стекло, но опоздал. Имя Энны пронеслось над толпой, и множество потных рук тут же прилипло к кузову автомобиля. До их ушей долетали обрывки фраз: «...мы не слишком богаты, но есть кое-какие сбережения... если можете вернуть квартиру... вилла перешла ко мне от матери... готов на все, только помогите вернуть... заплачу, сколько скажете...».

В машину уже летели визитные карточки и клочки бумаги, покрытые торопливо нацарапанными адресами и цифрами предлагаемых сумм. Джордж машинально просмотрел несколько бумажек. Да, есть суммы просто чудовищные. Люди, охваченные отчаянием, готовы на все.

Энна раздраженно помотала головой. На ее лице появилось жесткое выражение. Она нажала на педаль газа, и руки одна за другой отстали от кузова. Вслед машине полетели ругательства, но лагерь беженцев быстро скрылся позади, поглощенный темнотой.

Джордж с облегчением прикрыл глаза. К счастью, они возвращались поздно вечером, и он мог не смотреть на дом. Впереди виднелась только темная масса с еще более темными пятнами окон, иногда отбрасывавших бледные отблески. Остановив машину, Энна долго всматривалась в здание, словно собираясь задать какой-то вопрос. Джордж нашупал в нагрудном кармане плоский ключ от двери в подвал. От своих владений.

Руки Энны оставляли на рулевом колесе влажные следы. Никогда еще во время возвращения из отпуска Джордж не видел ее настолько встревоженной, и это вызвало у него ощущение странного недомогания. Его глаза непроизвольно вопрошали выпуклости обнаженных

бицепсов, крепкие запястья, широкие плечи... Как всегда, все в Энне дышало сдерживаемой мощью. Он встряхнулся.

Шины зашуршали по гравию стоянки. Они приехали.

Джордж опустил голову и водрузил на нос блестящие стекла солнцезащитных очков-поляроидов. Так он надеялся увеличить плотность ночного мрака, заставить исчезнуть этот дом...

Медленно шагая от ворот до крыльца, он упорно не поднимал взгляда от розовых плит, неровной полосой пересекавших лужайку. Остановился перед невысоким крыльцом, металлические перила которого казались странно гибкими на ощупь. Венчавшая их отвратительная собачья голова из голубоватого металла отсвечивала незнакомым блеском. Он старался отыскать в памяти — было ли нечто подобное в прошлом, проявлялись ли похожие симптомы так близко к улице? Его размышления прервал голос Энны, пытавшейся по мобильному телефону добиться от службы рентгеноскопии срочного выполнения заказа.

Он еще раз покопался в памяти, рассчитывая вспомнить в поведении жены такие же признаки нервозности, тревоги или даже страха после предыдущих возвращений из отпуска, но ему пришлось столько лет прожить за гранью повседневной реальности, что не удалось извлечь из памяти ничего, кроме массы расплывчатых образов, вполне возможно, вымышленных.

Энна крикнула что-то. Несколько секунд он соображал, в чем дело, пока не понял: она указывает ему на запасной домик в саду. Энна — явно из осторожности — не хотела входить в дом сегодня вечером.

Джордж пожал плечами, пользуясь покровом темноты. Он не любил это бунгало, как его называла Энна. Небольшое низкое строение, напоминавшее каземат, возведенное из каких-то синтетиков, несгораемых и невосприимчивых к любому заражению — по крайней мере, так считалось до последнего времени. Обустройство бунгало обошлось им в целое состояние.

Джордж направился в ту сторону, по-прежнему не отводя взгляда от неправильного контура розовых плиток.

Похоже, Энна не собирается отпирать дом до завтрашнего утра... Он с сожалением нащупал в кармане небольшой плоский ключ от подвала. Ладно, можно и подождать.

* * *

Рентгеновская служба приехала этой же ночью, что вызвало у Энны раздражение, хотя она сама добивалась срочного выполнения за-

каза. Было слишком светло из-за полной луны и звездного неба, что обычно снижало надежность рентгеновского исследования. Она не преминула указать на это обстоятельство девушкам-лаборанткам, размещавшим на стенах дома источники рентгеновского излучения, но те не посчитали нужным отреагировать. Эльза, руководитель бригады, объяснила ей по телефону: не может быть и речи о том, чтобы дожидаться наиболее подходящего момента для рентгеноскопии. Необходимо учитывать постоянно растущее количество заказов на проверку зараженности зданий. В последнее время в норму вошел жесткий график работы, и если бы не авторитет боевой школы, к которой принадлежала Энна, ей пришлось бы долго ждать или воспользоваться услугами одной из многочисленных подпольных лабораторий, надежность исследований которых обычно не достигала и 50 процентов.

Через пару дней Энна получила конверт, доставленный мальчишкой на велосипеде; он на ходу швырнул пакет в окно кухни. Немного волнуясь, она закрылась в кабинете, включила стол с подсветкой и разложила на нем негативы. Их было десять, но пять пришлось сразу же отложить в сторону из-за плохой резкости. Затем она принялась тщательно изучать оставшиеся с помощью сильной луны. На снимках дом выглядел весьма необычно, так как все внутренние перегородки и предметы мебели, выглядевшие полупрозрачными, накладывались друг на друга, придавая строению неустойчивый фантомный облик. Местами снимки с завораживающей точностью фиксировали присутствие различных предметов, спрятанных в потайных шкафчиках и нишах — например, коллекции старинных миниатюрных револьверов с Андромеды, за которую Джордж заплатил сумасшедшую сумму, ручной домашней клешни, вероятно, уже давно задохнувшейся, и других столь же необходимых в хозяйстве вещей.

Луна медленно перемещалась, увеличивая изображение и тщательно обследуя каждый квадратный сантиметр поверхности снимков, но Энне все еще не удавалось обнаружить ни одного зараженного участка. Паркет, балки перекрытий, трубы отопления выглядели незатронутыми. Несколько озадаченная, Энна достала из бюро негативы, отснятые в предыдущие годы — у нее накопилось несколько папок, забитых снимками и записями. Самыми информативными оказались рентгеновские снимки, на которых зараженные зоны выглядели большими черными пятнами с расплывчатыми контурами. Можно было подумать, будто рой злобных пчел избрал местом жительства пустоты в стенах. В этом же году дом выглядел здоровым, погруженным в спокойный сон. Но Энна знала, что такого не может быть. Что же тог-

да? Хитрость? Экономия энергии в предвидении яростных и долгих схваток?

Энна еще некоторое время изучала негативы, но вскоре была вынуждена выключить подсветку, так как пленка начала коробиться от высокой температуры. Чтобы избавиться от беспокойства, сильным зудом отзвывавшегося в солнечном сплетении, она решила произвести разведку нижнего этажа. До сих пор она ни разу не подвергалась нападению на этом уровне и могла считать себя в относительной безопасности от неприятных сюрпризов. Пройдя коридором, она вошла в помещение, заставленное полками, на которых за многие годы скопилось множество самых разных предметов — боевых трофеев, почетных наград и других сувениров.

Попытавшись включить освещение в зале трофеев, она увидела толстый слой плесени на полусфере выключателя, и сразу поняла — не стоит надеяться на то, что вспыхнут неоновые пластины, покрывающие потолок.

Дверь, обшитая кожей с металлическими заклепками, медленно и беззвучно захлопнулась за ее спиной, и она очутилась в абсолютном мраке, где на заставленных серебряными и хрустальными кубками полках не мог вспыхнуть ни малейший отблеск. В помещении даже изменился запах. Она безуспешно пыталась уловить стойкие волны запаха грубого табака или тяжелый аромат хранившихся в фаянсовых вазах листьев, которые она так любила жевать вечерами в компании Элен и Марты.

Элен... Марта...

Зал трофеев — то место, где она провела не одну ночь перед очередным ожидавшим ее серьезным испытанием. Сколько сценариев жестоких схваток обдумала она здесь, свернувшись клубком в кожаном кресле, не пытаясь охладить пылающую голову и успокоить сильно бьющееся сердце. Она отмечала на рентгенограммах опасные зоны, где в любой момент дом мог брызнуть на нее смертельным ядом.

Ее мышцы, словно вспомнив навсегда въевшиеся в них боевые рефлексы и уловив пропитавший помещение дух былых сражений, взялись за дело. Ее рука сама собой растегнула пояс из грубой ткани, плечи шевельнулись в распахнутом воротнике, сбрасывая на пол платье. Она всегда придерживалась старинной традиции своей профессии, согласно которой амазонки должны сражаться обнаженными, не применяя никаких защитных средств. Именно это отличало ее школу от многочисленных санитарных фирм, чьи служащие навешивали на себя панцирь из пуленепробиваемых пластин и закрывали лицо прозрачным забралом. Они обычно полностью разрушали зара-

женные дома, причем под прикрытием специальных щитов из жаростойкой брони.

Ее удивила царившая в комнате сырость, на которую тело отозвалось гусиной кожей. Вытянув вперед руки, она вслепую двинулась к противоположной стене, ожидая обнаружить кончиками пальцев гладкие металлические выпуклости призовых кубков, беспорядочно расставленных на полках. Но кубки оказались шероховатыми на ощупь из-за пленки рыхлых окислов и грубыми, словно ее собственная кожа. В какой-то момент она почувствовала соблазн сравнить выпуклости своей груди и металлической полусферы, по которой пробежали ее пальцы. Запах плесени внезапно хлынул на нее со всех сторон, с разбухших от сырости стенных панелей, пола и потолка.

Энна решила не снимать трусики и села в оказавшееся на пути кресло, стараясь не прикасаться к кожаной спинке, наверняка покрытой плесневыми грибками. Ни один луч света не нарушал абсолютную темноту, и когда она закрыла глаза, то не уловила никакой разницы. Сейчас ей нужно было сконцентрироваться, ощутить свое тело, подобно тому, как стараются почувствовать новую одежду в примерочной кабинке, определить недостатки, узкие места. Складку на спине, слишком грубый шов... Если до сих пор «примерка» проходила без проблем, то сегодня она колебалась, буруеваемая недобрыми предчувствиями... Ее пальцы, затвердевшие в результате солевого массажа, жестко вонзались в мышцы бедер и живота, проверяя надежность мускулов и гибкость суставов.

Инстинкт подсказывал ей, что она не обнаружит ничего подозрительного. Ни один мускул не расслабился, не появилось ни одной жировой складки...

В чем же дело?

Весь отпуск она напрасно допытывалась ответа у зеркала в ванной мотеля. Она заплатила приличную сумму местному изъеденному моллю фотографу, чтобы он сфотографировал ее обнаженной в разных ракурсах, но даже пачка снимков ничего не объяснила. На всех фотографиях она выглядела «весьма достойно» со своим крепким мускулистым телом, прочными связками и коротко подстриженными жесткими волосами.

Стоило, наверное, поменять эксперта, «привлечь свежий мужской взгляд», как часто говорила Марта. Может, тогда ей удалось бы обнаружить какие-нибудь незначительные признаки старения, вроде пятен на коже или припухлости мышц? Начало образования старческой маски, в результате чего вскоре должны появиться идущие к уголкам рта резкие, похожие на шрамы морщины...

Возможно, только у мужчин имеется инстинкт, это предзнание, позволяющее определить начало старения. А она напрасно бьется в поисках явных следов, когда имеются только зародыши симптомов.

Она...

Она попыталась встряхнуться. После окончания учебы азарт охоты овладел ею с такой силой, что почти полностью подавил сексуальный инстинкт. Впрочем, такое явление было весьма распространенным, она отнюдь не считала себя исключением. Когда она вышла замуж за Джорджа, необходимость заниматься любовью по меньшей мере один раз в неделю была для нее неизбежным наказанием. Впрочем, почему она вышла замуж совсем юной, в двадцать два, нет, в двадцать три года, едва закончив период легальной охоты? Теперь она должна была признать, что дом, который принес с собой молодой человек в качестве приданого, был решающим фактором выбора. Ведь многие амазонки, не имея собственного жилья, оказывались вынужденными предлагать свои услуги разным городам за совершенно жалкую плату. Конечно, в те времена пораженные болезнью дома были достаточно редки. В свое время особняк Джорджа, с его колоннами и балконами, с многочисленными лестницами и лоджиями, с путаницей темных коридоров, с лабиринтом подвальных помещений, буквально заворожил ее. В ее воображении уже рисовались планы будущего театра военных действий, схемы будущих сражений, жесткие стратегии, внезапные стычки. Конечно, в то время строение не было заражено, но достаточно подождать... Вот она и дождалась.

В школе она сразу же примкнула к тем, кто не желал продавать свои знания и умения. Она рассматривала свою профессию амазонки как своего рода искусство. Останься она без собственного жилья, ей пришлось бы снимать квартиру или вступить в ассоциацию санитарной очистки, что фактически привело бы к тому же. Только обладая собственным жильем, она могла свободно отдаваться своей профессии, разрабатывать и применять свои приемы, не заботясь о статистике результатов.

Прошли годы, в течение которых она сражалась в самых разных домах, преимущественно в богатых особняках самой необычной архитектуры, отказываясь от платы, но настаивая на сражениях, достойных ее таланта. Ее имя уже приобрело достаточную известность, когда наступила очередь собственного дома. С тех пор как он оказался заражен, она отказывалась от всех заказов, отдаваясь полностью личному полю боя. Элен и Марта осуждали ее за подобные аристократические манеры, но их критика, скорее всего, была вызвана завистью. Как бы там ни было, она не понимала, почему ее таланты должны

были крепнуть после атаки на завод, после лишенной какой-либо утонченности схватки, которую она обычно называла «артиллерийским налетом».

Течение ее мыслей внезапно нашло иное русло. Она подумала, что отныне является последней представительницей легендарной «эскадрильи». Раньше рядом с ней были рассудительная Элен, Марта, карьера которой считалась образцовой, малышка Эстер, гениальная во всем, что касалось устройства ловушек, но неспособная выдержать продолжительную схватку... И еще шведка Инж, которая не могла справиться с домом, не разрушив его полностью.

Несмотря на опыт и знания, несмотря на их мужество, все они исчезли. Энна знала, что ее необычный для амазонки столь продолжительный период активной деятельности, на который приходилась не одна сотня схваток, был результатом великолепной физической формы, идеального равновесия между душой и телом. И вот теперь это равновесие нарушено...

Она вздрогнула. Темнота начала угнетать ее. Поднявшись на ноги резким движением, от которого кресло откатилось назад, она направилась к двери. Створки, оббитые медными пластинками, со скрипом распахнулись, впустив в комнату свет из коридора. Она нервно сдернула с себя трусики, пропитавшиеся запахом плесени, и заторопилась в душ, чтобы скорее почувствовать на теле струи горячей воды.

На площадке второго этажа она столкнулась с Джорджем, спускавшимся вниз. Они молча разошлись под аккомпанемент поскрипывающих лестничных ступенек и разошедшихся дощечек паркета. Джордж держал в одной руке небольшой латунный ключ, а в другой школьный учебник в яркой обложке, который приобрел этим утром в небольшой полузаброшенной книжной лавчонке. Он присел на последнюю ступеньку, положил рядом с собой ключ и раскрыл книгу — учебник по географии, или истории, или, может быть, по гражданскому праву. Джордж так и не сумел определить тематику, настолько разносторонним было содержание. Впрочем, для него это не имело значения. Его внимание сконцентрировалось на двух страницах центрального разворота. Здесь на большой иллюстрации был изображен город в разрезе. Поверхность с улицами и зданиями и подземная часть. Дома в разрезе напоминали деревья; под их основаниями можно было видеть два симметрично расположенных выроста, похожих на толстые извилистые корни. При внимательном изучении картинки можно было разобрать, что художник изобразил какие-то странно устроенные туннели. Такие «норы» имелись почти у

каждого здания. Под рисунком размещалась подпись: «Вид больного города в разрезе».

Джордж находил эту картинку великолепной.

Он выпрямился, отложил книгу и взял ключ.

Стоило ему открыть дверь и остановиться в полумраке, как он почувствовал себя в странном мире. Дом можно было сравнить с айсбергом, лишь небольшая часть которого возвышалась над уровнем тротуара. Справа и слева от него домашний компьютер, снабженный строительными модулями, соорудил две уходящие вниз совершенно одинаковые лестницы, поразительно напоминавшие спуск в метро. Казалось, будто лестницы предлагали проводить вас на две разные линии, последние станции которых находились в противоположных концах города. Это было начало построенной компьютером постоянно развивающейся под асфальтом сети комнат и коридоров, медленно пробивающей себе путь в толще земли подобно корням дерева.

Джордж выбрал правую лестницу. С этой стороны отклонения сразу же бросались в глаза; комнаты, следующие друг за другом подобно вагонам поезда, были как будто подвержены болезни, проявлявшейся в уродливых искажениях пропорций. Иногда в огромной ванной комнате, занимавшей половину квартиры, в ряд выстраивались шесть-семь совершенно одинаковых ванн. В центре туалета, размером десять на пятнадцать метров, возвышался унитаз, напоминавший скорее памятник, чем устройство известного назначения. В то же время гостиная вместе с библиотекой на тысячу томов свободно могли бы разместиться в стенном шкафу, при этом каждый предмет обстановки уменьшался компьютером до кукольных размеров.

Джорджу нравилось постепенно продвигаться вперед, переходя из одной квартиры в другую. В некоторых из них отклонения принимали неожиданные формы. Так, детская с кроваткой, цветными кубиками и плюшевым мишкой повторялась четыре-пять раз подряд, но при этом размеры каждого предмета постоянно менялись. Детская кроватка была то не больше обычной, то увеличивалась до размеров бомбардировщика; розовый плюшевый медвежонок был похож размерами сначала на брелок, затем на взрослого гризли. Чем дальше продвигался Джордж, тем очевиднее становилась для него неспособность компьютера ориентироваться в размерах предметов и помещений. Иногда он был вынужден пробираться ползком по лилипутским комнаткам, опрокидывая при этом микроскопические предметы обихода и книги, которые ему пришлось бы читать с помощью микроскопа, возникни у него такое желание.

Все началось с того, что его дом, как и все остальные дома города, был подключен к Прогностическому компьютеру, который должен был изменять среду обитания жителей дома в соответствии со своими расчетами условий наиболее вероятного будущего. Так, высокая степень возможности холодной зимы вызывала постепенное утолщение стен, утепление полов, окон и дверей. На крыше начинал расти второй слой черепицы, еще одна дымовая труба медленно пробивалась через бетон, подобно растению на грядке.

Домашние компьютеры, руководствуясь его указаниями и внося свои дополнения, меняли структуру жилища, приспособлявая ее к результатам прогноза, и все были довольны, пока однажды электронике не зашкалило.

По неизвестной причине компьютеры стали постоянно отодвигать в будущее сроки, к которым относились их прогнозы, пустившись таким образом в самые фантастические измышления. Каждый дом превратился в настоящий центр по разработке долгосрочных прогнозов. Каждый компьютер, черпающий из различных внешних источников научную, политическую и социологическую информацию, повел себя как профессиональный футуролог.

Джордж присел на минутку. Длинный путь, проделанный им на четвереньках через лилипутские апартаменты, оставил болезненные ссадины на локтях и коленях. По мере продвижения вперед все заметнее становились изменения не только в обстановке квартир, но и в материалах, применявшихся для их строительства. Джордж явно выходил за пределы современности. Похоже, что в эту эпоху жилье оборудовалось по каким-то иным критериям. Так, например, в стеновых шкафах он встречал уже не привычные пальто, плащи и куртки, а ряды противогазов и резиновых дубинок. Все двери были обшиты стальными листами, почти в каждой комнате можно было увидеть не только продовольствие, но и боеприпасы.

Джордж решил немного отдохнуть. Для этого вполне годился матрас, валявшийся на полу в углу одной из комнат. Но едва он улегся, как матрас стал расплзаться под его весом, бесстыдно вываливая наружу свои потроха из серой шерсти. Приложив палец к бетонной поверхности стены и слегка надавив, словно на кнопку звонка, Джордж с изумлением увидел, как его палец стал медленно погружаться в стену, словно это было сверло электродрели. Вскочив на ноги, он снял со стены штурмовую винтовку М-16; ее ствол оказался гибким, словно металл приобрел свойства резины. Это явление, впрочем, было довольно обычным для подземного мира. Дома, непрерывно развиваясь в погоне за быстротекущим временем, снова и

снова использовали одни и те же материалы. Чем дальше в «будущее» уходил фронт работ, тем сильнее разрушались и приходили в негодность материалы, использованные для строительства домов в «прошлом». Каждая молекула материала из этого «прошлого» рано или поздно снова шла в дело на той стадии, которую в данный момент компьютер рассматривал как наиболее важную, для использования в самых «современных» конструкциях. Таким образом, окружение жильцов, находившихся в своем нормальном настоящем, подвергалось непрерывному и достаточно быстрому разрушению. Поскольку скорость строительства «будущего» компьютерами становилась весьма значительной, некоторые здания буквально рассыпались на глазах. Достаточно было стукнуть кулаком по стене, чтобы рухнул фасад; пригоршня градин, брошенная порывом ветра на крышу, свободно пролетала через все этажи и оказывалась в подвале, чтобы растаять там.

К счастью, в доме Джорджа до этого еще не дошло. Самое большее — это стулья, время от времени прогибавшиеся под его весом; но ему никогда не приходилось, как это случалось с соседями, зайти в ванную комнату и тут же очутиться в холле этажом ниже. Он знал, что эта заслуга принадлежала Энне. Она не однажды шла на огромный риск, чтобы притормозить деятельность компьютера, хотя остановить его полностью ей все же не удавалось.

Джордж заколебался, прежде чем открыть очередную дверь, через которую можно было попасть в следующую квартиру. Вообще-то он опасался проникать в слишком отдаленное «будущее», но на этот раз любопытство оказалось сильнее. Очередная квартира была погружена в полную темноту, и сколько он ни шарил по стенам, ему так и не удалось нащупать выключатель. Пришлось удовольствоваться грубым подобием факела, который он смастерил из подвернувшихся тряпок и ножки от стола. В танцующем свете факела он увидел, что в этом «будущем» полностью отсутствуют электрические лампочки, лампы дневного света и вообще какие-либо осветительные приборы. На вбитых в стенки крючках рядами висели темные очки для сварщиков — похоже, что они стали наиболее важным предметом обихода. Джордж снял одну пару и увидел, что изнутри стекла покрывал толстый слой совершенно непрозрачного лака, словно компьютер старался таким образом защитить своих подопечных от господствовавшего снаружи невыносимо яркого света. Или же дело было в том, что обитатели квартир перестали выносить даже самый низкий уровень освещенности. Кроме того, как он ни старался, ему не удалось найти ни одного зеркала.

Чувствуя себя весьма неудобно, Джордж все же распахнул дверь в следующую квартиру. Он сразу же заметил толстый слой свинца на стенах и потолке. Освещение здесь обеспечивала лампочка всего в несколько ватт. Но больше всего его встревожила одежда странных фасонов, обнаруженная в шкафу. Это было нечто вроде туник с отворотами, назначение которых ему не удалось определить, с рукавами необычной длины. Очень странными оказались и головные уборы...

Его охватил страх, и он двинулся назад, старательно затоптав остатки своего факела. Вскоре он вынырнул на поверхность из «спуска в метро». Второй вход позволял проникнуть в гораздо менее тревожный мир. Очевидно, домашний компьютер, утративший способность ориентироваться во времени, систематически создавал в своем продвижении в будущее последовательность квартир, соответствовавших временной регрессии. По неизвестной причине все квартиры с этой стороны были подготовлены к празднованию Рождества. Тем не менее вспомогательные компьютеры не слишком успешно справились со своими обязанностями, и Джордж отметил ряд несоответствий как в обстановке помещений, так и в их хронологической последовательности. В некоторых комнатах гирлянды заполняли все свободное пространство, покрывая стены и предметы обстановки. Модель рождественских яслей была увеличена до естественных размеров, и ее заполняло необычно большое количество действующих лиц. Именно здесь Джордж подвергся нападению стада взбесившихся быков и ослов, ревущих во всю мощь своих динамиков и топчущих массу электронных деталей, останков того, что должно было составлять Марию, Иосифа-плотника и, может быть, самого Иисуса.

Время здесь иногда описывало удивительные спирали, так что нередко после обстановки, соответствующей викторианской эпохе, можно было очутиться в окружении античных колонн. Джордж редко спускался в эту часть подземелья, так как его любопытство не находило пищи в бесконечном повторении уже виденного.

* * *

В тот самый момент, когда Джордж выбирался из подвала, в одной из нор «будущего» в нескольких десятках метров под его ногами Арн Сивелко уткнулся лицом в матрас, вцепившись руками в валившуюся в изголовье постели подушку. Охваченные судорогой фаланги пальцев оставались белыми от напряжения в течение долгой минуты, но потом приступ прошел. Когда он снова почувствовал себя хозяином своего тела, то отшвырнул влажную от пота простыню, встал и направился к дверям, не включая освещение. Правда, любая

лампочка была способна залить комнату ослепительным светом; простого ночника было достаточно, чтобы осветить городскую площадь в безлунную ночь. Чтобы не рисковать сетчаткой глаз, приходилось жить вслепую. Стояла невероятная жара — где-то между 60 и 65 градусами по Цельсию. С того момента когда Арн оказался в этой квартире, он потерял килограммов пятнадцать, не меньше. Он не находил себе места не только из-за жары — постоянная высокая влажность и недостаток кислорода в помещении заставляли его бесцельно блуждать из комнаты в комнату с широко открытым ртом. С недавних пор он то и дело ощущал резкую боль, пронизывавшую грудь на уровне сердца. Сильва, его жена, сутками не вылезала из ванны. Лежа в теплой воде, она перелистывала при свете свечи старые журналы. Они давно почти не разговаривали — слишком много энергии нужно было затратить на обычную ссору. Интенсивность испарения обычно достигала критического уровня к ужину. Арн видел, как стакан с водой пустел в течение часа. Сильва только пожимала плечами, когда он пытался рассказать ей о своих наблюдениях. Она считала, что небольшой сеанс сауны никому еще не причинил вреда.

Один сеанс — возможно. Но если он затянулся на три месяца? Временами Арн задавал себе вопрос — долго ли он сможет сдерживать желание окунуть Сильву с головой в ванну и держать, держать ее под водой, пока?.. Потому что в случившемся была виновата только она. Когда Сильва не смогла дольше выносить зрелища разрушавшейся у них на глазах виллы, но продолжала считать унижительной назревавшую необходимость перебраться в ближайший лагерь беженцев, она убедила его переселиться в подземную часть дома, в его «корни». Он согласился, хотя и без особого энтузиазма, потому что давно привык к жутким условиям жизни на поверхности. Впрочем, предложение Сильвы было не лишено смысла.

Поскольку дому для продолжения строительства постоянно требовались материалы, которые он забирал позади фронта работ, достаточно было перебраться в наиболее свежий вариант жилья, чтобы иметь в своем распоряжении максимально возможный комфорт. И сначала все действительно было хорошо, но когда через некоторое время стены комнат снова превратились в решето, стулья начали прогибаться под грузом тел, а пол проваливаться под ногами, им пришлось в очередной раз переселяться вперед. В итоге они попали в замкнутый круг — чем дальше продвигал дом фронт своих работ, тем покорнее они были вынуждены подчиняться ему, не только меняя одну квартиру за другой, но и переходя из одной эпохи в другую. Им

приходилось принимать все фантазии электронного мозга о времени, об условиях жизни, об обычаях, о питании будущих поколений. Они должны были жить в самых диких условиях, когда день продолжался пять часов, а ночь — три, приспосабливаться к температуре в помещении, опускавшейся до минус 10 градусов, ползать в комнатах высотой не более 60 сантиметров...

Конечно, Арн с радостью вернулся бы на поверхность, но оставшийся позади длинный туннель, образованный цепочкой квартир прежних стадий эволюции, давно обвалился. Они были обречены продвигаться только вперед, постоянно перемещаясь во все новое и новое «будущее».

Таким же образом поступили и многие другие горожане, надеявшиеся сохранить привычный комфорт. Теперь они были вынуждены менять эпоху каждый квартал, если не каждый месяц, приспосабливаясь к условиям жизни «будущих поколений». Арн знал, что вскоре им придется в очередной раз открыть дверь в смежную квартиру и проникнуть в жильё, которое компьютер будет рассматривать как наиболее соответствующее его последним теориям об эволюции человека и среды его обитания. Арн боялся этого момента, потому что невозможно было предугадать, в каких условиях им придется жить — может быть, в грязевой ванне, как это уже случилось однажды? Возможно, им придется питаться отвратительной смесью, составленной компьютером из корней растений, насекомых, крыс, улиток и земляных червей. Или он будет превращен в заплывшую жиром тушу, приспособленную к пониженной силе тяжести в квартире. Перестанет ли он снова различать цвета? А вдруг его поразит акроцианоз, и он с ужасом будет наблюдать, как синеют его конечности из-за внезапного замедления тока крови в сосудах? Может быть, усиление деятельности гипофиза приведет к разрастанию костей лица, рук и ног? Если, конечно, его не поразит агнозия, и он просто не сможет пользоваться основными органами чувств... Нечто подобное уже случалось с ним в прошлом, когда внезапно он полностью утратил обоняние и вкусовые ощущения... А однажды он потерял способность читать... Можно было не сомневаться, что его ожидают новые эксперименты, все более и более абсурдные, вызванные добавлением каких-то химических веществ к питьевой воде или бесцветной и безвкусной массе, составлявшей их основную пищу...

Компьютер на свой лад приспособлял человека к своим безумным и постоянно меняющимся идеям. За полгода для него прошло двадцать столетий; за это время он переживал несколько ядерных войн, каждая из которых, как представлялось машине, требовала

«подгонки» организма человека к изменившимся условиям среды. Иногда Арн замечал, что температура его тела понижалась или повышалась, и тогда он жил в состоянии апатии или постоянной лихорадки; случалось, его скручивали судороги, и он с ужасом думал, что это начало агонии...

Компьютер давно считал его не человеком, а мутантом, и приспособлял жилье к потребностям этого гипотетического существа будущих столетий. Машина неслась вперед, закусив удила, не в состоянии осознать, что опережает время на 20 000 лет... И при этом непрерывно рассчитывая вероятности возможных событий...

«В эту эпоху Солнце будет находиться на стадии угасания, и жители Земли должны приспособиться к температурам, опускающимся до -100° С. Освещенность при этом упадет почти до нуля, и начнут развиваться формы жизни, лишённые органов зрения...»

В то время как Арн перемещался из одной квартиры в другую, перед ним проходили века, вся будущая история человечества, испытывающего серьезнейшие мутации; одна эпоха сменяла другую, и он то и дело попадал в обстановку, в которой совершенно не представлял назначения окружающего его предметов. Только телефон, неизменно сохранявшийся чудесным образом (может быть, он был табу для компьютера?), позволял Арну сохранять связь с поверхностью. Он мог в любой момент снять трубку и вызвать кого-нибудь сверху. Так делали многие, но он... Он полностью утратил ощущение реальности. Его давно перестали интересовать перипетии политических схваток, кризисы и проблемы экономики верхнего мира. Он жил далеко от всего этого, невероятно далеко, на расстоянии 20 000 лет в будущем. И это непрерывно надвигавшееся на него будущее было его единственным настоящим.

Первое время он еще надеялся на помощь, но быстро утратил надежды... Для него теперь имело значение только одно — очередная дверь, которую он должен открыть, очередная квартира, очередной мир...

* * *

Из окна в коридоре была видна вся улица. Энна прижалась лбом к стеклу, и ощущение холода заставило ее вздрогнуть. Этим утром она побрила себе голову, слегка поцарапав кожу на затылке. С лишней следов шевелюры головной черты ее лица приобрели необычную жесткость. Ей нравился такой облик, и она даже пожалела, что столько лет сохраняла глупую, устаревшую прическу, последнюю уступку женскому кокетству.

На улице можно было видеть только людей в форме, обязательной для обитателей лагерей беженцев. Они бесцельно бродили с потерянным видом, поднимались на крыльцо покинутых домов, заходили в прихожую, но обычно не решались воспользоваться лестницей или лифтом. Это были бездомные — люди, которых окончательно отвергло жилище. Слишком жалкие для того, чтобы попытаться отвоевать свою собственность, слишком бедные для того, чтобы оплатить услуги амазонки...

Подземное пространство города постепенно превращалось в лабиринт, в гигантскую сеть кротовых нор. Туннели, проложенные компьютерами, напоминали сюрреалистический план линий метрополитена, спроектированного свихнувшимся инженером. План, на который было нанесено несколько тысяч туннелей. А еще это можно было сравнить со штольнями древних рудников, пробитых беспечными горняками. Километры и километры подземных ходов, извивы и зигзаги которых были внутренностями города, его кишечником, желудком. Медленно, но верно они подтачивали устой города, и тот с каждым днем все больше и больше опирался не на монолитное основание, а на пустоту. Город страдал аэрофагией. Все больше и больше пустот в подземном пространстве города создавала армия электронных термитов. Газеты каждый день предсказывали неизбежность очередных провалов, и пешеходы, выходя на улицу, осторожно пробовали ногой тротуар, словно опасались способной проглотить человека бездны, от которой отделяла только тонкая корочка асфальта.

«Там пусто! Там пусто!» — кричали дети, топая ногой по асфальту и наслаждаясь бледнеющими лицами прохожих, охваченных ужасом неизбежной катастрофы.

Все это время компьютеры продолжали копать, копать вслепую, не заботясь о рациональном расположении туннелей. Невообразимые миры пересекались и расходились под самыми невероятными углами. Иногда два туннеля встречались в дикой путанице лабиринта. Жилая комната, находящаяся в состоянии невесомости, пробивала стену кухни, обитатели которой, передвигавшиеся ползком по плиткам пола, выдерживали повышенную силу тяжести, словно непрерывно таскали на своих плечах микроавтобус. С этого момента начиналась дуэль двух компьютеров, каждый из которых защищал свою концепцию будущего. Компьютеры пытались проглотить противника, чтобы использовать в своих целях применяемые им материалы. Борьба могла продолжаться достаточно долго. В результате обитатели одной из квартир с удивлением обнаруживали, что кофемолка проваливается сквозь поверхность стола, молекулярная структура которого переста-

ла выдерживать вес, а дверные ручки растягиваются под рукой, словно резиновые игрушки. Ужас охватывал их в тот момент, когда они отдавали себе отчет, что их кости тоже начинают гнуться. Руки удлинились чуть ли не в два раза, все тело становилось пластичным, резиноподобным. В итоге человек постепенно растворялся. Компьютер-победитель безжалостно использовал человеческий материал для своих нужд.

Энна знала, что подобные случаи с каждым днем встречались все чаще и чаще.

Никто больше не пользовался метро, после того как поезд вместе с пассажирами был целиком переработан компьютером: туннель вышел из стены в середине платформы в час пик. Иногда, когда жилые туннели подходили близко к поверхности, пешеходы вязли в асфальте тротуаров, приобретавшем консистенцию жевательной резинки после длительного употребления. У Энны пробежал холодок по спине, когда она подумала о городских кладбищах, где содержимое могил было утилизировано добравшимися сюда компьютерами. Образ мертвецов, растворенных и затем использованных с неизвестной целью, приводил горожан в ужас. Псевдонаучные журналы печатали самые дикие теории, подливая масла в огонь. Тем не менее оставался вопрос: какое практическое применение мог найти компьютер человеческому материалу, мертвому или живому?

Некоторые считали, что органическое вещество перерабатывалось в пищу, которой придавался вполне съедобный вид бифштексов или отбивных для обитателей подземных жилищ.

Другие, не отступавшие перед самыми рискованными предположениями, допускали, что исходное вещество могло служить для создания новых организмов, так называемых «приспособленных» существ.

Надо сказать, эта теория основывалась на весьма правдоподобной гипотезе, согласно которой компьютеры достигли такого уровня развития, когда ни одно нормально устроенное человеческое существо не могло бы выжить достаточно продолжительное время без необратимой физиологической деградации. Жители подземелий, подвергнутые невыносимым условиям существования, гибли десятками, если не сотнями. Но поскольку подземное жилье теряло смысл без обитателей, компьютеры принялись заселять их гибридными созданиями, приспособленными к новым условиям и, соответственно, больше напоминавшими не человека, а чудовище.

Воображение обывателя рисовало под ногами кошмарный мир, наполненный бессмысленными существами, лишенными какого-либо сходства с человеком, или искусственно оживленными трупами, жи-

вушими жуткой механической жизнью и деформированными настолько, насколько это было нужно, чтобы они вписались в кошмарную среду обитания. С каким чувством можно было бы сейчас перелистать старинные научно-фантастические журналы, заполненные отвратительными пришельцами из космоса...

Волна паники поднялась настолько высоко, что власти были вынуждены прибегнуть к цензуре. Однако трудно отрицать, оставаясь в рамках здравого смысла, существование проблемы, весьма нечетко определенной, но вызывавшей тревогу среди широких слоев населения. Разумеется, армия предложила свой вариант решения на основе патологического пристрастия к оружию. К радости Энны, штопорные бомбы и глубинные торпеды не дали нужного эффекта, так как компьютеры без ущерба для себя поглощали энергию взрывов. Эта энергия только увеличивала их жизнеспособность...

Энна знала, что ее возможности борьбы с компьютерами были довольно ограниченными. Можно спуститься вниз и продвигаться вперед по длинной цепи квартир до проходческого щита. Попытаться обезвредить ответственные за повторную переработку чувствительные окончания, пронизывавшие всю структуру туннелей подобно ответвлениям нервной системы человека... Но ни разу ей не удалось добраться до главного процессора, великолепно защищенного и тщательно замаскированного. Самое большее, чего ей удавалось достичь — это обратить вспять процесс рециклирования, заставить компьютер восстановить разрушенное и разрушить то, что было создано до ее вмешательства.

Впрочем, такие случаи были довольно редкими. Обычно нужно просто учитывать защитную реакцию электронного мозга и быть настороже, чтобы не оказаться переработанным в одно мгновение, когда не успеваешь сделать хотя бы шаг в сторону.

Энна встрепелулась. Холодное стекло создавало впечатление потери чувствительности кожи лба. Она оставалась еще несколько мгновений неподвижной, наслаждаясь контрастом между прохладой от стекла и жжением на затылке от пореза.

* * *

Часов в шесть вечера, когда Джордж вышел из дома, заметно побагровевшее солнце приближалось к горизонту, обещая скорое наступление осенней ночи. Эми жила на окраине города, на большом пустынном плато, обрывавшемся отвесным уступом к морю. С тех пор как коттедж вышвырнул ее на улицу, навсегда поглотив двух мальчиков, жильем ей служил старый двухэтажный автобус.

Эми не была создана для борьбы; ей удалось приобрести по дешевке на распродаже старый желтый автобус; загрузив его картонками с консервами, она блуждала по городу до тех пор, пока на пустыре над обрывом у автобуса не полетела задняя ось. С тех пор она оставалась на одном и том же месте. Джордж хорошо знал молодую женщину, у которой когда-то приобрел уникальную антикварную мебель. Потом здание, в котором помещалась ее лавочка, одним из первых в городе подверглось заражению. Когда серванты эпохи Наполеона III, инкрустированные перламутром клавишины и прочие предметы старины подверглись интенсивной переработке, за несколько часов получив консистенцию пластилина, Эми была разорена.

Джордж вскарабкался по ржавым ступенькам на второй этаж автобуса. Как обычно, Эми рассматривала горизонт в огромный морской бинокль, с трудом удерживая его на весу своими тонкими руками. Упрямые рыжие локоны падали ей на лоб, закрывали уши. Во времена, когда почти все женщины носили короткую стрижку, подобный атавизм позволял обывателям обвинять ее в извращенности. Разумеется, это было глупостью. Впрочем, как и большинство женщин, она придерживалась распространённой привычки жить полностью обнаженной. Своим бледным телом с втянутым животом и множеством родимых пятен, она странным образом напоминала борзую. Джорджу нравилась ее болезненная худоба, ее глаза с белками, усеянными красными прожилками из-за повышенного уровня радиации и постоянного использования бинокля. Наверное, в самом ближайшем будущем ее ожидала полная слепота.

Эми обернулась и кивком головы указала Джорджу на лежавший на полу предмет, прикрытый куском материи.

— У моего кота сегодня была третья попытка самоубийства...

Джордж устроился на одном из сохранившихся сидений. Ночь наполнила внутренности автобуса. Мрак казался плотным, почти осязаемым.

Эми зажгла небольшую спиртовую горелку и поставила на нее глиняный кувшин с толстыми стенками. Потом они долго и неподвижно сидели рядом, согревая заочневшие руки чашками с горячим чаем, запах которого медленно поднимался над столом к их лицам, прозрачно освещенным трепещущими голубыми язычками пламени. Впервые за многие месяцы Джордж почувствовал себя уютно. Неожиданно его мысли вернулись к жене. Измотанная нервным напряжением, Энна была вынуждена прекратить свои метания и отключилась на несколько часов после большой дозы снотворного. Она спала в зале трофеев, завернувшись в грубое армейское одеяло, и ее губы продолжали нервно подергиваться во сне...

Казалось, что с каждым днем дом все более и более явно застывал в тяжелой непроницаемой неподвижности. Его можно было сравнить с болотом, водную поверхность которого не морщит рябью даже довольно сильный ветер. Жесткий, как будто металлический тростник, торчащий из плотного, словно бетон, ила; насекомые, парализованные в воде ручья, застывшего в ожидании... А еще напрашивалось сходство с большой мертвой лужей, по зеркальной поверхности которой долго будет подскакивать брошенный камень... Это была угрожающая тишина, тишина перед бурей.

Компьютер хорошо знал Энну и не собирался растрачивать энергию в мелких незначительных стычках. Он терпеливо ждал, пока она не спустится вниз, пока не заблудится в ответвлениях бесконечных коридоров, запутавшись в них, как муха в паутине. Компьютер знал эту женщину, знал ее стратегию, с которой частенько сталкивался раньше, и теперь очень трудно, если не невозможно, захватить его врасплох. В этом году он почти не нападал на дом; он предпочел замедлить свое вторжение, чтобы создать на подземном уровне барьер рециклирования, столь же опасный, как минное поле. Энна знала это, и именно этого она больше всего опасалась. Именно поэтому она каждый день откладывала свою экспедицию в подземелье. Она часами перебирала содержимое сумки с инструментами для разрушения электронных цепей; она днями перечитывала старинные руководства по тактике и стратегии борьбы с компьютерами; она подолгу бродила между полками специализированных магазинов в поисках последних новинок — каких-нибудь микрозондов или детекторов, позволяющих обеспечить ей преимущество в схватке с машиной. Она была растеряна; она запуталась в воспоминаниях о славном прошлом, лишилась всей своей агрессивности. Нет, она не спустится в подземелье. Она больше никогда туда не спустится. Когда компьютер поймет это, он начнет штурм дома, он двинется в атаку, медленно, неотвратно подвергая по пути рециклированию стены, мебель, крышу... И Энна, съезжившаяся среди своих трофеев, увидит, как добытые в боях кубки размягчаются и оплывают, словно забытые на полке пылающего камина шоколадные пасхальные яйца... Потом наступит день, когда она сама превратится в дряблый комок плоти в расплзающемся под ней кресле, а ее пальцы начнут удлиняться, тянуться, словно резиновые, и тогда...

Джордж встряхнулся. Да, когда-нибудь наступит и их очередь. Он подумал, что вряд ли сможет вовремя покинуть дом, чтобы перебраться в лагерь беженцев... Это возможно лишь в том случае, если он из-

бавится от влияния Энны, от колдовства этого бессмысленно затянувшегося кораблекрушения...

Эми разожгла примус. Джордж придвинулся к боковому стеклу. Ночь заволочла город. Он инстинктивно попытался найти среди множества едва различимых крыш свой дом, но у него ничего не получилось.

Мимо автобуса вприпрыжку промчался мальчуган, во все горло распевавший пародию на популярную песню. Казалось, звуки его голоса медленно поднимались вверх вдоль темных фасадов.

* * *

Позднее, уже глубокой ночью, Эми достала несколько бутылок с рисовой водкой, и они опорожнили их одну за другой.

Джордж с затуманившейся от водки головой плохо воспринимал происходящее, словно наблюдал его в кривом зеркале. Эми непрерывно и монотонно бормотала что-то, не ожидая ответа. Джорджу показалось, что речь идет о компьютерах.

— Обычно растение кормят корни, — разобрал он, — но здесь растение кормит корни. Именно они растут за счет растения, они высасывают из него все соки. Это развитие наоборот.

Мы же играем роль навоза, компоста, мы даем питательные вещества... Джордж, мы должны обрубить свои корни. Уехать, бросить дом, избавиться от якоря. Все, что происходит с нами, можно считать одновременно и плохим, и хорошим. Плохим, если мы будем цепляться за привычное место в этом больном городе, который скоро переработает наши тела. Хорошим, если эта трагедия сможет породить касту кочевников, которые постоянно в пути... Мы не должны были пускать корни, основывать города, отказываться от кочевой жизни. Мы снова должны стать свободной расой, все время меняющейся, без племен, без кланов... И путь наш — без остановок, разве что только для водопоя или охоты. Вперед, всегда только вперед...

Тон ее голоса становился все более высоким, ее слова звучали все более пламенно, становились пророческими и одновременно смешными. Она заставила Джорджа встать, подтащила его к задней части салона и приподняла брезент в масляных пятнах.

— Это новая ось для автобуса, — объяснила она. — Я раздобыла ее три дня назад. Ты должен поставить ее на место, а потом сесть за руль. Сейчас же, моих глазах...

Джордж молчал, взволнованный. Растерянная, словно разом лишившаяся всей своей энергии, Эми споткнулась и села верхом на толстый металлический стержень, испачкав ягодичи и бедра темной

густой смазкой. Потом они еще выпили. Наконец Эми схватила мобильный телефон и принялась набирать номера из справочника для подземных жилищ.

— Я хочу сообщить всем о нашем отъезде, — задыхаясь, сообщила она.

Но гудки звучали и звучали, никто так и не ответил, если не считать Арна Сивелко, поднявшего трубку, пробормотавшего что-то неразборчивое бесцветным, словно из другого пространства, голосом и тут же бросившего ее.

Они попытались заняться любовью, но выпитое спиртное лишило Джорджа всех его мужских сил.

Тем не менее расстались они только на заре, измотанные, не находившие в себе сил даже для того, чтобы связать несколько слов...

Джордж шагал, подобно лунатику, по пустынным улицам, дрожа от холода. Подняв кусок мела, брошенный детьми возле рисунка для игры в классики, он написал на стене префектуры слово «кочевники» большими кривыми буквами...

Потом он улегся на мокрой скамье в каком-то сквере, и перед его внутренним взором замелькали детали салона автобуса и безостановочно потянулась дорога, дорога, дорога. Странно, но скамья казалась ему мягкой и удивительно уютной. Джорджу было так же хорошо, как у себя дома в постели.

2.

С вечера по ткани множества палаток резко хлестали порывы ветра и барабанили струи дождя. Намокшая коричневая материя проседала между ржавыми шестами; в образовавшихся впадинах скапливалась вода, просачивавшаяся внутрь палаток и заливавшая спальные мешки, лежавшие прямо на земле, так как раскладушек не хватало. Чини свернулась в клубок, натянув шерстяное одеяло на голову и пытаясь найти в этом отвратительно влажном коконе хоть какое-то подобие одиночества.

Внутри палатка походила на помещение походного госпиталя. На продавленных раскладушках неподвижно лежали женщины самого разного возраста, завернувшиеся во влажные простыни и одеяла. Некоторым хватило энергии, чтобы натянуть на себя всю имеющуюся теплую одежду; другие же, кого подняли по тревоге во время сна, успели захватить с собой только то, что подвернулось под руку, и сейчас сильно мерзли. Кое-где виднелись даже совершенно обнаженные девушки, не реагировавшие ни на холодные капли, падавшие с потолка, ни на сквозняки, ни на заходивших в палатку посторонних. Чини

привыкла ко всеобщему оцепенению, к отупению, усиливавшемуся благодаря гипнотически ритмичному шуму дождя. Налетавшие временами порывы ветра хлопали, словно мокрым парусом, закрывавшим вход полотнищем, и сидевший возле него дежурный полицейский то и дело поднимал руки, защищая лицо от мокрой оплеухи.

Лагерь беженцев, вначале оборудованный под укрытием песчаных дюн, быстро расплодился во все стороны и захватил даже полосу пляжа. Ряды грязно-коричневых палаток теперь тянулись вдоль всего побережья, похожие на унылые шапито печального цирка без музыки и без артистов. Цирка, отрезанного от города тремя рядами колючей проволоки.

Чини решила выбраться из спального мешка. Стальная пластинка с номером, прикрепленная к запястью с помощью эластичного браслета, негромко звякнула, задев за молнию спальника. 88726-Н. Это был ее номер. Палатка незамужних женщин.

Чини чихнула. Рядом с ней неподвижно лежала девушка лет двадцати, не сводившая широко открытых глаз с потолка. Можно подумать, что перед ней потолок Сикстинской капеллы... Она словно не замечала холодные капли, то и дело падавшие на ее голый живот точно посередине между пупком и темной границей лобка и разлетавшиеся мелкими брызгами. Встав перед ней на колени, Чини схватила холодный сосок двумя пальцами и сильно сдавила. Плоть показалась ей необычно дряблой. Девушка и теперь не шевельнулась. Она тихо и несколько учащенно дышала приоткрытым ртом, но ее глаза ни разу не моргнули. Чини знала, что сейчас только укол чем-нибудь острым в болевую точку способен вывести ее соседку из каталептического состояния. Считалось, что она была больна (этот стыдливый термин — «болезнь» — был предложен журналистами), редко кто осмеливался откровенно назвать ее состояние переработкой. Тем не менее это была единственная причина эпидемии, охватившей чуть ли не половину обитателей лагеря беженцев.

Чини, хотя и избежавшая заражения, хорошо знала симптомы начавшейся переработки: постепенная, но быстрая утрата чувствительности кожных покровов, доходящая до настоящей анестезии, до полной потери ощущения своего тела, когда тебе кажется, что ты превращаешься в бесплотный дух, ничем не связанный с материальным миром. Процесс был необратим; он вызывался проникновением под кожу микроскопических элементов рециклирования. Разумеется, происходило это незаметно для жертвы, когда та достаточно продолжительное время находилась рядом с функционирующими внешними устройствами компьютера. Если удавалось уловить самое начало «болез-

ни», ее еще можно было остановить. Спасти могла лишь немедленная ампутация пораженного участка мягких тканей, а иногда всей руки или ноги, пока элементы рециклирования не сплели сплошную сеть. Результатом заражения всегда была потеря кожной чувствительности; прежде всего исчезало чувство осязания, сопровождавшееся такими побочными явлениями, как учащенное сердцебиение, кишечные спазмы, судороги, позывы к частому мочеиспусканию. В итоге человек полностью переставал ощущать свое тело, лишаясь при этом способности контролировать сфинктеры.

Это было причиной невероятной вони, господствовавшей во всех палатках...

Чини попыталась завернуть свой спальник в кусок клеенки. Мокрый песок прилипал к коленям и рукам. Она потерла руку о руку, но безрезультатно. Ее губы, потрескавшиеся от соли и ветра, болели так сильно, что иногда она не могла есть. Она направилась к выходу, шагая между спальными местами. Как обычно, полицейский схватил ее за руку, проверяя наличие пластинки с номером. Поскольку она считалась здоровой, он кивком разрешил ей выйти. Проходя мимо полицейского, она не получила обычного шлепка по заднице. Это теперь считалось обычной процедурой, предназначенной для больных, отныне не способных почувствовать любое прикосновение. Иногда по ночам охранники под предлогом обхода проникали в женские палатки. Чини нередко видела сквозь полуопущенные веки, как они наклонялись над постелью одной из больных девушек, и их руки... Впрочем, чем та рисковала? Ее теперь можно было ударить дубинкой, и она даже не проснулась бы...

Однажды соседка долго объясняла Чини, что ей будет совершенно все равно, если ее изнасилуют, потому что у нее больше нет тела. Проституция для нее, для бесплотного существа, стала вполне допустимой. Достаточно немного опыта, чтобы научиться искусно симулировать удовольствие! Эти разговоры возмутили Чини, ей казалось кошущим стремление получить какую-нибудь материальную выгоду от случившейся дематериализации. «В тот день, когда я заболею...» — часто произносила она мечтательным тоном. И она действительно мечтала об этом. Чини воспринимала бы потерю чувствительности как достоинство, как редкую привилегию, как неожиданный дар. Ей казалось, что она, освобожденная от рабского подчинения плоти, смогла бы достичь невероятных высот духа, развить у себя тысячи способностей, давно атрофировавшихся и скрывавшихся в закоулках ее мозга, подобно куколкам бабочки в ожидании мутации.

Ее собственное тело вызывало у Чини ужас.

Лагерь выглядел пустынным, дождь загнал беженцев в общие палатки, и только силуэты полицейских, закутанных в мятые коричневые накидки, виднелись то тут, то там на аллеях. Здесь ее еще раз проверил начальник поста, закончивший осмотр тем, что уколол ее булавкой в ягодицу, проверяя чувствительность. Она взвыла от неожиданности и, дернувшись, едва не сломала булавку, вонзившуюся в тело на добрую пару сантиметров. После этого ее под грубый смех охранников вытолкнули наружу. Она, не оглядываясь, нырнула в пуганицу городских улочек, едва не вывихнув лодыжку на залитом водой тротуаре. Ей пришлось шагать целых полчаса, пока она не оказалась там, куда привыкла приходить каждый день.

Эскалатор выбросил ее у первой статуи, залитой бледно-голубым светом. Это был скульптурный ансамбль в гиперреалистическом стиле в натуральную величину. Предметы и одежда были настоящими, для волос, зубов и ногтей использовались материалы, применяемые в медицинском протезировании. Фибровинил идеально воспроизводил текстуру кожи с учетом пола и возраста. Волоски на теле и родимые пятна изготовлялись вручную.

Когда Чини вошла в музей, в нем не оказалось ни одного посетителя, и он выглядел заброшенным. Ей достаточно было разбить оконное стекло, взобраться на подоконник... Это было так легко...

Первый ансамбль изображал чоппер, черный мотоцикл без хромированных деталей, из голубоватой стали. Его переднее колесо, оторвавшееся от основания, врезалось в живот молодой беременной женщины. Короткое розовое платье из ситца с темными пятнами пота под мышками. Светлые волосы, неумело обесцвеченные, собранные в вертикальный шиньон без особого кокетства. На сгибе руки виднелся почти отклеившийся кусочек пластыря, очевидно, оставшийся после взятия крови на анализ. Ремешок сумочки соскользнул почти до локтя, и рот был раскрыт в немом крике, обнажив несколько запломбированных зубов и коронку из золотистого металла. Рука, на которой поблескивало обручальное кольцо, сжимала журнал по вязанию прямо над тремя включенными фарами.

Теперь дыхание Чини становилось все более и более коротким и учащенным...

Мотоциклист был, по-видимому, полицейским. Хромированный шлем скрывал почти весь лоб, желтые поляроиды и щиток на подбородке предьявляли взгляду только тонкий кривоватый нос... Нос индейца.

Вероятно, индейскими были и высокие, резко подчеркнутые скулы. Руки в черных перчатках не сжимали, как можно было ожидать,

рычаги тормоза, и положение тела мотоциклиста, изгиб его спины, скорее, отражали стремление усилить удар при столкновении.

Чини особенно нравилась эта статуя.

В пустынном зале внезапно затих негромко ворчавший эскалатор. Вспотевшей рукой она открыла сумочку скульптуры молодой женщины и потрогала дешевый набор красок для макияжа. Сладкий густой аромат распространился в воздухе... Раскрытый конверт, в котором виднелся листок бумаги в клеточку, покрытый непристойными рисунками. Фотографии, на которых женщина целовала цветного мальчишку лет двенадцати. Три бумажные салфетки, пропитанные дезодорантом. Плохая машинописная копия порнографической новеллы с пометками редактора и чеком от издателя. Отпечатанный типографским способом бланк с названием лаборатории медицинских анализов и текстом: «Я, нижеподписавшийся Кендалл Нортон экс-НЗ, специалист в области серологии, гематологии и биохимии, произвел анализ крови Кору Луизы-Патриции экс-НЗ (имя женщины, вписанное черной пастой, не поместилось в предназначенной для этого графе), заключающийся в стандартном подсчете кровяных телец, не содержащих примеси паразитарных расовых элементов». Вторая фраза на листке гербовой бумаги сообщала: «Результат предбрачного медосмотра положительный».

Чини закрыла сумочку. Куртка мотоциклиста с левой стороны топорщилась над бумажником, раздувшимся от содержимого. Там лежал сложенный в несколько раз лист глянцевого бумаги, расплывающейся на сгибах, путевой лист трехлетней давности и флакон с антималярийным препаратом. Чини знала наизусть содержимое документа: «Университет г. Тампа. Ректор университета подтверждает присвоение ученой степени по психологии масс-медиа Кенжи (Смиту) Блюнайфу...». Чини просунула пальцы в кожаную перчатку; прижатые растягивающимся металлическим браслетом часов, несколько листочков кожи оставили похожий на синяк отпечаток на коже мотоциклиста. Она подумала, что сегодня не станет открывать молнию на правом сапоге, где продолжала мяться бумага, покрытая мелкими буквами, которыми были написаны три рассказа: «Евнух», «Вид большого города в разрезе» и «Off»... Здесь же — письмо с вежливым отказом из редакции какого-то авангардного журнала. Чини почувствовала озноб, хотя струйка пота пробежала у нее между лопатками... Осторожно, словно опасаясь укуса гремучей змеи, она прикоснулась кончиками пальцев к промежности манекена. Ткань в этом месте казалась натянутой, словно под ней находился скрытый от глаз комок энергии. Дурманящий голову запах исходил от огромного кольца, торчавшего из кобуры на

бедре. Чини ни разу не осмелилась потянуть за язычок кожи, удерживавшей с помощью кнопки кольт. Когда-нибудь... может быть...

Иногда она задавалась вопросом, были ли настоящими патроны, заполнявшие барабан, точно так же, как иногда задумывалась, поместил ли скульптор неродившегося ребенка в живот попавшей под мотоцикл беременной женщины. Нужно было расстегнуть несколько пуговиц и застежек-молний, чтобы увидеть, появится ли из-под одежды шрам от удаления аппендикса или родимое пятно на изгибе каучуковой плоти.

Может быть, скульптор даже скрывал в глубине искусственных тел какую-нибудь опухоль или осколок снаряда?

Неожиданно дождь громко забарабанил по стеклу окна, и Чини встряхнулась, с усилием избавляясь от овладевшего ею гипнотического оцепенения. Каждый день ей нужно было пересечь полгорода, и все только для того, чтобы провести десяток минут в музее. Почему? Она сама не знала ответа. Может быть, ее притягивали эти поддельные и все же такие реальные существа...

Она направилась по диагонали через зал к эскалатору. На мгновение стеклянная стена зала отразила ее облик. Светлые волосы, собранные в вертикальный шиньон, короткое розовое ситцевое платье. Кусочек пластыря на сгибе руки, наклеенный так давно, что вокруг него кожа покраснела от начинающейся экземы...

Через несколько минут она вышла из здания музея. Ее каблучки глубоко погружались в желатиноподобный асфальт тротуара и отрывались от него с неприятным чмокающим звуком. Она шагала быстро, с опущенной головой, стараясь не смотреть на склон холма справа от нее. Как многие дети, она старалась отмечать ритм своих шагов словами. На этот раз это было: «Бо-лезнь... Бо-лезнь... Бо-...».

Неощутимо, скрытно болезнь изменяла глубинное равновесие города. Каждый день возрастало количество потерявших чувствительность. Любой горожанин, от генерального директора до домохозяйки, мог неожиданно осознать, что частично лишился тела, оказавшись внутри оболочки без веса, без реальности. Это было похоже на сенсорную ампутацию, на приговор, превращавший человека в бесплотного духа. Тело становилось другим, незнакомым, безразличным. И все же существо продолжало шевелиться, двигаться по воле хозяина, подобно чудовищной марионетке. Но многие жесты при этом лишались всякого смысла. Впиться зубами в виноградную гроздь, смешивая сладость сока с горечью косточек, блуждать рукой между бедер девушки теплой ночью в укромном уголке парка, закрывать глаза, натягивая на голову черную простыню ночного неба... Пропала любая

чувствительность: осязание, прикосновение, поглаживание не доставляли никакого удовольствия тем, кто когда-то любил понежиться между свежими простынями... Теплота кожи, влажность губ, эластичная нежность женского живота — все это отныне ничего не значило для неловких бесчувственных рук, лишенных способности к былой точности и силе движений. Попытка написать что-нибудь в блокноте завершалась сломанным карандашом, протыкавшим несколько страниц с такой силой, словно на руку обрушилась неимоверная тяжесть.

Потерявшие чувствительность выделялись на улице своими резкими движениями и неловкой походкой. Их легко можно было узнать по тому, как они то волочили ноги, то вдруг с силой обрушивали их на тротуар, а еще по оцепенению, с которым они держали туловище, как будто закованное в стальную кольчугу. Или по странному неестественному наклону головы — будто по улице бредет повешенный...

Появление людей, потерявших чувствительность, пробуждало у детей инстинкт жестокости. Они часто преследовали больных, с негромким хихиканьем втыкая им в спину иголки или бросая в них оперенные стрелки, потом часами торчавшие из плеча или ягодицы, не причиняя при этом пострадавшему ни малейшего беспокойства.

Жалкие марионетки, они очень быстро превратились в бесплатное развлечение для сохранивших здоровье горожан.

Первоначально многие из них, будучи не в состоянии выдержать свою увечность, сводили счеты с жизнью сразу же после выхода из больницы; другие держались только благодаря лошадиным дозам галлюциногенов. В любом случае для них все кончалось кровавой оргией в попытке компенсировать зрительными ощущениями ставшее недоступным чувство боли. Чаще всего покончивших с собой «бесчувственников» находили перед зеркалом: они лежали на полу среди инструментов, достойных мясницкой или пыточной камеры инквизиторов.

Теперь же, благодаря резкому возрастанию числа зараженных, ситуация изменилась. Любое общество самоорганизуется медленно, пока не выработает новые правила и новый образ жизни, новую философию. В городе, когда-то проповедовавшем культ наслаждения и немедленного удовлетворения любых желаний, возникновение новой столь же могучей силы не могло не вызвать многочисленных изменений.

В путанице и столкновениях мнений начали вырисовываться две партии: «жуиров» и «бесчувственников». Каждый из числа избежавших заражения и зараженных видел в своем антипode источник фундаментального зла, олицетворение всего негативного, извращенного. Словом, антихриста!

Количество апологетов летних увлечений и солнечных культов резко уменьшалось. Пляжи опустели, купальники развевались на веревках для просушки. Заброшенные бассейны стали похожи на водоемы в скверах, где поверхность воды покрывает множество опавших листьев. По утрам нередко можно было видеть на стенах зданий еще влажные плакаты, расклеенные ночью сторонниками «сенсорной пустоты». «Дематериализованное общество есть общество духовного возрождения». Полицейские в желтых касках сжигали плакаты, не снимая, огнеметами.

Для оппозиции исчезновение ощущений мало-помалу становилось средством достижения духовного идеала. Начинался мистический крестовый поход. «Избавиться от гонки за наслаждениями, — провозглашали листовки. — Освободить человека от оболочки плоти, добиться появления духовного существа, единственным наслаждением которого станут удовольствия разума и морали...»

Чини, хотя и безнадежно «нормальная», прекрасно понимала доводы оппозиционеров. Она никогда не считала свое тело единственным источником получения удовольствия. Секс всегда оставлял ее неудовлетворенной, а сам акт каждый раз казался ей бессмысленным и гротескным. Что касается спорта, то она ненавидела господствовавший в нем дух соперничества, культ силы, презрение к слабым, шовинизм... Она считала спорт школой ксенофобии.

И она знала, что не одинока. Среди представителей незараженной части населения уже стала применяться операция на головном мозге, позволявшая избавиться от участков коры, отвечавших за ощущения боли и удовольствия. Она даже подумывала, не проделать ли ей самой такое же...

Реакционная партия резко возражала против подобной вивисекции, называя ее «производством безмозглых». Не проходило дня, чтобы на экране телевизора не появился кто-либо из представителей клана «нормальных» или «жуиров», пытающийся напугать зрителей апокалиптическими картинами будущего бесчуждственного мира...

По его словам, все оказывалось бесполезным. Когда понижаются сексуальные тенденции, единственным — и обязательным — способом воспроизводства становится искусственное осеменение. Девушки, едва отпраздновавшие восемнадцатилетие, тут же получают красную карточку с надписью: «Пригодна для осеменения». Понятия семьи, родства превращаются в абстракции. (Здесь оратор воодушевлялся и снимал очки, словно стараясь установить более тесный контакт со зрителями.) Так вот, восклицал он, даже если исчезнут ощущения голода и холода, их последствия сохранятся. Что же касается

болезней, то исчезновение их симптомов приведет к тому, что их перестанут воспринимать как угрозу для жизни. И государство, новое государство, немедленно воспользуется ситуацией, чтобы увеличить продолжительность трудового дня, повысить производительность труда рабочих, не способных почувствовать усталость... Операция на мозге для незараженных быстро превратится в обязанность. Возможно, она будет применяться для всех новорожденных. Не исключено даже, что начнется отстрел животных, не подвергшихся операции и проявляющих неприличную способность ощущать что-либо. Например, какого-нибудь кота, развалившегося на солнце и мурлыкающего от удовольствия...

Чини только пожимала плечами перед подобной промывкой мозгов, хотя многие верили всему, что им проповедовали с телеэкрана. В результате сформировалась обстановка страха и ненависти, весьма благоприятная для вспышки волнений и начала гражданской войны...

Было поздно, дождь промочил насквозь тонкую ткань платья, прилипшую к телу девушки. Ее знобило, ледяные струйки стекали по спине и обнаженным бедрам. Она решила вернуться в лагерь, во влажный кокон коричневого спальника. А завтра...

3.

В середине мая вспыхнула война. Многие предсказывали ее, но мало кто верил, что она начнется. Это была война за территории, неизбежное следствие как происходящих в городе событий, так и его расположения. С севера его ограничивало море, с юга — исключительно глубокое ущелье; справа и слева над городом нависали гранитные скалы, справиться с которыми не смогла бы никакая взрывчатка. Компьютерам, вынужденным плести все более и более густую сеть туннелей на ограниченной площади, пришлось в конце концов начать борьбу друг с другом с целью захвата туннелей противника.

Возвращаясь домой 31 мая после очередной попойки у Эми, Джордж, победенный алкоголем, рухнул на скамью в каком-то из скверов. Он был вырван из своего состояния криками взволнованных чем-то мальчишек.

«Мы видели его, — объяснил ему, не ожидая вопросов, один из мальчишек. — Мы видели его! Это был тот еще тип! Он сидел на скамье возле конной статуи на площади и выглядел очень странно...» Другой добавил: «У него была совсем прозрачная кожа: можно видеть все его потроха!». Третий сообщил, что у странного незнакомца на спине была третья рука. Похоже, он был ранен, потому что вскоре упал на землю и рассыпался на мелкие кусочки.

Джордж выбрался из толчеи и заторопился к площади, стараясь не потерять равновесия. За спиной он услышал смех и издевательские шуточки мальчишек. На скамье возле статуи Джордж увидел только тонкий слой пыли, уже почти полностью развеянной ветром. Он долго размышлял, действительно ли ребята видели одного из подземных бойцов, одного из неведомых мутантов, порожденных таинственным рециклированием, или же они просто подшутили над ним.

Некоторое время никаких новостей о подземном конфликте не поступало. Никто не мог сказать, продолжался ли он вообще.

Однажды утром Эми позвонила Джорджу, и через полчаса он уже поднимался по ступенькам желтого автобуса. Молодая женщина тут же передала ему бинокль, и он заметил оставленные его окулярами красные круги возле глаз Эми.

— Смотри! — воскликнула она. — Взгляни, что происходит там, недалеко от фонтана Сен-Эрмин.

И он увидел.

Это был прорвавший асфальт кратер диаметром в три или четыре метра, через который периодические спазмы извергали наружу какие-то предметы. Он походил на анальное отверстие, выбрасывавшее отходы жизнедеятельности...

Через неделю можно было насчитать не менее шести или семи таких кратеров, прорывавших тротуары или мостовые и выбрасывавших останки самых разных предметов: стульев, холодильников, лестничных маршей... Джордж догадался, что компьютеры освобождаются от материалов, которые они почему-то не в состоянии переработать...

Если только... Если только эти полурастворенные или полурасплавленные предметы не появляются в результате неудачной переработки. Почему бы не предположить, что материя, постоянно подвергающаяся разложению и повторному использованию, достигла наконец полной нестабильности, и любой воссозданный из нее предмет в состоянии сохранять приданную ему форму лишь очень непродолжительное время?

Джордж подошел к груде выброшенных предметов и осмотрел их. Все они были незавершенными, расплывчатыми, нестабильными.

Утюг быстро становился совершенно иррациональным комком металла, кухонная табуретка таяла за десяток-другой минут, превращаясь в лужицу фосфоресцирующей жидкости. Можно было подумать, что молекулы, из которых состояли эти вещи, самопроизвольно разъединялись, отходили друг от друга. И это происходило само собой, без участия рециклирующих устройств компьютеров.

8 июня Джордж был резко вырван из сна очередным звонком Эми. — Иди на пляж, скорее! — истерично кричала та в телефонную трубку. — Ты только посмотри, что там происходит!

Поспешно натянув на себя джинсы и майку, он помчался босиком под аккомпанемент отвратительных чавкающих звуков по асфальту, превратившемуся в неприятно вязкую массу. Он остановился только на кромке воды, весь в поту, толстый и дурно пахнущий. В тридцати метрах над пляжем сверлящий агрегат одного из компьютеров пробил стенку, вывалился наружу, словно поезд, выскочивший из туннеля, и разбился на песке, на границе гряды из пены и выброшенных волнами водорослей. При падении агрегат увлек за собой несколько продолжавших его комнат непривычных очертаний.

Городская полиция организовала оцепление вокруг углубившейся в песок массы металла, и Джорджу не удалось осмотреть останки.

В последующие несколько дней изуродованный каркас не проявлял ни малейших признаков жизни. Когда бдительность охраны несколько ослабела, мальчишки начали пробираться к останкам и по-немногу растаскивать их, в первую очередь, интересуясь содержимым шкафов и сервантов жилой части. С помощью мелких банкнот Джорджу удалось осмотреть некоторые добытые предметы. Все они носили следы молекулярной нестабильности. Через неделю, когда он прогуливался по берегу, ему удалось найти в груде водорослей, принесенных морскими течениями, странный предмет, оказавшийся при внимательном изучении чем-то вроде небольшой подушки, но изготовленной из человеческой кожи. Теперь, когда оцепление было снято, ему удалось без особого труда забраться в развалины разбившегося жилья, сорвав наложенные стражами порядка печати.

Через несколько минут он нашел то, что искал. Это была статуэтка, изображавшая мужчину лет сорока, вырезанного из древесины твердой породы с потрясающим реализмом. Лежа на постели, он обнимал одной рукой великолепную женскую особь, но уже из красного дерева. В этой же квартире в ванной он обнаружил стиральную машину, заполненную человеческими внутренностями, уже затронутыми разложением.

Этой ночью он не смог заснуть. В его голове теснились тысячи вопросов. Можно ли расценить это падение со скалы как осознанный акт, самоубийство компьютера, который внезапно понял, что он потерял власть над своими изделиями? Или это была всего лишь ошибка в ориентации, вызванная дефектом радара? Он не смог найти логичного объяснения даже после того, как три дня спустя еще одна головная часть компьютерного устройства вместе с жилыми

помещениями разбилась на том же пляже, метрах в двадцати от первого.

На этот раз он не обнаружил никаких искажений, в уцелевших комнатах не было ничего, кроме белого зернистого порошка, очень похожего на готовые супы из супермаркета.

— Похоже, что эта масса полностью обезвожена, — пробормотала Эми, цепляясь за руку Джорджа. — Надо попробовать добавить к ней воды...

— Ты хочешь приготовить из этого суп?

— Почему бы и нет?

— Не забирайте все, оставьте и нам что-нибудь! — крикнул мальчишка, проникший в квартиру во главе ватаги, запасшейся пластиковыми пакетами. — Мы тоже хотим попробовать!

Вернувшись в автобус, Эми высыпала порошок в аквариум, в котором когда-то содержались рыбки, и залила его небольшим количеством теплой воды. Она подождала, но ничего не произошло.

Вечером разыгрался ветер, проникший в пробитые в скале туннели и поднявший тучи белой пыли. Вскоре порошок выпал на город, покрыв липким слоем крыши и мостовые.

В полночь зазвонил телефон. Это была Эми. «Это невероятно, — кричала она, захлебываясь от возбуждения. — Ты знаешь, что я нашла в аквариуме? Три пальца, три человеческих пальца!»

Положив трубку, Джордж представил, что может случиться, если пройдет дождь. Окажется ли город усеянным человеческими внутренностями? В одной луже сформируется глаз, в другой рука или нога. А в бассейне вокруг фонтана на главной площади будут бултыхаться человеческие головы... Если порошок образует пленку на поверхности водоемов, из которых качают воду для снабжения города, то можно будет представить, как в желудке человека, выпившего воды из-под крана, сформируется ухо или какой-нибудь другой орган. Эти мысли заставили его злорадно ухмыльнуться.

Но дождя в последующие дни не случилось.

На заре Эми позвонила в последний раз, сообщив об отъезде.

— Автобус сейчас в полном порядке. Я нашла двух парней, согласившихся помочь мне... Отличные ребята, они не только починили автобус, но и установили систему лебедок и блоков, чтобы спустить автобус в один из туннелей, пробитых в скале компьютерами. Мы трогаемся в полдень. Я несколько дней собиралась сказать тебе об этом. Если хочешь... У нас хватит продуктов на четверых...

Джордж отказался, сам не зная почему. Возможно, из-за этих новых компаньонов Эми. Или же потому, что был не в силах бросить

Энну. Перед тем как положить трубку, Эми сказала серьезным тоном:

— Не забывай, Джордж: кочевники!

На этом разговор оборвался. На следующий день он поднялся к обрыву над морем, но площадка уже опустела. Он попытался представить, как огромный двухэтажный желтый автобус продвигается, переваливаясь на камнях, по проложенным компьютерами подземельям, и по спине его пробежал холодок.

В течение следующей недели на пляже разбилось еще несколько компьютеров. Если точнее, то семь.

«Крысы покидают корабль, — подумал Джордж. — Похоже, мы скоро пойдем ко дну».

Море быстро унесло мелкие обломки, но на пляже остались сверлящие агрегаты компьютеров, глубоко ушедшие в песок, из которого они торчали, подобно пням чудовищных деревьев.

Через некоторое время выяснилось, что в них сохранилось достаточно жизни, чтобы поглощать кислород из воздуха. Вскоре вокруг них образовалась смертельная для всего живого зона.

Некоторые полагали, что таким образом покаленные компьютеры защищаются, но Джордж считал, что они стремятся быстрее свети счеты с жизнью. Они засасывали кислород, чтобы их внутренности быстро проржавели.

Как бы там ни было, но зона вокруг разбитых компьютеров вскоре стала местом паломничества для всех городских самоубийц. Не проходило недели, чтобы спасателям в кислородных масках не приходилось проникать на кладбище компьютеров и подбирать посиневшее тело очередного отчаявшегося горожанина.

Все эти дни Джордж упорно ломал голову, пытаясь разобраться в ситуации. «Под городской территорией не так уж много места, — думал он. — Самых слабых выбрасывают на пляж, если только... Да это, скорее, побежденные в подземной войне, решающие сделать себе хакари. Но, может быть...»

Ни один из вариантов полностью не устраивал его. Он понимал, что вряд ли когда-нибудь выяснится вся правда о происходящем под землей.

10 июля Эми снова позвонила ему. Она сообщила, что их компания подобрала беднягу, некоего Арна Сивелко, спасшегося из квартиры, расположенной где-то на гораздо более низком уровне. У них все в порядке. Они посещали развалины...

Накануне она обнаружила полуразрушенную гостиную, в которой два манекена из розового мрамора сидели друг против друга за шахматной

доской из человеческой кожи, на которой суетились живые фигурки. Чем дальше они продвигались, тем чаще встречались обратные метаморфозы. Цветы всегда были из пластмассы, тогда как обои — из женской или детской кожи, судя по ее нежной структуре. В зимних садах трава была нейлоновой, но в платяных шкафах висели аккуратно связанные из соломы свитера. Ковры были сотканы из человеческих волос, но волосы на теле то и дело попадавшихся трупов были из голубой шерсти.

Джордж скептически воспринял эти сведения, испытал при этом легкое чувство зависти. Но, возможно, Эми была, как всегда, под градусом... Он молча положил трубку.

Следующий звонок прошел впустую, он практически ничего не расслышал. Очевидно, автобус спустился слишком низко, и Джорджу так и не удалось понять ни единого слова.

После этого телефон больше не звонил ни разу.

Однажды ночью Джорджу приснился сон. После того как последний компьютер бросился в море, каждый дом оказался связанным с обрывом длинным туннелем, куда свободно врвался морской ветер. Привыкшие к новинке морские птицы, обычно планировавшие над морем, заполнили бесконечные коридоры, чудовищно усилившие их пронзительные крики. Ненастными вечерами ветер с воем носился по галереям, оглушительно хлопал дверями, врвался в гостиные и спальни, разбрасывая газеты, книги, салфетки и занавески. Буря поднималась из земных недр в сопровождении сильного запаха ила и гниющих водорослей. Вместе с ней в жилье залетали морские птицы. Они металась по комнатам в вихре белых перьев, сбрасывая на пол все, что могло упасть. Они не только больно клевали хозяев, но и покрывали пометом ковры и полированную мебель. Квартиры превращались в подобие птичников.

Иногда, в спокойные минуты, Энна спускалась в подвал и блуждала по подземным галереям.

Однажды Джордж проснулся в тот момент, когда увидел во сне, как Энна, добравшись до наружного отверстия туннеля, с коротким криком рухнула в морские волны.

Через месяц он был вынужден признать очевидное. Поскольку за это время ни один компьютер не выбрался на поверхность, можно было надеяться, что город скоро вернется к нормальной жизни. Но визит в архивы мэрии позволил ему выяснить, что под землей все еще оставалось 244 компьютера, так что вряд ли можно было ожидать быстрого улучшения ситуации. Короче говоря, все оставалось по-прежнему.

4 августа Джордж записал на последней странице дневника: «Альтернативы нет, все будет продолжаться как раньше, до тех пор, пока элек-

тронные мозги не придут к общему выводу: должно совершиться нечто апокалиптическое, вроде остывания Солнца или столкновения Земли с космическим телом. Короче говоря, нечто, приводящее к полной гибели жизни. Что будет потом? Может быть, они сами собой отключатся от электросетей, поскольку им больше не нужно будет заботиться о «выживших»? Или они сначала подвергнут разложению все живое, что им попадется в городе? Не остается ничего другого, как только ждать. Учитывая скорость, с которой теперь эволюционируют компьютеры, финал может наступить как через год, так и в следующем месяце... Может быть, жребий уже брошен, и ржавевшие на пляже компьютеры принадлежат к умеренной фракции, ратовавшей за отключение от сети в связи с отсутствием жильцов? Но что тогда замышляют их оппоненты?».

Джордж пытался прикинуть, какова будет реакция муниципалитета, если он опубликует свои выводы? Но надежды на публикацию не было: любой издатель сразу же побежал бы в мэрию с доносом.

Поднимавшие тревогу во все времена были жертвами репрессий, столь же жестоких, сколь и бессмысленных.

Идея приобresti грузовик или автобус, как Эми, и покинуть город была полнейшей утопией. Городская полиция создала непроницаемый кордон вокруг города, не только перекрыв все автомобильные дороги, но и закрыв доступ к морю и горам. Полицейские, не колеблясь, уничтожали с помощью базук всех беглецов. Иногда их бронированные лендроверы налетали на какого-нибудь несчастного, заподозренного в попытке к бегству, и сжигали его на месте, облив напалмом. Ничто не могло заставить их остановиться, и никто не мог считать себя в безопасности, даже достигнув границ соседнего государства. Говорили, что командос, подчинявшиеся лично мэру, преследовали осмелившихся покинуть город по всему континенту. Эта охота могла продолжаться и год, и больше; так или иначе, любой беглец рано или поздно оказывался жертвой «несчастливого случая»... Что же касается тех, кто ударился в бегство, оставив в городе близких, то репрессии по отношению к ним были невероятно жестокими, будь то женщины или дети. Единственно терпимым властями способом бегства был метод, выбранный Эми: уйти в подземелья. Но Джордж весьма сдержанно относился к такому варианту самозахоронения. Одни мысли об этом вызывали у него нечто вроде головокружения, в котором в равных дозах смешивались клаустрофобия и агорафобия.

Первого сентября Джордж остановил все часы в доме, вытащил на лужайку кресло-качалку и начал медленно покачиваться, глядя на море.

Вот так-то...

Я знаю, что кресло-качалка продолжало раскачиваться со скрипом на следующий день, а также послезавтра и все последующие дни.

А затем...

Затем я могу представить себе, что Энна погибла, оказавшись жертвой рециклирующего компьютерного терминала, коварно проникшего в ее тело во время сна. Что Джордж наконец решился приобрести автобус и отправился вслед за Эми. Что они в конце концов были подвергнуты рециклированию, когда случайно оказались в зоне битвы между компьютерами.

После этого произошла инверсия, и теперь их плоть слагает кузов и двигатель автобуса, за рулем которого находятся Джордж и Эми из желтого металла...

Что Джордж в глубине подземного мира стал верховным главнокомандующим армии мутантов и теперь готовится к окончательному штурму города.

Но, возможно, он блуждал по лабиринту туннелей в безрезультатных поисках Эми, пока не умер от жажды и голода?

Что касается Энны, то почему бы ей не убежать вместе с юным любовником?

Может быть, весь город давно не существует, сметенный с лица Земли катаклизмом, порожденным еще в давние времена перфорированной картой?

Но все это выдумки, стремление искусственно драматизировать ситуацию, существующую только в романах, к тому же достаточно банальных. Можно поспорить, что Энна до сих пор бродит по коридорам своего дома, не решаясь спуститься в подземелья и постоянно откладывая схватку, которая так никогда и не состоится, а Джордж все еще покачивается в своем дряхлом и раздражающе скрипучем кресле-качалке... А Эми оказалась в тупике, где ей пришлось бросить автобус, и сейчас она выбралась к обрыву, откуда продолжает смотреть на море в бинокль своими утомленными глазами...

Что же касается города...

**Перевел с французского
Игорь НАЙДЕНКОВ**

Ф А Б Р И С Н Е Й Р Е

НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

После ночной аварии мы до утра продолжаем ликвидировать ее последствия, и уже многие члены команды, измотанные до предела, откровенно ворчат, что пора бы и остановиться. Мне тоже кажется, что можно прекратить аврал и разойтись, чтобы хоть немного поспать. Тем более сейчас, когда с момента столкновения прошло десять часов, мы практически полностью овладели ситуацией.

Это случилось в три часа ночи. Все проснулись, разбуженные отдаленным грохотом, а те, кто находился ближе к точке удара, почувствовали сильное сотрясение, к счастью, самортизированное гибкой корабельной арматурой. Вероятно, мы столкнулись с довольно крупной глыбой. Подобное время от времени случается, но особенно часто в последние несколько месяцев, когда мы вошли в зону, насыщенную космическим мусором. Конечно, чужеродные тела очень редко проникают глубоко в структуру корабля; большинству не удается даже пробить его толстую эпидерму. Но на этот раз повреждения оказались достаточно серьезными, поскольку целый блок помещений — наверное, около десятка — оказался изолированным.

Я добрался до фронта удара через полчаса после столкновения: похоже, что в этом месте находилась самая глубокая часть зоны повреждений, уже полностью охваченной разросшейся соединительной тканью стенок. Мне приходилось протискиваться через отсеки, походившие на пещеры с неровными стенками; к счастью, в них продолжала действовать циркуляция воздуха. Коридоры между отсеками превратились в узкие кривые и почти сомкнувшиеся туннели. Я не собирался застрять в этом опасном месте, как не раз случалось с моими коллегами во время предыдущих аварий. Да и мне однажды пришлось пройти это страшное испытание, но о нем у меня почти не сохранилось воспоминаний. В то же время я хорошо помнил рассказ Фредерика, которому пришлось выбираться ползком из узкой трубы, возникшей на месте одного из коридоров после аварии двигательной установки. Должен признаться, что я очень живо представил, как вокруг меня начинает смыкаться мягкая влажная плоть живых стенок. Поэтому, как только проход сузился до угрожающих размеров, я тут же кинулся назад, так и не успев оценить масштабы повреждений. Потом мне пришлось искать обходной путь для отступления к задней части корабля, поскольку коридоры, по которым я только что прошел, уже сомкнулись. В результате я так ничего и не смог выяснить. Нужно было подождать, когда рана зарубцуется.

Пока очевидным было одно: Тристан не отозвался на сигнал общего сбора. Мы долго и безуспешно искали его вблизи поврежденной

части корабля, хотя все знали, что ночью он должен был находиться в своей кабине, расположенной в зоне разрушений. У него было мало шансов остаться в живых; даже если он и не погиб в момент столкновения, то его вполне мог захватить образовавшийся после удара отек. Правда, никто не допускал, что Тристан мог пропасть без следа, потому что на корабле обычно все кончалось хорошо. Каким бы иррациональным ни выглядело наше поведение, но все члены команды давно привыкли с известной легкостью воспринимать даже серьезные происшествия. Несомненно, это было связано прежде всего с защитным психологическим рефлексом, потому что гибель хотя бы одного из десяти членов команды во время продолжавшегося десятилетиями полета была бы настоящей катастрофой, и человеческий разум просто отказывался допускать такую возможность. Кроме того, все мы привыкли ощущать себя в полной безопасности внутри корабля, подобно тому, как зародыш ничего не боится в теле своей матери. Нельзя сказать, что это сравнение притяннуто за уши, поскольку наш корабль действительно живой. Он состоит из органической материи, генетически настроенной на авторегенерацию при повреждениях и на максимальную защиту участников экспедиции в любых происшествиях. Конечно, никто бы не стал рисковать, нарочно создавая опасные ситуации, потому что гигантский организм корабля с довольно ограниченными возможностями восприятия теоретически сам мог иногда создавать угрозу человеческой жизни во время своей замедленной, но весьма широкомасштабной реакции на какое-нибудь внешнее воздействие. Разные происшествия случались довольно часто: наш продолжительный полет через неизведанные глубины пространства ничем не походил на поездку по обустроенной автомагистрали. Тем не менее ни разу за восемь лет ни с одним из членов экипажа не случилось ничего серьезного. Понятно, что мы привыкли к мысли, будто корабль обеспечит нашу безопасность в любой ситуации.

Но после аварии прошло уже более десяти часов, а Тристан так и не нашелся. А мы все еще не могли войти в поврежденный блок, не подвергая себя опасности.

На Совете мы проанализировали все, что нам удалось выяснить о столкновении, и со вздохом облегчения согласились, что непосредственной опасности для нас не было. Впрочем, в этом никто особенно и не сомневался, настолько велика была уверенность в надежности корабля. Дело в том, что в пустоте, заполненной излучениями и редкими обломками твердого вещества, невозможно думать иначе, не рискуя стать шизофреником. Тем не менее у нас было мало опыта ликвидации

последствий происшествия, подобного случившемуся. Мембраны корабельной структуры сначала стянулись после удара, а затем сразу же разрослись, чтобы перекрыть утечку воздуха. Как только пробоина заросла, немедленно началось восстановление отсеков. При аварии пострадали многие блоки важного оборудования, но мы рассчитывали, что оно вскоре будет регенерировано за счет запасов вещества на корабле. На Совете было отмечено исчезновение одного члена экипажа, хотя возможность его обнаружения пока полностью не исключалась. Короче говоря, Совет завершился выводом, что кризис миновал, и теперь все члены команды имели возможность наконец отоспаться. Все равно мы больше ничего не могли выяснить, пока через два-три дня не рассосется огромный рубец.

Сегодня утром на корабле царило всеобщее ликование: Гвен встретил Тристана, блуждавшего в лабиринте коридоров. Вся команда тут же собралась вокруг него; у нас будто свалилась с плеч огромная тяжесть. Но Тристан показался мне словно одурманенным; кроме того, он весьма смутно помнил о случившемся. Поскольку он выглядел совершенно здоровым, мы накормили его и отправили спать. Очевидно, какой-то из коридоров своевременно выпустил его из заточения, иначе он мог бы задохнуться. Напряжение отпустило нас.

Вскоре после этого я отправился проверить состояние отечной ткани. Отек едва начал спадать; еще ни один коридор не был абсолютно доступен, ни одна каюта не освободилась полностью. Обходя зону разрушений по периметру, я попытался представить медленный процесс восстановления целостности мембран. В толще стенок вокруг поврежденного участка можно было угадать положение вздувшихся вен, по которым к растущим тканям доставлялись вещества и энергия. Прикладывая руки к мягкой выпуклой поверхности, ограничивавшей зону повреждений, я ощущал тепло и легкую пульсацию работающей плоти. Вообще-то никто из нас не представлял весь процесс функционирования корабля, и это неведение лежало в основе почтительного, едва ли не религиозного преклонения членов экипажа перед своим кораблем. Конечно, важнейшие жизненные процессы были подробно описаны в справочниках, но вся детальная информация была закодирована в генах, контролирующих развитие корабельного организма. В этом кодировании и заключалась основная задача строителей на орбитальных верфях, где закладывались и создавались корабли, предназначенные для роения человечества на огромных просторах космоса. На микроуровне клетки тканей корабля работали точно так же, как в любом живом организме. Создание культур этих тканей и отдельных ор-

ганов — дело работников довольно низкой квалификации, и в ней нет ни малейшей таинственности. Но вот при переходе к макроуровню мы очень плохо представляли, как организуется жизнедеятельность всего организма.

Раны почти залечены, так что все помещения корабля снова стали доступны. Конечно, это не совсем прежние помещения; кое-где в перегородках улавливается слоистость, свидетельствующая, что они сомкнулись на месте бывшей каюты. Потребовалось немало часов, чтобы из аварийных стенок высвободить предметы мебели и приборы, еще не полностью переработанные плотью корабля. В центральной зоне удара видны гладкие блестящие мембраны, явно выращенные из нового материала. Нам удалось найти метеорит, уже доставленный к наружной оболочке и частично переработанный клетками-фагоцитами. На полную его утилизацию уйдет много недель, и его вещество будет в конце концов доставлено по транспортным артериям в переднюю часть корабля, где хранятся материалы, предназначенные для повторного использования. В общем, все пришло в порядок, и жизнь на корабле вернулась к своему обычному однообразному течению.

Однажды вечером, когда я бродил по восстановленным помещениям, мне показалось, что на одной из перегородок осталось ненормальное вздутие. Сначала я подумал о куске метеорита, но корабль пока еще не начал перерабатывать его, и он оставался таким, каким был в момент удара. В то же время, это не могла быть деталь обстановки каюты, потому что стенка давно определила бы инородное для нее тело и избавилась бы от него. Из чистого любопытства я сходил в медблок за эхографом. И, наверное, зря: давно уже я не испытывал такого ужаса. Вглядевшись в экран, я увидел скелет. И когда я проверил сохранившийся рядом со скелетом опознавательный жетон, все сомнения исчезли — это мог быть только Тристан.

Я тут же разбудил Янника и Гвен. Встревоженные моим безумным видом, но еще ничего не понимающие, они последовали за мной. Я объяснил им все только после того, как мы добрались до места. Разумеется, они не могли поверить мне сразу, но когда я включил эхограф и они увидели содержимое вздутия... Словно оцепенев, мы долго стояли вокруг прибора, пытаясь сообразить, что делать в этой ситуации. Естественно, мы прекрасно представляли, что все, находившееся в пострадавших каютах — включая оказавшегося здесь члена команды, — было поглощено разросшейся тканью и закапсулировано. И теперь стенка перерабатывала тело Тристана.

Но тогда кем было существо, представшее перед нами в его облике?

Поскольку ни один из нас не мог придумать разумного объяснения, мы решили созвать утром общий Совет. Пока же мы, не поднимая шума, заперли снаружи каюту, в которой находилось существо, выдававшее себя за Тристана. Да, ситуация была далеко не стандартной и очень тревожной.

Остаток ночи я так и не заснул; уверен, что Янник и Гвен тоже не смогли сомкнуть глаз.

Утреннее собрание не смогло прийти к какому-нибудь разумному заключению. Мы пригласили на Совет и «Тристана», который никак не мог понять, в чем его обвиняют. Он был ошеломлен тем, что его считают обманщиком, самозванцем. Я попытался влезть в его шкуру: вот я вернулся к своим, а они встретили меня шквалом ненависти. Но в то же время я хорошо понимал, что это создание не может быть Тристаном, ведь мы нашли останки нашего друга. И пока мы не разберемся, откуда существо появилось и каковы его намерения, оно будет представлять для нас опасность, тем более страшную, что природа ее и цели совершенно непонятны.

После бурных и бесплодных дискуссий самозванец был сослан в каюту и заперт на ключ, а мы продолжили расследование.

Мы не находим объяснения случившемуся: все испытания только подтверждают, что это пропавший член экипажа. В то же время у нас нет сомнений, что обнаруженный в стенке скелет принадлежит Тристану. Над нашим благополучным мирком веет ветер безумия.

Я заставил «Тристана» повторить свой рассказ множество раз. И каждый раз слышал одно и то же: он был разбужен страшным толчком, поскольку находился недалеко от места удара. Едва он вскочил на ноги, как стенки кабины внезапно сомкнулись вокруг него. Он помнит сплошной мрак, охвативший его ужас, когда он понял, что оказался замурованным, затем нехватку воздуха, постоянно усиливавшееся давление стенок... В этом сумбурном повествовании трудно было отделить реальные события от воображаемого кошмара. Окончание рассказа тоже всегда оказывалось одним и тем же: в почти бессознательном состоянии он инстинктивно пытался куда-то ползти и неожиданно оказался в освещенном коридоре. Надо заметить, что во многом это совпадает с тем, что нам рассказывал Фредерик после столкновения корабля с метеоритом.

Все это вызывает у меня сильное беспокойство, и я решаю немедленно проверить едва оформившуюся гипотезу. Я отправляюсь по внешнему коридору к двигательному отсеку и пытаюсь найти место,

где несколько недель назад во время подобного происшествия оказался Фредерик. Тогда мы столкнулись с небесным телом гораздо меньших размеров, поэтому никому не пришло в голову внимательно изучить место удара. Но корабль, как это бывает при любом повреждении, отреагировал стандартно, и Фредерика едва не задушила разрастающаяся плоть корабля. Внимательно осматривая коридор, я все же обнаружил в одной из перегородок небольшое вздутие, гораздо менее заметное, чем в случае с Тристаном. И я знал заранее, какая находка меня ждет.

Вот уже несколько суток я живу с помрачившимся сознанием, словно в страшном сне, превратившемся в реальность. После того, как я обнаружил скелет Фредерика, о чем никому пока не рассказал, я принялся, словно в исступлении, зондировать перегородки и стенки коридоров по соседству с местами, пострадавшими во время предыдущих столкновений. И во многих случаях мне удается совершить очередное зловещее открытие: я увидел скелеты Марианны, Изабеллы, Патрика и самого Янника... К счастью для рассудка, я воспринимаю происходящее почти без эмоций, так как почти уверен, что нахожусь за пределами реальности...

Чем дальше я отступаю во времени, тем сложнее идентифицировать останки: судя по всему, они медленно перемещаются внутри стенок к передней части корабля и при этом постепенно рассасываются.

В итоге я прихожу к страшному выводу: большинство членов экипажа — куклы, заменившие настоящих людей. Но откуда они берутся? Почему никто из них ничем не проявил себя на Совете, когда я впервые сообщил о своей жуткой находке? Кто и с какой целью состоит в сговоре, в результате которого закапсулированные плотью корабля члены экипажа снова появляются на свет?

Сегодня наступил пятый день после аварии. Похоже, я просто погряз в безумии: мне удалось обнаружить второй скелет Тристана. Я все хуже и хуже понимаю происходящее; в моей голове вместо мыслей — отвратительная каша. Что — вернее, кого — на корабле нужно считать фальшивкой? Членов экипажа? Скелеты в стенках? Или дело в том, что я просто перестал адекватно воспринимать окружающую обстановку? Я не могу избавиться от преследующего меня страха, от постоянной дикой головной боли. Что касается реальности нашего существования на борту корабля, то мне с потрясающей ясностью представляется: всё окружающее — сплошная чудовищная иллюзия. Мне становится чертовски неуютно внутри корабля, еще недавно такого

надежного, а теперь превратившегося в логово враждебных человеку зловещих тайн. И я не понимаю, что означают странные взгляды встречающихся мне в коридорах членов команды. Знают ли они то, что знаю я? Нужно сказать, что отныне к моей конспиративной деятельности добавляется подозрительное отношение ко всем остальным, и это, наверное, не может не бросаться в глаза. Но я не доверяю своим собственным впечатлениям и продолжаю расследование в передней части корабля, стараясь не попадаться на глаза остальным членам команды.

Вот и все. Я должен был заподозрить подобное с самого начала. Не понимаю, почему я не подумал о таком, не увидел в очередном кошмаре? Может быть, с самого первого дня я искал именно это, хотя и неосознанно?

Я сижу на полу, привалившись к перегородке, не в состоянии пошевелиться, с выступившими на лбу крупными каплями пота. На стенке напротив меня незначительный, едва заметный бугорок. Это я. Или, точнее, жалкие остатки моего скелета. Они почти неопределимы, но жетон цел, и сомнений не остается. Это я. В моей голове клубится абсолютная пустота, и я покорно отдаюсь волнам нахлынувшего безумия.

Только через несколько часов я пришел в себя настолько, что смог встать и дотащиться до своей кабины, где рухнул инертной массой на койку.

Через двенадцать часов беспокойного, наполненного кошмарами сна и нескольких часов размышлений я встал с созревшим в голове планом. В конце концов, я должен знать точный ответ на все вопросы. После небольшой подготовки я, словно сомнамбула, потащился к передней части корабля, к устройствам рециклирования. Мы очень редко забредаем сюда, потому что здесь нет ни требующих внимания механизмов, ни жилых помещений. Почти все пространство внутри наружной оболочки, за исключением нескольких узких туннелей, занимает живая плоть корабля. Я еще не знаю, что именно ищу, но уверен: я сумею обнаружить нечто крайне важное, ведь именно здесь сходятся все каналы, пронизывающие толщу наружных и внутренних стенок и перегородок. Я проникаю в главный коридор и устраиваюсь как можно удобнее — ожидание предстоит долгое.

В назначенный час оставленное мной перед дверью в каюту Тристана устройство сгенерировало мощный электрический разряд, что привело к быстрому схлопыванию стенок его каюты. Можно было не сомневаться, какая судьба ожидала ее единственного обитателя,

застигнутого врасплох во время сна. Теперь мне оставалось только уснуть, произойдет ли все так, как я предполагал.

Несколько часов промучившись сомнениями, я заметил, что потолок и стенки коридора, в котором я находился, начали проявлять признаки активности. Уже через несколько минут вся масса корабельной плоти вокруг меня медленно запульсировала, и температура в коридоре заметно повысилась. Несмотря на естественный в этих условиях страх (ведь корабль явно не осознавал моего присутствия, и со мной могли произойти любые неприятности), я не мог не восхищаться его мощной реакцией на случившееся.

Пульсации, то ненадолго затухавшие, то возобновлявшиеся с новой силой, продолжались до позднего вечера, и все это время я не покидал своего наблюдательного поста.

Наконец судороги корабельной плоти затихли. В стенке напротив возникло углубление, сначала совсем небольшое, но быстро превратившееся в неправильной формы впадину, на дне которой просвечивала неясная темная масса; вскоре из нее появились сначала пара беспорядочно двигавшихся рук, а затем голова и туловище Тристана, неуклюже старавшегося выбраться наружу. В общем, все произошло именно так, как я и предполагал, хотя и боялся поверить самому себе. Я оказался свидетелем рождения нового Тристана, неизвестно какого по счету за все время нашего путешествия.

С печальной улыбкой я повторяю про себя неумолимый закон, определяющий бытие человека в пределах нашей микровселенной: корабль идеально играет роль ангела-хранителя, надежно обеспечивая достижение цели нашего путешествия. За гибелью любого члена команды немедленно следует его регенерация, и процедура происходит настолько часто, насколько это вызывается необходимостью; обеспечиваемая таким образом сохранность членов команды не требует дополнительных технических мер по их защите. Думаю, что то же самое происходит на всех других органических кораблях.

Но можно ли быть уверенным, что на пока еще далекой планете, цели нашего путешествия, действительно высадятся представители рода человеческого, предпринявшего грандиозную попытку заселения Галактики?

**Перевел с французского
Игорь ВАСИЛЬЕВ**

© Fabrice Neyret. Continuité. 2000. Публикуется с разрешения автора.

Digital Camera

photo
video

О цифровой фотографии
доступно и легко!

В каждом номере:

- обзоры последних новинок фототехники
- профессиональные советы по съемке в разных жанрах
- уроки по редактированию фотографий
- портфолио: известные мастера и новые имена
- гид покупателя: камеры, видеокамеры, камерофоны, принтеры, периферия, фотолаборатории, кофры
- ежемесячные фотоконкурсы с призами

Подписка на журнал

По Объединенному каталогу
«Пресса России» — 44175.
По каталогу ООО
«Межрегиональное Агентство
подписки» (кроме Москвы) —
99437.

Самая популярная рассылка
о цифровой фотографии
в Рунете www.digicam.ru

С Е Р Ж Л Е М А Н

МЮЛАРИСЫ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Ахаб выбрался на поверхность на двадцатый день, до предела измотанный бесконечным восхождением. Он сбросил с плеч рюкзак и тяжело опустился на утопанную землю квадратного двора замка. Потом он откинулся назад и закрыл глаза. После трех недель, проведенных под землей, ему нужно было время, чтобы привыкнуть к дневному свету. Так он лежал довольно долго, спешить ему было некуда. Постепенно его перестали терзать натруженные сердце, легкие и мышцы спины и ног. Глубоко вздохнув, Ахаб наполнил легкие воздухом, насыщенным пряными запахами близких джунглей. Казалось, он неожиданно вернулся в старые, давно забытые, но когда-то дорогие ему места. Еще один глубокий вдох. Знакомые ощущения волнами набегали на него, сталкиваясь и переплетаясь. Запах сырой земли. Тепло двух солнц, висевших низко над стенами. Доносящиеся издали крики псевдозавров, нежащихся на берегу реки, клекот хищных птиц. Мягкие прикосновения ветерка. Тишина.

Ахаб легко смирился с одиночеством; так же легко он воспринял и неизбежность своего побега после того, как двадцатью днями раньше капитан Холландер собрал всю команду во дворе замка. С этого момента события последовали друг за другом с роковой неизбежностью, подобно звеньям сплошной цепи. Холландер приказал готовиться к отлету. В ответ поднялся невообразимый шум: люди смеялись, свистели, аплодировали — все радовались близкому старту. В конце концов, они ведь проторчали на Ансиле уже добрых шесть месяцев.

Ахаб дослушал до конца короткую речь капитана. Затем, как и все остальные, направился к своей комнатухе, небольшому каменному склепу, чтобы собрать вещи. В этот момент он еще не знал, что будет делать. Выступить против Холландера? Но для этого, чувствовал он, ему не хватало мужества. Однако так вот сразу покинуть планету...

Он решил на побег чуть ли не против своей воли. Как будто речь шла о ком-то другом. Едва стемнело, он бесшумно выскользнул из комнаты. Темнота была заполнена криками и смехом его товарищей, собиравшихся вокруг костра. Пригибаясь, Ахаб пересек открытое пространство и начал бесконечный спуск по уходившим вниз ступеням.

Три последующие недели слились в его сознании в нечто единое, смутное и расплывчатое. Он жил в подземном лабиринте мюларисов, постоянно перемещаясь, охотясь и отдыхая вместе с ними. Он с благодарностью принимал от них непривычную пищу, взамен обучая их новым приемам коммуникации. Как и следовало ожидать, ни один че-

ловец из команды не осмелился спуститься в недра Ансиля, чтобы вернуть его.

По мере того, как он постепенно уходил все ниже и ниже, воспоминания о Холландере и других членах команды, казалось, тускнели в его памяти, теряли черты реальности. Это его вполне устраивало. Скрывшись под землей, он возложил на товарищей груз решения, которое сам был не в состоянии принять. Вначале иногда он со странной нежностью думал о них, но вскоре осознал, что ему придется напрягаться, совершать все более и более тягостные усилия, чтобы вспомнить их лица и голоса.

Однажды Ахаб обнаружил, что эти усилия стали бесполезны. Окончательно и бесповоротно. И тогда он начал подъем к поверхности. Он был уверен, что между его памятью о спутниках и их присутствием там, наверху, в стенах замка, существует некая тайная связь. Возникшая сейчас вокруг него пустота свидетельствовала, что Холландер и его команда покинули планету. Ахаб остался один. Вернее, они остались вдвоем. Он и этот мир.

Но этот мир был обречен на гибель.

Он открыл глаза. Солнечный свет уже не казался таким слепящим. Высоко над ним фиолетовое небо Ансиля словно пульсировало. Стая гигантских птиц с длинными крыльями — желтыми с черной каймой — плавно скользила среди облаков. Ахаб встал. Он пересек двор по одному из «тротуаров» мюларисов, разрисованному изгибающимися желобками, в свое время так заинтриговавшими его, и вошел в небольшое помещение, где Холландер разместил аппаратуру центра связи.

Как он и ожидал, люди Холландера демонтировали оборудование, захватив с собой все мало-мальски стоящее.

В приступе внезапного отчаяния он всмотрелся в красноватый полумрак. На полу валялись какие-то железки и мотки перепутанных проводов. Ничего стоящего, ничего такого, что можно было бы использовать.

Он вышел, чтобы подобрать свой рюкзак. Проходя мимо черной дыры, бросил взгляд на начало уходящей в темноту лестницы, по которой поднимался прошлой ночью, насчитав четыре тысячи ступеней. Небольшая быстрая тень мелькнула на пятой или шестой ступеньке. Он не отреагировал на нее. Держа рюкзак в руке, он пересек двор в обратном направлении и вошел в свою каморку. В этот момент в поле видеоблока на его столе материализовалось трехмерное изображе-

ние. Перед ним появилось лицо Холландера. Ахаб остановился. У него перехватило дыхание, рюкзак выпал из ослабевшей руки. Глаза капитана искали его.

— Я здесь, — пробормотал Ахаб.

Холландер, точнее, его компьютерный двойник, повернул голову в его сторону.

— Благодарю, — произнес он своим хриплым голосом.

На несколько минут воцарилось молчание. Ахаб невольно почувствовал восхищение искусством, с которым капитан запрограммировал свое изображение. Снабдив его свойственной оригиналу способностью к сопереживанию, капитан обеспечил нечто большее, чем просто выполнение административного долга.

— Когда вы стартовали? — спросил Ахаб, усаживаясь напротив изображения.

— Шесть дней назад. — Холландер покачал головой и добавил с сожалением: — Мы ждали тебя, сколько смогли...

— Я знаю, — кивнул в ответ Ахаб с наигранным легкомыслием, что было напрасно, поскольку заботиться о чувствительности компьютерного изображения совершенно не обязательно. — Я сам во всем виноват. Не беспокойтесь за меня.

Холландер продолжал, словно не услышав его слова:

— Ближе к моменту отлета я организовал дежурство возле входа в подземелье — на случай, если ты вздумаешь выбраться на поверхность ночью, чтобы раздобыть еды. Мне не хотелось терять даже малейший шанс вернуть тебя. И еще я посылал вниз Линка. Он добрался до первого зала и оттуда часами звал тебя. Ты ничего не слышал?

— Нет, на этот раз мюларисы увлекли меня гораздо ниже. Не сомневаюсь, до меня добраться было невозможно.

Холландер печально кивнул несколько раз.

— Но мы больше не могли оставаться, Мишель. Мурена была совсем близко. Не дальше чем в сотне километров к западу от нас. Через пять-шесть дней она могла добраться до замка. Я не мог рисковать людьми. И единственной альтернативой для нас...

— Конечно, выбор у вас был небольшой. Улететь и предоставить мюларисов самим себе. Или остаться и погибнуть вместе с ними. — Ахаб пожал плечами. — Но я не мог бросить их, капитан. И я сделал *свой* выбор.

— Я знал, что ты скажешь именно это.

Реальный человек и человек виртуальный долго смотрели друг на друга, не произнося ни слова. В общем-то, и говорить им было не о

чем. Через несколько минут — пять или, быть может, десять — изображение Холландера поблекло и исчезло. Теперь Ахаб остался совершенно один.

Большую часть времени на следующее утро он потратил на приведение в порядок записей — не столько по необходимости, сколько пытаясь хоть чем-нибудь занять себя. Как сказал капитан, мурена приближалась. Скоро она поглотит все, что сейчас окружало его: реку, джунгли, замок. И, конечно, его самого. Она пронесется над местностью, обращая материю в хаос, и продолжит свой апокалиптический полет над Ансилом, пока не уничтожит все на поверхности планеты. Через месяц, самое большее через два, от этого мира ничего не останется. Как ни странно, Ахаб воспринимал эту мысль как абстракцию, несмотря на то, что ему довелось посетить несколько планетных систем, уничтоженных муреной. Возможно, это было связано с ощущением полного отсутствия смысла в происходящем. Изучение мюларисов, которому он посвятил шесть месяцев, сейчас казалось ему совершенно ненужным. Ахаб некоторое время пытался бороться против очевидного, но в конце концов был вынужден признать, что отныне стал для самого себя объектом изучения, и поэтому его единственная обязанность — найти в себе силы согласиться с перспективой близкого финала.

После полудня он выбрался на окружавший замок высокий вал с укрепленным каменными плитами гребнем. Влажная и густая, словно шерсть зверя, стена джунглей со всех сторон окружала донжон. Оба солнца сливались в зените в единое голубовато-белое слегка вытянутое гало, и его отражение пылало на поверхности зеленых речных вод. Почувствовав, как запершило в горле, Ахаб проследил взглядом контур противоположного берега реки. Воздух дрожал от давящей жары, и силуэты склонившихся над водой гигантских деревьев, почти касавшихся ветвями водной поверхности, казались нечеткими. Далеко на западе группа псевдозавров лениво копошилась на речной отмели во влажной глине. Ахаб с удивлением понял, что завидует им. Это было бы просто замечательно — перестать беспокоиться о своем месте, о своей роли в этом мире, сохранить только древнее ядро своей личности, существующее вне времени и не осознающее ничего, кроме потребности в пище и воде...

Это было бы его единственным спасением, будь он в состоянии сделать подобное. Но как раз этого он и не мог... Ахаб поморщился. Надвигающийся хаос пока еще скрывался далеко за горизонтом. Но

неясные темные тени, чем-то напоминавшие фрактальные изображения, уже клубились над линией горизонта. Станный рой черных точек извивался между ними. Сначала Ахаб подумал, что это беспорядочно кружатся захваченные вихрем птицы; прищурившись и приложив руку козырьком ко лбу, он разглядел, что танцующее в воздухе облако было не чем иным, как множеством гигантских, высотой более сотни метров, деревьев, подобных тем, что окружали замок. Невероятная сила вырвала их с корнями и взметнула высоко в небо.

Еще нельзя было увидеть саму мурену, но уже давало знать о себе ее смертоносное дыхание, опережавшее чудовище на несколько дней.

Ахаб покопался в карманах грязного комбинезона, извлек оттуда огрызок сигары и закурил. В этот момент на валу поблизости от него появилось небольшое лохматое существо. Короткими быстрыми прыжками оно пересекло полосу раскаленных солнцами плит и с удовлетворенным вздохом вспрыгнуло к нему на руки. Ахаб невольно улыбнулся. Резким толчком он подбросил мюлариса в воздух, ловко подхватил его на подставленную ладонь и поднес к лицу.

— Привет, малыш, — ласково пробормотал он. — И откуда только ты взялся?

Мюларис в восторге перекувырнулся несколько раз, быстро вскарабкался к нему на плечо, тут же вернулся на ладонь и уютно устроился там. Ахаб некоторое время всматривался в его мордочку, потом опустился на колени и посадил мюлариса на бордюр из светлого камня.

— Посмотри-ка туда! — И он махнул рукой в направлении мятущихся на горизонте туч. — Туда, туда! Ты видишь? Надвигается большая опасность. Нужно уходить.

Мюларис заморгал и с любопытством оглянулся в сторону, куда указывал Ахаб. Несколько мгновений он всматривался в неясные темные массы, постепенно заволакивавшие фиолетовое небо над горизонтом, потом подпрыгнул, перекувырнулся через голову, уселся на задние лапы и принялся деловито расчесывать густую шерстку у себя на груди.

Непонятное безразличие маленького создания к надвигавшейся угрозе зародило в голове у Ахаба какие-то смутные мысли. На мгновение его охватило почти болезненное ощущение ирреальности происходящего. Что делал здесь он сам, добровольный Робинзон? Когда они высадились полгода тому назад на Ансиле, Холландер четко определил обязанности каждого члена команды. Ахаб был биологом, и его работа заключалась в изучении стресса, переживаемого местной фауной по мере приближения мурены.

Совершенно случайно, пытаясь уловить на космических снимках признаки массовой миграции животных, он обнаружил замок с возвышавшимся над его стенами донжоном. Холландер с небольшим отрядом отправился туда на разведку. Они ничего не обнаружили — ничего, кроме пустой цилиндрической башни посреди квадрата высоких стен, к которым с внутренней стороны лепились, подобно ласточкиным гнездам, небольшие каменные пристройки без окон. Радуюсь избавлению от сырости джунглей, команда быстро перебралась в сухие, прохладные помещения замка.

Через некоторое время из подземелья на поверхность вышли мюларисы.

Ахаб с трудом разбирался в своих воспоминаниях, едва отличая реальные события от плодов воображения. С поля битвы, развертывавшейся там, на расстоянии доброй сотни километров, в которой участвовали Ансиль и мурена, до него не доносилось ни малейшего отголоска. Ни единого дуновения ветерка. Даже ворчания грома — и то не слышно. Ярость пряталась за горизонтом, за пеленой медленно вспухающих туч.

— Нужно уходить, — снова сказал Ахаб.

Он повторял мюларисам эту фразу множество раз подряд, хотя и понимал, что все бесполезно.

Мюларисы оказались глухими. Это было одним из первых открытий, сделанных Ахабом при их изучении. В первую же ночь они притащили откуда-то труп недавно умершего от старости самца с темно-серой шерстью. При вскрытии, наряду с другими необычными деталями, выяснилось, что у мюларисов есть только атрофированное внутреннее ухо, точнее, его жалкие остатки.

Ахаб удивился, обнаружив это. Хотя он еще не спускался в подземный лабиринт мюларисов, было ясно, что они живут под землей. В большинстве подобных случаев эволюция приводила к появлению существ с исключительно тонким слухом, что должно было компенсировать неблагоприятные для органов зрения условия. У мюларисов же все было иначе. Основным органом чувств у них было зрение, на которое «работала» почти половина центральной нервной системы.

Именно зрение лежало в основе социального поведения мюларисов и их многочисленных ритуалов. Правда, Ахаб понял это только гораздо позже, после того, как обнаружил вход в подземелье — узкую щель в плотно утрамбованной земле в центре двора — и впервые исследовал небольшую часть подземного лабиринта. Тем не менее из этой

первой экспедиции он вернулся с множеством сведений о мюларисах и с уверенностью в их разумности.

— Мы можем общаться с ними? — поинтересовался Холландер, познакомившись с докладом Ахаба.

— При условии, что посвятим этой проблеме достаточно времени. — Ахаб улыбнулся. — Я подумал об этом, капитан, когда был внизу, и начал разрабатывать основы визуальной азбуки. Чтобы нормально общаться, потребовалось не больше сотни достаточно простых пиктограмм. Сейчас нужно только проверить, что у меня получилось.

Холландер уронил доклад на стол.

— Мы здесь из-за мурены, Мишель. Не забывай этого.

Но Ахаб не подчинился приказу капитана. Он постарался забыть его, забыть до того момента, когда возвращаться назад будет уже поздно.

Со вздохом он швырнул остатки сигары вниз, в джунгли. Заинтригованный его жестом мюларис прекратил туалет и уставился на Ахаба, помаргивая глазами. Тот снова взял его на руки. Темная шерстка зверька была горячей.

— Ладно, — промолвил он, усаживая мюлариса на плечо. — Да, мы любим друг друга. Но не пытайся обманывать себя: это любовь без будущего.

Ахаб прошел по гребню вала до лесенки из гиперуглеродного волокна, спускавшейся вниз, на квадратный двор, лежавший в десятке метров у него под ногами, и начал спускаться. Идея установить лесенку принадлежала Холландеру. После первого же осмотра замка Холландер был удивлен тем, что нет никаких приспособлений, позволяющих подняться со двора на вершину вала.

— Ты не находишь, что это очень странно? Построить такое сооружение и не иметь возможности воспользоваться им...

Ахаб тогда только задумчиво покачал головой вместо ответа. Станным было все, что имело отношение к замку. Прежде всего, его древность — замеры радиоактивности сооружения дали цифру около десяти тысяч местных лет. Затем, его происхождение. Учитывая массу отдельных блоков, из которых был воздвигнут замок, можно было не сомневаться, что мюларисы не участвовали в его сооружении. Тем не менее Ахаб установил, что размеры бороздок, покрывавших поверхность каменных плит вокруг донжона, в точности соответствовали ширине лапки мюлариса. Следы когтей, весьма многочисленные, были практически одновозрастными со временем строительства замка. Разумеется, это не могло быть простым совпадением.

Но каково тогда назначение донжона? Как его использовали? Ахаб работал на протяжении полугода без единого дня отдыха. Но так и не смог найти ответа на эти вопросы.

— Может быть, я подхожу к этой проблеме не с той стороны, — пробормотал он, поворачивая голову, чтобы посмотреть на сидящего на плече мюлариса. — Или вы скрываете от меня что-то важное. Что скажешь?

Но зверек исчез. Конечно, он спрыгнул с плеча во время спуска по лестнице, и его вес — какие-то десятки граммов — был настолько неощутим, что Ахаб не уловил этот момент.

Теперь двор, находившийся в нескольких метрах под ним, оказался заполнен мюларисами. Их было множество — наверное, тысяч десять. Необычное скопище зверьков удивило его. Он еще ни разу не наблюдал ничего подобного. Он преодолел последние перекладки и осторожно ступил на землю. Мюларисы не спеша расступались перед ним. Ахаб вскоре достиг центра двора. Мюларисы кишели вокруг, образуя сплошной мозаичный ковер из шкурок разных оттенков белого, черного, серого и коричневого цветов.

Ахаб поднял руку и очертил в раскаленном воздухе вертикальный круг.

И тут же страшное волнение охватило массу мюларисов, принявшихся подскакивать в воздух, меняться местами несколько раз в течение секунды, носиться по двору в разных направлениях, то и дело останавливаясь, чтобы потанцевать на месте. Когда Ахаб в первый раз наблюдал подобную суету, ему показалось, что перед ним разворачивается картина броуновского движения.

Завораживающий балет продолжался не более нескольких секунд. Затем мюларисы собрались в центре двора, образовав плотный круг диаметром в десяток метров, внутри которого появилось изображение великолепно сымитированного человеческого глаза. Ахаб с восхищением отметил, что все зверьки, обозначившие зрачок, были с черной шерсткой, но среди них виднелось небольшое белое пятнышко — идеальная копия светового блика на поверхности хрусталика.

С сожалением, словно его жест разрушал магию сцены, Ахаб снова описал круг вытянутой вперед рукой.

Я должен поговорить с вами.

Громадный глаз хитро подмигнул.

Мы готовы.

Ахаб бросился к своей камерке. Его рюкзак все еще валялся на полу, там, где он его оставил. Растегнув рюкзак, он извлек из него свер-

нутый экран, лазерное стило и вышел наружу. Когда он поднялся на вал, изображенный мюларисами глаз повернулся в его сторону и сно-ва мигнул.

Легким нажимом пальца Ахаб развернул экран и установил его на краю вала. Мюларисы пристально следили за каждым его движением. Ахаб задумался на несколько секунд. Сейчас не до отработки приемов передачи сложных концепций; новые символы тоже создавать некогда. Все, что ему нужно, это заставить мюларисов спастись бегством, уйти как можно глубже под землю. Когда он, впервые спустившись в подземелье, сделал несколько замеров с помощью портативного радара, то ему стало ясно, что лабиринт залов, туннелей и ходов продолжался на глубину не менее четырех миль. Конечно, сам Ахаб не мог спуститься так глубоко, потому что ниже камеры, где заканчивалась лестница, туннели превращались в узкие лазы диаметром в двадцать—тридцать сантиметров. Но и того, что он узнал, было достаточно. При нападении мурены на планету не только погибало все живое на поверхности, но и плавилась верхняя часть литосферы. Однако, согласно замерам, проделанным Ахабом на других планетах, зона сплошно-го плавления никогда не опускалась ниже двух тысяч метров.

Он надеялся, что глубина лабиринта способна обеспечить выживание мюларисов. Конечно, долго они не смогли бы продержаться из-за неизбежного повышения температуры и нехватки воздуха. Но на несколько недель — или даже один-два месяца — можно было рассчиты-вать.

Ахаб подошел к экрану с лазером в руке. Несколькими быстрыми штрихами он изобразил диск с крестом в центре и двумя солнцами сверху. Это был один из самых первых символов, усвоенных мюлари-сами.

Ансиль.

Состоящий из мюларисов глаз моргнул два раза. Они поняли. Ахаб кивнул и добавил к рисунку несколько деталей. Сначала появился ци-линдрик на кромке диска, изображавший донжон. Лестница в не-сколько ступенек, заканчивавшаяся в гроте, с потолка которого свиса-ли сталактиты. После каждого элемента Ахаб бросал быстрый взгляд на мюларисов, чтобы убедиться, что те понимают его. Наконец он на-рисовал внутри донжона небольшую фигурку, поднявшуюся на задние лапы.

В то же мгновение мюларисы приняли эту же позу, подняв мордоч-ки к небу. Затем запрыгали и заметались в разные стороны, выражая удовлетворение.

Ахаб улыбнулся, несмотря на охватившее его напряжение. Замечательные ученики, хотя и немного распускаются в конце учебного года. Подождав с десятков секунд, он изобразил в воздухе зигзаг. Громадный глаз перед ним немедленно восстановился и заморгал, что означало извинение.

Ахаб вернулся к экрану. Он обвел изображение мюлариса красным кружком и провел в сторону от него красную линию.

Нужно уходить.

Потом одним движением он продолжил линию через двор к лестнице, повернул ее вниз, к гроту со сталактитами и ниже, в недра Ансиля, остановив ее только возле креста в центре диска.

Уходить далеко. Очень далеко от поверхности.

Глаз мгновенно исчез; в середине круга его сменил громадный знак вопроса светло-серого цвета.

Почему?

Ахаб нарисовал череп мюлариса.

Опасность. Смерть.

Масса мюларисов поменялась местами, знак вопроса стал черным.

Какая опасность?

Ахаб задумался на мгновение. Требовался концептуальный скачок, даже если оставался риск быть непонятым до конца. Свободной рукой он указал на небо над головой. Потом изобразил на экране, применив — хотя и не слишком успешно — все свои художественные способности, силуэт огромного псевдозавра, поместив его над поверхностью Ансиля, сразу под двумя солнцами.

Вопросительный знак немедленно заморгал, меняя цвет с черного на белый с частотой в несколько раз в секунду. Ахаб понял, что смысл его послания был понят. Мюларисы ненавидели псевдозавров. Обычно эти чудовища лениво валялись в грязи на берегу реки, но пару раз Ахаб наблюдал, как они забредали во двор донжона и пытались протиснуться на ведущую вниз лестницу. В глазах обитателей подземного лабиринта эти шестиногие ящеры были природными врагами, воплощением зла, символом страшной опасности.

Ахаб продолжил, стараясь не терять времени напрасно. Он обвел летающего псевдозавра красным кружком и опустил от него линию вниз, к донжону. Волнение мюларисов возросло. Глаз на утрамбованной земле двора медленно закрылся, а раскрывшись вновь, оказался без зрачка.

Откуда опасность?

Ахаб снова указал на небо над головой.

Несколько мгновений сумятицы, свидетельствующей о неспособности мюларисов понять его до конца. Ахаб пересек двор и сделал вид, что хочет спуститься по лестнице в лабиринт. На этот раз мюларисы, похоже, поняли. Беспорядочной массой они бросились на вал.

Им нужно было всего лишь несколько секунд, чтобы достичь гребня. Ахаб, едва державшийся на ногах от усталости, не решился следовать за ними и проводил мюларисов взглядом. Неудержимо взлетавшая вверх волна зверьков напомнила ему стремительное движение огня во время лесного пожара, только более стремительное. Он почти сразу же потерял из виду зверьков, скопившихся на идущей по вершине вала дорожке.

Ахаб повернулся и направился к себе в каморку. С удивившей его самого самоотверженностью он принялся приводить в порядок записи. Выдвинув за чем-то ящик стола, Ахаб наткнулся на коробку с полусотней сигар. Какая жалость, что они не обнаружили раньше, с горечью подумал он. Если даже выкуривать непрерывно одну сигару за другой, он не сможет использовать все до прихода мурены.

Он некоторое время крутил металлическую коробку в пальцах, ощущая неясную тревогу, хотя в самой коробке не было ничего необычного. Наконец он понял. Заросшее бородой лицо. Грязные всклокоченные волосы. Ввалившиеся щеки, бледная кожа. Блуждающий взгляд глаз, неспособных остановиться на чем-либо...

Полированный металл коробки отражал облик Ахаба.

Ахаб спал сном младенца. Проснулся он поздним утром, отпил воды из кружки и направился через двор к валу. Было пасмурно. Лохмотья облаков стремительно мчались по угрюмому небу. Поднялся ветер, швырявший вниз клочья черного дыма. Птицы в панике уносились прочь.

До прихода мурены оставались считанные дни.

Ахаб заставил себя проглотить кусок хлеба, прежде чем подняться на вал. Оттуда он с облегчением увидел, что все мюларисы исчезли. Наверное, их окончательно убедили волны хаоса, поднимавшиеся над горизонтом. Он окинул внимательным взглядом двор внизу. Красная земля. И — никого. В стороне черной пастью зиял вход в подземелье. Ахаб решил непременно закрыть отверстие до появления мурены.

Он просидел на валу почти до обеда. Время от времени он фотографировал, делал топосъемку небольшого участка, диктовал запись. Перед уходом Холландер демонтировал и забрал с собой все снаряжение, но у него хватило такта оставить Ахабу кое-что из его личного

оборудования — несколько маломощных приборов. Их было недостаточно для детального изучения событий, связанных с приходом мурены, но Ахаб в этом и не нуждался. Он остался на Ансиле, чтобы предупредить мюларисов об опасности, чтобы спасти их. Теперь, когда эта проблема была решена, у него не было других дел. Свою работу он продолжал делать исключительно по привычке. И, наверное, из любопытства. Мурена оказалась слишком экзотической и слишком опасной формой жизни, так что непосредственных сведений о ней почти не было.

Когда он покидал свой наблюдательный пост, джунгли за рекой горели. Высокие столбы дыма поднимались примерно в пятидесяти километрах к западу. Поверхность реки из зеленой стала коричневой; казалось, вода вот-вот закипит. Под покровом листвы мелькали тени животных, с испуганным ревом спасающихся бегством.

Еще пару часов Ахаб потратил на настройку приборов. Потом он спустился в джунгли и отобрал несколько десятков проб тех видов растительности, по которым у него уже были данные, полученные раньше. Он рассчитывал повторять отбор проб ежедневно, пока это еще было возможно, чтобы зарегистрировать все стадии общего некроза, охватившего поверхность Ансила.

Потом он сходил к реке, где взял немного воды для анализа. Возвращаясь, он видел, как на тропинку перед ним упала мертвая птица. Он захватил ее с собой и вечером занялся вскрытием, обнаружив при этом много неожиданного.

Уже в сумерках он снова поднялся на вал, чтобы сделать очередную серию снимков. Вернувшись в каморку, быстро поужинал и заснул.

Посреди ночи его разбудило первое землетрясение, повторившееся перед зарей. Третий толчок случился вскоре после появления над горизонтом обоих солнечных дисков. Толчки были не очень сильными — не более двух баллов по шкале Осборна. Но Ахаб знал, что их периодичность и интенсивность быстро возрастут.

Ветер представлял собой гораздо бóльшую опасность. За ночь он заметно усилился. Порывы, врывавшиеся внутрь донжона, сопровождались зловещим завыванием, то прекращавшимся, то возобновлявшимся с новой силой. Непрерывным дождем на двор сыпались самые разные предметы: ветки, листья, перья, комки земли, оплавленные камни. Иногда с мягким шлепком на землю падало мертвое животное.

Ахаб осторожно поднялся по лестнице. Если смерть от кльков му-

рены еще имела какой-то смысл, то ему совершенно не хотелось агонизировать часами, оплакивая свои переломанные ноги. Когда он шагнул на гребень вала, на него с ревом накинута ветер. Осторожно, передвигаясь буквально по сантиметру, Ахав подобрался к краю. Пожиривший джунгли пожар несся с невероятной быстротой. Небо заполняли тучи перепуганных птиц. На западе через низкие тучи проглядывала ярко светящаяся колонна.

Мурена.

Спустившись вниз, Ахав занялся поисками достаточно большого предмета, которым можно было бы закрыть вход в подземелье. И с удивлением обнаружил множество мюларисов, толпившихся на верхних ступеньках.

— Нет! — закричал он. — Здесь нельзя оставаться! — Он кинулся к ним, размахивая руками. — Уходите! Уходите немедленно!

Но мюларисы, вместо того, чтобы подчиниться, лавиной устремились наружу. Через несколько секунд полной неразберихи они собрались в круг. Ахав в отчаянии остановился. На него уже смотрел гигантский глаз.

— Что такое? В чем дело?

Глаз моргнул.

Мы должны поговорить.

Ахав замотал головой и начертил в воздухе яростный зигзаг.

Об этом не может быть и речи.

Глаз снова моргнул. Очень настойчиво. Ахав вздохнул.

— Ну ладно, банда идиотов.

Через минуту он уже стоял перед экраном, с лазерным стилем в руке. Внизу глаз мюларисов превратился в вопросительный знак. Ахав нахмурился.

— Не понимаю. Что вы хотите узнать?

Мюларисы переместились. В круге начало проявляться новое изображение. У Ахаба перехватило дыхание.

Посреди двора возникло его лицо, сымитированное с невероятной точностью. Лицо смотрело на него.

Потом картина изменилась. Теперь это был космический корабль, позади которого виднелся диск с крестом посередине.

Другие люди покинули Ансиль.

Мюларисы подождали немного, затем переместились еще раз. Ахав снова увидел себя, но его лицо на этот раз было внутри донжона, тогда как в небе парил, приближаясь, чудовищный псевдозавр.

Почему ты остался?

Ахаб прикусил губу.

— А вам-то что с этого?

Но он возмушался напрасно. Мюларисы даже не шевельнулись. Они ожидали. Ахаб задумался на мгновение, потом нарисовал себя, стоящим на поверхности Ансиля.

Мюларисы снова изобразили глаз, моргнувший два раза в знак понимания. Ахаб продолжил рисовать. Позади своего силуэта он изобразил людей, спешащих на корабль. Над ними он нарисовал череп с костями.

Другие испугались.

Потом он снова нарисовал себя, на этот раз гораздо более крупным. На лице схематично показал улыбку, а над собой — сжатый кулак, символ мужества. В небе над ним псевдозавр-мурена утратила свой угрожающий вид.

Я не боюсь.

Снова знак вопроса мюларисов.

Почему?

— Потому что я герой, — ухмыльнулся Ахаб. — Отважный боец.

Он обвел свой силуэт на экране несколькими кругами красного цвета. Глаз мюларисов наполовину закрылся.

Мы не поняли.

Ахаб принялся шагать по гребню. Через каждые три или четыре шага он останавливался, с вызовом смотрел на взбесившееся небо над головой и грозил ему кулаком, выкрикивая проклятья. Потом возобновлял ходьбу, развернув плечи и выпятив грудь. Напряженные бичепсы вздулись буграми под тканью комбинезона. Он кричал:

— Я герой! Я великий воин!

И крики его соперничали с завыванием ветра.

На него налетела туча пыли и комьев земли. Глаз мюларисов внизу был закрыт. Ахаб рухнул на тротуар, не понимая, чем было вызвано ощущение охватившей его пустоты: то ли усталостью, то ли облегчением. Постепенно, с большим трудом, ему удалось перевести дух. Посмотрев вверх, он увидел нависшее над ним темно-серое небо. А когда он поднялся и взглянул вниз, то не разглядел ни одного мюлариса.

Уже стемнело, когда Ахаб вспомнил, что его товарищи вынули из стены донжона один блок, чтобы проложить какой-то кабель. Вооружившись фонариком, он направился вокруг него и почти сразу же на-

ткнулся на каменную глыбу. Покачав блок с одного ребра на другое, он оценил его вес не менее чем в сотню килограммов. Ему потребовалось несколько часов, чтобы подкатить блок к лестнице. Блок подошел к входу в подземелье так точно, словно был выполнен на заказ. Совершенно измотанный, Ахаб заснул, не обращая внимания на возобновившиеся подземные толчки.

Почти весь следующий день он просидел в своей каморке. Обстановка снаружи резко ухудшилась. Почти постоянный гул от сотрясенной почвы, все более и более частых, рев ветра, напоминавший вопли агонизирующего животного... Жара стала совершенно невыносимой.

Ансиль умирал — и Ахаб умирал вместе с планетой. У него не осталось сил даже на то, чтобы есть и пить. Он лежал на постели с закрытыми глазами, стараясь не вздрагивать, когда очередной порыв ветра пытался выломать дверь в помещение.

Он думал о мурене. Он бредил муреной — потому что не мог увидеть ее. Он представлял ее в небе над поверхностью Ансиля. Ведь он бросил ей вызов. В полусне ему казалось, что его гигантское тело распростерлось по поверхности планеты, и на нем выросло множество деревьев. Из его рта вытекала изумрудная река, и воды ее терялись в бесконечности. Громадные птицы, лениво шевеля крыльями, планировали над его лицом.

Наконец ему удалось заснуть. Один беспорядочный сон сменялся другим. Он сознавал, что в нем что-то изменилось. И ощущал себя более сильным, чем когда-либо раньше.

Проснувшись, он поднялся, чтобы прополоскать горло, и представил себе мюларисов там, внизу, в их подземном лабиринте.

Утром сквозь тучи проглянули два солнца Ансиля. Наступил его последний день.

Ахаб открыл глаза. Дверь его каморки исчезла. Отвратительно желтый свет, пульсируя, врвался в проем вместе с ревущим ветром — словно ветер и свет стали одним целым. Ахаб приподнялся, опершись на локоть, удивленный, что проспал так долго. Он огляделся и не узнал своей комнатенки. От стола ничего не осталось, если не считать нескольких небольших щепок, и ветер гонял их по полу одну за другой. В углу валялся ящик от стола, на удивление уцелевший. Не успел он подумать об этом, как ящик пролетел по комнате и исчез снаружи.

Ахаб встал, автоматически отметив, что простыни, под которыми

он спал, тоже исчезли. Наружный край матраса, казалось, был обожжен, словно паяльной лампой, а металлическая сетка постели сплавилась в бесформенную массу. Он до отказа затянул лямки комбинезона. Пол под ногами колебался, и покрывавшие его каменные плиты кое-где разошлись, образовав глубокие трещины.

Выйдя наружу, он сразу же наткнулся на змеящуюся через весь двор расселину, по краям которой возвышались груды свежей земли. Вихри черной пыли крутились возле стен донжона. Ахаб бросился к помещению бывшего центра связи. Ветер перевернул все, что в нем находилось, согнав разбросанные по полу обрывки проводов в одну кучу в углу. Там они слабо шевелились, словно скопище червей. Ахаб схватил пучок проводов, добрался до лестницы и принялся взбираться по ней.

Стена, казалось, колебалась и выгибалась под напором ветра. Сверхпрочные прутья лестницы скрипели и шатались. Ахаб не мог отделаться от впечатления, что взбирается на мачту тонущего корабля. Каждый раз, когда ему казалось, что порыв ветра вот-вот оторвет его от лестницы и унесет прочь, он вцеплялся в ступеньки с удесятеренной энергией, и непонятное появление этой энергии, казавшейся неисчерпаемой, одновременно восхищало и немного пугало его.

Выбравшись наверх, он некоторое время лежал на животе, прижимаясь к каменным плитам. Держась левой рукой, правой он привязал один конец кабеля к верхней перекладине лестницы, а другим обхватил свою лодыжку. Еще одним проводом он привязал себя за поясницу к выступающему каменному блоку. Только после этого Ахаб решился встать на ноги.

Мир вокруг перестал быть его миром. Он превратился в Мальстрём, в смерч из бешено крутящихся серых туч, между которыми в темно-фиолетовой глубине носились какие-то отвратительные бесформенные лохмотья. И все это происходило на фоне то и дело полыхавшего пламени, охватившего все небо. Вековые деревья, окружавшие замок, исчезли. Похоже, что именно они метались наверху, в нескольких сотнях метров над головой Ахаба. Одно из них было внезапно выброшено из вихря и устремилось прямо к нему. Он едва успел присесть и прикрыть голову руками, как громадный ствол ударился о донжон, отскочил в сторону и рухнул на землю у его подножья.

Мурена уничтожила мир. Она пожирала его, и ее завывания были голосом изголодавшегося зверя.

Ахабу показалось, что он видит ее. В зловещем центре всеобщего разрушения мелькало гигантское тело в нимбе черного света. Он по-

чувствовал ее мощь, источником которой была энергия звезд. Он ощутил ее дыхание и был ослеплен сверканием ее чудовищных клыков.

Потрясенный, он упал на колени, потом рухнул навзничь. Далеко внизу, на раскальвавшемся на части дворе черным пятном зиял вход в подземелье. Ахаб задрожал. Блок, с таким трудом передвинутый им, чтобы закрыть вход, был отброшен в сторону, и из отверстия наружу неслась лавина мюларисов.

Они покидали лабиринт — все, сколько их было на планете. Сотни тысяч, возможно, многие миллионы. Набегающие одна за другой волны мюларисов заполнили двор, потом начали выстраиваться рядами — один ряд, три, десять... Глаза Ахаба расширились. Тучи пыли не позволяли отчетливо видеть происходящее, но он все же разглядел, что пестрая масса небольших тел образует круг. Возникло его лицо. Огромный лик посмотрел на свой оригинал, улыбнулся и подмигнул.

Ахаб почти машинально вытянул вперед руку и изобразил в воздухе знак, который должен был... Но было уже поздно. Мюларисы устремились вверх по стенам донжона, поднимая его лицо все выше и выше. Их масса бурлила, в ней возникали и тут же исчезали смутные формы. Ахаб увидел, как появились щеки, сформировалась голова. Лицо опять улыбнулось, словно проверяя свои возможности. Но деятельность десятков тысяч существ продолжалась. Возникла шея, затем прорисовались плечи, выросли руки.

Задохнувшись, Ахаб увидел, как его гигантская копия заполнила донжон. Он увидел, как распрямилось огромное тело, подняв голову вверх, на уровень туч — наверное, на высоту в добрую сотню метров. Великан наклонился, подобрал лежавший возле донжона ствол дерева и вскинул его над головой, словно чудовищное копьё.

Где-то вверху, в самом сердце хаоса, гневно взвыла мурена.

И тогда свободной рукой гигантский воин Ахаб-Мюларис подобрал маленького брата-человека и водрузил на свое плечо. Он утвердился ногами на плитах двора, проверил взглядом надежность своей каменной брони. Потом, в непрерывном потоке света и мрака, он встал лицом к лицу с муреной и начал битву.

И на Ансиле не осталось никого, кроме Мишеля Ахаба.

**Перевел с французского
Игорь НАЙДЕНКОВ**

Игорь НАЙДЕНКОВ

MOBILIS IN MOBILE

Французская фантастика имеет едва ли не самую длительную и богатую историю в мировой литературе. Собственно, даже само словосочетание «фантастический роман» подарили миру французы. Нет необходимости напоминать основные вехи истории НФ на родине Сирано де Бержерака, Франсуа Рабле и Жюль Верна — об этом достаточно написано, в том числе и на страницах «Если». А вот «новейшая история» известна российским читателям гораздо меньше. Что же собой представляет современная фантастика Франции? Об этом — обзор переводчика и критика.

Общая картина нынешней французской фантастики состоит из множества противоречивых фрагментов.

В середине 80-х годов XX столетия наметился важный рубеж, разделивший период расцвета национальной фантастики в 70-х и последующее десятилетие «тощих коров». Если 1960—1970 годы справедливо характеризуются специалистами как «Золотой век» французской фантастики, когда ежегодно выходило не менее 250—300 новых книг, то с середины 80-х ситуация резко ухудшилась.

Здесь необходимо отметить, что по своим истокам французская НФ весьма неоднородна. Она опирается как на национальные литературные традиции, так и на существенно повлиявшие на французскую литературу англоязычные образцы книг и кинофильмов. Эти два источника не всегда являются антагонистичными, и нередко но-

вовведения во французской НФ отчетливо связаны с эволюционными изменениями в американской и английской НФ и фэнтези. Так было и в начале 70-х, когда массовое издание переводной фантастики и своего рода культурный шок, вызванный фильмом Стэнли Кубрика «2001 год: космическая одиссея», стимулировали бурное развитие НФ-литературы. Существенно возросли тиражи книг, появились многочисленные серии, возникли новые жанровые периодические издания — «Marginal», «Univers», «Antares», устойчивым успехом продолжали пользоваться ветераны — «Galaxie» и «Fiction».

Однако реакция протеста против засилья переводной фантастики, естественная для страны, в которой националистические тенденции весьма сильны как в политике, так и в культуре, привела к распространению в 1980-х агрессивно антиамериканских тенден-

ций среди французских фантастов. В итоге, несмотря на заметное влияние заокеанской литературы, французская НФ сохраняла достаточно «домашний» облик. К сожалению, подобный «культурный сепаратизм» не лучшим образом сказался на жанре: в целом фантастика французов выглядела заметно слабее лучших образцов издававшейся в стране англо-американской продукции.

Элиту же национальной НФ составляла немногочисленная группа авторов. В 1980-е продолжали работать писатели, стоявшие у истоков современной французской НФ и заслужившие известность еще в 50—70-е годы. Новые романы в 1980-е выпустили: Жан-Пьер Андревон, выделяющийся политизированностью своего творчества и акцентом на экологическую проблематику («Смертельный холод», «Ночной прилив», «Реперы в бесконечности», «Сюкран», «День большого прыжка», «Ковчег»); классик Рене Баржавель («Великая тайна», «Буря»), опубликовавший, помимо прочего, один из первых французских фэнтези-романов («Кудесник»); Мишель Жёри, автор знаменитой «хронолитической» трилогии («Неопределенное время», «Обезьяны времени», «Горячее солнце, глубинная рыба»); а также Филипп Кюрваль («Это дорогое человечество», «Проснется ли спящий?», «Скрытая сторона желаний»); и Жорж-Жан Арно

(«Черная смерть», «Ледовая компания»).

Именно в этот период издательство «Fleuve noir» выпускает в серии «Anticipation» ряд произведений более молодого поколения французских фантастов, начавших свой творческий путь в 60-е и 70-е годы и к 1980-м получивших широкую известность: Пьер Барбе («К утраченному будущему», «Тайна квазара»), Серж Брюссоло («Сеятели бездны», «Неподвижные борцы», «Вид больного города в разрезе»), Даниэль Вальтер («Книга Сва», «Тигр», «Земля без страданий»), Жозель Уссэн («Лилит», «Город», «Стервятники», «Аргентина») и некоторые другие.

Среди сделавших первые шаги в научной фантастике авторов поколения 80—90-х годов следует упомянуть Жака Барбери, Ролана Вагнера, Ришара Канала, Алена Пари, Жана-Клода Дюньяка, Клода Эккена, Франсиса Бертелло, Алена Дартевеля и Сильви Дени.

Однако внешнее благополучие иллюзорно. В период 1985—1995 годов весьма отчетливо проявляются и отрицательные тенденции, что позволило критикам заговорить даже не о проблемах, а о болезни французской НФ. В ряду ее основных симптомов критики называли чрезмерную политизированность (романы Андревона), увлеченность малоинтересными для широкого читателя экспериментами со стилем и формой (книги

Жуанн, Барбери), слишком пессимистический характер почти всей фантастической литературы Франции. Но не в последнюю очередь кризис был обусловлен снижением количества наименований НФ-произведений и их тиражей. Так, если в 1990 году на НФ приходилось 1,2% от общего количества художественной литературы, то на следующий год эта цифра упала до 0,9%. Вероятно, во многом виновата и издательская политика, заключающаяся в диктате переводной литературы, в отклонении неординарных, выпадающих из общей обоймы произведений, в искусственном раздувании количества новых серий, в низких гонорах отечественным авторам... Французской научной фантастике все еще не удается выйти из гетто, избавиться от комплексов «жанрового чтива».

Рубеж 1970—1980 годов отмечен и печальными событиями. Ушли из жизни Франсис Карсак (1981) и Натали Эннеберг (1977), все реже выпускает новые романы Жерар Клейн, переключившийся на критические эссе и рецензии на переводную фантастику, а Мишель Жёри и вовсе покинул жанр, переместившись в лагерь писателей-реалистов. Наконец, в 1977-м прекратили свое существование некогда процветавшие журналы «Galaxie» и «Marginal», а легендарный «Fiction» впал в затяжной кризис и скончался—таки в феврале 1990 года.

* * *

Ситуация стала выравниваться только к середине 90-х годов. Издатели пришли к выводу, что французский читатель крайне неохотно покупает фантастику, выпущенную в коммерческих сериях. В итоге фантастика все чаще начинает выходить в крупных непрофильных издательствах, без «порочного» логотипа ФАНТАСТИКА. Хотя и не кардинально, но отношение читающей аудитории к НФ изменилось в лучшую сторону. Так, например, международным бестселлером 1990-х стал научно-фантастический роман Бернара Вербера «Муравьи», вышедший в «серьезном» издательстве «Albin Michel», разумеется, без указания на принадлежность книги к жанру НФ. Этот роман заставил говорить о Вербере как об одном из самых оригинальных современных писателей, способном причудливо соединять элементы фантастической саги, приключенческого романа и философского эссе. Литературный обозреватель журнала «Label France» писал в 1997 году о «Муравьях»: «Спросите у жителя Дании, Испании или Японии, читали ли он недавно какого-нибудь молодого французского автора. Скорее всего, он назовет вам имя Бернара Вербера, поскольку насекомые, которых так любит этот писатель-энтомолог, завоевали уже не только Францию, но и всю планету... В основе его эпопеи лежит оригинальная идея: предста-

вить насекомых как смелых и мудрых героев, а людей — как вредных животных. Каждый нашел в этих книгах то, что ему нравится больше всего. Любители фантастики — встречу двух абсолютно противоположных цивилизаций, молодежь, которая привыкла десять раз подумать, прежде чем открыть толстую книгу — доступный язык и стиль, который ближе стоит к комиксу и видеоигре, чем к последнему лауреату Гонкуровской премии. Любители природы и тайны увлеченно следят за приключениями 103-й — маленькой рабочей муравьи, которая... возносится в ранг муравьиной царицы».

Через два года Вербер выпускает продолжение — роман «День муравьев», который побил тиражный рекорд первой книги: на сегодняшний день он переведен более чем на два десятка языков. Заключительный роман «муравьиной» трилогии — «Революция муравьев» (1996) — столь же восторженно был принят читателями во многих странах мира.

Так же легко покорили высокопобого читателя и внесерийные НФ-романы Вербера, на этот раз посвященные «завоеванию» сопредельных и потусторонних миров — «Танатонавты» (1994) и «Империя ангелов» (2000).

В числе других удачных в коммерческом плане примеров внесерийной, внежанровой фантастики последних лет можно упомянуть

романы Мари Даррьёссек «Рождение призраков» и «Трюизмы» (оба 1998) и дилогию Пьера Бордажа «Евангелие от Змея» (2002; в 2004-м роман был издан и на русском языке) и «Ангел бездны» (2004). Эти книги вызвали пристальный интерес даже у той публики, которая прежде не читала ни одного НФ-романа. К слову сказать, Бордаж далеко не сразу нащупал свою «золотую жилу». Дебютировал в литературе в 1992 году, он довольно долго промышлял штамповкой третьесортных фэнтезийных сериалов, за пять лет выдал на гора 14 фэнтези-книг, равнодушно встреченных критикой, три романа в жанре космооперы (цикл «Воители безмолвия») и два романа в духе истории будущего (цикл «Ванг»).

На какое-то время повышенный интерес к НФ появился и у издателей. В середине 90-х издательство «J'ai lu» выпускает первую за многие годы антологию французской фантастической новеллы «Генезисы», составленную восходящей звездой франкоязычной фантастики Айердалем, а издательство «Fleuve noir» запускает уникальный авторский цикл Сержа Лемана «Ф.А.У.С.Т.». К сегодняшнему дню в нем вышло три романа — «Ф.А.У.С.Т.» (1996), «Защитники» (1996) и «Далекий гром» (1997), в которых автор исследует очередную вариант «истории будущего». Появились и новые книжные серии — «Встречи в иных

мирах» (издательство «Pocket») и «Головокружительная НФ» (издательство «Nachette»).

Сейчас во Франции фантастику с различной регулярностью выпускают не менее 50 издательств (не только профильных), хотя не многие из них отваживаются издавать более двух–трех новых книг в год. Основная доля фантастической продукции все–таки приходится на издательство «Fleuve noir», выпускающее в среднем 10 книг ежемесячно. За последнее время появилось сразу несколько новых специализированных издательств — «L'Atalante», «Mnemos», «Destination crepuscule», «Etoiles vives/Orion» и «Moutons électriques», что в переводе означает «Электрические бараны» (аллюзия на название романа Ф.К.Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах»). Уже в 2005 году родилось еще одно издательство — «Rivière blanche», планирующее продолжить издание популярной межавторской серии «Anticipation» (в 1997 году она была прервана на 2001 выпуске). Занятно, что одним из первых в возрожденной серии (под номером 2006) вышел весьма любопытный роман Ж.–П.Андревона «Сибирский метеорит», действие которого разворачивается преимущественно в России.

* * *

В 1990–е годы многие темы и произведения научной фантастики впервые находят отражение в про-

граммах школьного курса литературы. В 1998–м в виде приложения к журналу «Galaxie» выходит посвященный фантастике сборник литературоведческих статей, среди авторов которого можно увидеть имена Стефана Нико, Жерара Клейна, Жака Гуамара, Пьера Штольце и других не менее известных критиков и фантастоведов. Нельзя не отметить, что для французской фантастики вообще весьма характерно регулярное издание различных энциклопедий, справочников, обзоров и сборников критических трудов. Из других знаковых изданий последних лет стоит упомянуть книги Жака Манфредо «НФ на границе с чело–веком» (2000), Роже Бозетто «Фантастика во всех ее проявлениях» (2001), Алена Дуйи «Гид по литературе воображения» (2002), Жака Боду «Научная фантастика» (2003).

К двум с половиной десяткам действующих премий мира франкоязычной фантастики на рубеже тысячелетий добавились новые: весьма солидная (в денежном выражении) премия, учрежденная «Обществом по эксплуатации Эйфелевой башни», премия имени Алена Доремье (с 2000 г.), «Мерлин» и фестиваля «Имажинали» (с 2002 г.), «Сирано» и «Космическая тоска» (с 2003 г.).

Уже в течение 10 лет каждый апрель в Нанте проводится крупнейший фестиваль фантастики «Галаксиалии». В последние годы он приобрел международный статус.

Определенно, сегодня НФ во Франции чувствует себя гораздо комфортнее, чем 10—15 лет назад. Снова наметился подъем жанровой периодики. В течение всего нескольких лет появился ряд новых журналов: «La Geste» (с 1991 г.), «Presence d'esprits» (с 1992 г.), «Cyber Dream» (1994 — 1997), «Ozone» (с 1995 г.; с 1998-го выходит под названием «Science-Fiction Magazine»), «Galaxies» (с 1996 г.), «Bifrost» (с 1996 г.), «Etoiles Vives» (с 1997 г.; недавно журнал трансформировался в регулярный альманах). Начинаясь как фэнзин в 1983 году «Yellow submarine» вырос в профессиональное издание, и сегодня это старейший из живых французских жанровых журналов. К настоящему времени он выпустил более 130 номеров. Наконец, в начале 2005 года вышел в свет первый номер возродившегося в виде альманаха легендарного журнала «Fiction».

Говоря о франкоязычных журналах, видимо, нельзя не упомянуть и канадское издание «Solaris», выходящее с 1974 года. В журнале публикуются не только проза, но в большом количестве обзоры литературных новинок, статьи на разные темы, интервью с писателями, информация о конвентах, фантастической живописи, кино, комиксах и др. Журнал пользуется известностью не только в Канаде и Франции, но и в англоязычных странах как одно из наи-

более серьезных периодических изданий в сфере фантастики.

* * *

Нынешнее лицо фантастической Франции олицетворяет целый отряд молодых талантливых авторов, вошедших в литературу в 1990-х — начале 2000-х годов. Назовем лишь самые заметные имена этой генерации: Эманюэль Жуанн, Фабрис Колэн, Нико Балли, Николь Бушар, Давид Кальво, Сандрина Беттинелли, Юго Беллагамба, Кристоф Ламбер, Ксавье Момежан, Мелани Фази, Клэр и Робер Бельма, Томас Дэй. В большинстве своем это энергичные, деловые авторы, не проходившие, как их предшественники, длительную школу фэнзинов, затем периодических изданий, прежде чем опубликовать свой первый роман. Представители молодого поколения зачастую дебютируют сразу романом, после чего тут же обеспечивают книге положительные рецензии, дают налево и направо интервью, создают свои сайты, на которых без ложной скромности рекламируют свои творения...

Однако упомянутыми выше именами сегодняшняя французская фантастика не ограничивается: продолжают активно работать мэтры Филипп Кюрваль, Серж Брюссоло, Жан-Пьер Андревон, Пьер Пело и более молодые, но достаточно опытные авторы начала 90-х годов Айердаль, Пьер Бордаж, Ролан Вагнер, Мо-

рис Дантек, Франсис Мизио, Жан Миллеман, Серена Жантийом, Серж Леман, Жан-Марк Линьи, а также франкоязычные канадцы Элизабет Вонарбур, Жан-Луи Трюдель, Ив Мейнар, Жоэль Шампетье...

Увы, действительно достойных, запоминающихся фантастов новое поколение пока не выдвинуло. Возможно, свою негативную роль играют особые экономические и культурные факторы. Ситуация парадоксальна: с одной стороны, фантастов и журналов становится все больше, а с другой — наблюдается катастрофическое падение тиражей НФ-продукции. По оценке Жака Гуамара, историка фантастического кино, критика и издателя, за последние 10 лет продажа НФ-книг уменьшилась на два миллиона экземпляров в год, серьезно проигрывая в коммерческой борьбе с мистикой и ужасами, комиксами и новеллизациями фильмов и телесериалов. Сами же писатели не едины в оценке нынешнего положения дел во французской НФ. Одни убеждены, что именно сегодня наблюдается расцвет жанра во Франции (Ролан Вагнер), другие предрекают грядущий крах фантастики (Даниель Вальтер). В мрачных тонах видится будущее французской НФ и ее идейному вождю Айердалю. В одном из своих интервью он отмечает такие минусы современной фантастики: недостаток у авторов научной строгости, эпичес-

кого духа и романтического инстинкта.

Наконец, все сильнее теснит классическую научную фантастику многотомная фэнтези — как национальная, так и зарубежная, выпускаемая в огромных количествах.

В современной НФ Франции происходят неоднозначные процессы, часто имеющие противоположную направленность. Но эти процессы отражают бурную деятельность молодых сил в традиционной культурной среде. И в этом специалисты-фантастоведы видят залог нового «Золотого века». Например, Стефан Нико, преподаватель истории и литературы, издатель молодого журнала «Galaxies», утверждает, что фантастика — «...это литература, имеющая гораздо больший размах, чем обычная реалистическая проза, часто увлекающаяся излишним самокопанием, страдающая недостатком трансцендентности, игнорирующая проблемы взаимоотношений человека и техники. Кризис заставляет нас интересоваться возможными вариантами будущего, ничем не скованного, более захватывающего. Следовательно, мы переживаем сейчас период поисков, который неизбежно возродит к жизни научную фантастику».

С этой точкой зрения согласен и известный специалист по фантастике Роже Боззетто, озаглавивший одну из своих программных статей «Французская фантастика:

обновление» (1999). Позволю себе завершить настоящий обзор обширной цитатой из этой работы, дающей, на мой взгляд, четкое представление о том, что сегодня происходит с жанром на родине Жюль Верна: «В чем заключается это обновление? Мишель Жёри, Жерар Клейн, Андре Рюэллан, Жан-Пьер Андревон и вообще все поколение авторов, родившихся до 1940 года, в значительной степени прекратили активную писательскую деятельность. Многие представители промежуточного поколения, к которому относятся Жуанн, Дюрастанти, Бертело и другие, также перестали писать и занялись переводами или научной работой. Серж Брюссоло, похоже, тоже решил расстаться с фантастикой. Таким образом, освободилось поле деятельности для авторов возрастом около 30 лет, таких, как Лоран Женефор, Серж Леман, Ролан Вагнер, Айердал, Пьер Бордаж. Есть в их числе и более молодые представители, среди которых можно назвать Н'Гуена и Ди Ролло. Продолжают работать и многие сорокалетние, в том числе Жан-Мари Линьи, Жан-Клод Дюньяк, Ришар Каналь. С одной стороны, они научились писать занимательные истории, способные выдержать конкуренцию, и если даже некоторые из них переживают определенный регресс, уступая массовым вкусам, то это все равно лучше воспринимается читателями, чем туманные писания, кото-

рыми некоторые прозаики предыдущих поколений пытались накормить публику во имя несуразной идеи того, что они считали литературой.

Национальные авторы больше не стараются писать подчеркнуто «французскую» фантастику, демонстративно противопоставленную американской. Их главная цель — вызвать интерес у читателей.

Несомненно, именно поэтому, отбросив ближайшее будущее и фантастику катастроф, они пытаются воссоздать пространство мечты, описывая будущее весьма отдаленное, полностью оторванное от настоящего. Они вновь открывают для себя достоинства прежней космической оперы, но уже лишенной эскапистских тенденций. Таким образом, в новой космической опере появляются и проблемы современности. Повествование современных французских авторов не обязательно несет черты эйфории. Они описывают смещенные вселенные, в которых реальность деформируется настолько, что возникает потребность в использовании новых художественных приемов.

...Французская НФ сегодня находится на пороге больших событий. Это своеобразный провозвестник создания общеевропейской идентичности фантастической литературы».

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО:

«ЛИШЬ БЫ КРОВЬ НЕ ПИЛИ»

«Дневной Дозор» побил все возможные рекорды кинопроката. В конце марта выходит еще одна экранизация произведения Сергея Лукьяненко — повести «Сегодня, мама», написанной в соавторстве с Юлием Буркиным. Фильм получил название «Азирис Нуна» — «Спокойной ночи» по-древнеегипетски (когда журнал летом прошлого года опубликовал интервью с режиссером фильма Олегом Компасовым, картина носила рабочее название «Вернуться во время»). Наш корреспондент одним из первых смог посмотреть эту ленту в готовом виде, и по окончании просмотра задал несколько вопросов Сергею Лукьяненко — как о прошлом фильме, так и о грядущем.

— Сергей, лента «Дневной Дозор», изначально носившая название «Ночной Дозор 2: Мел судьбы», на самом деле поставлена по мотивам второй части романа «Ночной Дозор». Почему все-таки фильм назвали по книге, никакого отношения к фильму не имеющей?

— Из чисто коммерческих соображений. Был проведен тест-опрос, который однозначно показал, что название «Дневной Дозор» для сиквела нравится зрителям куда больше, чем какой-либо другой вариант.

— Да, но при этом зрителю не объясняется, что «Дневной Дозор» не имеет никакого отношения к одноименной книге Лукьяненко—Васильева.

— Между прочим, пролог первого фильма — это история, взятая из книжки «Дневной Дозор». Понятно, что когда экранизируется некий цикл, у которого жесткая хронология внутри историй не всегда важна, и тем более с такими отступле-

ниями от оригинала, то в фильме часто используются мотивы из разных частей книжного сериала. Со мной советовались по поводу названия, и я, подумав, что в фильме действует много Темных, решил: такое название имеет право на существование.

— Каково будущее дальнейших экранизаций цикла?

— Во-первых, запланирован фильм в Голливуде. Во-вторых, я не исключаю вероятности, что еще какой-то «Дозор» будет снят у нас.

— А разве американцы не выкупили права на экранизацию?

— Выкупили. Но, скажем так, вопрос изучается.

— Тимур Бекмамбетов сейчас в Голливуде приступает к съемкам совсем другого фильма, экранизации комикса «Разыскивается». Значит ли это, что начало работы над американской версией «Дозора» откладывается?

— Не знаю. Я давно не общался с Тимуром — он уже длительный срок

находится в Америке. Но я думаю, что Тимуру, чисто психологически, захотелось сделать паузу, отдохнуть от мира «Дозоров». Он ведь потратил на этот масштабный проект несколько лет своей жизни...

— **Удивительно, но именно под конец года по основополагающим канонам экранизаций литературных произведений почти одновременно было нанесено два серьезных удара с разных сторон. Я имею в виду телепремьеру «Мастера и Маргариты» Бортко, где роман был перенесен на экран почти дословно, и выход на большие экраны «Дневного Дозора», где от сюжета книги не оставлено камня на камне. Какая концепция в результате победила?**

— Я не думаю, что здесь ситуация: «Когда слон на кита налезет, кто кого соборет?». На самом деле оба принципа имеют свои плюсы и минусы, своих сторонников и противников. Бортко — режиссер блестящий, даже гениальный, и его принцип — точное следование книге. Но если экранизация «Собачьего сердца» оказалась суперудачной, если телеверсия «Идиота» была, в целом, весьма успешной, то сериал «Мастер и Маргарита» вызвал весьма неоднозначную реакцию. Многие вещи читателям и зрителям не понравились. Наверное, все-таки есть книги, которые можно экранизировать дословно, и есть те, где от оригинала можно отступать.

— **«Дозоры» относятся ко второй категории?**

— Я думаю, что «Дозор» можно было бы экранизировать и так, и этак. Вполне представляю точную экранизацию. Но это совершенно другой подход, и, наверное, снимать такой вариант должен был бы другой режиссер.

— **Работа над сценарием как-то сказалась на литературном творчестве?**

— Отчасти да. Какие-то сценарные наработки даже вошли в книгу «Последний Дозор». Например, тема Самарканда. К сожалению, в меньшей мере, чем этого хотелось — в сценарии третьего фильма, который пришлось объединять со сценарием второго, переделывая кинотрилогию в кинодилогию, были придуманы очень интересные сцены. Опять же, когда работаешь над сценарием, поневоле заставляешь себя погружаться в этот мир и хочется снова что-нибудь написать.

— **Насколько я знаю, когда «Дневной Дозор» уже был смонтирован, его длительность составила более трех часов, и поэтому для окончательной версии пришлось вырезать много эпизодов. Какие из них было болезненней всего потерять?**

— Выпала замечательная, абсолютно хичкоковская сцена, где мальчик Егор подходит к матери, та оборачивается, и он видит, что это — Завулон. Но эта сцена убрана еще и потому, что она снималась два года назад, а «за время пути мальчик успел подрасти». Еще сцена, где мага Игната, персона-

жа Гоши Куценко, Инквизиция превратила в собаку за то, что он кинулся в бой на Темных, когда для этого еще не было оснований. Сильно была сокращена сцена в школе магов, а ведь в съемках приняли участие ведущие московские фантасты и критики, в том числе и оба участника этого интервью. Я там играл мага Руслана, который демонстрировал, как взглядом зажигать электролампочку через металлический лист. Очень сильно урезана красивая, лирическая и даже немного эротическая сцена в машине ведьмы Алисы.

— Появятся ли эти сцены на DVD? И в каком виде: так называемая режиссерская версия или, как это было с первым фильмом, в виде бонусов?

— Скорее всего, они войдут в «подарочное» издание диска в качестве отдельных роликов. Ну и еще будет телесериал: отснятого материала много и два фильма с какими-то добавками перемонтируют для показа на ТВ.

— После первого фильма у молодежи стала модной вампирская тематика. Второй фильм значительно нивелирует такую романтику вампиризма. Это специально?

— Сознательно никто не ставил целью ни пропагандировать, ни демонизировать вампиров. Потому что, к счастью, это персонажи мифологические. Но я, например, видя такую ситуацию, специально в книгу «Последний Дозор» вставил несколько сцен, которые должны

снизить романтизацию вампиров, возникшую после первых книг и фильма.

— А сама ситуация, когда дети и молодежь сплошь и рядом играют в вампиров, не страшит?

— Лишь бы кровь не пили. Из родителей. А вообще — дети испокон веков играли в индейцев, ковбоев, шпионов. То есть персонажи детских игр почти всегда агрессивны. Глупо было бы надеяться, что дети будут играть в Папу Римского и его курию.

— Тем не менее размах фанатизма порой просто поражает. Писатель несет ответственность за «тех, кого приручил»?

— «Не виноватая я, он сам пришел!». Но я не думаю, что все настолько страшно, что этого следует пугаться. То, что эти дети носят вампирские ники, абсолютнейшая игра. Да и к тому же вампирскую тему мы отработали довольно полно, некоторое время из нее другие будут пытаться выжимать соки, но скоро все заглохнет.

— Какой из двух фильмов понравился больше?

— Пожалуй, «Дневной Дозор». Отступления от сюжета книги меня не шокируют, хотя бы потому, что я сам многие из них придумывал. Поэтому душевного трепета от искажений не испытываю. А технически фильм снят, конечно, лучше, он более сюжетный, более связный, более цельный. В нем гораздо больше иронии и самоиронии, много смешных сцен. Самая смешная для меня — когда Хабенский «рвет»

«Девятую роту», прорывая рекламный плакат (надеюсь, такая ирония не обидна для Бондарчука).

— **Как дела с проектом «Глубина» по «Лабиринту отражений»?**

— Проект был приостановлен, так как продюсеров не устраивал режиссерский сценарий Хлебородова. Но компромисс, надеюсь, будет найден.

— **Теперь перейдем к только что просмотренному «Азирис Нуна». Какие впечатления?**

— На мой взгляд — очень интересный проект. У нас давно не снималось фильмов в жанре семейного кино. Была масса картин детективных, приключенческих, фантастических, комедийных, исторических — того или иного качества. Но семейных фантастических фильмов, составляющих в мире огромный сегмент кинорынка, практически не было. «Азирис Нуна» — именно такая лента. Мне понравилась прекрасная компьютерная графика, подробно сконструированные миры, обилие интересных «фишек» и «прибамбасов». Мелкие детали быта и в далеком будущем, и в Древнем Египте поданы с иронией, с улыбкой — и при этом с немалой долей скрупулезности. Очень интересна работа целого ряда актеров. Замечателен Филиппенко в роли Неменхотепа. Свою последнюю кинороль в этом фильме сыграл великий Спартак Мишулин. Прекрасно сыграл роль сфинкса Шидлы Максим Аверин. На мой взгляд, несколько не дотягивают до общего уровня ребята, исполняющие глав-

ные детские роли. Они играют, они стараются, но все-таки на них лежит некая Каинова печать «Ералаша», через который проходят почти все наши дети-актеры. И большинству из них потом очень трудно избавиться от манеры играть гротескно, преувеличенно изображая эмоции — лицом, руками, ногами, всем телом... К сожалению, «Ералаш» у нас до сих пор живет по законам немого кино. В то же время не могу не признать, что для семейного фильма, ориентированного во многом и на детскую аудиторию, это, может быть, и неплохо. Потому что все дети по своей природе актеры, и они без кривлянья и гримасничанья не могут.

Хорошая музыка на протяжении всей киноленты, с оригинальными песнями, написанными специально к фильму, с оригинальными переработками известных песен. Песни исполняют несколько групп — это напоминает музыкальную компоновку российского фильма «Брат-2», а также многие западные ленты.

Самое приятное, что фильм очень динамичный — за полтора часа непрерывных приключений не успеет заскучать ни ребенок, ни взрослый. Множество гэгов — некоторые лучше, некоторые хуже: иногда смеешься от души, иногда просто улыбаешься. По-моему, эти полтора часа с удовольствием проведет любой ребенок, да и родители найдут для себя немало занимательного.

Беседовал Дмитрий БАЙКАЛОВ

ЗАТУРА: КОСМИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

(ZATHURA: ADVENTURE IS WAITING)

Производство компании Columbia Pictures, 2005.

Режиссер Джон Фавро.

В ролях: Тим Роббинс, Джона Бобо, Джош Хатчерсон, Дэкс Шепард, Кристен Стюарт, Фрэнк Оз и др. 1 ч. 53 мин.

Детский писатель и художник-иллюстратор Крис Ван Олсбург с момента выхода в свет своей дебютной фантастической повести «Джуманджи» в 1982 году числится в любимчиках критиков и читателей. А за последние десять лет он, похоже, полюбился еще и кинематографистам. Началось, как известно, с шумного успеха экранизации в 1995 году самой известной книги Олсбурга с бесконечно позитивным Робинот Уильямсом в главной роли. Затем последовала еще одна экранизация творчества фантаста — анимационная лента «Полярный экспресс». И вот — третья попытка.

Надо сказать, что сам Олсбург оказался страшно недоволен фильмом «Джуманджи», исказившим, по его мнению, всю суть книги. В 2002 году писатель выпустил прямое продолжение истории с жутковатой игровой доской. Новое повествование начиналось именно с того момента, на котором закончился сюжет «Джуманджи». На экране все вышло несколько иначе. По существу, «Затура» почти один в один повторяет сюжет «Джуманджи». Два малолетних братца-оболтуса приехали погостить в старинный дом своего отца (Тим Роббинс). Детишки активно недолюбливают друг друга. Но однажды в подвале они находят настольную игру «Затура»; делают первый ход — и весь дом оказывается вырванным вместе с фундаментом и свободно парящим в открытом космосе. Далее все знакомо: чтобы вернуться домой, они должны пройти игру до конца. А вместо джуманджийных джунглей их поджидают опасности космические: метеоритный дождь, жуткие ящероподобные твари зоргоны, спятивший робот и т.п. Но самым трудным испытанием для братьев оказываются поиски ключа к пониманию друг друга.

Фанатам «Джуманджи» фильм вряд ли понравится, а вот знатоки старой кинофантастики наверняка оценят изобретательное хохмачество маститого актера («Сорвиголова») и режиссера («Эльф») Джона Фавро, достаточно тонко и любовно перенесшего визуальный ряд, сам дух НФ-лент 50—60-х годов. Поэтому не торопитесь ужасаться примитивности анимации — так было задумано.

Юрий КОРОТКОВ

КОСМИЧЕСКИЙ ДОЗОР. ЭПИЗОД 1

(T)RAUMSCHIFF SURPRISE. PERIODE I

Производство компаний herbx film GmbH и Constantin Film (Германия), 2004.

Режиссер Михаэль Хербиг.

В ролях: Михаэль Хербиг, Тиль Швайгер, Гик Каваньян, Аня Клинг и др.
1 ч. 27 мин.

Снятый еще в середине 2004 года, этот фильм был показан во всех немецких кинотеатрах, пятикратно окупил бюджет в девять миллионов евро, получил шесть призов на кинофестивалях, массу восторженных отзывов и вот наконец появился за пределами Германии.

2304 год. Земля под угрозой нападения марсианской армады. Битва в космосе практически проиграна, и последним оплотом сопротивления агрессивным колонистам является известный своей нетрадиционной ориентацией экипаж космического корабля «Сюрпрайз» — в составе капитана Корка, бортинженера Шпротти и первого офицера Чмока. Команда на диване времени отправляется в прошлое, чтобы, изменив ход истории, не допустить колонизации Марса. Вместе с ними в прошлое попадают пилот космического такси Рок и королева Амидала (пardon, принцесса Метакса).

Немецкий юмор всегда считался своеобразным — грубоватым и малопонятным большинству европейцев. Но в данном случае на общем фоне голливудских политкорректных лент фильм заметно выделится. Пусть юмор иногда и опускается ниже пояса, но, как и классические бруксовские «Космические яйца», детище Хербига балансирует на острой грани между пошлостью и допустимостью. К тому же это невероятно фантастическое зрелище! Беспардонная, но добродушная издевка над классическими лентами — умопомрачительная пародия не только на «Звездные войны», «Звездный путь», «Пятый элемент», «Матрицу», «Шрек» и с дюжину других лент, но и вызов самому Мелу Бруксу.

Юмор, неплохие спецэффекты, хороший подбор актеров — что еще желать для полноценного отдыха перед экраном? Да и «безбашенный» перевод на русский язык придает ленте даже некий шарм — невзирая на совсем уж неправильный, но коммерчески точный перевод поливариантного названия. Raumschiff — это космический корабль, Traumschiff — сказочный, чудесный, а Surprise — не только сюрприз и название корабля, но еще и нападение.

Вячеслав ЯШИН

«НЕ СУЕТИТЕСЬ! Я ПРОСТО ОБЫЧНЫЙ ЙОГУРТ»

Зритель требует продолжения банкета. По интернет-форумам то и дело проносятся слухи, один правдоподобнее другого, что Мел Брукс приступил к изготовлению новой серии «Космических яиц». Впрочем, тотчас же появляются и опровержения, иногда в ядовито-ироническом, типично мел-бруксовском тоне: «Второй серии не будет, зато выйдет сразу третья — «Космические яйца-3»: в поисках «Космических яиц-2»!

Если же серьезно, то мы имеем дело с не столь редким в кинематографе случаем, когда от режиссера, сделавшего культовый фильм еще для поколения родителей, фильма-сиквела ждет уже поколение детей — причем с таким азартом и нетерпением, словно предыдущая картина только вчера ушла из горячей десятки голливудских хитов.

Космобольцы, вперед!

За свою довольно долгую режиссерскую карьеру Мел Брукс поставил восемь пародийных комедий, в списке которых «Космическим яйцам» отнюдь не гарантирована первая строка. Однако для большинства любителей культового кино, в том числе и для тех, кто смотрел все фильмы Брукса, его имя продолжает ассоциироваться с этим забавным двусмысленным названием.

В принципе, это понятно. В успехе пародийного «эпизода» саги о «Звездных войнах» очень много от успеха самих «Звездных войн». Прежде всего, обратим внимание на момент выхода фильма на экраны — 1987 год. Энциклопедист американской кинокритики Роджер Эберт считает это время «неподходящим» («такой фильм надо было бы снять на несколько лет раньше, когда наш аппетит на сатиру о «Звездных войнах» еще не истощился»), но в этом с ним решительно нельзя согласиться. Не знаю, как насчет аппетита на сатиру, но аппетит на новый сиквел «Звездных войн» к 1987 году американская публика определенно нагуляла. Вспомним, что три эпизода космической саги вышли с интервалом в три года (1977, 1980, 1983), очередного продолжения ждали в 1986-м — как выяснилось, напрасно. Зато годом спустя свой «эпи-

зод» представил известный Америке и всему кинематографическому миру режиссер-пересмешник Мел Брукс.

Предвижу возражения: не стоит путать божий дар с яичницей, а космическую сагу с пародийным «космическим омлетом». Но в tomto и дело, что при всей своей шутовской природе фильм Брукса имел полное основание снискать успех как добротная и увлекательная кинофантастика. Сюжет с похищением атмосферы миролюбивой Друидии злонамеренными космобольцами не более глуп, чем сюжеты десятков других космических опер, а по своей вынятности, динамике и обилию перипетий он даст фору многим знаменитым блокбастерам.

Еще важнее то, что написанный Бруксом сценарий* (кстати, лично прочитанный и одобренный самим Джорджем Лукасом) был реализован на солидной постановочной базе киностудии «Метро Голдуин Майер» командой крепких профессионалов. К примеру, художником по декорациям был Джон Франко-младший, до этого работавший на «Кинг Конге», а главным художником — Теренс Марш, вскоре после этого приглашенный на «Основной инстинкт». Изобразительная ткань картины настолько добротна, что из нее можно скроить не только буффонаду, но и настоящий кос-

мический боевик. В качестве примера вспомним хотя бы поединок на лазерных мечах между Лоун Старром и Темным Шлемом. Там есть много несерьезного — ну, хотя бы сами мечи, которые в кульминационный момент переплетаются, как лианы, они созданы в той самой лаборатории спецэффектов «Индастриэл Лайт энд Мэд-жик», которая «ковала» их и для «Звездных войн». То же самое можно сказать и о ракетопланах и космических крейсерах: они могут выглядеть как автобус с крыльями или трансформироваться в гигантскую горничную с пылесосом, но при этом сохраняют иллюзию объектов, летящих в космосе.

Львиная доля успеха, завоеванного героями «Космических яиц», кроется в их сравнении с культовыми персонажами «Звездных войн», как бы выглядывающими из-за плеча пародийных космобольцев и обитателей Друидии. Маленький и инфантильный очкарик Темный Шлем (Рик Моранис) не вызывал бы такого гомерического хохота без сопоставлений с мрачным гением зла Дартом Вейдером. Челобака (человек-собака) Барф — это комический двойник Чубакки, принцесса Веспы — шаржированная Лея Органа, а добродушно-хитроватый Йогурт, под латексной маской которого все же угадываются черты самого Мела Брукса, — остроумная кари-

* Совместно с Т.Михэмом и Р.Грэмом. (Здесь и далее прим. авт.)

катура на мудреца Йоду. Спародирован был не только внешний облик героев «Звездных войн», но и отдельные их реплики, самой цитируемой из которых стала «Да пребудет с тобой шварц!» (то бишь «сила»*), произнесенная все тем же Йогуртом.

Безусловно, некоторые персонажи пародии стали самодостаточными и затмили своих двойников. Глядя на чудовищное существо-пиццу по имени Пицца Хатт, в итоге «съевшее себя до смерти», многие из нас едва ли вспомнят его героя-аналога — Джаббу. А у президента Скруба (в этой роли опять же Брукс, на что и указывает фамилия-анagramма) — тупого, похотливого и самовлюбленного «первого лица» Космоболла — буквального аналога в первых трех фильмах «Звездных войн» вообще нет. Но так или иначе, узнаваемые комические «клоны» культовых героев — это главное, на что делал ставку Брукс.

Наконец, пародируя «Звездные войны», Брукс ухитрился скрестить детскую фэнтези с комедией для взрослых. При выходе на экран фильм получил индекс PG («детям в сопровождении родителей») из-за сексуальных тем и двусмысленностей в диалогах. И действительно, очень многие шутки в разговорах героев, как, собственно, и са-

мо название ленты, замешаны на традициях скабрезного юмора, но чтобы и посмеяться над этими шутками, и разглядеть секс на экране, надо прожить на этом свете, пожалуй, чуть дольше десяти лет. Малолетний зритель, возможно, и улыбнется, наблюдая за тем, как хвост Барфа виляет под юбкой официантки в космическом «фаст-фуде», но он точно не обратит внимания, что ручка гориллесоса в отколовшейся руке горничной-трансформера подозрительно похожа на исполинский фаллос.

Галопом по эпохам

То, что пародия греется в лучах славы породившего ее фильма, становится для нее в равной степени благом и злом. Задолго до того, как пародировать сагу Лукаса-Киршнера-Маркуэнда, Брукс поставил своего «Молодого Франкенштейна» (1974) — фильм, в котором, как в кривом зеркале, отразились коллизии и героини сразу нескольких культовых лент 30-х годов. Сегодня этот фильм особенно ценним продвинутыми знатоками кино, смакующими ретроэффект его черно-белого изображения и отыскивающими многочисленные отсылки к другим фильмам с тем же заглавным героем. Если же вы не синефил, а просто любитель кинофантастики или чего-то в этом ро-

* Произнесенное по-английски, слово «шварц» («шворс») созвучно со словом «форс» («сила») и при этом сохраняет свое комичное родство с фамилией Шварценеггер.

де, то вы, в общем-то, тоже внакладе не останетесь, от души посмеявшись над тем, как чудакватый длинноволосый «препод» из медицинского колледжа (актер Джин Уайлдер), потомок «того самого» Франкенштейна, приезжает в Трансильванию и оживляет неуклюжего флегматичного гиганта, пересадив тому мозг с паранормальными способностями. В фильме много смешной несурзаицы, черного юмора и эксцентричных эпизодов. Например, очень забавно, когда, вырвавшись на волю, существо забредает в хижину добряка-слепца, и тот, проявляя «слепую» заботу о ближнем, сначала ошпаривает бедного монстра супом, а потом прикуривает ему большой палец вместо сигары. Но будь вы тем же синефилом, этот эпизод доставил бы вам еще больше удовольствия, поскольку он пародирует похожую сцену из «Невесты Франкенштейна» 1935 года. Однорукий полицейский инспектор, который носит монокль на незрячем глазу — это смешно, но еще смешнее сравнить его с инспектором Крогом из «Сына Франкенштейна» (1939). К сожалению, среди наших зрителей такое доступно в лучшем случае одному из тысячи. Не будем, однако, забывать, что Брукс снимал свои пародии в Америке и для американцев — для тех, кому голливудские фильмы любой эпохи остаются родной и постоянно поминаемой в обиходе мифологией (тем же самым, чем для нас яв-

ляются «Чапаев» или «Веселые ребята»).

Главным объектом бруксовских пародий был и остается сам кинематограф, его стили и жанры: отсюда и «Сверкающие седла» (1974), пародирующие вестерн, и «Немое кино» (1976), пародирующее, как нетрудно догадаться, немое кино, и «Страх высоты» (1977), стилизованный под Хичкока. Впрочем, пародируя кино, Брукс вольно или невольно начинает насмешничать над эпохой, бытом и нравами, для чего он и применяет свой излюбленный рецепт фантастического винегрета из эпох и цивилизаций.

Иногда возможность скрестить эпохи кажется для Брукса настолько заманчивой, что он забывает про тонкости кинематографической стилизации и действует в духе низкопробных варьете и юмористических телешоу. Самым неудачным образчиком такого фильма стала «Всемирная история, часть 1» (1981), состоящая из нескольких эпизодов-скетчей. Их действие происходит в каменном веке, ветхозаветные времена, эпоху Римской империи и годы Великой Французской революции. По воле Брукса в пещере неандертальцев устраивается подобие вернисажа, где критик наскальной живописи мочится на нарисованного на стене бизона; прохожий на улице Древнего Рима «балдеет» от транзистора; а сам режиссер в роли прислужника появляется на

«тайной вечере» и ведет комичный диалог с Иисусом Христом (вскоре туда же приходят и Леонардо да Винчи, предлагающий свои услуги по созданию группового портрета). К тому же фильм оказался непомерно затянутым и выдохся уже на первой своей трети.

Американский Робин Гуд с английским акцентом

После «Истории мира» Брукс довольно долго ничего не ставил как режиссер, правда, как исполнительный продюсер участвовал в съемках кроненберговской «Мухи» (1986). Другая бесспорная удача Брукса-продюсера — «Человек-слон» Дэвида Линча (1980), в стилистике которого заметны явные признаки влияния все того же «Молодого Франкенштейна». Успех «Космических яиц», похоже, не прибавил 61-летнему режиссеру куража и желания усаживаться в режиссерское кресло. Он почивал на лаврах целых четыре года и лишь в 1991 году снял социальную комедию «Жизнь — дерьмо», которая ни к фантастике, ни к пародии отношения не имеет. Однако двумя годами позже на экраны вышел «Робин Гуд: мужчины в трико», где Брукс рискнул выступить во всех доступных ему кинематографических амплуа — сценариста, режиссера, продюсера, актера, автора музыки и текста песен. Об этом фильме стоит поговорить немало подробнее, ибо, на мой взгляд, здесь Брукс не только пре-

взошел уровень своей весьма успешной «саги о космобольцах», но и посостязался со свежим голливудским хитом, ставшим предметом его новой пародии.

Баллада о Робин Гуде — один из бродячих сюжетов мирового кино. Благородный разбойник из Шервудского леса стал героем не менее двух десятков игровых и анимационных картин, почетное место среди которых занимают «Приключения Робин Гуда» (1938) с Эрролом Флинном в заглавной роли. Однако главным и непосредственным поводом для создания бруксовской пародии стал «Робин Гуд — принц воров» (1991), весьма успешный проект режиссера Кевина Рейнолдса и актера и продюсера Кевина Костнера.

Фильм Брукса надо признать большой удачей по двум причинам. Во-первых, он точно подметил американизированность костнеровской версии английской баллады и в своем фильме развил ее до фантастических пределов. Во-вторых, «Мужчин в трико» можно смотреть и не оглядываясь на «Принца воров», это яркая и самоценная комедия «смешения эпох и цивилизаций», стоящая в одном ряду с такими фильмами, как, например, «Монти Питон и Святой Грааль» («в «Мужчинах в трико» есть такие моменты, которыми британская комедийная труппа могла бы просто гордиться», — признавал известный американский критик Джеймс Бернарделли).

Обратив внимание, что в фильме Рейнолдса ближайшим сподвижником Робин Гуда становится чернокожий (мавр Азим в исполнении Моргана Фримэна), Брукс без труда довел эту идею до откровенного гротеска. Молодой «мавр» по имени Апчи (Дейв Чэппел) имеет повадки типичного обитателя Гарлема или Бронкса, носит кроссовки и владеет приемами карате, а его шляпа йомена — не что иное, как стилизованная бейсболка. Вместе с другими чернокожими «йоменами» в темных очках он исполняет рэперские куплеты. Другой сподвижник Робина, Уилл Скарлетт (в фильме Рейнолдса его сыграл Кристиан Слейтер), удостоивается у Брукса имени всем известной героини из «Унесенных ветром» — Уилл Скарлетт О'Хара, а его виртуозное владение кинжалами очень смахивает на работу кухонного комбайна.

Но, пожалуй, самый забавный персонаж в «бригаде» Робин Гуда — это Слепой (Марк Блэнкфилд). Уже первое его появление на экране (в туалетной кабине, с рельефным номером «Плейбоя» на коленях) не может не вызвать улыбки. Замечательно хороши и персонажи из стана врагов. Шериф Ротингхэмский*, с цепью из американских шерифских звезд на шее, не в пример своему мрачному и жестокому прототипу из фильма Рейнолдса, силен и беспощаден только

на первый взгляд: на самом же деле это чванливый позер и недотепа, в которого безнадежно влюблена престарелая кокетка ворожея Латрина («Сортирвония»).

Что касается самого Робин Гуда (Кэрри Элвес), то он юн, романтичен и отважен, однако пародия не щадит и его. Так, любовная интрига с девицей Мэриан сводится к вопросу: найдет ли Робин ключ к стальному поясу невинности, в который облачена его возлюбленная? В свой лук, как в кольт, он заряжает целую обойму стрел, а его легендарный поединок с Маленьким Джоном, начатый на длинных палках, заканчивается на огрызках, длиной чуть более карандаша. И даже английский акцент Робина — это не столько дань исторической правде, сколько насмешка над Кевином Костнером, который так и не смог избавиться от своего американского прононса. «В отличие от некоторых других Робин Гудов, я могу говорить с английским акцентом», — с гордостью заявляет герой Кэрри Элвеса.

По части анахронизмов и культурно-исторического нонсенса «Мужчины в трико» превосходят и «Космические яйца», и «Всемирную историю». Все начинается с того, что в английскую деревню XII века, где пылают хижины йоменов, приезжает пожарная команда. Дальше — все в том же духе. На

* *Ротингхем (rotting ham)* — тухлая ветчина.

зеленых холмах старой доброй Англии, куда возвращается после крестового похода Робин, по примеру Голливуда красуется надпись «Англия», сделанная многометровыми буквами, однако не менее смешно выглядит неприемная неоновая надпись «выход», горящая над дверью зала в рыцарском замке. Ноги боевого скакуна стреноживаются противоугонным «хомутом» для автомобилей. Посланная Робинот стрелой, которая неминуемо должна пролететь мимо цели, резко меняет траекторию и, описывая причудливые зигзаги, вонзается прямо в «яблочко» — ибо, как поясняют нам создатели фильма, это стрела системы «Пэтриот» (чувствуется, что незадолго до этого они стали очевидцами операции «Буря в пустыне» и иракских ракетных залпов по Израилю). Когда Робин, решившись на объяснение в любви с Мэриан, отгораживается от сидящей на лужайке ватаги йоменов куском холста, интимная сцена воспроизводится на просвечивающем полотнище, как на экране в кинозале, и йомены, грызя кукурузные початки, смакуют ее реальные и несуществующие из-за игры теней подробности. «Поправь свои груди, а иначе ты похож на картину Пикассо», — говорит один из йоменов чернокожему Апчхи, когда они оба, переодетые в женские платья, пробираются к месту казни Робин Гуда...

Как можно понять из такого далеко не полного перечисления комических приемов и реплик, Брукс остается верен себе и вызывает зрительский смех весьма неприязнательными и даже не раз бывшими в употреблении средствами. Однако, в отличие от «Всемирной истории», здесь режиссер почти всегда соблюдает должную меру такта, а приглашенные актеры своей эксцентричной, но тонкой игрой наводят на старый гэг блеск обаяния и жизнерадостности.

Любить пересмешника

«Не суетитесь! Я просто обычный Йогурт», — увещевает загримированный под космического мудреца Мел Брукс, когда герои «Космических яиц» начинают воздавать хвалу «великому и могущественному хранителю «шварца». Знаменитый режиссер и актер, удачливый продюсер, авторитетный представитель голливудской элиты и на старости лет сохранил черты шустрого и бесшабашного еврейского комедианта — Мела Камински, выросшего в «чумазом» Бруклине в эпоху Великой депрессии. Не в пример Стивену Спилбергу или Вуди Аллену, Брукс мог с легкостью опуститься до второсортного, не адекватного его репутации проекта, после шумного успеха потерпеть фиаско и снова уйти в тень.

На сегодня его последней режиссерской работой и одновре-

менно пародией на фантастический хоррор остается «Дракула, мертвый и довольный». Фильм с Лесли Нильсеном в заглавной роли вышел в 1995-м, через три года после «Дракулы Брэма Стокера» Коппола, и по идее должен был «прокатиться на хвосте» кассового успеха этого блокбастера «Колумбии Пикчерз». Однако ни все более популярный Лесли Нильсен, ни патентованные спецэффекты, позволяющие Дракуле превращаться в летучую мышь и парить в ночном небе, зрителя не соблазнили. Фильм не окупил затрат, едва собрав 10 миллионов долларов. Критики назвали нового «Дракулу» не «мертвым», а «мертворожденным».

В чем была причина неудачи? Прежде всего в поспешно выбранном объекте пародии и времени ее выхода. Буквально за два месяца до появления на экранах фильма Брукса в Америке начал прокатываться «Вампир из Бруклина» Уэса Крейвена с Эдди Мерфи в главной роли. И это тоже была пародийная комедия! Кроме того, не очень искрометный по комическим трюкам и ситуациям фильм Брукса проигрывал в комизме даже кополовскому «Дракуле», в стилистике которого был ощутимый привкус иронии и черного юмора. Так, едва ли не главная актерская удача в фильме Коппола — это пастор Ван Хелсинг в гротескном исполнении Энтони Хопкинса. В фильме Брукса этого рьяного

борца с вампирами сыграл сам режиссер, но 69-летнему мастеру пародии попросту не хватило актерского темперамента, и в сравнении с Хопкинсом он выглядел довольно бледно.

С тех пор прошло больше десяти лет, но новых фильмов, поставленных Бруксом-режиссером, мы так и не увидели. Он продолжает работать в кино (в 2005 году его голосом говорил один из персонажей мультфильма «Роботы»), удостоивается почестей как корифей Голливуда и мировой комедии, однако это уже не прежний Брукс, излучавший энергию и оптимизм. В 2005-м ушла из жизни его жена, актриса Энн Бэнкрофт, знаменитая миссис Робинсон из «Выпускника» Майка Николса, культовой комедии 60-х. Режиссерская карьера не бесконечна, и, похоже, сам Брукс это понимает. Вместе с тем его талант пародиста и вклад в мировой кинематограф ни у кого не вызовут сомнения — ни сейчас, ни в отдаленном будущем. Заметим, что в Голливуде режиссеров-пересмешиков ценят просто за то, что те поддерживают в зрителях интерес к фильмам и героям, которых высмеивают. К тому же пересмешики делают фантастический мир экрана еще более фантастичным — и одновременно приближают его к реалиям нашей суетной жизни.

Дмитрий КАРАБАЕВ

У И Л Ь Я М Б А Р Т О Н

«УРОЖАЙНАЯ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ЛУНА»

Я был первым человеком, ступившим на Луну еще в 1965 году. Девять лет назад. И я все еще здесь, все еще хожу по Луне.

Я стал одним из четырех на борту «Джемини М-1», падавшего с черного мертвого неба на западную окраину клочка лунного «моря» в северной части кратера Риччиоли. Первого из десяти пилотируемых кораблей, экипажам которых предстояло заложить армейскую лунную базу в течение ближайших двух лет. Назывался этот проект «Урожайная Луна»* — самая яркая и невозможная мечта для одержимого Луной мальчишки. Мечта, которая одолевала меня как минимум со средней школы, когда во время войны я впервые услышал о таинственных «летающих керосинках» — то были падающие на Лондон «Фау-2».

Да нет, черт побери, гораздо раньше. С тех пор, когда я еще мальчишкой зачитывался в тридцатые годы научно-фантастическими журналами наподобие «Эмейзинг» или «Эстаундинг» и гадал, полетит ли человек в космос раньше, чем я помру от старости (или, может быть, намного раньше погибну на войне, которую все предсказывали, следя за Олимпийскими играми в Мюнхене).

Что ж, война закончилась, когда мне исполнилось восемнадцать, а в тридцать семь лет я полетел на Луну — единственный гражданский на корабле, которому предстояло совершить посадку, став членом экипажа скорее благодаря политике, чем своим достоинствам. Президент Никсон велел генералам подыскать одного гражданского, вот они и выбрали меня. И не потому, что я был такой уж крутой специалист по геологии планет, а всего-навсего из-за того, что меня назначили обучать геологии *их*, и астронавты меня уже прекрасно знали.

«Давайте возьмем Билла. Он справится».

Так вот. Тридцать семь лет, жена, сын-подросток, две дочурки-симпатяшки, а я полетел на два года на Луну. Вместе с командиром будущей базы, каким-то майором из армейского Инженерного корпуса и пилотом, уоррант-офицером**, который сейчас гонял бы вертолет «Хьюз» во Вьетнаме — если бы не пилотировал лунный модуль.

Ладно. Ты уже проспал, сколько положено. Можно вставать и начинать новый день.

Но я остался в койке, сплетя пальцы в жестких и потных волосах на затылке и уставясь почти в полной темноте на проволочную сетку, поддерживающую койку надо мной. Когда нам сбросили первые

* *Урожайная Луна (Harvest moon) — полнолуние, ближайшее к дню осеннего равноденствия. (Здесь и далее прим. перев.)*

** *Уоррант-офицер — категория командного состава между унтер-офицером и офицером.*

спальные модули, жизнь чудесным образом изменилась. Первые несколько месяцев мы спали в посадочных модулях. Предполагалось, что спать мы будем в полетных креслах, но многие предпочитали свернуться калачиком на полу.

На Луне плохо спится. Я почти все время провожу «на улице» и за прошедшие девять лет набрал там двенадцать тысяч часов, став чемпионом Вселенной по пребыванию в открытом космосе, а это иногда довольно сильно утомляет.

Я отдернул занавесочку и соскользнул с лежанки — примерно такие многоярусные койки можно увидеть на атомных субмаринах. Переступая босыми пятками по полу, я зевнул и потянулся, уперевшись вытянутыми руками в верхнюю переборку. Господи, снова от меня воняет, как от скунса. А очередь в душ подойдет только через пять дней.

Я достал из личного шкафчика один из шести оставшихся у меня новых комбинезонов (с фамилией «Данбар», аккуратно выведенной по трафарету на каждом нагрудном кармане), облачился в него, надел тапочки с фетровой подошвой, развернулся в тесном проходе и открыл люк в туннель. Заполз в него и плотно закрыл за собой. Отлично! Лампочка в переходнике снова перегорела. Интересно, осталась ли хоть одна запасная? И сколько еще придется ждать очередного модуля с расходными материалами и припасами? Два месяца?

По затылку зловеще пробежали мурашки: я к тому времени уже помру.

Распахнув другой люк, я выполз в столовую — такой же спальный модуль, но вместо коек здесь устроена кухня. Над головой ярко светились флуоресцентные трубки.

— Ну, наконец-то ты поднял свою задницу с койки, Данбар! — поприветствовал меня старый приятель Миди Паттерсон. — Давай, пей кофе, а то нам давно пора выходить.

— А мне-то что дергаться? Ты-то свою давно поднял. — Это избавило меня от обязанности заваривать кофе. Черт, меня не перестает удивлять, почему мужик, которому уже за сорок, все еще хочет, чтобы его называли Мит. — А злишься ты потому, что я старший геолог на планете.

— Это ненадолго, старина, — фыркнул он.

Гм-м, да. Верно. Пора торопиться.

* * *

Снаружи было ярко и солнечно, день уже перевалил за семьдесят часов, солнце поднялось высоко над восточным горизонтом, и ландшафт перестал рябить отражениями лучей, падающими под неболь-

шим углом, хотя тени еще оставались весьма длинными черными пальцами и кляксами, ползущими от валунов и камней на территории базы.

Я поднял позолоченный изнутри щиток шлема, чтобы осмотреть луноход при дневном свете, и меня поразил беспорядок, который мы здесь развели всего за девять лет. Не только холмики закопанных жилых модулей, но еще мусор и следы — отпечатки ног сорока человек, год за годом месивших угольно-черную лунную пыль. И посадочные ступени. Сплошные посадочные ступени до самого горизонта. С 1965 года, если считать три аварийные посадки, их тут село более сотни, в основном южнее и восточнее базы, на равнинной части кратера. Десять пилотируемых, остальные с припасами и оборудованием.

Оставалось радоваться, что разбились только модули с припасами — свежими фруктами, нижним бельем и всякой всячиной. Вы только представьте, что здесь пришлось бы кого-нибудь хоронить. Представили?

Застегивая виниловые крепежные ремни вокруг коробок с приборами и оборудованием, которые нам предстояло доставить в обсерваторию, Мит сказал:

— Будь я проклят, но эти скафандры — лучшее, что получилось из проклятого проекта «Аполло»!

Я взгромоздился на левое сиденье и стал пристегивать карабины ремней к полукольцам на скафандре.

— Пожалуй, не лучшее, а единственное, — буркнул я. Проект «Аполло» принес Луне лишь горькое разочарование. В свое время идея смотрелась очень неплохо. Армейский проект «Урожайная Луна» воспользуется ракетами «Джемини» в пилотируемых и грузовых вариантах для доставки людей и оборудования, начиная с 1965 года. А NASA тем временем доведет до ума ракету-носитель системы «Аполло», чтобы мы с помощью его пятиместных возвращаемых капсул и трехместных посадочных лунных модулей смогли с 1967 года начать ежеквартальную ротацию персонала базы.

Мит уселся рядом и тоже стал пристегиваться.

— Эти нынешние луноходы — отличные машинки, — заметил он. — Куда лучше джипа «Стирлинг», на котором мы начинали. Тот сранец никак не желал ездить!

А я вспомнил день, когда нам прислали фильм о том, как в голубом небе над Флоридой взорвалась четвертая и последняя ракета-носитель «Сатурн С-5». Как над пухлыми белыми облачками распустился большой и яркий грязно-оранжевый пышный цветок, как обломки дождем посыпались на центр Майами, поджигая дома.

И еще я вспомнил, как подумал тогда, что нам следовало бы поостеречься еще в январе 1965-го, когда «Аполло-1» сгорел на стартовой площадке, погубив трех астронавтов NASA. Но полет «Аполло-2» в августе прошел, как по часам, и уже в сентябре я и трое других парней забрались на самую макушку ракеты «Титан III» и отправились на Луну. А дорога домой оказалась для нас отрезана.

Потом нам прислали записи сенатских слушаний 1970 года, где военным разрешили заняться разработкой «Джемини R» для возвращения нас домой.

А пока суд да дело, я проторчал девять лет на этой Богом проклятой Луне.

— Пора, — сказал Мит. — Чем быстрее мы туда доедем, тем скорее Карл кончит трепаться, и мы сможем отправиться дальше. Господи, этот парень чокнутый!

Я двинул рукоятку управления вперед, и луноход тронулся. Его проволочные «шины» слегка прогибались на каменистом грунте.

— Да нет, он в порядке. А знаешь, что мне сказал Дрейк? Что оба они хотели пропустить ротацию и остаться здесь, даже когда начнут летать «Джемини R».

— Значит, оба они чокнутые.

— Может, и так.

Мит протянул руку и попытался хлопнуть меня по плечу, но аполловские скафандры недостаточно гибки, и он ограничился шлепком по моему запястью:

— Зато тебе ждать не придется, старина! В это время на следующей неделе ты уже будешь лететь домой с русскими.

Я рефлекторно посмотрел вверх. Ничего. Яркое солнце. Голубой ломтик Земли, навечно застывший в семи градусах над серединой западного горизонта. Но «Алмаз-9» висит на орбите уже две недели — это четвертый русский корабль, вышедший на орбиту вокруг Луны, и первый, запущенный их новой сверхмощной ракетой-носителем «УР-900». К «Алмазу» пристыкован большой спускаемый модуль «Орел».

Я подумал, что правительство, возможно, и не согласилось бы на спасательную миссию русских, но «Джемини R-1» во время первого беспилотного испытательного полета шлепнулся в самый центр кратера Риччиоли, даже не сделав попытки затормозить, и не оставил после себя ничего, кроме большой и светлой воронки в темной лунной пыли. «R-2» всего месяц назад слетал туда и обратно безо всяких происшествий, доставив две тонны образцов лунного грунта, но к тому времени соглашение уже было достигнуто.

— Эх, старина Дикий Билл, — мечтательно произнес Мит, — через месяц ты уже будешь дома, доктора к тому времени от тебя отвя-

жутся, а твоей старушке жене понадобится кресло на колесиках после твоих знаков внимания.

Старушка жена... Можно подумать, мы сумеем наверстать эти прожитые врозь девять лет? Мы с Митом уже миновали последние награждения брошенных посадочных модулей и космического хлама, и я двинул рукоятку управления вперед до упора.

— Эй, полегче, Дикий Билл! Побереги наши задницы, а то огорчишь милую женушку.

Я немного сбросил скорость и поинтересовался:

— Мит, я говорил тебе когда-нибудь, как меня бесит, когда меня называют Диким Биллом?

— Примерно десять миллионов раз, Дикий Билл, — расхохотался Мит.

* * *

Из обсерватории на «Площадке-5», расположенной в кольцевых горах в пятнадцати милях на север от базы, открывается прекрасный вид на дно кратера Риччиоли вдоль его склона. Оттуда наша база смотрится примерно как стоянка на обочине шоссе, где кто-то вытряхнул из машины полный мешок мусора.

Помню, как мы все хохотали, когда нам прислали по факсу картинку лунной базы, которую собирались построить русские. Уж так на ней все было аккуратно. По сравнению с ней, наша база смахивает на трейлерный парк для сезонных рабочих.

Сама обсерватория представляет собой попросту мешанину из оборудования, антенн и телескопов, установленных где попало прямо на поверхности. Здесь нет ни голубого неба, ни атмосферы, поэтому и купол не нужен. Жилая часть выглядит просто как горб с дверью шлюза в бок — в том месте, куда Карл и Фрэнк приволокли надувной домик и закопали его вручную, старыми добрыми лопатами.

Нет, все-таки они чокнутые.

В свое время на базе вспыхнул спор — им хотели запретить жить в обсерватории из-за повышенной радиации на поверхности и всего такого, но никто не пожелал сажать их под арест, так что...

— Добро пожаловать в Изумрудный город! — раздался в наушниках голос Сагана. — Привезли мое барахло? — На нем был, разумеется, один из старых скафандров с «Джемми», украшенный наваренными резиновыми заплатками в местах порезов. Гулять в таком по Луне можно всего лишь полтора часа. Пройдет еще немало времени, прежде чем нам завезут столько новых скафандров, что хватит на всех.

— А где Дрейк? — осведомился Мит.

Карл поднял большой палец и ткнул им в направлении домика:

— Внутри. Паяет черный ящик для проекта нового радиотелескопа. — Он указал на полусобранную тарелку поворотной антенны, которую мы доставили сюда в виде сотни деталей за последние несколько месяцев.

— А вы, ребята, сильно рискуете, когда паяете внутри надувной палатки. Если Фрэнк прожжет в стенке дырку, его попросту завалит.

Карл пожал плечами — это было хорошо видно в жалком старом скафандре.

— Это наш риск. И мы на него согласны.

— А что будет делать ваша новая тарелка? — спросил Мит.

Даже сквозь помутневший старый щиток шлема мы увидели, как заблестели глаза Карла.

— Мы назвали ее «Озма-2». Как только антенна будет готова, мы начнем проверку кое-каких идей Фрэнка. В смысле, куда неплохо бы заглянуть радиотелескопом. Тау Кита. Эпсилон Эридана...

— Отлично! Вам еще не надоело слушать «ждите ответа»?

— Билл, я ведь показывал тебе уравнение.*

* *Карл Эдвард Саган (1934—1996) — знаменитый американский астроном, весьма успешный популяризатор науки и яростный критик псевдонауки. Был одним из пионеров экзобиологии и основателей программы поиска внеземных цивилизаций SETI. Всемирно известен своими научно-популярными книгами и телесериалом «Космос», в котором был одним из соавторов и ведущих. По его НФ-роману «Контакт» в 1997 году был снят одноименный фильм. Саган участвовал в подготовке к полету большинства автоматических межпланетных аппаратов, предназначенных для исследования Солнечной системы.*

Уравнение Дрейка (известное также как «уравнение Сагана») — знаменитый результат исследований в таких спекулятивных областях науки, как ксенобиология, астросоциобиология и поиски внеземного разума. Оно было выведено в 1960 году доктором Фрэнком Дрейком, астрономом из Корнеллского университета, как попытка оценить количество внеземных цивилизаций в нашей Галактике, с которыми мы можем вступить в контакт. Главная цель уравнения — дать ученым возможность количественно оценить факторы, определяющие число внеземных цивилизаций. Научные дискуссии по этому поводу продолжаются до сих пор.

Проект Ozma — пионерский эксперимент программы SETI, начатый в 1960 году Фрэнком Дрейком в Национальной радиоастрономической лаборатории в Грин Бэнк (Западная Вирджиния). Целью эксперимента был поиск признаков жизни в далеких звездных системах путем анализа галактического радиоизлучения на волне космического водорода (1420 зиггерц) и вблизи них. Через несколько лет был признан бесперспективным.

— Ага, показывал. Половина членов в нем — неизвестные величины. Карл, вы принимаете желаемое за действительное.

— Ну... мы же на Луне, черт побери! Можешь представить более подходящее место, чтобы принимать желаемое за действительное? — Он обвел руками мертвое черное небо. — Господи, да ведь каждую ночь ты сам все это можешь увидеть, Билл! Там миллиарды и миллиарды звезд!

Карл уже затерялся в мечтах, готовый обрушить на нас очередную получасовую обличительную речь.

— Да ну тебя к черту! — буркнул Мит. — Давай выгружать его ба-рахло, а то не сможем подняться в гору и начать установку нашего оборудования.

* * *

В радиорубке было тихо. Она сулила уединение — то самое уединение, которого человеку иногда так хочется во время ежемесячного звонка домой. Во всяком случае, все мы научились обращаться с приборами сами и не нуждались в помощи единственного на базе офицера-связиста — а тому более чем хватало забот с починкой старого электронного хлама, который постоянно изнашивался и ломался.

Лицо моего сына Билли на черно-белом телеэкране выглядело иначе, чем во время нашего последнего разговора. Ему это хорошо удается. Он смотрит в телекамеру, а не в стоящий рядом с ним телевизор. Взгляд все еще жесткий, хотя вот уже три года, как он вернулся из Вьетнама и, наверное, почти закончил с медицинской реабилитацией.

— Ты снова подстриг бороду, — заметил он.

Я улыбнулся и распушил ее пальцами. На ощупь почти как стальная щетка.

— Она уже... гм-м... стала заполнять мой шлем.

В ответ улыбка:

— Что ж, теперь ты больше похож на Кастро и меньше — на Мудрого старца с гор.

Когда он был мальчишкой, все говорили, что он очень похож на меня, но я так не считаю. Подбородок у него более плоский, ямочка на нем меньше, нос уже, прямее и длиннее и, если хотите знать мое мнение, гораздо больше напоминает нос Фреда, брата его матери.

— Что это за дурацкая рубашка на тебе? — Одежда здорово смахивала на какой-то воинский мундир, даже с золотыми галунами на воротничке и манжетах.

— Из полиэфира, — ухмыльнулся он.

— Какого она цвета?

— Фиолетовая, папа.

Я усмехнулся:

— И что, больше никаких бус и сандалий?

— Времена меняются.

Тут я увидел — даже на зернистом телеэкране, — как начали темнеть его суровые глаза, и решил, что лучше сменить тему.

— Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

Его взгляд прояснился:

— Точно! Tempora mutantur, nos et mutamur in illis. Хилдерик, король франков.

В наших с Билли отношениях такое было всегда. Что бы между нами ни произошло, я всегда мог позвать сына прогуляться по лесу, и там мы болтали на всякие умные темы.

— Ты еще встречаешься с той девушкой... э-э... — Господи, да вспоминай же быстрее... — Сарой?

Я увидел, как ему приятно, что я вспомнил ее имя.

— Да.

— Мне понравилось ее фото, которое ты прислал по факсу. Она действительно красивая. — Высокая блондинка с ярко-голубыми глазами. Нос, правда, великоват, но на ее лице смотрится в самый раз. — Как твоя мать?

Он нахмурился. Слегка пожал плечами:

— У нее вроде бы все в порядке. Она сейчас менеджер по запчастям на тракторном заводе.

— Это хорошо. Гм-м... Она еще встречается с этим... как-там-его?

Он еще больше нахмурился. Медленно кивнул. А чего я от него, собственно, хочу? Чтобы он рассказал о своем сводном братце? Парнишка родился в конце 1966 года, задолго до того, как мы узнали, что я застряну на Луне, так что даже если бы программа «Аполло» сработала...

— Как учеба?

Он вдруг просиял:

— Меня досрочно приняли в университет Джона Хопкинса, папа! Вашингтонский университет выпустил меня на год раньше, чтобы я уже осенью смог начать учебу на медицинском факультете.

— Так это же здорово!

— Я подал в NASA заявку на стипендию по космической медицине. И мне сказали, что с моими десятью ветеранскими пунктами ответ наверняка будет положительный.

Когда в 1948 году я поступал в Бостонский университет, у меня было всего пять пунктов. И к тому же на моей груди не было «Пурпурного сердца», не говоря уже о «Бронзовой звезде». Военные при-

слали мне по факсу список его наград, но мне пока не удавалось разговаривать Билли на эту тему.

— Но почему? — удивился я. — Я думал, ты планировал специализироваться по травматической медицине.

— И по ней тоже, — кивнул он. — Стипендия по космической медицине требует двойной специализации.

— Все равно не понимаю.

— Папа, сейчас очень много говорят о финансировании системы «Нова/Ровер» как реального проекта. С тех пор, как русские разрешили доктору Челомею опубликовать в прошлом году свою книгу... — Он говорил о Владимире Челомее, главном конструкторе космических кораблей, чьи детища — «Алмаз-9» и «Орел-1» — уже кружат на окололунной орбите и вскоре доставят меня домой. — Словом, запланированная дата старта первой марсианской экспедиции — 12 ноября 1984 года.

— Когда сам увижу, тогда и поверю... Господи, а ведь мне тогда стукнет уже пятьдесят шесть!

Он еще раз медленно кивнул:

— Да. А мне — тридцать четыре.

В тот день, когда я отправился на Луну, мне было тридцать семь.

— И ты хотел бы полететь.

— Да. Полет рассчитан на три года. Двенадцать человек, им понадобятся врач. Хороший врач.

Еще как понадобится. У нас здесь полевой хирург, терапевт и фармацевт, три медика на сорок членов экипажа.

Серьезные глаза сына долго изучали меня. Потом он сказал:

— Тебе нужно кое-что знать, папа. Месяц назад наконец-то допустили к летным испытаниям ядерный ракетный двигатель «Ровер-1». Прототип с тягой почти 34 тонны готов к полету.

— Тот самый двигатель с твердофазным реактором из проекта NERVA?*

— Да, папа. Речь шла о том, чтобы присобачить «Ровер-1» к первой ступени «Сатурна-IVB», а выше установить оборудование, оставшееся от программы «Аполло», и некоторые компоненты орбитальной станции. На складах законсервировано достаточно железа от «Аполло/Сатурн», чтобы его хватило на три экспедиции. И теперь они полагают, что выяснили, из-за чего раньше взрывались ракеты. Сейчас это называется проект «Starover».

Я хмыкнул. «Starover» — «Звездный скиталец». В честь романа

* NERVA (Nuclear Energy Rocket Vehicle Apparatus) — реактивный аппарат на ядерной энергии. См. также послесловие автора.

Джека Лондона, что ли? Впрочем, нет. В начале шестидесятых, когда я тренировался для полета на «Джемини», один инженер из NASA написал о приключениях исследователя космоса Дига Аллена.

— Да никто не полетит на Марс на корабле такой конструкции, — сказал я.

— Нет, конечно. В любом случае, марсианский посадочный модуль не будет готов раньше 1982 года, сколько бы денег в него ни вбухали. Сейчас говорят о предварительных миссиях к трем астероидам поблизости от Земли. Первая — в 1977 году.

А мне оставалось сидеть на Луне и кусать локти.

Бобби снова улыбнулся:

— Экипаж каждой миссии будет состоять из трех человек. Астронавт-инженер, какой-нибудь ученый и геолог.

— И под них уже выделено финансирование?

Он пожал плечами:

— Почти. Все равно раньше осени голосование по бюджету на следующий год не состоится.

— Как-то не верится, что Макговерн такое одобрит.*

— После слушаний по импичменту он сидит тихо, как мышь.

Чертовски трудно оправдать импичмент только что вступившего в должность президента, а антивоенная партия Макговерна сделала Билла Миллера президентом на один срок, несмотря на прекрасную экономику, которую ему передал Никсон, но республиканцы, контролирующие обе палаты конгресса с небольшим перевесом, все же попытались.

— Что же, слушания не дошли до обеих палат?

— Нет. Ты слышал, что вице-президент Иглтон собирается подать в отставку?

— Нет!

— Сегодня утром передавали в новостях. — Сын постучал пальцем по голове и многозначительно взглянул в телекамеру. Черт, есть предел тому, что мы можем говорить. Это ведь открытый канал.

— И кто же?..

— Говорят, Сержант Шрайвер.

— Парень из Корпуса мира? — Отлично, еще один Кеннеди. Просто поразительно, о чем только люди думают, ведь Джек и Бобби уже сидят в сенаторских креслах — один в Массачусетсе, а второй в Нью-Йорке. Если бы Тедди не свалился в машине с того моста и не утонул, их сейчас было бы уже трое.

* Ниже до конца этого разговора упоминается много имен американских политиков и политических событий тех лет (а также намеков на возможные варианты событий).

— Говорят, Макговерн теперь уже никогда не выставит свою кандидатуру на перевыборах, ведь он пытался вытащить нас из Вьетнама как раз тогда, когда мы начали побеждать.

— До 1976 года еще долго. Всякое может случиться.

Сын улыбнулся:

— Может, и так, но демократы уже называют своим кандидатом Эда Маски.

— Э-э-э... из Мэна?

— Ага. А республиканцы поглядывают на Теда Агню.

— Кого?

— Губернатора Мэриленда.

Билли рассмеялся:

— Думаю, когда ты собирался на Луну, он был еще членом школьного совета Балтимора.

— Господи... — Когда сидишь на другой планете, время летит с бешеной скоростью. — Значит, поляк и... кто? Француз? Может, Эгню?

— Грек. Если он победит на выборах, то мы отправимся на Марс. А пока республиканцы предпочитают придерживаться взглядов Никсона.

Черт побери, да из-за Никсона-то я здесь и торчу. Но вслух я этого не сказал. Теперь надо следить за своими словами.

— Значит, ты полагаешь, что я могу подать заявку на этот... «Звездный скиталец», когда вернусь домой?

— Конечно. Ведь ты и мистер Паттерсон — единственные в мире планетологи с полевым опытом. Так что полетите вместе: ты, он и какой-нибудь новичок.

— Очень сомневаюсь, что Мит в ближайшие годы захочет куда-либо лететь.

Он пожал плечами и улыбнулся. На секунду посмотрел в сторону от камеры. Нахмурился.

— Э-э... время заканчивается.

— Да. Как хорошо, что мы с тобой поболтали, Билли. Когда ты был во Вьетнаме, мне так не хватало тебя.

— Что ж, скоро увидимся. Я попрошу прислать тебе по факсу подробности проекта «Скитальца», как только они станут доступны.

— Спасибо. Эй, а сможешь в следующий раз прихватить и своих сестричек? — Миллисент сейчас уже почти шестнадцать, а малышке Беатрисе... что? Двенадцать? Господи...

Его взгляд наконец-то смягчился:

— Попробую, папа. Обязательно попробую.

Живое изображение внезапно застыло.

* * *

Мы с Митом стояли в точке разворота последнего участка нашего пути, высоко на холмах западнее базы, чуть ниже гребня кратера. Забавно, как мало Луна похожа на иллюстрации во всех этих научно-фантастических журналах, которые я читал мальчишкой, или на фильм Джорджа Пала по роману Хайнлайна «Ракетный корабль «Галилей». Как же они его назвали? «Пункт назначения — Луна»?

Неужели я всерьез думал, что когда-нибудь пройду по Луне? Может, и думал.

Плоские равнины из застывшей лавы, зазубренные горы, не тронутые ветром и водой? Смех, да и только. Мы знали достаточно, чтобы вообразить пыльные лунные холмы и низкие, покатые склоны, хотя и не могли разглядеть их в телескопы. Солнечный ветер слаб, но он дует на эти горы вот уже четыре миллиарда лет.

Я закрепил большую и угловатую телекамеру в гнезде для альтазимута* на вершукке треноги, а Мит в это время удерживал ее, чтобы она оставалась нацелена в сторону нашей базы, в точку на краю заваленного обломками поля, где, как предполагалось, должен совершить посадку «Орел-1».

— Подержи-ка контрольную цветную карточку. Надо проверить, сможем ли мы сфокусировать эту проклятую штуковину.

Он порывлся в ящичке с инструментами, отыскал карточку и отошел, держа ее перед собой на вытянутой руке, а я тем временем поднял темный щиток и прильнул прозрачным стеклом шлема к резиновой окантовке видоискателя.

— Хе. Никакой перспективы. Впечатление такое, словно ты стоишь на краю пропасти.

— Если найдешь здесь пропасть, дай мне знать.

Да. Мы и в самом деле устали от этого места.

Когда он отошел в сторону, я повернул трансфокатор, увеличивая картинку. Примерно в миле за последней из старых посадочных ступеней, неподалеку от того места, где разбился «R-1», ребята выложили из блестящего металлолома большую букву «X», обозначающую точку посадки. Я выпрямился.

Мит стоял спиной к кратеру, глядя вверх в сторону его гребня, метрах в двухстах западнее и метрах в пятидесяти выше меня.

— Через неделю в это время, — сказал он, — я буду стоять здесь с тем русским парнишкой.

* *Альтазимут — универсальный инструмент для определения высот и азимутов небесных светил.*

— Его зовут Муса Бородин.

— Мууза! Что за имечко! Даже звучит не по-русски.

— А Георгий Вольновский тебе больше нравится?

— Это пилот?

— Да. Кстати, генерал-лейтенант.

— Господи! — Он повернулся и посмотрел на меня, затем тоже поднял защитный щиток, чтобы мы могли видеть лица друг друга. — Не скажу, что мне было в кайф торчать здесь все это время, но мне всегда нравилось работать с тобой, Дикий Билл. Из нас получилась хорошая команда.

Я кивнул. Что тут ответишь? «А ведь ты пробудешь здесь еще как минимум год, прежде чем настанет твоя очередь возвращаться, так ведь, Мит?»

Он улыбнулся — наверное, прочитал мои мысли.

— Черт, Билли, думай обо мне, когда будешь задавать женошке по полной программе, ладно?

Просто треп. Здесь, на Луне, нет секретов. Когда мы учились в колледже, Миди Паттерсон не отличался особой деликатностью, а если с тех пор и повзрослел, то ненамного. Поэтому я ухмыльнулся, подыгрывая ему, и сказал:

— Знаешь, Мит, прошло столько времени, что я, пожалуй, уже и позабыл, как это делается.

— А может, это как езда на велосипеде?

Я уже собрался ответить, что через девять лет при одной шестой «g» я, наверное, и на велосипеде не смогу прокатиться, но тут у меня на глазах выступили слезы. Господи, если я начну плакать в шлеме, то не смогу вытереть слезы и направлять камеру, когда придет время. Поэтому я тряхнул головой и постарался взять себя в руки.

— Эй... — произнес Мит уже мягче.

— Судя по дате рождения ее ублюдка, она очутилась в постели с тем проклятым строителем и забеременела всего через три месяца после того, как мы оказались здесь.

— Да не бери в голову, Билл. Извини, если я...

Я попытался улыбнуться.

— Знаешь, Мит, я был чертовски занят последние два года перед стартом. И не удивился бы, если...

— Ну да. Зато у тебя все-таки была жена. И трое детей, к которым ты возвращаешься. А когда состаришься, можешь подумать о внуках. А у меня... У меня были только шлюхи из баров, и больше мне возвращаться не к кому. К тому же, если ты забыл, мне тоже сорок шесть лет.

Несколько секунд мы тарасились друг на друга.

— Господи...

— Ага.

— Может, все же передумаешь и подашь заявку на койку в «Скитальце»?

— Только не я, — скривился он. — Если бы я знал, что проторчу на Луне девять лет, да еще без бабы, ни за что бы не согласился. — Он посмотрел на меня. — А ты, как вижу, уже готов, несмотря ни на что.

Я кивнул.

— Может, шлюхи из баров и не Бог весть что, но мне их дьявольски не хватает, — сказал он. — Сколько мне еще осталось до стариковского возраста? Лет пятнадцать или двадцать. Так вот, я отправлюсь домой и оттянусь на славу.

— А потом? — рассмеялся я.

— Потом буду сидеть и вспоминать всех этих баб.

— Черт поberi, Мит, полеты «Скитальцев» продлятся всего несколько месяцев!

— Да? Знаешь, этот тоже предполагался только на два года. И я должен был вернуться домой уже в 1968-м. — Еще один долгий взгляд. — Думаешь, у тебя есть шанс отправиться на Марс вместе с сыном? Так ведь, дуралей?

Я отвел взгляд, уставясь на кратер и свалку возле базы, похожую на игрушки, разбросанные по грязной песочнице. Уже почти время.

— Если это и произойдет, то не скоро.

— А ты подумал, что с тобой станет, если твой парень умрет на Марсе у тебя на глазах?

— Я о другом подумал: каково мне будет сидеть дома, пить пиво и смотреть, как он умрет, но только по телевизору.

После этих слов мы заткнулись. Я переключился на общую частоту базы:

— База? Это Траверс 2271. У нас все готово.

В наушниках откликнулся забываемый треском помех голос Джилсона, нашего офицера-связиста:

— Вас понял, Траверс. Переключитесь на частоту 778. Мы вклинились в советский канал связи «земля-орбита». И вы можете слушать все переговоры между «Орлом» и «Алмазом».

— А нас они могут слышать?

— Нет, — рассмеялся Джилсон. — Это же не магия, Данбар. А всего лишь проводки у меня на панели.

— Хо-хо. Когда настанет Рождество, найдешь в своем носке плагиоклаз, старина!

— Но только не от тебя, мальчик мой.

Верно, не от меня. Я сообщил новость Миту, затем покрутил шкалу рации, подстраиваясь на новую частоту.

— Слышишь что-нибудь?

— Ничего.

— Может, никаких русских на орбите и нет.

— А может, и нас на Луне тоже нет?

— В Нью-Йорке есть один тип, — вмешался в разговор Джилсон, — который очень долго трепался по ящику и доказывал, что нет никакой лунной базы и сорока застрявших на Луне американцев. Он утверждает, что все это фальшивка для русских.

— И он чертовски прав! — заявил Мит. — Вокруг нас гребаная Невада. Эй, ребята, хотите сегодня вечером после работы смотаться в Рено? Я слышал, там есть один кабачок, называется «Ранчо мустанг»...

— Это открытый канал, Мит, — оборвал его Джилсон. — И все, что мы говорим, пойдет по национальному телевидению, за две минуты до посадок.

— Гм-м... извини.

Я встал за камерой, заняв свое рабочее место, и слегка ее приподнял, чтобы видеоискатель захватил черное небо и полоску горизонта, выглядевшую по контрасту почти белой, хотя лунный грунт практически черный.

— И какой был смысл тащить сюда цветную камеру?

— Я слышал, что у русских движков выхлоп оранжево-фиолетовый.

— Значит, они работают на гидразине*.

Я находился снаружи, когда разбился «R-1». Сам взрыв был очень красив — полусфера прозрачного голубоватого пламени, которая мгновенно полыхнула, вспухла и рассеялась.

— Азимут один градус, — сообщил Джилсон. — Тридцать секунд. Они пойдут по высокой траектории менее чем через пятнадцать секунд после того, как покажутся над горизонтом, так что приготовьтесь.

— Вас понял. — Я чуть опустил камеру, прихватывая больше горизонта и надеясь, что нацелил ее в нужную точку — чуть выше дальней стены кратера и намного южнее точки, где мы находились. — Смотри в оба, Мит. Если увидишь светящуюся точку, дай знать.

— Хорошо.

Вот она.

— Билл!

— Вижу. — Над горизонтом, слегка покачиваясь, восходила белая

** Гидразин (N_2H_4) — токсичная, горючая и едкая жидкость, сильный восстановитель. В 1950-е годы использовался как ракетное топливо, но был быстро заменен диметилгидразином (UDMH). До сих пор используется как однокомпонентное ракетное топливо для двигателей маневрирования и ориентации спутников.*

точка. Впрочем, как раз и не восходила. Они шли к нам по низкой и пологой траектории, пересекая кратер. Кто-то в наушниках произнес:

— Da, khorosho. Kuda mne itti, napravo ili nalevo?

Ни слова не понял. Конечно, я учил латынь в средней школе и немецкий в колледже. В сороковые годы практически никто не учил русский. Но голос прозвучал так, словно они были... ну, не знаю. Озадачены?

— Как-то странно идут... — подал голос Мит.

— Idite pryamo, — послышался другой голос. Чутьочку нервный.

— Shto? — спросил первый голос.

Второй голос — неожиданно громче, резче, очень торопливо:

— Vtoroi povorot napravo!

— Господи!.. — пробормотал Мит.

Теперь картинка в видеоискателе была уже не просто качающимся мазком огня. Из пастельного пламени торчали четыре паучьи ноги, две из них указывали в небо.

— Думаю, уже больше пятнадцати секунд... — буркнул я.

Первый голос, почти в панике:

— Ya zabludilsya...

Мне пришлось резко поднять камеру, чтобы изображение не ушло из верхней части кадра. Внезапно я смог разглядеть сквозь пламя корпус посадочного модуля — две состыкованные зеленоватые сферы с какими-то выступами на поверхности. Я оторвался от видеоискателя и взглянул в небо.

— Ничего себе!

— Ты их теряешь в кадре Билл, — сообщил Джилсон.

Я вернулся к видеоискателю, и тот же встревоженный голос произнес:

— Eto ochen stranno... Ya... ya... Idite vperjod!

Тут до меня дошло, что камера уперлась в ограничитель и нацелена почти вертикально. Дальше ее не поднять.

— Господи, ребята! Мотайте *наверх!* — крикнул Мит.

Когда я отпустил камеру, она начала опрокидываться, но я не стал ее удерживать, потому что задрал голову и смотрел.

— Боже мой!

«Орел» летел прямо надо мной, всего метрах в двухстах, и казался большим, как авиалайнер. А пламя... оно внезапно затрепетало, выпустив струйки оранжевого и розового, и угасло. Здесь и там на корпусе засверкали вспышки поменьше.

Реактивные двигатели ориентации. Корабль начал крениться вперед, пытаясь встать вертикально. Принять нужное положение, чтобы отстрелить лунный модуль и рвануть вверх, на орбиту.

— *Bozhe!*.. — воскликнул кто-то из русских. И добавил намного тише: — *Gde mne slezt? Pozhaluista, otkroite okno*...

Я увидел сноп искр, когда «Орел» чиркнул по гребню кратера, потом ничего. Темнота. И, разумеется, тишина.

Стоя возле лунохода и глядя на установленные там приборы, Мит сказал:

— Интересно. Два больших сейсмических события и три поменьше. И никаких толчков после. — Он посмотрел на меня. — А знаешь, русский-то пошутил. Перед самым концом.

Я тряхнул головой, рассматривая гребень кратера. Там, где его задел корабль, появилась едва различимая царапина. Хотел бы я знать, сколько кусочков моей поездки домой мы найдем на обратном склоне...

* * *

Я поднял штатив с камерой и принялся отсоединять разъемы, расстегивать защелки и укладывать оборудование для перевозки. Ничего. Ничего. Теперь кто-то похоронен на Луне. Удивительно, но до сих пор, несмотря ни на какие происшествия, никто еще не погибал за пределами земной атмосферы. Да, конечно, Комаров погиб, когда «Восход-6» разбился в 1967 году, почти за два года до того дня, когда экипаж «Аполло-1» сгорел прямо на стартовой площадке, но то, что его убило, врезалось в Казахстан на скорости четыреста миль в час.

Я помнил, как русские переживали тяжелые времена в первый год после смерти Сергея Королева на операционном столе, когда Мишин и Глушко боролись за контроль над его наследием. Сперва, после гибели Комарова, с треском провалилась встреча на орбите и стыковка «Восхода-4» и «Восхода-5». Какое-то время казалось, что они безнадежно отстали, и всех нас поразило, когда в конце 1968 года ракетаноситель Челомея «УР-500» вывела «Алмаз-1» на околоземную орбиту. Ладно, орбитальная станция, сказали мы. И очень гордились, пока они через три года не вывели свою станцию на орбиту вокруг Луны.

— Эй, ребята! — пробился в наушниках голос Джилсона. — Пилот «Алмаза» говорит, что все еще принимает телеметрию с «Орла». — Где-то в черном небе над нами сейчас летит Валерий Быковский, смотрит на мониторы и начинает сознавать, что возвращаться ему придется в одиночестве.

— Голос? — уточнил Мит.

— Нет. Только технические данные.

— А вы, парни, разве не видели схему, которую нам послали факсом на прошлой неделе? — спросил я. — Голос и биомедицинская телеметрия идут через направленную антенну на взлетной ступени. А

все остальное передается ненаправленными штырьковыми и проволочными антеннами. — Я повернулся и взглянул на гребень кратера. Хотя следы были совсем свежими и останутся неизменными еще геологические эпохи спустя, я все же с трудом разглядел небольшие шрамы в том месте, где корабль чиркнул по грунту.

— По словам пилота, передаются базовые команды управления взлетом. Он говорит, что у них, очевидно, произошло разделение ступеней уже после того, как корабль срикошетил от вершины горы... но трудно сказать, из-за чего. Или аппаратура сработала от удара, или процедуру запустил бортовой компьютер. Они также запустили систему команд по аварийному разделению и взлету, но...

— Вы как хотите, а я не полетел бы с русским компьютером, — заявил Мит.

— А я теперь не захотел бы полететь с одним из наших. — На «Джемми R» стоял модифицированный компьютер с «Аполло» — вершина технологии начала шестидесятых, но пару месяцев назад Билли показал мне свой новенький калькулятор «Роквелл», спел песенку про «большие зеленые цифры» и поведал, сколько этот малыш стоит. Я попросил его купить такой же и мне — как подарок к возвращению домой.

Взглянув на индикатор заряда на панели лунохода, я сказал:

— У нас осталось заряда примерно столько, чтобы добраться до гребня кратера и вернуться на базу. Вы меня слышите, ребята?

Мит забрался на пассажирское сиденье и начал пристегиваться:

— Поехали.

— Хорошо, — отозвался Джилсон. — Держитесь в пределах видимости, Билл.

С гребня окаймляющих кратер гор мы увидели «Орел» внизу на склоне, в самом начале формации Гевелиуса — скал, иссеченных трещинами. Кстати, именно она стала одной из главных причин, почему база расположена в кратере Риччиоли. В пятидесятые кто-то решил, что заметил в этом районе выброс газов, и вообразил, будто где-то здесь есть вулкан. Разумеется, было это еще в те годы, когда шел спор о происхождении горы Кун в Аризоне. Теперь эту гору называют «метеоритный кратер», а никаких вулканов на Луне нет.

— Сколько до него? Миль восемь, может, десять? — прикинул Мит. — Хорошо, что они не угодили в тень гребня. Мы бы их тогда ни за что не разглядели.

— Что вы видите? — спросил Джилсон. — Вы все еще подключены к открытому каналу, ребята.

— Сейчас скажу. — Так, значит, надо постараться и не ругаться слишком часто. Какому-нибудь дебилу-конгрессмену это может не

понравиться. — Взлетная ступень в бинокль выглядит целой. Лежит на боку, разумеется. И никаких следов посадочной ступени.

Мит показал чуть в сторону:

— По-моему, то светлое пятнышко — это она и есть.

— Вокруг разбросаны какие-то обломки. Слишком мелкие, чтобы их опознать. Расположены по дуге между взлетной ступенью и местом взрыва — если там был взрыв.

— Видишь на склоне выше обломков волнистый след? — спросил Мит. — Похоже, они некоторое время по нему катились.

Я оглядел склон в бинокль, высматривая искорки рваного металла.

— Вижу направленную антенну. Валяется метрах в пятистах от неповрежденной кабины экипажа.

— Неповрежденной? — резко переспросил Джилсон.

— Ну, во всяком случае, она не развалилась. — Я снова навел на нее бинокль и попробовал тщательно настроить резкость. — Чертовски много царапин на этих линзах. Еще бы, ведь этот бинокль здесь с 1965 года. — Я осторожно нацелил бинокль, чтобы «Орел» попал в самое прозрачное место линзы. — Зеленый слой термозащиты поврежден, но под ним я вижу корпус. Видно плохо — не понять, треснул он или нет.

— Герметизированные модули у русских гораздо прочнее наших, — заметил Мит. — Ведь у них там давление в одну атмосферу.*

— Значит, если они получают пробоину, то на место потенциальной утечки будет действовать гораздо большая сила?

— Да.

Я вернулся к луноходу и снова взглянул на индикатор заряда.

— Мы сможем доехать до места падения, и еще останется заряда примерно на три четверти пути обратно до гребня.

После долгого молчания Джилсон снова вышел в эфир:

— Слышите меня, парни? Мы связались с президентом Макговерном. Он сказал, чтобы вы решали сами.

— Логично, — прокомментировал Мит.

Я вернулся на свое сиденье.

— Что думаешь, Мит?

— Едем.

— Хорошо. Джилсон, у вас на базе стоят два полностью заряженных лунохода. Подгоните их сюда, на гребень кратера. Когда увидите нас — свистните.

* В американских космических кораблях используется атмосфера из чистого кислорода, но с пониженным давлением — менее половины атмосферного.

- Вас понял, — отозвался он после долгого молчания.
— Пора, Дикий Билл? — спросил Мит.

* * *

Ехать вниз было относительно просто — на Луне вообще немного склонов круче пятнадцати—двадцати градусов, — и мы смогли подобраться к месту крушения «Орла» примерно на километр, прежде чем были вынуждены остановиться. На самом краю одного из тех немногих крутых склонов.

Стоя на краю обрыва и глядя вниз, в чернильный мрак, Мит сказал:
— А ведь мы бы грохнулись туда, если бы не заметили, что перед нами не тень. Слава Богу, ехали медленно.

Ехать в глубокой тени на Луне рискованно, и я всегда побаиваюсь, что механические части заклинит от холода. Мы и так каждый месяц по две недели сидим взаперти в жилых модулях, а после восхода солнца обычно ждем еще часов десять, прежде чем пытаемся запустить любое оборудование, которое может сломаться. Надо дать время графитовой смазке прогреться.

То, что лежало ниже, нечто вроде большой трещины с нагромождением огромных валунов за ней, как раз и было одной из тех «отдушин», натолкнувших астрономов на мысль о возможности существования здесь вулканов. На самом же деле это лишь большая полоса обломков в километр шириной, выброшенная из лунного «моря» после удара метеорита тысячи, а то и миллионы лет назад. Просто яма в реголите, только и всего. Ну, может, им и не почудился тот «газовый выброс». Не исключено, что под одеялом выброшенной породы до сих пор остался старый кометный лед. И его время от времени крошат и подогревают лунотрясения. Однако за время своего пребывания здесь я пережил несколько довольно сильных лунотрясений, но так и не увидел никаких выбросов газа.

Мит вытянул руку направо, на север вдоль края расщелины, в направлении большого участка светлых скал, похоже, лишившихся верхнего слоя покрывающего их грунта:

— Может, они чиркнули по краю и срикошетили над расщелиной?

Чуть дальше этого места расщелина сужалась, превращаясь в трещину, и исчезала в темно-сером грунте.

— Думаю, нам понадобятся крепезные карабины, все тросы и проволочный канат... — сказал я.

Мит поднял темный щиток шлема и уставился на меня:

— Ты всерьез думаешь, что мы сможем пробраться через этот завал? — Он ткнул пальцем в поле из валунов между нами и местом аварии.

Мне захотелось пожать плечами внутри скафандра, но вместо этого я покачал головой:

— Хоть один из нас, да сможет.

— Ага, пара пустяков. — Он вернулся к луноходу и принялся вытаскивать из багажника тросы и кабели. — Давай-ка свяжемся двенадцатифутовым тросом.

— Хорошо. Я прихвачу камеру.

Мы зашагали, держась на таком расстоянии, чтобы трос не волочился по грунту, и останавливаясь время от времени, чтобы я мог сделать очередной кадр. В этом ролике шестьдесят кадров. Надо помнить, сколько еще осталось.

Когда мы обогнули край расщелины и начали спуск к нагромождению валунов, Мит сказал:

— Я чертовски счастлив, что мы не в старых скафандрах с «Джемини».

— Точно. Надо отдать должное парням из команды «Аполло» — они хотя бы смотрели по телевизору, как мы тут ходим, и предположили, что мы будем часто падать.

Если идти пешком, отключившись от системы жизнеобеспечения на луноходе, то портативная система жизнеобеспечения этого скафандра позволяет действовать автономно около семи часов. Нам понадобилось три часа, чтобы пройти оставшийся до «Орла» километр, спускаясь по каменистой осыпи ниже так называемой «отдушины».

Пожалуй, минуты три мы просто стояли, разглядывая его, а я при этом думал, насколько русские модули больше похожи на реальные космические корабли по сравнению с нашими. Этот лежал на боку — две большие сферы футов восьми диаметром, из какого-то металла, окрашенного темной краской, и первоначально заключенные в зеленую оболочку, сквозь прорехи в которой виднелись клочья розового теплоизоляционного материала — а прорех и разрывов в ней более чем хватало. На одном конце располагался цилиндрический выступ — очевидно, стыковочный узел, а на другом — большой конус, закрепленный широким концом на одной из сфер. Внутри его узкого конца, смотрящего наружу, виднелось сопло небольшого реактивного двигателя. В нижней из сфер имелось и окошко — скорее, иллюминатор. Внутри было темно.

— Такой штуковиной трудноато управлять без окон, — произнес наконец Мит.

— Они используют телекамеры. Можешь прочесть, что тут написано по-русски на оболочке? Сам-то я знаю, как произносятся буквы кириллицы, но...

— Нет. Я выбрал русский литературный как главный гуманитарный факультатив. Никакого технического словарного запаса.

Я указал на утопленную в корпус рукоятку, на которую указывала большая черная нарисованная стрела:

— Spaseniye. Спасение?

— Не помню. Думаю, это существительное.

Я потянулся было к рукоятке, но замер на полпути, ощущая, как от напряжения у меня сводит пальцы. Ладно, дерну. А что потом? Люк распахнется? А вдруг он отстреливается пироболтами? И что будет, если люк шархнет меня по шлему? Я повернулся и взглянул на вторую сферу.

— Может, мы сумеем оторвать стыковочное гнездо и попасть внутрь через стыковочный переходник?

— У шлюзового люка снаружи есть ручка, — показал Мит.

— Да. Зато нет замочной скважины.

— Вряд ли его запирают на замок, — фыркнул Мит. — Мне кажется, у него должен иметься большой рычаг, как на наших кораблях.

— У русских люки открываются внутрь. — А наши — нет. Мы всегда рассчитываем на то, что замок люка откроется. Во всяком случае, рассчитывали. У «Аполло-1» люк открывался внутрь, совсем как в фантастическом рассказе, из-за этого те трое парней и поджарились.

Мит подошел к люку, ухватился за ручку, повернул ее и потянул. Люк не открылся.

И когда он толкнул, люк открылся в темноту. Значит, внутри воздуха нет.

Я взялся за верхний обод люка и пролез внутрь. Вытянул руку и ухватился за что-то угловатое возле самого входа. Попытался пролезть дальше, но наткнулся на что-то в темноте и застрял. Может, ранцы СЖО на русских скафандрах меньше наших?

— Черт! Сможешь помочь мне пролезть?

— Дай-ка я возьму тебя за ноги. Ты пока просто держись за что-нибудь. Сейчас я тебя немного поверну...

Я проскользнул в люк и неожиданно заполнил все пространство внутри. Запоздало включил фонарь на шлеме. Здесь оказалось на удивление просторно для космического корабля — во всяком случае, американского, где едва хватает места, чтобы сидеть, не говоря уже о том, чтобы развернуться, но все это пространство заполняли ящички, шкафчики и панели управления, беспорядочно закрепленные на внутренней поверхности сферы повсюду, кроме самого люка.

— Видишь что-нибудь?

— погоди, не лезь пока. Сейчас попробую открыть люк в модуль управления.

На люке имелась L-образная ручка, как на дешевой двери. Я ее повернул. Потянул. Никакого результата. Думай. Это шлюз. Где клапан выравнивания давления? Ага, вот и маховичок возле люка. Повернул его. Хорошо. Я снова потянул за ручку, и люк распахнулся на меня, открыв круглое пространство дюймов в десять глубиной, а за ним — еще один люк.

— Ну?

— Люк имел маховичок. Я, э-э...

— Что?

— В переходном туннеле имелось давление. Если в модуле управления тоже есть давление...

— И что делать, если ребята не в скафандрах?

— Правильно.

— А какой у нас выбор?

— Никакого.

— Так действуй.

Лаконичный, как герой Хэмингуэя.

Я отыскал клапан и повернул его. Ничего. Подержал руку над дырочкой, но не ощутил давления.

— Ни черта не понять, Мит. Я просто открою люк, и все.

— В любом случае, если там и был воздух, то теперь его нет.

— Правильно.

Я повернул запорный маховик люка. Ничего. Тогда я толкнул люк, и он открылся. За ним было темное пространство, тусклый свет фонаря на шлеме отражался от каких-то поверхностей. Я разглядел плоскую панель управления, а над ней — два противоперегрузочных кресла, привинченных к вертикальной панели. В них, пристегнутые, сидели два неподвижных человека в скафандрах.

— Господи...

— Они мертвы?

Я скользнул в переходной туннель, протиснулся в кабину, выгибаясь в сторону кресел, ухватился за что-то, стараясь держать голову вертикально, и подтянул колени, а затем и ноги. У парня в левом кресле стекло шлема покрывала звездообразная паутина трещинок, от которой тянулась еще одна — длинная и извилистая. Лицо у него было бледное, чисто выбритое, со множеством черных веснушек, глаза закрыты, словно он мирно спал. Я отодвинулся, разглядывая табличку с именем на скафандре.

— Божиб... и что-то еще. — Это же кириллица. Идиот! — Кажется, это Вольновский.

— Мертв?

— Да. — Никакие это не веснушки. Петехия — подкожные кро-

воизлияния. — Похоже, тут еще до нас произошла разгерметизация.

— Ничего удивительного. А что с Бородиным?

Я склонился над правым креслом и заглянул через стекло шлема. Луч фонарика высветил мальчишеское лицо с большим и темным синяком над глазом, с одного из кончиков усов стекло немного крови. Глаза тоже были закрыты, но не совсем, и в щелочке между веками проглядывала белая полоска.

— Гм-м... стекло шлема целое.

— Но пошвыряло их изрядно, уж это точно.

— Да.

Я протянул руку, легонько сжал его плечо. В груди екнуло, когда ресницы затрепетали, карие глаза шевельнулись. Мне вдруг показалось, что он видит мое лицо, даже несмотря на бьющий ему в глаза луч фонарика.

— Ну, что там, Билл?

Губы Бородина медленно задвигались — он пытался что-то сказать.

Я наклонился, прижался шлемом к его шлему, совсем как в фильмах, и услышал слабый голос, словно со дна колодца:

— Спасибо, янки. Я знал, что вы придете.

Его глаза закатились, он обмяк.

— Второй жив?

— Да. Но у него порван рукав. Он все же успел перетянуть руку жгутом, прежде чем вырубился.

Мит негромко свистнул, потом сказал:

— В луноходе есть набор для заклеивания разрывов.

— Если парень протянет так долго.

Я начал расстегивать ремни на кресле Бородина.

* * *

К тому времени, когда все было сказано и сделано, я не спал уже сорок часов, смертельно устал, но не хотел ни спать, ни лежать, ни есть. Ничего. Только сидеть в медицинском модуле и читать факсы, которые нам посылали из ЦУПа.

Заголовок в «Вашингтон пост» просто информировал: «Русский спасен». Под ним располагались фото Бородина и Волиновского. Симпатичные такие фото, русские версии для прессы — два красивых парня в аккуратной летной форме. «Ивнинг стар» сообщила: «Космонавт спасен на Луне», ниже была одна из моих фотографий «Орла» после аварии с подписью: «Предоставлено армией США».

«Дейли ньюс», дешевый таблоид, провозглашал: «Американские герои!». Там были наши с Митом фото. К сожалению, их сделали еще

до начала проекта «Урожайная Луна» — нам на снимках чуть больше тридцати, мы в темных костюмах и узеньких галстуках по моде 1962 года, у Мита короткая армейская стрижка, а у меня темные волосы зачесаны назад, чтобы все могли восхититься моим высоким лбом. Я вспомнил, что костюм тогда носил темно-синий.

Я отвернулась, глаза словно запылило лунной пылью. Иди спать, чертов дурак. Снова взглянул на фотографии и задумался над тем, много ли от них будет толку, когда я попрошу о следующем назначении. И ощутил смутный стыд от таких мыслей.

В голове прозвучал голос Мита: «Так уж устроен мир, Дикий Билл». Взглянул на часы и понял, что после нашего возвращения прошло уже шесть часов.

Отодвинулась складная перегородка, из операционной вышел Мики Линвил. Доктору Линвилу было сорок семь, когда он сюда прилетел, и он самый старый человек на Луне. Тогда он был полковником, решившим завершить службу двумя годами в космосе и выйти в отставку в блеске славы. Теперь же он выйдет в отставку трехзвездным генералом.

— Ну, что? — спросил я.

Доктор устало вытер лицо:

— Он пришел в себя. Хочет поговорить с тобой.

— Именно со мной?

— Думаешь, он знает, как тебя зовут? — улыбнулся Линвил. — Он попросил привести к нему парня, у которого весь шлем забит седой бородой.

Я машинально потеревил бороду:

— Черт! Все никак не могу решить — то ли сбрить ее, то ли прихватить с собой домой.

Бородин лежал на операционном столе, укрытый застиранной старой простыней, с чистыми белыми повязками через грудь и на плече, прикрывающими культю ампутированной левой руки. Я невольно взглянул на пластиковый мешок для мусора на полу возле стола. Что там внутри — его рука? Или просто рулон окровавленных полотенец?

Я быстро отвел взгляд. Когда я взглянул ему в лицо, темные глаза Бородина открылись. Кожа у него была бледная, как бумага, но посеревшие губы под усами растянулись в улыбке.

— Как у тебя дела?

Он хотел было пожать плечами, поморщился, снова улыбнулся и спросил:

— Говорите по-русски?

— Извини, нет.

— Ничего. Жаль, что мы не сможем отвезти вас домой.

— Пожалуй, теперь уже мне придется везти тебя.

Его лицо на мгновение омрачилось. Все верно. Когда посадочная капсула с «R-3» плюхнет в Тихий океан, этот парень вернется домой навсегда. Я вдруг понял, что был счастлив находиться здесь все эти годы.

Значит, оно того стоило? Действительно стоило?

— Тебе надо поспать, — сказал я. — Увидимся утром.

Он коснулся моей руки:

— Да. И вам тоже. — И добавил «Bolshoi что-то», словно говорил о балете. Наверное, «bolshoye spasibo».

* * *

Черно-белый телеэкранчик сильно рябило от статики — за прошедшие годы солнечная активность постепенно возрастала, приближаясь к максимуму, но я увидел, как Билли скривился:

— Где твоя борода, папа?

— Кто-то мне сказал, что на Земле они вышли из моды. Как, по-твоему, я без нее выгляжу моложе?

Он вглядывался несколько секунд, потом ответил:

— Может, и так — когда немного поправишься.

Меня самого поразило, сколько морщин таилось под бородой все эти годы. И еще то, что кожа у меня теперь совершенно белая, как рыбае брюхо — последние десять лет я или провел в помещениях, или закрывал лицо щитком, непроницаемым для ультрафиолетовых лучей.

— Получил бланки, которые я посылал тебе по факсу? — спросил Билли.

— Да. Решил привезти их на «R-3». И вручить лично.

Билли нахмурился:

— Оправь их по факсу сегодня же, папа.

— Э-э... — Пытается на что-то намекнуть? — Хорошо. Сразу, как только поговорим.

— Есть и другие новости. Проект Большого Турне одобрен. И несколько беспилотных «Вояджеров» к Марсу тоже.

— Ух ты!

Медленный кивок.

— Похоже, нынешней осенью демократы вернут большинство в сенате, а Маски станет лидером большинства. С тех пор как ты и мистер Паттерсон спасли того русского, космическая программа снова популярна. Даже Макговерн сказал, что это достойная цель.

— Подумать только!

— Папа, это ведь шанс для тебя!

— Постараюсь не оплошать, Билли.

Его лицо на мгновение просветлело и смягчилось.

— А вот и еще один сюрприз... — Он встал и вышел из кадра.

На его место села молодая женщина, очень красивая, с лицом-сердечком, вздернутым носиком, темными миндалевидными глазами и вьющимися волосами — я знал, что они темно-каштановые. Она не улыбалась.

— Здравствуй, папа, — сказала она, посмотрев несколько секунд в экран.

Меня аж отбросило на спинку стула:

— Миллисент!

— Милли, папа. Меня давно уже никто не зовет Миллисент.

— Извини. Господи, ты отлично выглядишь! И так выросла.

Она взглянула на кого-то за кадром, а я подумал, что она теперь для меня совершенно незнакомый человек. А может, и всегда была чужой. Помню, как в детстве ее удивлял цвет собственных волос и глаз. У ее матери и у меня волосы черные, глаза зеленые, а носы длинные... Этот же маленький подмыш... Хотя какой там маленький — ей уже шестнадцать.

Она снова посмотрела в камеру, явно смущенная, и сказала:

— Тут еще кое-кто хочет с тобой поговорить.

— Милли...

Но она уже встала. Долгий момент ожидания, и я увидел другую девочку, худую, как щепка, с длинными черными волосами, зелеными, как у меня, глазами, длинным носом и тростью в руке. Она уселась очень осторожно и немного неуклюже, слегка поморщившись, и сразу же улыбнулась мне до ушей:

— Папочка!

— О, Беатриса. — Мне пришлось на секунду стиснуть зубы. — Или тебя нынче зовут Би?

Она ухмыльнулась кому-то за кадром:

— Беатриса, папочка! Мне нравится мое имя. — Еще одна широкая улыбка. — Кстати, если меня кто-нибудь пытается назвать «тетушка Би»... — Она приподняла трость и изобразила удар по голове. «Тетушка Би». Господи, неужели это шоу все еще популярно?

— Как твоя спина, малышка?

Улыбка осталась прежней — наверное, она вспомнила, как я звал ее в детстве. А может, и нет.

— Хорошо, но станет еще лучше. — И быстро добавила: — Как будет здорово, когда ты вернешься!

Когда я улетал, она была робкой четырехлетней девчушкой. И кого она хочет увидеть дома — меня или хоть какого-нибудь отца? Что ж, есть еще и младший братишка. И наш общий «друг», строитель.

— Будет здорово вернуться домой, Беатриса, — тихо проговорил я.
— Я так по вам скучал. — Может, задержаться ненадолго — посмотреть, как она вырастет? Да, пожалуй. Но «Скиталец-1» улетит в 1977 году. И ближайšie четыре-пять лет я буду занят больше обычного. И если... если...

Она взглянула в сторону, явно обеспокоенная, потом в камеру.

— Билли говорит, что время кончается. Я люблю тебя, папочка!

Она с трудом встала и вышла из кадра. Я проглотил комок в горле. Сбоку показалась голова Билли:

— Еще один гость, папа!

— Здравствуй, Билл.

Не знаю, почему я такого не ожидал... но просто не ожидал.

Как мешком по голове.

Трудно судить по паршивой телекартинке, но выглядела она гораздо более изможденной, чем в последний раз — в ночь перед стартом, когда к нам на несколько часов пустили жен, нарушив карантин.

— Здравствуй, Харриет. Как поживаешь?

Нахмуренные брови, взгляд в сторону.

Что-то ее гложет. Может, рядом стоит еще кто-то? Семилетний мальчик и мускулистый краснолицый мужчина?

— У меня все хорошо, — выдавила она.

— Прилетишь меня встречать? — улыбнулся я.

Я увидел, как она сглотнула:

— Когда вы сядете, мы полетим вместе с президентом Макговерном на авианосец «Энтерпрайз». Ведь ты станешь первым американцем, вернувшимся с Луны.

Я кивнул. А что потом? Дальше-то что, жена моя? Мальчик тоже полетит или ты оставишь его дома со своим строителем? В моем доме, кстати. Моя кровать. Моя жизнь.

— Что ж, тогда и увидимся, — сказал я. — Может, поговорим.

— Я... — Она опустила взгляд, отвернувшись и от камеры, и от экрана. — Время почти кончилось. Мне пора идти. Я... до скорой встречи. — Она встала и вышла из кадра.

Ее место занял Билли, долго смотрел на меня. А чего ты ожидал, черт побери?

— Спасибо, сын.

Он кивнул и напомнил:

— Вышли бумаги по факсу, папа. Это важно.

— Хорошо. До встречи. — И я подумал, что некоторые из его вьетнамских друзей тоже оказывались в подобной ситуации. Он должен знать, понимать. Так ведь? Я встал и пошел заполнять анкеты-заявления.

* * *

— «R-3»? Т-минус три минуты, отсчет идет, — прохрипел в моих наушниках голос Джилсона. Давным-давно, еще во времена полетов по проекту «Адам», армейские диспетчеры говорили при обратном отсчете «Х-минус». Это выражение осталось как рудимент эпохи крупнокалиберной артиллерии, но после начала полетов по программе «Джемини А» они перешли на «Т-минус».

— Вас понял, Луна. Минус три. — Господи. Я весь потный. Кожа чешется. Вот уже три года как я не влезал в старый скафандр «Джемини» — с тех пор, как нам доставили первые «аполловские». А эти... мешковатые, сплошные складки, липкие внутри.

Я скосил глаза на Бородина. Он сидел в одолженном скафандре, гораздо более новом, чем мой — бледный, взгляд устремлен куда-то вдаль, левый рукав закатан и завязан. Я улыбнулся:

— Ну, как ты?

Он улыбнулся в ответ:

— Hogroshow... товарищ команд... пилот.

Шутка. Намеренная оговорка. Или он нервничает меньше, чем я думал, или хорошо это скрывает. Впрочем, не сомневаюсь, что тому, кто летал на «Алмазе» и выжил после аварийной посадки на Луну, эта жестянка кажется весьма хрупкой.

Нынешние «Джемини R» сильно отличаются от версии «M», на которой я прилетел сюда. Внутри теснее. Даже шлюза нет, черт побери! Нужно просто сбросить давление в посадочной капсуле, забраться в нее, сесть в свое кресло, задрать дверь и включить подачу воздуха.

Другой голос, гораздо сильнее разбавленный статикой:

— «R-3»? По данным телеметрии вы все еще не настроили прерыватели. Страница семьдесят вторая инструкции.

— Вас понял, контроль, выполняю. — Я пролистал инструкцию, нашел нужную страницу и стал переключать тумблеры в указанные положения. Взглянул на Бородина. — Все когда-нибудь случается в первый раз, верно, приятель?

Его лицо как-то неуловимо изменилось. Он отвернулся, глядя через иллюминатор люка на Луну, которую он больше никогда не увидит. Разве что с Земли.

— Две минуты, «R-3».

— Вас понял, Луна.

А я когда-нибудь увижу ее снова?

Даже внутренность отсека управления изменилась — обратно в направлении старого «Джемини А», избавившись от заднего люка, внедренного в модели «В» и стоявшего также в модели «M». Зато появил-

ся интегрированный теплозащитный экран, керамика поверх титана, как нам сказали, способный выдержать прямой вход в атмосферу при транслунной скорости. Никакого рикошета от атмосферы. Никакого аэродинамического торможения. А также никаких шансов уклониться от метеорита или, что еще хуже, от пилотируемого межпланетного корабля...

— Одна минута.

— Вас понял, Луна.

Нет также переднего стыковочного туннеля, нет окошек впереди для наблюдения за стыковкой. Только круглый иллюминатор в люке да большой телеэкран у наших ног — для «подхода и посадки».

Другой голос сообщил:

— «R-3»? Вам нужно выполнить процедуры со страницы 212, начиная от римской цифры один.

— Вас понял, контроль.

Нашел нужную страницу, стал читать инструкции. Переключить то, повернуть это. Прочесть что-то другое. Если будет так и так, перейти на страницу девятьсот, римские цифры LXXVII, и смотреть пункт «Аварийное прекращение взлета и выход на лунную поверхность».

— Тридцать секунд.

— Вас понял. До встречи, Джилсон.

— Месяца через три, Билл.

— Точно.

Я взглянул на Бородина. Глаза все еще открыты. Хорошо держится. А что бы чувствовал я, если бы возвращался домой на русском корабле, оставив на Луне лучшего друга и левую руку?

Быковский все еще находился на окололунной орбите, он уменьшил перигелий до высоты около семнадцати километров и попытается снять наш взлет. Надеюсь, у него получится. Когда-нибудь я захочу посмотреть этот фильм.

— Десять... девять... восемь... — начал отсчет Джилсон.

Сердце вдруг бешено заколотилось — это я старался не думать о том, каким может оказаться «аварийное прекращение взлета». Черт, Бородин это уже знает.

— Три... две... одна...

За спиной что-то глухо ухнуло. Я очень вовремя посмотрел вверх, через иллюминатор люка, и увидел мощный фонтан ярких желтых искр, летящих вверх и в стороны, потом лунная поверхность стала падать — совсем как земля, если на нее смотреть из одного из тех лифтов, которые устанавливают на наружной стене здания.

— Ни хрена себе!

Я ощутил, как меня вдавливают в кресло, руки и ноги стали как свинцовые. Скосил глаза на акселерометр. Одна и две десятых «g». Замечательно...

Я посмотрел на Бородина. Глаза закрыты, рот приоткрыт. Потерял сознание? Надеюсь, его культя не кровоточит. Только этого нам сейчас не хватало.

— «R-3»? Телеметрия показывает, что вы еще не выполнили список под римской цифрой восемь. Переверните страницу и постарайтесь сосредоточиться.

— Вас понял, контроль.

Когда я уже не смог видеть одновременно панель управления и книгу, я поднял ее над головой и стал щелкать переключателями и снимать показания — как указано в списке проверок.

Что ж, пока это просто любопытное ощущение. Но я еще привыкну к тому, что снова тяжелый.

Когда я снова взглянул через иллюминатор, то увидел лишь черное небо. Экран, однако, показывал только Луну — уменьшающуюся Луну, покрытую кратерами и трещинами, ярко освещенную солнцем, медленно покачивающуюся по мере того, как мы поднимались все выше и быстрее. Все дальше и дальше.

Мы летели домой.

Я положил книгу на колени и задумался, смогу ли сам вылезти из люка, встать на летную палубу «Энтерпрайза», пожать руку президенту Макговерну, улыбнуться и помахать телекамерам...

И еще я увидел, какое передо мной разворачивается будущее — если только у меня хватит воли сделать его таким. На «Скитальце-1» к околоземному астероиду. И может быть, — только может быть, — им понадобится специалист по геологии планет, которому уже пятьдесят шесть лет...

Я смог представить и это... как я стою на Марсе рядом с сыном.

Такая яркая мечта.

Стоит ли она остального?

Утраты всего прочего, о чем ты когда-то мечтал?

Дома, семьи, уюта, любви?

Может, и стоит.

Двигатель взлетной ступени выключился с шипящим хлопком, оставив нас во внезапной тишине. Мой путь начался.

Перевел с английского
Андрей **НОВИКОВ**

© William Barton. Harvest moon. 2005. Печатается с разрешения автора. Впервые опубликован в журнале «Asimov's SF».

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА

Как и в большинстве рассказов на тему альтернативной истории, все здесь представляет собой «возможную правду» — в том смысле, что как минимум зародыш всего этого существовал в нашей реальной временной линии. А то, чем все это могло закончиться, есть вопрос предположений.

«Урожайная Луна» основывается на армейской разработке технико-экономического обоснования 1959 года — это был проект «Горизонт», первоначально называвшийся «Горная вершина» и предусматривавший создание в середине 60-х годов космической станции и постоянной базы на Луне с использованием технологий, которые тогда еще только разрабатывались. Проект предусматривал использование концептуального корабля «Сатурн», состоящего из первой ступени «Сатурн С-1», стартового двигателя межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Титан» в качестве второй ступени и третьей ступени под названием «Кентавр» для доставки на Луну небольших партий грузов. Следом, с использованием метода предварительной стыковки на околоземной орбите, должны были полететь люди на двухместных кораблях. Осуществление проекта потребовало бы сотен запусков со средней периодичностью свыше шестидесяти в год. «Горизонт» с самого начала предусматривал возможность возвращения на Землю.

Существовал также и проект «Адам», предложенный армейским Агентством по баллистическим ракетам, и кое-что из него действи-

тельно летало — в виде двух суборбитальных миссий «Меркурий-Редстоун» в 1961 году.

Реальный проект «Джемини» был далеким потомком проектов BBC 50-х годов под названием MISS. Первая фаза аббревиатуры MISS расшифровывалась как «Man in Space Soonest» (Человек в космосе в ближайшее время), а вторая как «Man in Space Sophisticated» (Человек в космосе, усовершенствованный вариант). В рассказе «Джемини А» — это наш «Джемини», совершивший десять полетов в 1965—1966 годах. «Джемини В» основан на «Пилотируемой орбитальной лаборатории» (ПОЛ), которая была действительно построена, но так никогда и не полетела. Реальная ПОЛ была существенно тяжелее, чем описанная здесь. «Джемини С» и «М» — это вариант В, лишенный оборудования для входа в атмосферу и установленный на гипотетическом лунном спускаемом аппарате. «Джемини Т» базируется на «Большом Джемини», который был предложен в то время, когда создалось впечатление, что корабли «Аполло» могут так никогда и не взлететь. «Джемини Р» — это сборная солянка из «железа» от ПОЛ и лунного модуля «Аполло».

Думаю, все, кому достаточно лет, вспомнят «X-20 DynaSoar» американских ВВС — космический аппарат многоразового использования, который предполагалось запускать с помощью МБР «Титан-2». Была и беспилотная версия под названием «Asset», которая действительно летала, и все они наряду с различными испытательными моделями стали «предками» нынешнего космического челнока.

В основу «Титана IIIZ» из рассказа положен «Титан IIIС», это МБР «Титан II» с двумя навесными сегментированными твердотопливными ракетными ускорителями (ТРУ) и переходной ступенью с теми же двигателями, что были установлены в лунном модуле «Аполло». «IIIZ» исходит из предложения создать гораздо более крупную версию «Титана», увеличив диаметр его топливных баков с десяти до пятнадцати футов, а число ТРУ с двух до четырех. В США под эгидой проекта NERVA действительно были созданы ядерные ракетные двигатели. Один из них, «Ровер-1», был готов к полетным испытаниям в 1973 году, однако эту программу отменили.

В реальной истории проект «Аполло» осуществился отчасти потому, что некий немецкий инженер занимался политиканством для того, чтобы его детище стало космической программой США, но в основном из-за того, что он ассоциировался с американским президентом, погибшим в Далласе.

В СССР также имелись многочисленные космические программы, включающие два полных лунных

проекта — с оборудованием и всем прочим. Когда в 1966 году умер Королев, русские имели шанс признать техническое превосходство лунно-марсианской программы Челомея и заняться ее воплощением. Но Мишину позволили возиться с наследием Королева, после чего его сменил Глушко. Тот потратил средства, которых хватило бы на полноценную лунную программу, на создание «Бурана». Челомея отстранили от космических работ, а его корабли «Алмаз/ТКС» использовались как военные «Салюты». С другой стороны, в то время как «лунная» ракета-носитель Королева «Н-1» погибла после серии впечатляющих взрывов, а «Энергия» Глушко завершила жизнь в виде огромной кучи металлолома, «УР-500» Челомея продолжает летать. Нам она известна под названием «Протон», и это одна из самых надежных из когда-либо созданных ракет-носителей.

И еще кое-что. Существовал и реальный проект «Урожайная Луна». В начале 1970-х группа частных инвесторов предложила купить комплекс «Аполло/Сатурн-5», оставшийся после одной из отмененных миссий, одолжить у NASA несколько астронавтов, слетать на Луну и заработать на продаже лунных камней. Одним из самых интересных пунктов этого предложения было возвести на Луне купол, наполнить его лунным грунтом, воздухом, растениями и животными, а потом наблюдать за ними с помощью камер с дистанционным управлением.

Да, это было бы здорово.

Уильям БАРТОН

В Л А Д И М И Р И Л Ь И Н

КРИТЕРИЙ ОТБОРА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

В отличие от других учреждений, тут не практиковали разовых пропусков. Пожилой охранник в форме гестаповского образца сообщил, что за мной придут. Эта формулировка вызывала неприятные ассоциации, но от комментариев я воздержался.

Человек, который «пришел за мной», имел внешность бойца Объединенных Вооруженных Сил Земли, героически отражающих натиск инопланетных агрессоров: мужик громадного роста и с громоподобным голосом. Даже стандартный костюм в серую полоску не портил этого впечатления.

Он пожал мою руку с таким агрессивным напором, словно я прибыл помериться с ним силами в армрестлинге, представился как Филипп Сергеевич Тюбин и привел меня в административный корпус к двери, на которой висела простенькая табличка с трехзначным номером, предложив:

— Заходите и чувствуете себя, как дома.

Однако помещение за дверью на роль жилища явно не годилось. Это была, скорее, полевая лаборатория по испытаниям какой-то техники: ряды мониторов и пультов, толстые жгуты кабелей, стопки принтерных распечаток вперемежку со слесарными инструментами, стаканы с мутными остатками загадочных жидкостей. Пахло никотином, жженой канифолью и архивными бумагами. Людей в комнате не оказалось, словно наш приход заставил их спасаться бегством.

Тюбин усадил меня в громоздкое кресло, достал из несгораемого шкафа толстенную папку и, усевшись напротив, впился в меня инквизиторским взглядом.

— Итак, вы пишете фантастику, — констатировал он.

— Есть такой грех, — вяло откликнулся я.

— А о Марсе вы писали?

— В общем-то, только один рассказ...

— Неважно! Главное — вам близка тема освоения других планет.

Именно поэтому мы и пригласили вас стать нашим консультантом. — Я поднял брови, и он торопливо добавил: — Разумеется, нештатным и временным... Не беспокойтесь, это будет оформлено договором, и мы выплатим вам гонорар независимо от результата вашей работы...

Однако удивлялся я не этому.

Накануне, когда Тюбин позвонил мне и пригласил в их Институт, я поинтересовался, чем могу быть полезен научному учреждению, которое, судя по его названию, решает исключительно медицинские и биологические проблемы. «Нам нужно, чтобы вы дали нам одну консультацию», — туманно сказал мой собеседник. А в ответ на мои возражения в том смысле, что к медицине я имею отношение, лишь ко-

гда болею, пояснил: «Вы нам нужны как писатель-фантаст». И я решил, что это будет одноразовый визит...

— А почему именно я? Ведь есть же более известные фантасты, которые пишут и о Марсе, и о других планетах Солнечной системы. Кстати, среди них и медики по образованию имеются...

— Не скромничайте, Владимир Леонидович, — укоризненно повертел головой здоровяк. — Кстати, вам не придется ходить сюда ежедневно. Вот здесь, — он хлопнул по папке, — собраны все необходимые материалы. Вы должны ознакомиться с ними и дать нам одну рекомендацию. Причем не обязательно в письменном виде. Можете сделать это устно, только не по телефону... Да вам же и самому будет интересно поломать голову над нашей проблемой. Тем более, что вы ничем не рискуете и ничего не теряете. Кроме времени, разумеется...

Здесь было бы уместно осведомиться: «А что я с этого буду иметь, помимо вашего мифического гонорара?». Однако в детстве меня, видимо, неправильно воспитывали, и я задал другой вопрос:

— Ну, и в чем же заключается ваша проблема?..

Я всегда страдал стойким нежеланием следить за событиями в мире и стране, и то, что рассказал мне заведующий лабораторией экспериментально-космических исследований Института биологических и медицинских проблем РАН Ф.С.Тюбин, явилось для меня полной неожиданностью.

Оказывается, ИБМП, в функции которого входило научное обеспечение космических проектов, участвовал в подготовке пилотируемого полета на Марс, намеченного на 2015 год. Члены этой экспедиции должны были высадиться на красной планете, развернуть там станцию базирования, провести ряд изысканий и экспериментов, а затем, когда им на смену прибудет следующая группа исследователей, вернуться на Землю. Общая продолжительность каждой марсианской миссии должна составлять, как минимум, семь-восемь лет. Институту было поручено сформировать шестерку счастливых, которые первыми ступят на марсианский песок. При этом нужно было обеспечить максимальную психологическую совместимость членов экипажа.

С этой целью был начат эксперимент под названием «Марс-2015». Его участникам предстояло провести в модуле, имитирующем марсианскую станцию, четыре года. Всего было сформировано шесть команд по шесть человек. Отбор производился по тщательно продуманным критериям из добровольцев мужского пола в возрасте 30—35 лет.

Сейчас шла уже вторая половина срока эксперимента. Все было нормально до тех пор, пока руководителям проекта не пришлось в голову использовать мощный электронный комплекс квазиинтеллекторно-

го типа «Кассандр». В него ввели все сведения о каждом из испытуемых, начиная от подробной биографии и кончая биофизиологическими характеристиками. Кроме того, в режиме реального времени в компьютер поступала информация с видеокамер, установленных в компьютерном модуле. На основе анализа этих данных «Кассандр» составлял прогноз экспериментальных ситуаций на каждые сутки в пределах ближайших шести месяцев.

И недавно он предсказал, что через полгода между членами группы № 1 возникнет острый конфликт, в результате чего весь экипаж погибнет, а модуль получит серьезные повреждения.

— Что же имелось в виду под конфликтом? — спросил я.

— Вы когда-нибудь наблюдали поведение буйных в психбольнице?

— Бог миловал.

— Жуткое зрелище. Безумцы под влиянием массового психоза перестают быть людьми, и у них остается лишь одно желание: убивать всех подряд и крушить всё, что их окружает. Именно это «Кассандр» и предсказал нашей группе...

— Но в результате чего ваши люди должны сойти с ума?

— А вот это мы и хотели бы узнать! — гаркнул Тюбин. — И в том числе — с вашей помощью!..

Я опешил. В голове не укладывалось, как люди, находящиеся под постоянным наблюдением, могут в одночасье свихнуться и наброситься друг на друга.

— А ваш комп не указал, кого первым поразит недуг?

— Нет.

— Как же он выдал свое предсказание? Уж не с помощью ли стихотворных намеков, подобно Нострадамусу?

— Его прогнозы похожи на трейлер кинофильма, только без дикторского сопровождения. И вообще без звука. Техники еще не отладили аудиогенератор. Да что там говорить, лучше сами смотрите...

Тюбин нажал кнопку на пульте управления, и один из мониторов ожил.

Сравнение с трейлером, по-моему, было преувеличено. Больше всего это походило на «демо» компьютерной игры в стиле «хоррор». Синтезированные персонажи на фоне стандартного антуража орбитальной станции избивали друг друга без зазрения совести. В кадре мелькали искаженные немymi воплями лица, оскаленные рты, вытаращенные глаза... Будущие герои Марса бились не на жизнь, а на смерть. Они крушили друг другу черепа, душили, били ногами в пах и под ребра лежачим, кто-то даже умудрился впиться зубами в чужое горло. Финал действительно впечатлял: неподвижные, окровавленные тела в разгромленном модуле.

— Да-а, — протянул я. — Если такая мочилровка случится на самом деле, представляю, как это для вас аукнется.

— Не только для нас — для всей страны. В верхах наверняка найдутся чиновники, которые свернут нашу космическую программу одним росчерком пера. И тогда Марс достанется штатовцам, которые примерно в это же время готовятся десантировать туда своих роботов. Янки с самого начала делали ставку не на людей, а на технику. Словно знали, сволочи, что железки надежнее!

— Ну да, — кивнул я, — ведь еще первые кибернетики заявляли, что в системе «человек-машина» слабым звеном является человек. А вы уверены, что комп не ошибся? Не мог же он точно предугадать действия таких сложных систем, как люди!

Вместо ответа Тюбин нажал другую кнопку на пульте.

На этот раз на экране не происходило ничего страшного. Потенциальные драчуны были живы, здоровы и вполне миролюбиво настроены. Один из них остервенело крутил педали велотренажера. Другой развалился на диване, надев наушники плеера. Еще двое ухаживали за растениями в оранжерее. Пятый член экипажа работал с ноутбуком, а шестой ремонтировал какой-то прибор, орудуя паяльником.

— Смотрите внимательно, — посоветовал Тюбин.

Экран мигнул, и на нем стала воспроизводиться та же запись, но на этот раз люди были в виде виртуальных фигур. И действия их отличались от предыдущего ролика лишь некоторыми деталями — например, «ремонтник» теперь был вооружен не паяльником, а отверткой.

— Теперь ясно? — хмуро спросил Тюбин, выключая монитор. — Сначала была вчерашняя видеозапись. А потом — прогноз «Кассандра», сделанный три месяца назад.

Я лишь пожал плечами. В глубине души я все равно сомневался, что компьютер мог выступать в роли полноценного оракула. Хотя, в принципе, опасения Тюбина и его коллег были понятны. В таком важном деле излишняя бдительность еще не мешала.

— Может, у вас уже сейчас есть какие-то соображения? — осведомился завлабораторией. — Или вопросы?..

Я старательно задумался. Потом спросил:

— Когда, по мнению «Кассандра», должно состояться это побоище?

— Через пять с половиной месяцев.

— А когда я должен дать вам свое заключение?

— Это зависит от того, к каким выводам вы придете, — усмехнулся Тюбин. — Но в любом случае — не позже чем через три месяца...

— А могу я узнать, что рекомендовали другие консультанты?

— Ну, они тоже недавно приступили к работе и ничего существенного пока не предложили.

— Может, раньше в прогнозах компа был какой-то намек на причины этой бойни?

— Знаете, наши специалисты проанализировали буквально каждое движение участников эксперимента. И — ничего!.. Такое впечатление, что парни сошли с ума одновременно и беспричинно. Будто кто-то нажал невидимую кнопку...

— Но ведь эта команда — не единственная. Так почему бы не снять ее, чтобы продолжать эксперимент с остальными?

И тут Тюбин окончательно сразил меня.

— Не всё так просто, Владимир Леонидович... На прошлой неделе «Кассандр» сделал аналогичные прогнозы и по остальным нашим экипажам...

* * *

Среди многих моих скверных привычек есть одна самая отвратительная: склонность откладывать дела в долгий ящик.

Ну, что бы мне, вернувшись из Института домой, сразу не засесть за изучение «марсианских материалов»?

Но я похоронил папку в братской могиле для неоконченных рукописей и стал бессовестно транжирить время на разные текущие дела.

Например, за три авральных недели пришлось закончить повесть для сборника фантастики, которую я обещал сдать еще два месяца назад.

Потом жена объявила, что надо сделать ремонт в квартире, и тут мне вовсе стало не до экспертизы.

Потом меня вывела из строя сильная простуда...

Через два месяца позвонил Тюбин и поинтересовался, как идут дела. Мой чересчур бодрый тон, которым я сообщил, что буду готов представить плоды своего труда максимум через неделю, его, наверное, не обманул, раз он принялся сетовать на нерадивость некоторых экспертов, решивших отделаться от важного государственного дела бюрократическими отписками.

— Ну, а сама проблема по-прежнему остается? — поинтересовался я с тайной надеждой.

— К сожалению, да, — вздохнули на другом конце провода. — Никаких сдвигов пока нет...

В тот же вечер я откопал тюбинскую папку и засел за нее с намерением хотя бы ознакомиться с «марсианским делом», чтобы с чистой совестью сделать вывод о своей непригодности на роль эксперта.

Примерно четверть папки составляли расчеты по строительству ис-

пытательного модуля, перечни научных и технических заданий, описания опытов и тренировок, распорядок дня, подробнейшие списки имущества и оборудования. Заключение по индивидуальной и групповой психологии, хронобиологии, физиологии, нейроиммунологии, питанию, профессиональной деятельности... Чертежи, диаграммы, схемы, графики...

Я листал этот бумажный хлам, даже не пытаясь вчитываться в его содержание. Было ясно: если я буду вникать во все детали, то увязну в этой информации, как в трясине.

Заварив крепкий кофе, я принялся изучать биографии испытуемых, чтобы составить о них возможно более полное представление. Сведения об их характерах, привычках, образовании, профессиональной деятельности, семейном положении...

Рассвет застал меня за тупым перелистыванием «марсианских хроник». Сознание того, что я физически не в состоянии переварить этот поток информации, вгоняло меня в тоску.

Еще несколько дней я убил на попытки найти в каждой команде инициатора летальных разногласий. Того, кого надо удалить, чтобы спасти всю группу. Это была вполне разумная версия, и исследовал я ее тщательно. Однако выходило, что «детонатором» мог стать любой.

Как и в случае с первой командой, самоуничтожение других групп протекало спонтанно и быстро. И невозможно было понять, из-за чего разгорался сыр-бор. Звук в роликах, наверное, пролил бы свет на это дело, но я имел то, что имел, а по губам читать я не умею...

По версии компа, команды погибали бы по-разному. Например, группа «4» якобы станет жертвой ночного пожара, а команду «6» отравят каким-то ядом. Но в прогнозах неизменно отсутствовали ключевые кадры.

Обстоятельства гибели «шестерки» и «четверки» ставили еще один вопрос. Если допустить, что пожар и отравление были делом рук кого-то из членов экипажей, то злодеи остались бы в живых. А здесь речь, похоже, шла не только об убийстве, но и о самоубийстве.

Мало-помалу у меня сложилось впечатление, будто над экспериментом висит какое-то мистическое проклятие. Будто красная планета не желает, чтобы ее тайны были раскрыты.

Сюжеты, один занимательнее другого, начали роиться в моей голове.

...Допустим, что на Марсе существует таинственная высокоразвитая цивилизация, и на нашей планете действуют ее агенты, которые препятствуют высадке людей на Марсе. Марсиане, конечно же, проникли в наши космические ведомства и с помощью неизвестных технологий срывают эксперимент в ИБМП... Нет, это банально.

...Лучше так. Разработчики марсианского проекта сочли, что обычный человек не выдержит физических и психологических нагрузок, связанных с многолетним пребыванием на Марсе, и решили направить туда под видом людей киборгов. И ничего невероятного тут нет. Уж если нашим ученым удалось создать такого компьютерного гения, как «Кассандр», то где гарантия, что в секретных лабораториях не был изготовлен вполне функциональный киборг, внешне ничем не отличающийся от человека? Кстати, этим может объясняться и особый состав воздуха в модуле. Мне сказали, что он почти на сорок процентов состоит из аргона. А может, там — углекислый газ, как на Марсе, чтобы киборги могли работать на красной планете без скафандров?

Дальше моя фантазия понеслась галопом.

...Естественно, возвращать киборгов на Землю никто не планирует. Иначе мир узнает, каким грязным способом русские решили осваивать другие планеты. Но киборги догадались, что их собираются обмануть, и в знак протеста решили отомстить хозяевам самым эффективным, по их мнению, способом — уничтожить друг друга. Ведь предусмотрительные конструкторы встроили в их мозг мощные блоки самосохранения...

Я потерял на эту белиберду несколько часов. В творческом угаре я даже начал делать наброски. Но внезапно в мою голову вломилось вполне здравое сомнение.

Если бы в проекте действительно были задействованы киборги, то почему Тюбин умолчал об этом? Или это — секретная информация, не для моих глаз? Но ведь дал же он мне документы, которые слишком важны, чтобы доверять их первому попавшемуся писателю-фантасту!.. А что если Институт просто проверяет на прочность маскировку киборгов под людей? Может, эта детективная история о «первом преступлении на Марсе» имеет целью посмотреть, смогут ли «консультанты» разгадать нечеловеческую сущность испытуемых?

Но такой опыт надо было проводить прежде, чем запускать киборгов в испытательный модуль. Не вяжется это всё...

Стоп! Вот на чем тебе надо сосредоточиться, сказал я себе. Подумай: не слишком ли много странностей в этом деле?

Во-первых, ни в какие ворота не лезет то, что участников эксперимента заставили четыре года торчать взаперти ради испытания их психологической совместимости, чтобы потом они провели вместе еще целых восемь лет. Такой маразм мог придумать лишь тот, кто ничего не знает о службе на атомной подводной лодке и о жизни в холостяцком общежитии дальнего военного гарнизона!..

Во-вторых, почему комп-предсказатель не давал исчерпывающих прогнозов: кто, как и почему?.. Не хватило электронных мозгов? И

почему его самого не исследовали на этот предмет? Ведь в материалах дела об этом не сказано ни слова.

И наконец, что отложилось в моем подсознании во время просмотра видеозаписей?..

Я воткнул один из дисков в «сиди-ром» и стал наугад воспроизводить отдельные эпизоды прогнозов «Кассандра». По сути, это был поиск пресловутой иголки в стоге сена.

Однако, как известно, чем глупее исходная идея, тем больше шансов на успех. И я нашел то, что искал.

Это был прогноз по группе «3», согласно которому ей суждено превратиться в лед из-за «разгерметизации» модуля (роль марсианской разреженной атмосферы за бортом выполнял какой-то холодильный газ). За два дня до этого экипаж благополучно вернется на станцию после первого ночного выхода на поверхность Марса. Я смотрел, как исследователи, оживленно переговариваясь, снимают скафандры и прочую амуницию. Мое внимание привлек пилот. В отличие от других, он вел себя явно заторможенно. Вот командир группы о чем-то спрашивает его. Пилот отвечает. Его слова заставляют всех на мгновение замереть, будто в немой сцене «Ревизора». Однако это оцепенение длится всего секунду. Потом экипаж дружно хохочет, да и сам пилот тоже улыбается. Правда, немного вымученно...

Больше в эту ночь ничего аномального, кажется, не происходит. На следующий день — тоже. Сплошная рутина. Пилот в порядке. Только часто о чем-то задумывается. И еще его почему-то постоянно тянет к экранам внешнего обзора...

Что же все-таки должно произойти во время той вылазки?

Я перемотал запись назад.

Комп-прогноз показывает, что ничего особенного в поведении испытуемых в ходе наружной работы не происходит. Вот они берут пробы грунта. Вот монтируют какой-то прибор, отойдя от станции на несколько метров. Вот ведут съемку с помощью специальной видеокамеры. Кстати, в роли оператора выступает не кто иной, как пилот... В какой-то момент он неуклюже поворачивается так, что его слегка заносит, и объектив камеры нацеливается куда-то вверх. Пилот замирает на несколько секунд, потом опускает камеру и вертит головой по сторонам. Шлем мешает рассмотреть его лицо. А командир делает знак, что можно возвращаться...

Я вышел покурить на балкон.

Было уже часа три ночи, и заснеженный город спал.

Я жадно глотал табачный дым, не чувствуя его горечи, и глядел в темное небо. Оно было затянуто низкой облачностью — ни звезд, ни луны. Ни тем более Марса. Но я знал, что он — где-то там...

Потом я вернулся в комнату и открыл «Word». Слова словно сами выпрыгивали на экран, и я едва успевал исправлять опечатки, которые то и дело возникали в результате высокой скорости набора текста.

* * *

На этот раз Тюбин принял меня не в «военно-полевой лаборатории», а в обычном кабинете со всеми положенными атрибутами в виде приемной, большого стола из массива красного дерева и милостивой секретарши в короткой юбочке.

И «забирать» меня на проходную выходил уже не он сам, а молодой парень в белом халате поверх джинсового костюма и с повадками профессионального хирурга.

— Чай, кофе? — предложил Тюбин, когда мы уселись друг напротив друга за аэродромным столом.

— Нет, спасибо, — отказался я, не без труда извлекая из сумки папку.

— Ни фиги себе! — простодушно поразился Тюбин. — Это вы такое заключение накатали?

— Ну что вы, Филипп Сергеевич, неужели я похож на графомана?.. Это я возвращаю вам материалы по эксперименту.

— А заключение где? — хищно прищурился Тюбин.

Я молча протянул ему прозрачную папку с несколькими листами.

Тюбин впился взглядом в первую страницу.

— Но ведь это же... — вскоре пробормотал он, вскинув на меня глаза из-под опухших век.

— Я хочу, чтобы вы прочли это. Думаю, много времени у вас это не займет...

Вообще-то, я не люблю, когда в моем присутствии читают мои тексты. Ощущение голого среди волков, как выразился один немецкий писатель.

Но сейчас был особый случай. Мне хотелось понаблюдать за реакцией своего собеседника, который вряд ли был способен по-актерски искусно владеть своей мимикой.

Это был рассказ от первого лица. Назывался он «Первая марсианская бойня» и начинался фразой: *«В отличие от других учреждений, тут не практиковали разовых пропусков»*. В нем почти достоверно описывалась моя работа на Институт. Только Тюбин там превратился в Рюмина. И я не рискнул называть, даже в измененном виде, фамилии участников эксперимента.

Как и следовало ожидать, вначале Тюбин читал вполне безмятежно. Пару раз даже по-медвежьи рыкнул, что, видимо, у него означало смехок.

Однако, дойдя до моих «размышлений вслух» по поводу киборгов, он насупился и хотел что-то сказать. Я попросил его не отвлекаться, и он с явной неохотой вернулся к листкам.

Он читал мой рассказ, а я читал его лицо. Это оказалось забавным занятием. Что-то вроде телепатии.

Наконец Тюбин добрался до последней страницы. Той, что заканчивалась фразой: *«Ночное небо было затянуто низкой облачностью — ни звезд, ни луны. Ни тем более Марса... Но я знал, что он — где-то там»*. Тюбин читал ее внимательно, то и дело возвращаясь взглядом к уже прочитанным абзацам, и лицо его все больше мрачнело. Он даже заглянул на оборот листа в поисках продолжения.

— И это — всё? — разочарованно спросил он.

— Пока — да.

— А суть-то в чем? Там же у вас нет никакого объяснения! Если не считать какого-то бреда насчет киборгов и переодетых марсианских лазутчиков...

— Я просто не успел дописать, Филипп Сергеевич. Но готов изложить вам свои варианты.

— Ну-ну-ну, — нервно подбодрил он меня.

— Насчет киборгов вы правы. Творческий бред, не более того. Потому что, если даже когда-нибудь с помощью электроники удастся создать ни в чем не уступающее человеку искусственное существо, то стоить оно будет столько, что страна разорится, отправив на Марс подобную экспедицию. К тому же люди пока не готовы доверять важнейшие задания технике, какой бы совершенной она ни казалась. Гораздо дешевле и надежнее послать на освоение других планет обычных людей. Тем более, что в России пока еще, слава Богу, хватает людских ресурсов, верно?

— Мы с самого начала ориентировались на пилотируемый полет, в отличие от американцев. Вполне возможно, что и с учетом тех экономических соображений, которые вы только что изложили. Но это уже, в принципе, не моя епархия...

— Значит, в роли испытуемых мы имеем все-таки людей, — продолжал я. — А люди имеют одну очень странную особенность, Филипп Сергеевич. Они почему-то очень не любят, когда их обманывают. Точнее говоря, когда их пытаются обмануть и использовать в своих интересах другие люди.

— Интересно, — криво усмехнулся Тюбин, — как же мы обманывали наших ребят? Может, вы думаете, что мы посулили им славу и награды, а на самом деле не собираемся никуда их посылать? Что, закончив эксперимент, скажем им: «Спасибо и прощайте»? Если так, то вы ошибаетесь, Владимир. В их контрактах всё четко прописано...

— Я вовсе не о том... Вы обманули их другим способом. Точно так же, как у меня в рассказе про Марс, обманули преступников, приговоренных к пожизненному заключению. Им пообещали, что, если они соорудят на Марсе городок для первопереселенцев, то по возвращении на Землю будут отпущены на свободу. Они, наивные, поверили в это. А на самом деле никто и не собирался забирать их с Марса. Но заключенные узнали об этом в последний момент... Как и ваши ребята, Филипп Сергеевич.

Тюбин так резко поднялся из-за стола, что я невольно вздрогнул.

— Что за чепуху вы несете?! — загремел он. — Да с какой стати мы не стали бы планировать обратный полет?! Без благополучного возвращения экипажа не может быть и речи об успешном завершении экспедиции!.. И для нас очень важны те образцы грунта, минералов... возможно, даже растений, черт побери!.. которые они должны привезти с собой на Землю!..

— Вы напрасно делаете вид, что не понимаете меня. Кстати, вы и меня пытались ввести в заблуждение. И я прекрасно понимаю, почему. Потому что консультантам, тем более привлеченным для разового мозгового штурма, такие секреты не доверяют.

— О чем вы? — уставился на меня в упор Тюбин, опасно нависнув над столом.

— Признайтесь: они ведь уже находятся на Марсе? Причем не подозревая об этом, верно?

Я ожидал всего: и что мой собеседник еще громче заорет про гнусный поклеп; что он вызовет охрану, дабы она меня выставила вон и больше не подпускала к Институту на пушечный выстрел; что он усомнится в моем психическом здоровье. В худшем варианте он должен был меня скрутить и передать в лапы спецслужб, дабы предотвратить возможную утечку информации.

Но Тюбин со скрежетом придвинул к себе массивный стул и шумно обрушился на него, будто парализованный.

— Молодец, — хрипло похвалил он меня. — Башка у тебя кумекает, писатель. Как догадался-то?

— В юности увлекался детективами, — признался я. — Наверное, они и приучили меня обращать внимание на логические несоответствия. В вашем случае их было несколько. Кое-что я указал в своем рассказе, но кроме них есть еще и другие. Например, почему, якобы прогнозируя фатальный исход эксперимента, ваш мифический «Кассандр» и мысли не допускал, если можно так выразиться применительно к компьютеру, что это — всего лишь эксперимент, и специалисты из группы контроля, которые днем и ночью дежурили у мониторов наблюдения, могут вмешаться и предотвратить смертоубийство в составе

всей команды? Думаю, в такой экстремальной ситуации прекратили бы свое действие все инструкции и запреты. Ответ на этот вопрос может быть только один: «Кассандр» — или тот, кто вводил в него данные — знал, что участники экспедиции находятся вне пределов досягаемости. То есть не на Земле...

Тюбин угрюмо молчал.

— Этот вывод объясняет и все прочие неувязки, которые имелись в деле, — продолжал я. — Возможно, не было никакого прогноза суперкомпьютера по поводу гибели всех шести команд. Как и вообще не было никакого «Кассандра». Речь шла о реальной видеозаписи, замаскированной под компьютерный монтаж. Кстати, в кино такие трюки уже давно применяются... А это означает, что люди, которых вы якобы испытываете, погибли вполне реально.

— А вот тут ты ошибаешься. На Марсе работала только одна группа, это так. Все остальные готовились ей на смену и в качестве дублеров. И когда ребята погибли при столь странных обстоятельствах, мы собирались отправить на Марс вторую команду, но случившееся заставило нас подозревать, что даже, казалось бы, самые надежные кадры могут подвести в решающий момент. И тогда мы решили задействовать прогностический комп. Так что не сомневайся: «Кассандр» все-таки существует и остальные ролики были сделаны именно им.

— Ладно, — сказал я. — А хотите, я угадаю, какая именно команда реально работала на Марсе? Третья, да?

Тюбин взглянул на меня чуть ли не со страхом. По-моему, его уже начинали пугать мои догадки.

— Ты имеешь в виду тот эпизод, когда они совершали ночной выход на поверхность планеты? Там есть один момент, когда Гена Сафронов, который работал с камерой, оступается, и тогда заметно, что на него действует малая сила тяжести. Которую на Земле еще пока не научились имитировать...

— Дело в другом, — возразил я. — Этот Гена случайно поднял объектив камеры вверх и увидел, что Фобос и Деймос, которые он и его товарищи принимали за искусные макеты декораторов, слишком похожи на настоящие марсианские спутники. После возвращения на станцию Сафронов объявил об этом во всеулышание. Но ему никто не поверил. Над ним посмеялись. Он, наверное, и сам решил, что стал жертвой иллюзии. Кто бы на его месте думал иначе? Но сомнение запало в его душу. И ночью, скрытно от камер наблюдения, Гена вновь просматривает отснятую пленку. И убеждается в том, что не ошибся. Возможно, ему все-таки удалось убедить в этом своих товарищей. А может быть, и нет, и тогда он сам принял решение... Вы действительно не знаете, как это произошло?

Тюбин тяжело вздохнул.

— Естественно, знаем. Перед тем как разгерметизировать станцию, экипаж «тройки» вызвал Землю на экстренный сеанс связи. Я тоже присутствовал на том сеансе, Володя. И, наверное, не забуду его до конца своих дней... Надеюсь, тебе ясно, почему мы были вынуждены вырезать его из записи.

Конечно, ясно. Парни, наверное, высказали тем, кто послал их на другую планету под видом эксперимента, всё, что о них думают.

— Но, в принципе, для тебя это не имело значения. Ведь ты должен был ответить на вопрос, как сделать так, чтобы команда не подверглась психологическому шоку, — сказал Тюбин.

Я хмыкнул:

— По-вашему, это ненормально? Когда человека надувает родное государство, он должен этому только радоваться?

Он опять не ответил, и я продолжал:

— Кстати, как вам удалось незаметно перебросить их на Марс? Не с помощью же полностью автоматического корабля! Или вы накачали их снотворным на полтора года полета?

— Вообще-то, — задумчиво сказал Тюбин, — я не должен открывать тебе этого секрета, Володя. Но надо же как-то поощрить тебя за проникательность. Да, думаю, ты и сам поймешь, что распространяться об этом за пределами Института не стоит. Тебе все равно никто не поверит. В лучшем случае сочтут, что ты пишешь очередной фантастический рассказ. А в худшем — тебя поместят в дурдом как шизофреника.

Я терпеливо пропускал мимо ушей все эти заманчивые перспективы, потому что во мне разыграл чисто профессиональный интерес.

Но то, что поведал мне Филипп Сергеевич, и впрямь оказалось чистой воды фантастикой. Правда, не очень новой, потому что тему «нуль-транспортировки» частенько эксплуатировали в научной фантастике. Но одно дело — читать об этом, и совсем другое — узнать, что это явление существует на самом деле.

...Гиперпространственный туннель, который вел на Марс, наши ученые открыли давно и, как это бывает в таких случаях, совершенно случайно. Он оказался односторонним. Перемещение по нему было практически мгновенным, но безопасным для живых организмов. Так получилось, что вход в туннель находился на территории нашей страны, и это место надежно изолировали, объявив его полигоном для космических исследований. Сначала на Марс переправляли оборудование, аппаратуру, материалы и прочее имущество. Наконец встал вопрос о том, чтобы послать на красную планету людей.

Однако вначале никто не знал о том, что туннель дает билет толь-

ко в один конец. Когда это выяснилось (тут Тюбин не вникал в подробности, а я особо не настаивал), то посвященных постигло разочарование. Вряд ли нашлись бы добровольцы, которые, пребывая в здравом уме, вызвались отправиться на другую планету, зная, что вероятность остаться там навсегда очень велика. Пользоваться же услугами фанатиков и психически ненормальных не хотелось.

И все же искушение использовать туннель на всю катушку было слишком велико. Тем более, что для этого не нужны были ни космические корабли, ни длительная подготовка. «Быть у воды и не напиться — просто глупо», — раздавались все чаще голоса. «Вы что, хотите, чтобы нас опередили американцы или китайцы?» — риторически спрашивали другие.

В результате в головах администраторов от науки созрел компромиссный план. Объявить о начале длительного эксперимента, потом переместить его участников на Марс так, чтобы они об этом не догадались, — и пусть работают там до тех пор, пока на Марс не прибудет им замена на обычном космическом корабле. Таким способом будут убиты два зайца: и форсированное освоение Марса, и обеспечение первенства в этом деле.

Как надеялись заговорщики, истина открылась бы членам экспедиции лишь перед самой отправкой на Землю, и вряд ли они сильно переживали бы по этому поводу. А даже если и переживали бы, то это осталось бы их личным делом. Главное — достижение нужного результата...

Когда Тюбин закончил свой рассказ, я сказал:

— Если так, то зачем вам понадобилось привлекать меня и прочих консультантов к экспертизе. Разве и так не ясно, почему они, узнав истину, решили покончить с собой? Это было не просто самоубийство от отчаяния, Филипп Сергеевич. Это была месть чистой воды.

— Хорошо, но почему все остальные команды, которые еще пребывали на Земле и ничего не знали о туннеле, тоже должны были последовать примеру «тройки»? Вот ведь где собака зарыта!..

— А по-моему, всё очень просто. Скорее всего, ваш компьютерный оракул пришел к тому же выводу, что и я.

— Не понял, — нахмурился мой собеседник.

— Чтобы сделать прогноз, он должен был проанализировать все данные, которые вы в него вводили, — пояснил я. — И, сделав вывод о том, что команда «З» находится на реальном Марсе, он просто-напросто решил, что и все остальные уже там. А отсюда, по аналогии, напрашивался другой вывод: рано или поздно они тоже узнают об обмане. И по той же аналогии это открытие будет иметь фатальные последствия.

— Значит, по-вашему, «Кассандр» просто ошибся? И мы не должны учитывать его прогнозы?

— Да нет, Филипп Сергеевич, — медленно проговорил я. — По-моему, в данном случае искусственный разум превзошел своих создателей.

* * *

Совсем как в моем рассказе, Тюбин заглянул на оборот последнего листа.

Потом качнул головой:

— Я воздержусь от каких-либо комментариев. Честное слово, не хочется вас обижать, Владимир Леонидович. Скажу одно. По-моему, рекомендовавшие вас люди сильно ошибались в оценке ваших писательских способностей. Фантазия у вас, конечно, буйная, а вот с реализмом и достоверностью дело обстоит неважно...

Я смущенно пробормотал, что вовсе не претендую на Букеровскую премию.

Насчет достоверности Тюбин был прав. Мы с ним сидели в невзрачном кабинетике, где не было ни приемной, ни секретарши, ни стола из красного дерева.

— Вообще-то мы от вас ждали не беллетристики, а чего-то иного, — язвительно продолжал Тюбин. — И если вы ничего не смогли придумать, то так и скажите.

— Ну, почему же? Кое-что содержится в писанине, которую вы только что прочли. А остальное я мог бы передать на словах.

Тюбин воззрился на меня так, словно это я был виновен в грозящем срыве экспедиции на Марс.

— Лично я ничего полезного в вашем опусе не заметил! — прорычал он. — Или вы на полном серьезе считаете, что наши ребята работают на Марсе, а мы, такие-раззтакие, подло скрываем этот факт от них и от мировой научной общественности?!

— Конечно, нет. Рассказ этот — лишь символ, гипербола истинного положения вещей.

Он свирепо набычился, и я понял, что не стоит больше дразнить его полупапеками.

— Я внимательно ознакомился с вашими материалами, Филипп Сергеевич, — стараясь сохранять спокойствие, продолжал я. — И обратил внимание, что вы постарались максимально точно воссоздать условия пребывания на Марсе. Питание, бытовые неудобства, атмосфера за бортом, виды поверхности Марса на экранах внешнего обзора... возможно, муляжи Фобоса и Деймоса в «небе»... Не удивлюсь, если вам удалось смоделировать даже сниженную силу тяжести...

— Ну и что? По-вашему, это плохо?

— С точки зрения системного подхода, модели не должны слепо копировать моделируемый объект во всех его мельчайших деталях. Надо, чтобы они отражали лишь его существенные признаки...

— Послушайте, не надо читать мне лекцию об элементарных научных понятиях. Я все-таки доктор наук, а не первокурсник. Скажите прямо, к чему вы клоните!

— Попытаюсь, — скованно улыбнулся я. — Ваш эксперимент действительно проходит на Земле. Но вы создали такую видимость реального пребывания на Марсе для своих подопытных, что кое-кто из них в конце концов может прийти к выводу, будто вы их обманываете и они на самом деле работают на Марсе.

— Вот как? — скептически ухмыльнулся Тюбин. — Вы хотите сказать, что кто-то из наших ребят может сбрендить до такой степени, что будет способен угробить своих товарищей?

— Любое безумие порождается иллюзиями, которые постепенно берут верх в сознании человека над реальной оценкой происходящего. Тем более — в обстановке длительного стресса.

— И кто же, по-вашему, потенциальный псих?

— А вот на этот вопрос я вряд ли смогу вам ответить. Если бы я прожил вместе с этими людьми хотя бы пару месяцев, то, возможно, мне удалось бы найти слабое звено в каждой команде. Однако боюсь, что это не имеет особого значения.

— То есть? — поразился завлабораторией.

— Я считаю, что первый и самый главный ваш просчет заключается в критериях отбора кандидатов. Вы правильно решили, что главное — психология и характеры, а не физиология. И вы, естественно, поставили во главу угла высокие морально-нравственные качества, коллективизм, стремление прийти на помощь товарищу и так далее... И отобрали людей, каждый из которых отвечал всем этим требованиям в совокупности. Эдаких ангелов во плоти, сборище оживших иллюстраций из учебника по этике. Незаметно для себя вы подменили нормальное человеческое общество его нежизнеспособным подобием. Знаете, почему у меня появилась идея о киборгах? Ваши подопытные ведут себя до тошноты правильно в общении между собой. Иначе и быть не может: ведь каждый из них — очень хороший человек. А в данном случае это не идет на пользу делу. Я уверен, что коллективная задача успешно решается тогда, когда коллектив состоит из самых разных людей, в том числе и с точки зрения нравственности. А в самом понятии «хороший человек» заложены некие элементы одинаковости и стандартности, и эта одинаковость обусловлена одинаковым отношением к окружающей действительности...

Вообще-то, я не люблю говорить много и красиво, но иногда на меня словно что-то накатывает. И сейчас я был готов приводить все новые и новые доводы в пользу своей правоты.

Я мог бы сослаться на то, что человечество развивалось за счет не только святых, но и великих грешников.

Я мог бы апеллировать к печальному опыту многочисленных утопий, авторы которых искренне желали создать идеальное человеческое общежитие, состоящее лишь из идеальных особей.

Я мог бы привести множество примеров того, как в кризисной обстановке добрые и хорошие люди превращались в негодяев, а подонки становились героями.

Многое еще можно было бы сказать, но Тюбин не захотел меня больше слушать.

— Послушайте, Владимир, — бесцеремонно оборвал меня он, — значит, ваше предложение сводится к тому, что мы должны прекратить эксперимент, распустить уже почти сформированные экипажи и набрать новых кандидатов из сплошных мерзавцев и преступников?

На мгновение я утратил дар речи от столь грубого толкования моей идеи.

— Да не надо никого распускать, — пробормотал я наконец. — Просто в каждую команду надо включить нормальных людей, с присущими им недостатками и слабостями, вот и всё...

— И в каком же соотношении, позвольте узнать? Половина на половину? Или один к трем?

— Знаете, мне, пожалуй, пора, — сказал я, поднимаясь из-за стола. — А то отнимаю у вас драгоценное для науки время.

Тюбин не стал меня удерживать.

Только сердито пророкотал вслед:

— Кстати, из вашей теории следует, что люди не должны стремиться стать лучше. Да и зачем?.. Ведь, как заявляют отдельные писатели, человек должен быть грязен, порочен и всячески приспособливаться к злу, а не воевать с ним! А как же насчет слов классика об идеалах, к которым человечество должно идти с высоко поднятой головой?

Ну, как тут было удержаться от соблазна оставить последнее слово за собой?

— По этому поводу есть одна поговорка, — сказал я. — Если шествовать по жизни с высоко поднятой головой, то рано или поздно вляпаешься в какое-нибудь дерьмо... До свидания, Филипп Сергеевич.

Я не оговорился, сказав «до свидания» вместо «прощайте».

Почему-то казалось, что Тюбин когда-нибудь еще позвонит мне.

Но он так и не позвонил.

В И К Т О Р М Я С Н И К О В

КОРОЛИ

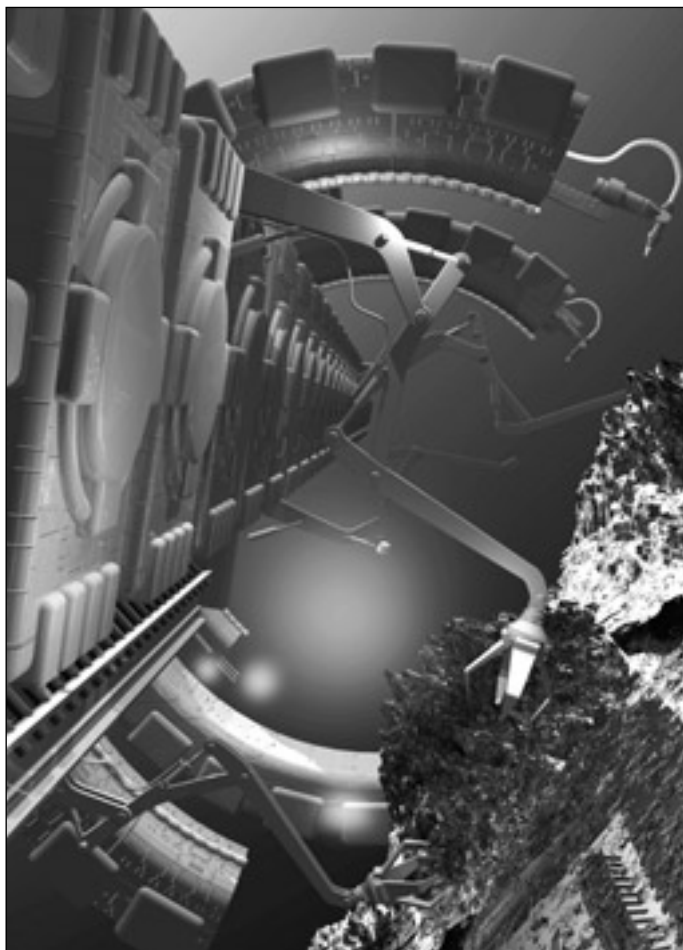

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ВАНАДИЯ

Внешний металлодетектор они покупали через Сеть, поэтому прибор оказался весьма потрепанный, а если честно — просто старая рухлядь. Глубинником его можно было назвать с большой натяжкой, но дряхлый полутоннатный спутник он взял с дистанции в сто пятьдесят тысяч километров, а всякую мелочевку вроде сброшенных разгонников туристических челноков спокойно засекал с двухсот тысяч. Проблемы возникали только с определением. Чистый титан и алюминиевые сплавы детектор распознавал безукоризненно, железные метеориты худо-бедно тоже отсигналивал надежно, а вот со стальными сплавами, комбинированными и сложносоставными материалами всегда возникала морока. Ванька Петлов с ума сходил, разгадывая замысловатые расклады, выдаваемые на дисплей металлодетектором в таких случаях. Сколько горячего зазря сожгли, пока научились отсекаать облака мелких железных метеоритов.

Но в этот раз прибор превзошел сам себя: нарисовал во весь экран классическую петлю гистерезиса и выдал графу «материал» — ВАНАДИЙ — вот такими буквищами.

— А это что еще за магнит в открытом космосе? — не поверил своим глазам Ванька Петлов. Да и как поверить, если чистый ванадий отродясь в промышленности не использовался, а только как присадка к нержавеющей стали. И совсем у Ваньки шифер с башни пополз, когда он направил в сторону находки локатор, и компьютер обсчитал данные — 12 000 000 тонн. Двенадцать миллионов тонн ванадия на расстоянии сто восемнадцать с половиной тысяч километров!

Ванька придавил тревожную кнопку. В случае обнаружения чего-нибудь особо интересного так созывалась вся команда. Последний раз кнопкой пользовались год назад, когда повезло выловить утерянный советский спутник-шпион аж XX века — настоящий антиквариат. Толкнули его тогда знакомому измайловскому перекупщику за два миллиона космобаксов, тот даже не торговался. Потом слух прошел, что перекупщик этот «Космос» какому-то богатому коллекционеру в три раза дороже задвинул, но ребят это не взволновало. Их и от вида двух миллионов парализовало, не сразу очнулись. Два миллиона космобаксов в земную валюту перевести — это ж сумасшедшие деньги!

Они могли бы поделить эту пару миллионов на троих и жить не тужить. Но победили азарт и вера в удачу. Им казалось, что ближний космос ломится от старого железа, которое взять — раз плюнуть. Но это

на Земле два миллиона космобаксов — бешеные деньги. В космосе это так, пустячок. И вообще, дуракам везет, в смысле — новичкам, а вот потом...

Почти миллион ушел на замену двигателя — купили более скоростной. Подшаманили обшивку своей подержанной «Белки». Приобрели новейший локаатор — от него зависит половина успеха, если не три четверти. Затарились полугодовичным запасом кислорода, топлива, фильтров-регенераторов, продуктов, дисков с фильмами и книгами. Еще не смогли себе отказать и купили новейшую систему быстрой связи — недавно изобретенный сверхволновик. В пределах Солнечной системы это был полный онлайн! И всё, на новый металлодетектор уже не хватило.

Год чесали космос. До орбиты Юпитера доходили. Как все поисковики проверили легенду о бесхозных спутниках, затянутых в кольца Сатурна. Месяц лазали среди летящих камней, выудили одну железную глыбу в сорок тонн и лично убедились, что рукотворного металла в кольцах нет. На обратном пути отловили пару титановых ступеней. И впервые услышали о себе на приемной площадке металлургического завода: «А-а, мусорщики прилетели...».

Было обидно. Не мусорщики они, а поисковики. Этот вольный народ появился в космосе после того, как в конце XXI века случился так называемый Калифорнийский инцидент — при попытке утопить в океане отработавшую свой срок космическую станцию она сошла с орбиты и рассыпалась над густонаселенными районами Калифорнии. Было много погибших и нанесен колоссальный экономический ущерб. Тогда и приняли международную Конвенцию о запрете на возвращение непилотируемых космических объектов. Это подстегнуло разработку новых технологий и привело к созданию особого класса кораблей — «расталкивателей мусора». Они занимались тем, что сталкивали отработавшие ресурс спутники и прочий орбитальный хлам на гелиоцентрические орбиты — непредсказуемые и непомерно огромные. А спустя пару сотен лет в окологлуном пространстве появился первый космический металлургический завод. И самым дешевым сырьем для его плазменных печей оказался этот летающий хлам. К тому времени в космосе уже всюю шастали поисковики, увлеченно вылавливающие древние коллекционные спутники. А когда появилась возможность еще и сбывать ненужный металл, для многих это хобби стало профессией.

Ванька Петлов, Сашка Басильев и Герка Еванов и были такими поисковиками, сложившими все свои сбережения и за полтора года тысячу

космобаксов купившими заезженную трехместную «Белку» с порядковым номером 117. Корабль отлетал больше семидесяти лет, но даже на пятидесятилетнюю «Стрелку» им бы в жизнь денег не собрать. Впрочем, «Белка» себя оправдывала, несмотря на низкие ходовые качества. В этом даже были свои плюсы: на малых скоростях металлодетектор лучше схватывал объекты. Поэтому, заработав два миллиона на продаже антикварного спутника, решили обновить свое привычное «старое корыто».

Сашка с Герычем появились через пару минут после сигнала. У обоих на лбу отпечатались наглазники виртуальных шлемов. Ясен космос — опять резались в MegaDoom.

— До двухсот шестнадцатого уровня дошли! — поспешил порадовать Ваньку Басильев, перед тем как взглянуть на дисплей. — Ого, вот это находка! Слушай, это же астероид! Двенадцать миллионов тонн! Да мы с вами, мужики, просто короли ванадия!

Герка Еванов тем временем торопливо запросил выход в Сеть и поинтересовался ценами. На окологунной бирже металлов цена была чуть выше 68 тысяч космобаксов за тонну феррованадия с содержанием ванадия 95%. Ванадиевая руда с содержанием металла 98% шла по 39 тысяч за тонну, при общем незначительном превышении спроса над предложением. Весь последний год наблюдался устойчивый рост цены, составивший примерно двадцать процентов. Росли и цены на акции компаний, поставляющих ванадий на космический рынок. Хотя в последние две недели цены стабилизировались в связи с тем, что корпорация «Космет» начала на Луне разработку месторождения металлургических руд, одним из компонентов которых был ванадий. Уже началось строительство обогатительной фабрики и заказана карьерная техника.

На Земле в последние столетия все прежние месторождения были исчерпаны, а новые оказалось невозможно открывать из-за экологических конвенций. Все неосвоенные земли давно объявили заповедными, и даже разъяснительная работа правительственных организаций не помогала. Народ на референдумах категорически выступал против новых рудников. А без положительных результатов референдума ни один карьер, ни одна шахта не могли возникнуть. Поэтому металлургические предприятия осваивали новые технологии получения металла из различных отходов и перерабатывали миллиарды тонн шлака, скопившегося за прежние века беспощадной эксплуатации недр. Сейчас все надежды промышленников были связаны исключительно с космосом, в первую очередь, с Луной.

— Кто умножит тридцать девять тысяч на двенадцать миллионов?
— спросил Еванов.

— Сначала его догони, потом считай, — осадил приятеля Петлов.
— Уходит ванадий-то.

И точно. Дисплей локатора показывал, что металлический астероид уносился по параболической траектории со скоростью около 30 километров в секунду. «Белка» же уходила по касательной к его орбите, так что расстояние между ними быстро увеличивалось.

— По местам стоять! — завопил Басильев, официальный капитан «Белки». — Меняем курс.

Он и Еванов торопливо вплыли в свои рабочие кресла и пристегнулись. Корабль слегка качнуло на развороте — звезды дрогнули в иллюминаторах.

— Может, дадим телеграмму на биржу металлов? — предложил Ванька Петлов. — Ну, типа «Есть на продажу ванадий в неограниченном количестве».

— Я тебе дам! — завопил Сашка Басильев. — «Черных» накликать хочешь? Нам еще эту глыбищу догнать надо. Не дай Боже, кто-нибудь на более мощной посудине нашу добычу тоже засек.

О «черных поисковиках» ходили слухи, хотя в реальности их никто не встречал. Но случаи перехвата добычи действительно бывали. Вот так же ребяташки знакомые в прошлом году засекли и распознали антикварный спутник. Пустились догонять, а сами дали сигнал знакомому коллекционеру, мол, обнаружили ценную вещь. И тут же откуда-то возник скоростной корабль и прямым ходом помчался к спутнику, который они уже считали своим. Оpoznать перехватчика чужой добычи не удалось — он просто подавил помехами старенький обзорник ребят. И так же быстро потом исчез, прихватив спутник ценой в несколько миллионов. Как тут не вспомнишь любимую пословицу космических пилотов: «Скорость — фигня, главное — разогнаться». Скоростники типа «Гленн» за несколько часов могли разогнаться до десяти тысяч километров в секунду, двигателю дряхлой «Белки» на это понадобились бы годы и целый танкер топлива...

— «Черные», «белые»... — Петлов отказался от безумной мысли просигналить миру о своей находке, но не от дискуссии — слишком наскучался один в пилотской рубке. — А мы? Если подвернется могильничек — удержимся?

Корабли с погибшими людьми на борту, дрейфующие в открытом космосе, имели статус мемориальных захоронений, прикасаться к ним запрещалось. Однако редкий поисковик прошел бы мимо мо-

гильника, как они назывались на профессиональном жаргоне, обязательно прихватил бы дюжину «сувениров». Пару месяцев назад команда «Белки» наткнулась на такой могильник XXI века, но ничего не добыла. Станция и экипаж погибли в результате пожара, так что ребята только поглазели сквозь изрядно закопченные иллюминаторы на спекшиеся внутренности корабля, но вскрывать не стали. В общем, поступили как приличные поисковики, которые могильников принципиально не бомбят. И внесли обнаруженный корабль во Всемирный каталог искусственных космических объектов со всеми орбитальными данными.

В каталоге было полно и настоящих могил, точнее, гробов. Одно время существовала мода отправлять состоятельных покойников в космическое пространство. Легкие углепластиковые гробы пачками выбрасывали на околоземную орбиту, а там уже «расталкиватели мусора» разгоняли их до скоростей, достаточных, чтобы те покинули пределы Солнечной системы. Однако большинству похоронных цилиндров и параллелепипедов скорости не хватило, они оказались на длинных гелиоцентрических орбитах и периодически возвращались с окраин к центру системы, дезорганизуя регулярное движение между планетами.

Было несколько случаев, когда по халатности вахтенных нетленные покойники в своих тесных саркофагах врезались в станции и корабли. Сами тела предварительно обезвоживались для снижения веса и лишь потом отправлялись на небеса, поэтому масса их была невелика. Но углепластик и старые кости на космическом холоде становились слишком хрупкими. Кораблю ущерб они не причиняли, но осколки гроба и его содержимого иногда продолжали полет в попутном направлении. И порой в течение нескольких месяцев экипаж и пассажиры, выглянув в иллюминатор, видели перед собой чью-то высушенную голову с оскаленными имплантантами. Углепластик плохо отражает сигналы радиолокаторов, поэтому неопытные вахтенные и не придавали им значения, принимали за помехи или излучение дальних звездных вспышек.

* * *

Все-таки молодцы они были, что поставили на «старое корыто» новый скоростной двигатель. Со старыми движками нечего и думать было догнать астероид — горючего не хватило бы. А с новым, более экономичным и мощным, догнали всего за двое суток с небольшим, чутко отслеживая отраженные от астероида сигналы — опасались чужого перехвата.

Посторонних сигналов — и обычной, и импульсно-гравитонной локации — хватало, астероид незамеченным не остался. За время погони он даже оказался внесен в Каталог малых небесных тел. Это японцы с астрономической станции подсустились — большие любители открывать новые космические объекты. Тоже своего рода поисковики. Мало того, они даже по праву первооткрывателей успели продать имя, и летящая в космическом вакууме ванадиевая гора теперь называлась Христина Баунти. Какая-то деятельница шоу-бизнеса отвалила японцам соответствующую сумму и таким способом прорекламовала себя и своего спонсора, производящего сласти.

— Ну вот, — заныл Петлов, — надо было сразу самим астероид в каталог забить. За имечко знаете, сколько платят? От ста тысяч космобаксов и выше!

— Ага, — яростно возражал ему Сашка Басильев, — а какой-нибудь хмырюга болтался в этом секторе да и отсканил бы глубинником нашу железку. Знаешь, на какую глубину самоновейший прибор берет? Полтора миллиона километров! И стоит, кстати, тоже за миллион. С установкой и тестированием — почти полтора миллиона «косматых».

— Во, мы такой же себе поставим, когда ванадий толкнем, — поменял направление разговора Петлов.

— Ну, ты, братан, насмешил! — Басильев и в самом деле расхохотался. — С такими-то миллиардами думаешь и дальше мусор собирать?

— Кончай уже делить оболочку непойманной «Медведицы»! — оборвал их болтовню Герка Еванов. — Нервы, что ли, так успокаиваете? За приборами лучше смотрите. Нам сейчас только тормознуть не хватает из-за какого-нибудь пустяка. Да и насчет цены, того...

— Что еще? — встрепенулся Ванька Петлов.

— Рухнут цены, когда мы такую прорву металла на продажу выкачим.

— Да ладно, — беззаботно махнул рукой Петлов, — ну не тридцать девять тысяч за тонну, так десять. Тебе мало, что ли?

— Да пусть падает хоть до тысячи, нам и этого хватит, — еще беззаботней откликнулся Басильев.

Так, грезя будущими прибылями, и догнали астероид с громким именем Христина Баунти.

Металлическая поверхность свободно летящей малой планеты идеально отражала солнечный свет, поэтому яркую звездочку было видно издалека даже невооруженным глазом. Она становилась все ярче и крупней. И наконец астероид предстал во всей красе — гигантская

сверкающая картофелина, слегка сплюснутая с боков. Зашли с теневой стороны. Здесь уже было не до шуток, все сосредоточились на работе.

Сблизиться с летящим объектом, да еще когда его скорость превышает тридцать километров в секунду, — это виртуозная операция. Ведь когда догоняешь, твоя скорость гораздо выше. А надо еще встать на параллельный курс. Пока скорость газишь и маневрируешь, обычно проскакиваешь вперед, теперь уже тебя догоняют. Начинаешь короткими импульсами гасить свою скорость, пока она не становится оптимальной. Тут главное не спешить. Чуть поторопился и — удар, повреждение обшивки, искореженная внешняя аппаратура.

Но капитан Басильев с задачей справился безукоризненно. Легчайший толчок, шипение схватывающей гидравлики, и дисплеи сообщили: «Посадка состоялась». Все тут же скинули налобники управляющих систем и радостно гаркнули традиционное «ура!».

На разведку в легком скафандре отправился Еванов, обвешанный разнообразным инструментом. Придерживая левой рукой страховочный фал, особой надобности в котором не было — «липкие» ботинки отлично цеплялись за слегка пористую металлическую поверхность астероида, — Еванов ткнул дуло спектрометра в нескольких местах себе под ноги и везде получил одинаковый результат — «ванадий 99,9%». Уровень радиоактивности тоже оказался низким, безопасным для человека и аппаратуры.

— Ну что, господа поисковики, поздравляю нас с добычей! — торжественно начал Сашка Басильев, когда все трое собрались в кают-компании. Перед ними в воздухе плавали несколько кусочков блестящего металла, принесенных Евановым. — Сейчас мы должны выполнить некоторые формальности. Во-первых, основать акционерную компанию; во-вторых, объявить о праве собственности на астероид; в-третьих...

Космическая юриспруденция от земной отличается предельной ясностью. Действующие искусственные космические объекты неприкосновенны. Прекратившие работу должны утилизироваться хозяевами в течение года, после этого они получают статус мусора, и их может утилизировать любой желающий, кто первым успел. Этим, собственно, и промышляли поисковики. Запрещалось трогать только могильники.

С нерукотворными объектами было несколько иначе. Луна имеет особый международный статус. Многие искусственные объекты на ее поверхности, которые вполне могли бы считаться мусором, были объявлены реликвиями цивилизации: русские «Луноходы» и станции «Лу-

на», посадочные модули американских «Иглов» и тому подобное. Даже следы первых людей на Луне стали реликвиями. Впрочем, все эти объекты давно накрыты защитными прозрачными куполами.

Непростая ситуация возникла с вопросами собственности на лунные территории. В древности какие-то хитрецы умудрились заявить о своих правах на поверхность Луны. И принялись торговать участками лунной территории. Эта дурацкая затея длилась доброе столетие. Удивительно, но покупатели находились. Многим льстила сама возможность обладать куском Луны, хотя ступить на эту свою «землю» они не могли. Однако спустя несколько столетий, когда началось интенсивное освоение Луны, наследники вытащили пожелтевшие сертификаты на лунные гектары. Некоторые даже получили поддержку своих правительств. Тогда был создан Международный комитет по освоению Луны, который взял в свои руки все юридические вопросы. Настойчивым владельцам лунных участков было предложено прибыть на Луну и обозначить на местности свои владения в соответствии с указанными в сертификатах координатами. Нашлось всего два богача, которые престижа ради угрохали прорву денег на экспедицию для обозначения своих трех гектаров безжизненного ландшафта. Это стало прецедентом. Лунный комитет разрешил столбить стандартные участки всем желающим для эксклюзивного использования. Но застолбленные участки были обязательны для освоения. Если на участке ничего не менялось в течение пяти лет, права на него утрачивались. Ажиотаж и спекуляция вокруг лунных наделов моментально утихла.

С астероидами и метеоритами было гораздо проще. Прицепился к летящей в космосе глыбе — она твоя, отцепился — она ничья. Оставил работающие устройства — никто их не смеет тронуть, равно как и ближайшую территорию в радиусе 10 метров. А все остальное любой желающий может эксплуатировать, как ему заблагорассудится. Установили такой порядок после того, как одна американская компания принялась цеплять на все астероиды подряд радиомигалки на солнечных батареях, маркируя «камешки» как свою собственность. Мировое сообщество резко негативно отнеслось к подобной инициативе. «Космос — зона прогресса, и человечество не позволит его монополизировать! — заявил председатель ООН Луис-Альберто Ковбасюк. — На карту поставлено будущее земной цивилизации. Или осваивайте, или убирайтесь!»

Принцип «осваивай или убирайся» стал основополагающим и чрезвычайно полезным. Если какая-то корпорация обнаруживала на Луне

или астероиде месторождение полезных ископаемых, она была вынуждена его осваивать, иначе его могли захватить конкуренты.

* * *

Первыми откликнулись не металлурги, не биржевики, а средства массовой информации. Вышел на связь корреспондент популярной экономической телегазеты «Коммерс-уикли» Грифон Залетный. Он высунулся из голографа в фирменной майке на накачанном торсе, загорелый, улыбочивый, с микрофоном в вытянутой руке. С таким же успехом он мог держать соленый огурец. От голографического микрофона пользы столько же, звук идет через внутренние микрофоны корабля. За спиной корреспондента пенились океанские волны и бегали по золотому песку обнаженные девушки с фигурами моделей.

— Здорово, пацаны! — Грифон был развязен и нагл. — Кто у вас тут главный?

— Ну, я капитан, — не сразу ответил опешивший Басильев.

— Работаем! — рявкнул Грифон куда-то в сторону и сладко улыбнулся. — В прямом эфире Грифон Залетный, «Коммерс-уикли». Сенса́ция последнего часа — пойман астероид из чистого ванадия. Это такой ценный металл. Впрочем, это еще надо выяснить: кто кого поймал? А наш первый вопрос — капитану Басякину. С чего вы взяли, что это ванадий?

— Басильев моя фамилия, — хмуро поправил репортера Сашка. — Аппаратура показала — ванадий. А вот образцы.

Он принялся совать в глаз голографа куски металла.

— Ладно, ладно, можете убрать железки. — Грифон явил левую руку с запотевшим стаканом. В стакане болтался слоистый цветной коктейль и грудились кубы прозрачного льда. В данный момент репортер не присутствовал в кадре и откровенно злил Сашку, которого как раз видели все зрители газеты. А Сашка только сейчас вспомнил, что Залетный носит титул короля провокации.

— Господин Басякин, — продолжал измываться Грифон, — астероид Христина Баунти, который, по вашему утверждению, состоит из чистого ванадия, несется со скоростью тридцать километров в секунду, все больше удаляясь от Земли и Луны. Как вы собираетесь его вернуть обратно?

— Ну, мы... — Басильев замаялся, — применим разные современные технологии.

— Например? — Залетный Грифон, похоже, решил его доконать.

— Поставим тормозной двигатель и направим астероид по укороченной орбите обратно к центру. Если даже на это понадобится несколько лет, нас это не пугает.

— Вы назвали свою компанию «Короли ванадия». Но вы, ребята, больше похожи на нищих мусорщиков. Ваше судно, извините, имеет какой-то больничный вид. И вообще, все старые ведра этого типа давно отправлены на переплавку. На какие, пардон, шиши собираетесь корректировать орбиту?

— Не твое дело! — Сашка Басильев уже плохо себя контролировал.

— И последний вопрос, — довольно ухмыльнулся Грифон. — Вы любите шоколадные батончики «Баунти»?

— Я не ем опилки даже в шоколаде!

— Итак, господа, мы побывали на борту космической шхуны команды капитана Баськина, — торс Грифона втянулся в голограф. — Этим забавным мусорщикам повезло. Мы с вами знаем, какой категории граждан везет больше всего. Теперь начинается эпопея...

Изображение и звук пропали. Осталась плавать только заставка-логотип «Коммерс-уикли».

— Вот убудок! — бушевал Басильев. — Так бы и врезал по морде.

— Он только этого и ждал, урод имплантованный, — мрачно отозвался Петлов. — Голограмме ничего, а зрителям потеха. Но этот хрен Залетный прав в том, что нужна прорва денег на торможение и обратный полет. Откуда мы их возьмем?

— Дадут, — убежденно ответил Басильев. — У нас, считай, мировые запасы ванадия. Дадут — и еще уговаривать будут, чтоб взяли.

Уже через час компьютер подал голос и сообщил, что почтовый ящик на грани перегрузки. Пришлось разбирать почту, которая продолжала непрерывно прибывать. Первым посланием оказалась видеоткрытка. Какая-то Лана Вышивалец демонстрировала свое идеальное тело и предлагала капитану Басильеву и это тело, и руку, и сердце.

— Интересно, сколько ей лет? — смутившись, спросил капитан, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Может, двадцать, — пожал плечами Петлов, — может, сто двадцать. Имплантанты...

«Мы три подружки-хохотушки, — завершала следующая фотка, — хотим с вами дружить. Вас ведь тоже трое».

Три мокрые девицы кувыркались на краю бассейна. Похожие, как близнецы, они различались только тоном волос и голосов.

— Их что, по одному шаблону всех кроят, этих имплантанток? — удивился Еванов.

— Конечно, — подтвердил капитан, — мода стандартна. Хотя, я думаю, есть и другие модели.

Как в воду глядел. Далее последовали три дюжины посланий от красоток нескольких фасонов, но с одними и теми же предложениями. Возраст, что характерно, указала лишь одна — 24 года. Но учитывая, что еще полстолетия назад женщины получили конституционное право не указывать возраст в документах, то и здесь верить было нельзя.

Неожиданно много писем оказалось от юристов. Бюро «Мухин, Жуков и Муравьев» предлагало любое юридическое обслуживание на земле и в космосе за две тысячи космобаксов в час. Басильев только присвистнул: «Вот пираты, финансовая саранча». Но и у других запросы были не меньше. «Промышляев и партнер» вообще брали десять тысяч в сутки с предоплатой в сто тысяч. Только какой-то частный поверенный Лохматов соглашался стать штатным юристом за двадцать тысяч в месяц. При этом просил срочно выслать ему 50 космобаксов, чтобы он отправил пакет каких-то жизненно важных документов.

До черта оказалось рекламы. Бесчисленные дилеры буквально засыпали предложениями. Они очень хотели всучить универсального кухонного робота, прогулочный двухместный скафандр, съедобных лягушек для разведения в космосе, семена арбузоцитруса, унитаз с гордым названием «Победивший невесомость», питательную массу в баллонах от десяти килограммов до двух центнеров, сексуальных кукол любых параметров и говорящих, запчасти к двигателям, подарочный набор из 1500 дисков «500 лет рок-н-ролла», оборудование для разделки крупногабаритных металлических объектов, широкий набор лекарств от импотенции и так далее без конца...

Когда косяком пошли письма от рассерженных фанатов поп-звезды Христины Баунти, Басильев сообразил поставить на почтовый ящик фильтр-контролер. Заодно поинтересовался в Сети, что спровоцировало поток. Оказывается, газета «Всемирный бульвар» пустила первой заставкой материал под названием «Банда мусорщиков намерена уничтожить Христину Баунти». В нем разные деятели шоу-бизнеса превозносили достоинства суперзвезды Христины и поносили «свору (банду, шайку) грязных (вонючих, вшивых, поганых) мусорщиков», собирающихся стереть имя суперзвезды с карты звездного неба.

Внешность самой Христины произвела на Басильева неизгладимое впечатление. Двухметровая девица шоколадного цвета в алюминиевых трусах и кольчужном лифчике, с трудом сдерживавшем напор двухпудового бюста. Вместо волос на голове у звезды росли иголочки, точь-в-

точь как у дикобраза, такие же длинные, толстые и в полоску, но не черно-белые, а всех цветов радуги. Голосом певичка больше всего напоминала сигнал корабельной тревоги, но с особым вибрирующим тембром ультразвукового резака.

Выяснилось также, что естественный цвет кожи Христины белый, но по условиям контракта с «Баунти лтд» на людях она может появляться только покрытая толстым слоем шоколада. И поклонники в экстазе норвят подцепить кусочек пальцем или ртом, но их сдерживает охрана. Тогда самые неистовые лижут ее следы, поскольку с тела суперзвезды все время капает тающий шоколад.

Не успел шокированный Басильев прийти в себя, как поступило послание от юристов компании «Баунти лтд». В письме утверждалось, что Басильев нанес ущерб деловой репутации фирмы с многовековой историей, назвав ее элитарную продукцию «опилками в шоколаде». Кроме того, он нанес огромный экономический ущерб, поскольку продажи шоколадок «Баунти» упали на два процента. Поэтому на него подали в суд с требованием возместить материальный и моральный ущерб на сумму свыше двух миллиардов космобаксов. К этому прилагалась калькуляция ущерба из доброй сотни пунктов, где было «хранение непроданной продукции», и «дополнительная рекламная акция разъяснительного характера», и «посылка уведомления ответчику — пять космобаксов». В принципе, юристы не возражали, если бы Басильев добровольно согласился компенсировать ущерб в ходе переговоров. Для него это самый подходящий вариант, поскольку в суде он однозначно проиграет и получит дополнительные расходы на покрытие судебных издержек. Был задан вопрос: какая адвокатская контора представляет интересы Басильева?

— Мы еще копейки получить не успели, а воронье уже слетается! — возмутился Еванов. Капитан молчал, поскольку впал в ступор и онемел. — Теперь понятно, — саркастически продолжал Герка, — почему юридические фирмы первыми откликнулись на нашу находку. Но вот так ни с того ни с сего отдать каким-то кондитерам миллиард — это обидно.

— Отдать два — еще обидней, — обрел дар речи Басильев. — Но мне кажется, они на испуг берут. Если бы на все сто были уверены, что засудят, не предлагали бы договориться до суда.

— А может, в этом вся хитрость, — Петлов тоже решил продемонстрировать способность мыслить. — Договорятся на миллиард с какой-нибудь отсрочкой, а документы оформят так, что вдруг явятся судебные исполнители и отберут все имущество.

— У меня и имущества-то никакого нет, — горестно вздохнул Басильев.

— Акции, четыре миллиона простых акций, — напомнил Петлов. — Прикинь: их выставляют на биржу, цена аховая, и кто-то становится хозяином трети нашего самородка. Мало того, этих денег может не хватить, и тогда конфискуют твою долю корабля и все личные вещи: скафандр, виртуальный шлем, проигрыватель с дисками. И при этом ты все равно можешь остаться должен миллионов сто. Ну, мы тебя, понятно, не бросим. Что останется, поделим по-братски. Верно, Герыч?

— Даже не сомневайся, — подтвердил Еванов.

— Так! Никаких договоренностей, — голос капитана обрел былую твердость. — Только суд. Он иногда по двадцать лет тянется. А у меня в ближайшие годы нет возможности являться в зал заседаний. Опять же адвоката нет. Ничего, завольню как минимум на несколько месяцев. А там, глядишь, и первые деньги появятся. Лучше десять миллионов на адвокатов потом потрачу, зато они отобьют этот иск.

И все согласились, что в их нынешнем положении это самое разумное решение.

За чистой почтового ящика время летит незаметно, целую вахту угробили. Спихватились и принялись за бортовой компьютер, который давно закончил расчеты орбиты астероида и вариантов ее сокращения. Цифры просто убивали своей величиной.

Полный оборот вокруг Солнца астероид Христина Баунти совершал за 2654,3 года. Соответственно, обратно к центру Солнечной системы он вернется сам по себе через 1327,15 года. Скорость астероида 32,673 км/сек. Двигатели «Белки» в случае полного использования имеющегося топлива могут замедлить его скорость до 22,617 км/сек. и изменить орбиту, сократив ее. В этом случае обратно к центру Солнечной системы астероид придет за 906,14 года.

— Приехали... — только и смог промолвить капитан.

Команда молчала.

Астероид Христина Баунти продолжал вершить свой орбитальный эллипс...

* * *

Уснуть тем вечером никому не удалось. Все снова приплыли в кают-компанию. Компьютер обчислил оптимальный вариант, и получилось, что орбиту можно резко укоротить. Для этого требовались три мощных двигателя и танкер топлива. Их совместными усилиями мож-

но погасить скорость астероида, повернуть его обратно и отогнать на окологлунную орбиту. Двигатели стоили пятьдесят миллионов каждый, еще столько же требовалось на топливо, доставку и монтаж всего этого добра. Итого: 200 миллионов космобаксов. И в этом случае астероид приходил в конечную точку через шесть—восемь лет. Разброс во времени возникал из-за сроков доставки двигателей и топлива.

Помешало спать и сообщение о появлении неизвестного корабля. В несколько раз более крупный и мощный, чем старая «Белка» поисковиков, двухдвигательный корабль, весь обвешанный какими-то антеннами и наружными устройствами, стремительно приближался к астероиду. Было от чего встревожиться. Но корабль охотно отозвался на запрос и развеял все страхи, хотя и породил новые вопросы.

Это оказался беспилотный разведывательный зонд корпорации «Космет». Разведчик приблизился к астероиду и неторопливо облетел, сканируя его поверхность и внутренность с помощью различной аппаратуры.

Через час на окологлунной бирже металлов началось падение цен на ванадий.

— Вот так, — потирал руки Басильев, — убедились, что двенадцать миллионов тонн не блеф! Сейчас начнется настоящий бизнес. Главное, не спешить, обдумывать каждый шаг.

Но цены падали как-то вяло, на 15—17 космобаксов в час. Тенденция была понятна, но эксперты обещали, что падение скоро замедлится, а затем остановится, поскольку появления на рынке ванадиевого астероида в ближайшие годы не предвидится. И все они весьма скептически оценивали компанию «Короли ванадия», прежде всего за ее непрофессиональный менеджмент.

— Хотя мы и не профессионалы, а эвон какой оковалок подхватили, — сказал на это Басильев. — У них и менеджмент, и зонды навороченные, а у нас только битая «Белка», но короли ванадия — мы, а не они.

И все согласно закивали: мы — короли, короли — мы.

Тут пришло первое предложение о покупке астероида по 10 космобаксов за тонну. Басильева аж затрясло.

— А что, нормально, — подначил его Герка Еванов, — по сорок миллионов на рыло.

— Ну, конечно, — взъерился капитан, — а потом этот брокер вложит еще двести миллионов и через шесть—восемь лет станет миллиардером. Для меня не деньги важны, а справедливость! И вообще, не хочу, чтоб в меня тыкали пальцем и говорили: «Вот олух, променявший

миллиарды на сушии гроши»... Словом, действуем так. Я занимаюсь банковским кредитом. Ванька, ты заказывай двигатели. А Герыч пусть займется арендой танкера.

Все разлетелись по рабочим местам и полезли в Сеть. Первым всю необходимую информацию получил Петлов. В корпорации «Днипро» ему ответили, что загружены работой на ближайшие пять лет и примут заказ, только если кто-нибудь снимет свой.

В «Роквелл корп» сказали, что с удовольствием изготовят три двигателя. Срок готовности от двух до трех лет. Цена — 100 миллионов за штуку, полная предоплата. Итого — триста миллионов. При этом фирма оставляет право повышения цены в связи с общим ростом стоимости материалов, комплектующих и т.п.

На рынке подержанной техники нашелся всего один движок подходящей мощности. Двадцатилетний, без гарантии, сомнительной комплектации и ценой 70 миллионов. В объявлении о продаже имелась дополнительная строка: «Отлично подходит для корректировки и перегона астероидов». Эта приписка не оставляла сомнений: продавец уже знал рыночные цены и свое объявление адресовал именно «Королям ванадия».

Ситуация с арендой танкера была не лучше. Требовалось 20 тысяч тонн топлива. Но судно такой емкости отправилось в дальний рейс и должно было вернуться через два года. Более мелкие суда тоже оказались заняты, свободно зафрахтовать можно было только супертанкер «Тюмень» в 50 тысяч тонн с посуточной оплатой туда и обратно. Вариант с буксировкой эшелона цистерн отпадал, поскольку ни одной свободной цистерны в космосе не оказалось. Можно было заказать изготовление, но опять-таки за предоплату, а сроки растягивались на год-два.

С банками оказалось не лучше. Все соглашались: 12 миллионов тонн ванадия — хороший залог, однако он вне пределов досягаемости. Вот если бы астероид уже выставили на бирже металлов, или пригнали на окологунную орбиту, или хотя бы он двигался в этом направлении. Кроме того, у корпорации «Короли ванадия» и ее учредителей совершенно нет никакой кредитной истории. Они никогда не обращались в банки, поэтому невозможно сказать, насколько они надежные заемщики. Некоторые финансовые учреждения предлагали для начала кредит в 20 миллионов космобаксов на три года сроком. Если господа «короли» четко выполняют все обязательства, можно будет ставить вопрос о более серьезных суммах — 60—70 миллионов.

— Сговорились, сволочи, — подвел итог хмурый Басильев.

Уникальный ванадиевый астероид Христина Баунти продолжал удаляться от Земли и Луны со скоростью 32,673 км/сек.

Уныние воцарилось на борту «Белки».

* * *

Из прострации экипаж вывело появление чужого корабля. Частное судно с включенными опознавателями стремительно догоняло Христину Баунти. У нищих поисковиков слюнки потекли, когда они увидели причаливающий «Гленн Супер» в одноместном варианте. Стоил такой кораблик не меньше пятидесяти миллионов, а разогнался аж свыше 10 000 км/сек. Отшлюзовались, и буквально через пару минут в «Белку» ввалился здоровенный детина в легком скафандре. Что и говорить, модный скафандр и вся внешность гостя вполне соответствовали суперскоростному «Гленну». С первого мгновения любому показалось бы его лицо чертовски знакомым. И только спустя какое-то время начинало доходить, что прическа парня взята из рекламы шампуня «Воше-бой», улыбка — из рекламного ролика зубного эликсира, глаза и брови — из рекламы контактных линз переменного цвета.

Рекламный красавец, от которого шел дурманящий запах дурных денег и туалетной воды «Шанхайский барс», протянул визитку и представился: «Сандерс Кидман, менеджер».

Раздавать такие визитные карточки мог только человек, не знающий, куда бы еще потратить лишние деньги. Стоила она, пожалуй, как хороший вертак для дисков. И представляла собой голографический экран, где висела пропись «Сандерс Кидман, менеджер», а ниже набегал текст, в котором расписывались все достоинства господина менеджера, давались адреса для связи и прорва другой информации. Для управления потоками этой информации с обратной стороны маленького прямоугольника были нарисованы точки сенсорного управления.

— Не будем терять драгоценное время, — деловито заговорил гость. — Перехожу к цели моего визита. Есть предложение: вы включаете меня в акционеры с равным паем, а я нахожу деньги и разворачиваю астероид к Земле. Ну и, естественно, мне начисляется зарплата, которую я получаю после того, как мы реализуем наш проект. Я все понятно излагаю?

— Куда понятней, — буркнул Басильев. — Вы получаете три миллиона акций в полноправное владение без всяких ограничений. Так? И еще зарплату директора. Сколько вы хотите?

— Обычный оклад менеджера такого уровня — миллион космобаксов в год. На фоне предстоящего куша это сущие гроши.

— И какой у вас бизнес-план? — голос Басильева потеплел. — Вы в самом деле можете достать денег?

— Разумеется, — снисходительно улыбнулся Сандерс Кидман. — Банкиры меня знают, кредитовали меня на суммы, превышающие миллиард космобаксов. При нынешнем уровне цен нам понадобится примерно шестьсот миллионов — вполне подъемная сумма. В нее включены расходы на доставку воды, кислорода и продовольствия. Ведь ваши запасы кончатся через несколько месяцев, и еще не известно, хватит ли у вас денег на последующее снабжение. В общем, каждая лишняя секунда удорожает ваш проект и делает его все менее реальным. В один прекрасный момент, чтоб не пропасть без кислорода и еды, вы продадите свои акции по доллару за штуку и, проклиная все, будете уносить ноги с этого чертова астероида. А под моим руководством через шесть лет вы окажетесь на окололунной орбите, получите свои миллиарды и начнете новую счастливую жизнь. Выбирайте.

— Да уж, — вздохнул Герка Еванов и почесал затылок, — или все, или ничего. Расходы по кредитам, стало быть, за счет компании.

— Ну, отдадим банкам миллиард, — Кидман сказал это таким тоном, словно речь шла о мешке земляных яблок, к тому же гнилых, — у нас этих миллиардов останется еще несколько десятков.

— Соблазнительно, соблазнительно... — Басильев задумался. — А как мы будем оформлять наши отношения?

— Обычный контракт найма менеджера, стандартный текст, можете посмотреть в Сети. Вставьте мою визитку в компьютер и ткните пальцем в «Документы». Там готовый вариант. Ну как, нашли?

— Нам надо посоветоваться, — Басильев оторвал взгляд от экрана.

— Понимаю, — широко улыбнулся Кидман. — Я буду у себя на корабле. Когда примете решение, щелкните «Контакты» и выходите на прямую связь.

— Похоже, выхода у нас нет, — мрачно заметил капитан, когда менеджер отшлюзовался прочь. — В Сети его аттестуют, как одного из лучших управленцев...

— А что значит «генеральная доверенность»? — сунулся с вопросом Петлов. — Тут вот написано. Мы должны выдать ему генеральную доверенность на свои акции.

— Это значит, что он получает их в управление, может, не извещая нас об этом, заложить их или продать, — назидательно сообщил Басильев и сам оторопел от такого ответа.

— А что там в контракте насчет гарантий и компенсации ущерба от ошибок менеджера? — не унимался Петлов.

— Да что-то я пока ничего такого не вижу, — озабоченно отозвался Басильев. — Слушай, включи запасной компьютер, поищем еще раз данные на этого Кидмана.

Спустя полчаса команда снова собралась в кают-компани. Молчание прервал капитан:

— Этот Кидман кидала и есть. Счастье, что у нас имеется запасной комп с автономным выходом в Сеть. Короче, этот гениальный менеджер семь месяцев назад обобрал дочиста компанию ребят, которые нашли на Луне хромо-никелевую жилу. Набрал кредитов, продал их акции и смылся. При этом контракт не нарушен. Полмиллиарда пригрел, а ребяташки обанкротились до нуля. Как он нас с визиткой подловил! Сами контролирующее устройство в компьютерную систему вставили.

— Вообще за такие дела без скафандра в космос запускают, — возмутился Герка Еванов. — Может, того... Позвать сюда, шокером в шею да и отшлюзовать гада.

— Эй, вы, ублюдки недокормленные! — вдруг раздалось из колонок голосовой почты. Затем полилась отборная ругань. Экипаж узнал голос Сандерса Кидмана.

— Он еще и подслушивает, сволочь! — Петлов взлетел над столиком. — Герыч, проверь активное ружье, я пока скафандр наброшу. Сейчас я ему ползадницы отхвачу — десять лет до дому ползти будет, воруга.

Но Ваньке не удалось исполнить свою угрозу. Все почувствовали легкий толчок, и на экране навигатора появилось сообщение о стремительно удаляющемся корабле. А через секунду на экране возникли скорректированные данные о полете астероида Христина Баунти. Скорость его уменьшилась на 2 метра в секунду, а изменение орбиты сократило время оборота вокруг солнца на 20 лет.

— Это он сразу на полную тягу двигун включил, вот и толкнул железяку-то нашу, — прокомментировал ситуацию Герка Еванов. — Как говорится, с паршивого метеорита хоть ржавчины на полкорыта.

— Что у нас в библиотеке имеется по управлению астероидами? — спросил Басильев.

Прошли сутки, и друзья вновь собрались в каюте, дабы обсудить, что пришло в голову, когда врубился почтовый канал голографа. Металлический голос объявил:

— Капитан Басильев вызывается в суд в качестве ответчика.

— А я... это, — капитан растерялся, — в космосе я, дальнем. Полгода полета...

— Встать, суд идет! — грянул в ответ голос, металла в котором было больше, чем во всех медных тарелках всех военных оркестров.

В глубине экрана появилась судья — дама лет восьмидесяти в парике и бордовом балахоне.

— Судья высшей категории Багира Нариманова! — сообщил тот же голос, но уже гораздо мягче. — Слушается дело о возмещении морального и материального ущерба. Истец — корпорация «Баунти лтд» в лице шестнадцати юристов. — Камера скользнула по шеренге суровых плотных дядечек с непроницаемо-беспощадными лицами. — Ответчик — капитан Басильев. В связи с невозможностью прямого присутствия ответчика дело слушается в режиме голографического моста. Ответчик, вы не имеете права отключать быструю связь или уходить из поля зрения телекамеры.

Потом последовали обычные формальности с установлением личности ответчика, представления суда присяжных и тому подобное. Затем юристы «Баунти лтд» с наслаждением принялись расписывать ущерб, нанесенный Басильевым. Они со вкусом произносили цифры убытков, тщательно проговаривая все до цента, и тут же предъявляли целую пачку бумаг, подтверждающих правильность бухгалтерских исчислений. И не забывали при этом регулярно повторять: «Истец назвал нашу продукцию опилками в прямом эфире, тем самым распространив изначально неверные сведения о ней и оклеветав ее».

Басильев с тоской смотрел в экран голографа. Команда «Белки» подавленно молчала.

Когда адвокаты истца закончили свой долгий доклад и назвали сумму компенсации — два с чем-то миллиарда космобаксов, Басильев совсем упал духом. И тут прозвучал скрипучий голос судьи высшей категории Багиры Наримановой:

— Ответчик, вам понятен смысл претензий истца? — Басильев вяло кивнул, а судья продолжала: — Вы согласны с претензиями?

— Нет! — заорал Басильев, словно проснувшись. — Не согласен! И ничего такого особенного я не говорил. Там у них в самом деле какие-то опилки. Жуешь, а они к деснам так и липнут.

— Представители истца, что вы можете пояснить по данному вопросу? Что находится внутри шоколадного батончика?

— Ваша честь, — поднялся самый представительный из адвокатов, холеный, розовощекий, волосы завиты и уложены красивыми локонами, одежда с иголки, зубки фарфоровые, глазки злые, — на протяжении столетий рецептура батончика остается неизменной. Основу его составляет кокосовая стружка, а отнюдь не опилки, как выразился ответчик.

— А какая разница? — заорал Басильев.

— Ответчик, я вам слова не давала! — грохнула судейским молотком Багира в кровавом балахоне. — Вот теперь можете в корректной форме высказать свое мнение.

— Ваша честь! — капитан наконец овладел собой и заговорил почти спокойно. — Я всегда считал и считаю сейчас, что опилки и стружка, в сущности, одно и то же. Возможно, я заблуждаюсь на сей счет, но это добросовестное заблуждение. Пусть мне разъяснят разницу между опилками и стружкой. Если я не прав, то готов принести извинения и загладить свою оплошность участием в рекламной кампании, которая поможет вернуть утерянную прибыль.

Все адвокаты «Баунти» одновременно посмотрели в экран голографа на Басильева одинаковыми взглядами. Так зрители провожают проигравшего схватку бойцового петуха, отправляющегося на кухню. Они уже представляют его ошипанным, зажаренным и распростертым на блюде среди похоронной зелени.

— Опилки... стружки... — судья пожала плечами и задумалась. Потом брякнула молотком и заявила: — Назначается терминологическая экспертиза. Возражения есть?

— Нет-нет, — торопливо ответили за себя и ответчика Басильева шестнадцать адвокатов.

— У нас и эксперт есть, ваша честь. Независимый! — обрадовался главный юрист «Баунти лтд».

— Терминологическая экспертиза проводится по установленной законом процедуре без участия экспертов, — торжественно осадил его Багира в кровавом плаще. — Секретарь, включите официальный терминологический словарь. Запросите слово «опилки».

— Опилки, — раздался нейтральный механический голос, — отходы обработки древесины.

— Вот видите, — обрадовались адвокаты, а самый вальяжный тут же толкнул речь: — Ответчик, безусловно, нанес колоссальный ущерб корпорации «Баунти лтд». Слово «опилки», как мы видим, несет открытое негативное содержание. Ответчик фактически назвал продукцию корпорации отходами!

— Ответчик! — проскрипела судья. — Что вы можете сказать по этому поводу?

— Я согласен со словарем, — хмуро отозвался Басильев, и присяжные рассмеялись. Даже у адвокатов на губах мелькнули жиденькие улыбки. — Теперь надо посмотреть слово «стружка».

— Секретарь, — брякнула молотком Багира, словно палач в крас-

ном балахоне, пробуящий плаху топором, — включите официальный терминологический словарь. Слово «стружка».

— Стружка, — скучно сообщил механический голос, — отходы обработки древесины. Снимать стружку — идиоматическое выражение, означающее распекать, ругать кого-либо.

Голос замолчал. Ошарашенно молчали все: судья, присяжные, адвокаты, линиявшие на глазах. Молчал экипаж «Белки». Но именно Басильев, резко вспотевший и раскрасневшийся, первым обрел голос.

— Ваша честь, — сипло сказал он, с трудом проглотив комок в горле, — официальный словарь подтверждает равнозначность терминов «опилки» и «стружка». Но я бы хотел обратить внимание высокого суда на следующее обстоятельство. В официальном словаре нет понятия «кокосовая стружка». Может ли истец пояснить, какие отходы имеются в виду?

— Вопрос отклоняется, как не имеющий отношения к заслушиваемому делу, — брякнула молотком Багира Кровавая.

— Ваша честь, — пролепетал кое-как плюгавый старикан в съезжившемся костюме, пять минут назад это был вальяжный и холеный главный юрист «Баунти лтд», — просим сделать перерыв и продолжить заседание через десять дней.

Судья молчала. Она смотрела, как мелькают цифры в нижнем левом углу экрана голографа. Они указывали рейтинг. Сейчас передачу из зала суда смотрели целых одиннадцать процентов зрителей. Цифра нештучная, и она продолжает расти — все больше каналов и газет подключалось к трансляции. Наконец Багира ударила молотком:

— Прошу жюри присяжных удалиться в совещательную комнату для принятия решения о виновности или невиновности ответчика. На это время объявляется перерыв.

Взмокшие, взъерошенные адвокаты сбились в кучу. Торопливо зашелестели карманными компьютерами. Кто-то гонял запись судебного заседания, пытаясь найти процессуальные нарушения, чтобы немедленно подать апелляцию о признании решения недействительным.

Басильев отер пот со лба и тяжело выдохнул.

— Ну, ты дал металла плазменным печам! — восхищенно сказал ему Петлов. — Могу спорить, сейчас все каналы только про тебя и говорят.

Он включил обзорный голограф. И точно!

— Безграмотный поисковик, космический бродяга, — захлебывался от радости комментатор «Новостника», — вдребезги разбил лучшую команду юристов континента. Посмотрите на кучку этих жалких пора-

женцев. Завтра они лишатся всего — работы, уважения, стабильности, своих особняков и шикарных аэромобилей, роскошные любовницы безжалостно бросят их. Послезавтра вы сможете увидеть этих неудачников в захолустных конторах на должностях младших клерков. И никто никогда больше не даст им настоящую работу. И все это сделал простой парень из космоса, король ванадия, оседлавший двенадцать миллионов тонн металла, Алекс Басильев. Мы с замиранием ждем решения присяжных. Не покидайте наш канал, самое потрясающее впереди! А сейчас двадцать секунд забойной рекламы!

Подобные речи раздавались на всех новостных и событийных каналах. Комментаторы сыпали скороговоркой, радуясь за Басильева и понося незадачливых юристов. Второе подогревало их гораздо сильнее.

— Встать, суд идет! — грянул медный голос.

Снова появилась судья. Следом на свои места расселись присяжные с загадочными лицами. Потом старшина присяжных сказал дрогнувшим голосом:

— Присяжные считают ответчика невиновным.

Некоторые адвокаты откровенно плакали. Один рухнул без чувств, и его торопливо вынесли вперед ногами, накрыв лицо раскрытым, словно книга, карманным компьютером.

— Суд оглашает решение! — каркнула Багира и стукнула молотком. — В соответствии со статьей 1061 Четвертой части Административного кодекса Евразийского Экономического Союза ответчик Басильев освобождается от ответственности в связи с отсутствием состава преступления. В соответствии со статьей 196 Уголовно-процессуального кодекса, пункт 5, ответчику присуждается компенсация со стороны истца в размере 10 процентов от суммы иска...

Дальше Басильев не слышал. В ушах у него звенело, голова кружилась, и силы были на исходе. Если бы не невесомость, он бы точно рухнул на пол.

В обзорном голографе захлебывался очередной комментатор:

— Это победа! Да еще какая победа! Еще вчера у этого парня не было и ломаного гроша, а завтра он станет богачом. Больше двухсот миллионов космобаксов выплатит ему корпорация «Баунти лтд». И поделом! Фирмы, начинающие свои шоколадные батончики отходами деревообработки, безусловно, должны быть наказаны. Больше никто не возьмет в рот пресловутые «Баунти». «Марс» и только «Марс» — вот истинная ценность! Покупайте батончики «Марс»! Ешьте «Марс»!

— Старик! — Петлов притянул капитана и обнял его. — Ты хапнул половину нужной суммы! И распиарил нашу фирму. Можно заказывать двигатели.

— Аж не верится, — выдохнул капитан, — до сих пор все потроха дрожат. Кстати, если опилки и стружка — одно и то же, почему называются по-разному?

— Вопрос интересный, — Петлов выпустил Басильева из объятий и почесал затылок. — Древесину уже лет четыреста обрабатывают безотходными технологиями, и про настоящие опилки все давно забыли. Словом, ничего сказать не могу.

* * *

Почтовый ящик оказался забит. Даже фильтры не помогали. Снова целая охапка брачных объявлений, сопровождаемых подробными видеороликами. Настырные предложения торговых фирм и агентов. Масса поздравлений от людей, ненавидящих «Баунти». Среди них — извещение «Общества защиты планет от интервенции «Баунти». Оказывается, есть и такая организация. Руководство общества уведомяло, что господину Басильеву присуждена ежегодная премия «Анти-Баунти» в сумме десять тысяч космобаксов. Электронный чек будет выслан в течение недели.

— Слушай, этак ты быстро сколотишь нужные полмиллиарда, — порадовался за капитана Герка Еванов.

Судя по всему, на глазах всего человечества разворачивалась трагедия «Баунти». Еще недавно это был промышленный монстр, ворочавший миллиардами, а сейчас он обратился в издыхающего карлика. Везде местные власти запрещали продажу шоколадных батончиков «Баунти» на том основании, что в них используются отходы деревообработки. Товар свозился на охраняемые склады и опечатывался, производство прекращалось. Кое-где разгневанные толпы уничтожали рекламные щиты со слоганом «Райское наслаждение!».

На всех биржах прекратили операции с ценными бумагами корпорации и исключили их из листинга. Впрочем, никто все равно не желал покупать эти бумаги, хотя цены на них упали в десятки раз. Брокеры поставили жирный крест на «Баунти лтд». Тысячи вкладчиков мгновенно стали нищими. Все они поносили Басильева и судью Багиру. Один даже бросился в отчаянии в вентиляционный колодец межгородского метро, и лопастями вентиляторов его нашинковало на шестнадцать частей. В реанимации девять часов сшивали и запускали организм. Выжил. Не красавец, конечно, и руки-ноги разного размера

получились. Зато стал знаменит, неплохо устроился, и невеста явилась необыкновенной красоты. Из их свадьбы потом сделали забойное телешоу, а за право трансляции первой ночи инвалид заколотил какие-то совершенно сумасшедшие деньги. В общем, было потом на что делать имплантации и улучшать внешность.

Петлов с удивлением сообщил, что в биржевых котировках появились заявки на покупку акций «Королей ванадия».

— Представляете, мужики, предлагают целых четырнадцать центов за акцию, — радовался он.

— Чего ж не даром? — обиделся Басильев.

— Да ты не понимаешь, — отмахнулся Петлов. — Сперва давали цент, потом четыре цента, потом шесть. А еще вчера за наши акции могли дать только по морде. Но мы их, слава покорителям космоса, пока что на торги не выставляли. А они все равно уже растут!

— Пожалуй, в этом что-то есть, — усмехнулся Басильев. — Этак через месяц до полтинника дорастут, а то и до целого космобакса.

— Кстати, космобакс за акцию уже дают, — подал голос Еванов,ковыряющийся в почте. — Пожалуйста, двенадцать миллионов за весь пакет. Видать, почуяли, что теперь, когда ты двести миллионов у шоколадников выцепил, ситуация может измениться, за так никто ничего не получит.

— А один космобакс за акцию — это не за так? — возмутился Басильев.

— Космос — территория относительности, — уклончиво, с претензией на философское обобщение, ответил Еванов.

— Пусть отнесут, знаешь куда? И засунут поглубже. И сидят тихо, чтоб не выпало. — После ступора в начале суда и эйфории после него Басильев впал в ярость. — Да я хоть сто лет буду пасти этот астероид, но в один прекрасный момент он окажется на окологалактической орбите, и все эти брокеры-дилеры вылетят в трубу. В выхлопную.

— Экий ты, брат, стал суровый, — урезонил его Петлов. — Лучше глянь, какой-то банк кредит предлагает.

— Вот, началось, — удовлетворенно констатировал Басильев, — сейчас все сбегутся, начнут деньги давать. Ну-ка, посмотрим...

Некий австралийский провинциальный банк предлагал полмиллиарда под пятьдесят процентов годовых. При более внимательном чтении письма Еванов обратил внимание на выражение «сложные проценты».

— Это как понимать? — спросил он.

— Так и понимай — проценты на проценты, — пояснил Басильев.

— Получили полмиллиарда, через год должны семьсот пятьдесят. Еще через год пятьдесят процентов от семисот пятидесяти. Уже за миллиард. Еще через год — полтора с лишним. И так далее по восходящей. Когда наступит время рассчитаться, у нас все отберут, и еще должны останемся. Не пойму: почему нормальные банки не хотят с нами сотрудничать? Ведь выгодный проект, прибыль будет огромная.

— Это тебе выгодный, — возразил Петлов, — а у крупных банков есть акционеры, члены совета директоров и наблюдательного совета. Основные клиенты, наконец. И многие из них не заинтересованы в нашем ванадии. Зато заинтересованы в своем. Слышали же, что «Комсмет» на Луне намечает добычу металлов, ванадия в том числе. Туда уже кредиты вложены, а тут мы...

— Как бы так устроить, — мечтательно произнес Еванов, — чтоб они прекратили свои лунные разработки? Чем бы таким напугать?

— Их только одним можно напугать — дешевым ванадием, — мрачно заметил Басильев. — А мы по-прежнему продолжаем удаляться от рынка. Вон, падение цен на ванадий на бирже прекратилось, начался подъем.

— Эх, песню сочинить, что ли? — продолжал мечтать Еванов. — Давненько я гитару в руки не брал...

— Давай, займись народным творчеством, — одобрил капитан, — а я пока про управление астероидами почитаю.

Герка Еванов на досуге сочинял песни и сам же пел их под гитару. Он даже записал альбом из восемнадцати песен под общим названием «Глотая звездную пыль» и разместил в Сети среди тысяч таких же сочинений космических бродяг. И счетчик показывал, что за минувший год этот альбом скачали целых три пользователя. Один из них оставил краткий отзыв: «Клевая залипуха!».

Еванов отцепил гитару от стенного зажима, устроился на потолке кают-компании и тронул струны:

— Мы летим на астероиде, — уверенно пропел первую строчку. — Мы летим на астероиде... — Второй раз пропел уже не столь уверенно, что-то песня не складывалась. — Мы летим на астероиде, словно... словно...

— Словно три сперматозоида, — подсказал Петлов.

— Мы летим на астероиде, словно три спер... — Герка прижал струны. — Свиныя ты, Ванька, такую песню испортил. Дал бы нормальную рифму.

— Нет нормальной рифмы к слову «астероид». Разве только «андроид». Так у нас на корабле их нет.

— Ладно, без тебя придумаю. А ты не мешай, займись тоже делом. — И Еванов принялся бормотать, искать рифму: — Параболоида, пинакоида, гиперболоида... Параболоида... Это уже было... Хреноноида... А мы летим на астероиде, словно ключья рубероида... Не, фигня какая-то...

* * *

Время от времени возникала потребность в изменении орбит астероидов, чтобы использовать их в качестве основы для орбитальных станций. Это в тех случаях, когда без особых затрат летящие горы удавалось завести на нужные направления, допустим, вокруг Луны. Или оставить на геостационарной орбите висеть на одном месте относительно поверхности Земли, построив здесь станцию обслуживания, склады, порт с ангарами и прочую инфраструктуру.

Но никому не приходилось кардинально менять орбиту и разворачивать в обратном направлении астероид, тем более, несущийся с такой скоростью.

Басильев торопливо листал электронные страницы справочника, пытаясь найти подходящую методику. Теоретическое обоснование имелось. И главное, прилагалась методика расчетов со всеми необходимыми формулами и векторами. Когда работа была закончена, капитан собрал команду и объявил свой план.

— Перегоняем «Белку» на другой конец астероида и даем импульсы двигателем перпендикулярно оси движения. При этом будет уменьшаться скорость, а время возвращения астероида на уровень Земли может сократиться лет на пятьсот.

— А что? Мне нравится, — поддержал идею Герка Еванов. — Это лучше, чем сидеть, сложа руки. А там, глядишь, закажем движки, подгоним их, затормозим эту глыбу... Когда «Баунти» штрафные деньги перечислит?

— У них десять дней на апелляцию, но, скорее всего, никакой апелляции уже не будет — поздно. Компания развалилась, юристы разбежались, банкротство неотвратимо. Так что по истечении десяти дней после суда перечислят всю сумму в безусловном порядке. Я уже все банковские реквизиты отослал, — похвастал Басильев. — Потом сразу можно будет заказывать двигатели. Нам, возможно, теперь будет достаточно двух, а не трех. Глядишь, и выкрутимся. Я теперь хоть сто лет готов лететь, лишь бы никаким гадам не отдавать этот ванадий за бесценок.

— А я вот тут тоже помозговал, — включился в разговор Петлов, — и пришел к выводу, что не тем мы заняты. В смысле, покупка движ-

ков — дело десятое. Не они погоду делают, а информационное обеспечение. Не забывайте, что мы живем в постинформационную эпоху.

— В какую, в какую? — встрепенулся Басильев. — А ну-ка, разъясни, что это такое?

— Мог бы разъяснить, сейчас бы в университете лекции читал, а не болтался в дальнем космосе, — парировал Ванька. — Но суть не в этом. Суть в том, что люди подчиняются информации. Стоило тебе сказать «опилки», и фирма с тысячелетней историей, огромными деньгами, толпами юристов рассыпалась, как картонный домик.

— Это потому, что все СМИ об этом трубили, — возразил Басильев.

— Правильно. Средства информации разнесли, люди поверили, колосс рухнул. А ведь кушал народ эти батончики тысячу лет и не давился. А тут даже проверять никто не захотел, что там внутри на самом деле. — Петлов назидательно поднял палец. — А теперь смотри: корпорация «Космет» разрабатывает на Луне металлические руды. Ты в этом сомневаешься?

— Нисколько, об этом только и долдонят в экономических и космических новостях.

— А ты эту руду видел? — хитро прищурился Петлов. — Может, там и нет ничего. Никто ж на Луну не летал, не проверял. А акции «Космета» вдвое подорожали. Все строится на предположениях, допущениях и, главное, на вере. Верят люди в лунный рудник, в его суперрентабельность. Спасибо за это средствам коммуникации.

— Переходи уже к главному, чего вокруг да около бродишь? — не вытерпел Еванов.

— Перехожу. — Петлов выдержал паузу. — Нам надо начинать с информационного обеспечения, а не с движков. Сами посудите: стоит засветиться в голографе, как тут же обрушивается шквал почты. И появляется спрос на акции, которых и в продаже-то нет. Значит, необходимо постоянное информационное воздействие. Наш ванадий лучше лунных руд, поскольку его можно увидеть. Короче, сперва нужно сделать свой сайт в Сети, да помощнее.

— И что, народ туда так и ломанется? — скептически усмехнулся Басильев.

— А вот увидишь, еще как ломанется, — твердо ответил Петлов. — Людьями владеют три страсти — страх, любовь и деньги. У нас этого добра навалом, значит, интерес обеспечен.

— Ну, страх и деньги — это понятно, — упорствовал Басильев, — летим неведомо куда верхом на миллиардах. А любовь откуда взялась?

— Неважно, откуда, — Петлов был явно в ударе, — главное, чтоб на сайте была! Сайт «Короли ванадия» с девизом «Вчера — мусорщики, сегодня — миллиардеры!». Мы размещаем наши героические биографии, историю полетов на старой «Белке»; как, шутя и балагурия, выцепили двенадцать миллионов тонн ванадия. Естественно, тут же фотографии астероида, его объемная проекция, что такое ванадий и почему это материал будущего. Ролик с фильмом о судилище «Как мусорщик съел «Баунти» — всю корпорацию за один укус». Геркин альбом песен — туда же. Можно их слегка на компьютере подшаманить, обэстрадить немного, можно даже несколько вариантов дать — гитарный, попсовый, рок, техно. Пусть каждый скачивает по своему вкусу. Не бесплатно, конечно, я думаю, долларов десять земных в самый раз. Ты как, Герыч?

— А что, идея разумная, — оживился Еванов, — глядишь, какая-нибудь фирма и диск выпустит.

— А ты придумал рифму к слову «астероид»?

— Нет, — вздохнул Герка, — оставил твою.

— Ну так спой, — подбодрил его Петлов.

— Валяй, а то ничего нового от тебя давно не слышали, — поддержал капитан.

Герка ударил по струнам:

*Мы летим на астероиде,
Словно три сперматозоида,
Но некого здесь оплодотворить.
Нет женщин — ни единой,
Лишь холод лошадиный.
И нечего об этом говорить!*

— Стоп, стоп, стоп! — перебил его Басильев. — Что еще за холод лошадиный?

— Ну, есть же холод собачий, почему бы не быть лошадиному? — У Герки, похоже, ответ был готов заранее. — И вообще — лошадь крупней собаки, соответственно, и холод сильней.

— Логично, — согласился капитан. — Валяй дальше.

— А дальше припев. — Еванов взял несколько аккордов и грянул:

*Ах, где вы, девки-девочки,
Тихони, дуры, стервочки?
Любую бы сейчас расцеловал.
Но здесь один ванадий,
Опилки в шоколаде,
Тоска на сердце, а в руках штурвал.*

— Класс! — остановил его Петлов. — А вы спрашивали: «Где любовь?». Вот вам, пожалуйста, то самое, чего не хватало — душевная бодрая песня. Оптимистичная, чуть неприличная. Тьфу-ты, сам уже стихами заговорил. Это будет гимн нашего сайта. Как кто заходит, сразу слышит: «Мы летим на астероиде!». Тут вам и героика, и суровый мужской юмор, и грусть. Это сразу настроит читателя на нашу волну. Давай, Герыч, делай запись, а компьютерную музыкачку подложу такую, ну, прочувствованную.

— Начинаем мастерить сайт? — спросил Басильев. — Только я не согласен насчет мусорщиков. Мы — поисковики! Это звучит гордо.

— Это звучит гордо, когда денег по горло! — рассердился Петлов. — Нам пока еще рано куражиться и выпендриваться. Наш брат-поисковик и так все понимает, а мы сейчас на толпу работаем. Они-то думают: мусорщики — самая нищета. Слово само по себе жалостливое. И вдруг нищета становится самым крутым мультимиллиардером. Такое кого угодно заведет. И многие захотят узнать, а как это драные мусорщики всех обскакали?

— Резонно. Так уж и быть, — согласился Басильев, — пусть думают, что мы вроде дворников, ниже которых только гибрид андроида с пылесосом. Ну что, приступим?

— Погоди, я еще не все рассказал. Съёмки тех девиц, что нам в подруги просятся, мы закинем на отдельную страничку под заголовком «Вчера — подружка мусорщика, завтра — жена миллиардера». Вход — десять долларов. И дадим дневник новостей. Ежедневно все наши события станут отражать, пусть народ читает. А еще пустим колонку деловой информации — цены на ванадий, спрос на акции и все такое.

— Да какие у нас могут быть новости? — удивился капитан. — Сидим тут, как пингвины на льдине.

— Новостей у нас навалом, и все забойные. Вот, например, — Петлов лукаво прищурился, — за последние трое суток цена предложения за акции «Королей ванадия» поднялась больше чем в двадцать раз.

— Да ну? — рассмеялся Басильев.

— Считай сам: три дня назад предлагали один цент, а сегодня в почте уже двадцать два.

— Ты, Ванька, пройдоха и аферист, — только и смог вымолвить восхищенный капитан.

— Нет, Сашка, я бизнесмен и менеджер с креативным складом ума. — Петлов прищурился, внимательно глядя на товарища. — И я уже говорил, что заказ двигателей — дело десятое. Заказать следует космиче-

ский металлургический завод, специализирующийся на плавке ванадия.

— Да ты спятил, братец! — возмущенный капитан взмыл под потолок.

— Я еще не закончил. — Петлов ухватил Басильева за ногу и притянул к столу. — Завод полного цикла с производством листового проката, профиля и труб разного диаметра.

— Даже не хочу слушать этот бред! — Басильев снова попытался улететь. — Это же все двести миллионов в трубу вылетают!

— Дурилка ты ванадиевая! — вздохнул Петлов и не дал улететь капитану. — Двести миллионов начнут работать. Тем более, что платить придется частями, а не всю сумму сразу. Когда завод будет готов — а поскольку он модульный, на это уйдет меньше полугода, — он полетит к нам по встречной орбите. После встречи начнется производство, и когда мы приблизимся к Земле, у нас уже будут тысячи тонн готового проката. Сам понимаешь, лист и швеллер дороже стоят, чем руда.

— Да несерьезно все это, — упорствовал Басильев. — Надо рабочих нанимать, а это еще расходы.

— Полностью автоматизированный! — Петлов почти на крик перешел. — Дублированная система управления! Средства обороны и самозащиты! Да пойми ты, мусорщик-миллиардер, это мощный психологический удар. Все сразу поймут, что мы всерьез за дело взялись. Что не отступим. А завод в случае чего можно в банке заложить. Это реальное имущество, которое повысит стоимость всей компании.

— Дай подумать, — насутился Басильев. — Мы же все это время будем улетать все дальше и дальше.

— Да ты сам только что рассказывал, что после бокового импульса скорость начнет уменьшаться, — рассердился Ванька. — А срок изготовления движков забыл какой? Два года, не меньше! За это время ситуация сто раз изменится. Может, на рынок выбросят что-нибудь принципиально новое, а мы вынуждены будем брать старье, которое сами заказали.

— Да как же! — возмутился Басильев. — Это все равно как, собираясь в поиск, мы купили бы корабль без двигателя, зато взяли грузовую платформу.

— Правильно. И все бы подумали: эти парни себе на уме. Они знают, чем заполняют платформу. А еще они знают способ обходиться без двигателя. Ты на нашу ситуацию со стороны попробуй взглянуть. Зациклился на движках, а нужен нестандартный подход.

— Со стороны, говоришь? — Басильев задумался. — Со стороны, конечно, это будет смотреться неординарно. Если бы я услышал, что парни, которых несет куда-то за Уран, заказали металлургический комплекс, я бы, наверное, решил, что у них есть секретный план. Не идиоты же они?

— Вот именно, — обрадовался Петлов. — Так все и подумают.

— Ага, подумать-то они, конечно, подумают, но на самом-то деле мы кто? — грустно подумал вслух капитан Басильев.

НОВОСТИ ВАНАДИЕВОГО КОРОЛЕВСТВА

14.02 в 16.20 зевр (земного времени): «Белка-117» совершила перелет на северный полюс астероида. Мощным импульсом двигателя корабль скорректировал орбиту Христины Баунти и придал вращение небесному телу. Отныне Христина Баунти вращается вокруг оси, как все нормальные планеты. Скорость вращения — 48,4 оборота в сутки. Столько раз теперь в течение земных суток здесь наступают закат и рассвет.

— Не, ну ты даешь — северный полюс! Мы же как раз в районе местного экватора все это делали, — возмутился капитан.

— Северный полюс эффективней. Да и не заметит никто, — возразил Петлов.

Но уже через час на одном из телеканалов их высмеяли: «Сели на ось и закрутили ее!». Другие каналы радостно подхватили этот ляп и принялись его мусолить. Через двадцать четыре часа число посетителей сайта перевалило за двести тысяч.

— Сработало, — усмехнулся Петлов.

15.02 в 17.00 зевр: суточные измерения показали, что ванадиевый астероид Христина Баунти в результате воздействия двигателя корабля «Белка-117» переходит на более короткую орбиту. По данным бортового компьютера, срок возвращения на уровень Земли сокращается на 512,6 года и составит 804,55 года. При этом скорость полета уменьшится до 19,839 км/сек. Но это, если ничего больше не предпринимать.

За первые двое суток на сайте побывало свыше 700 000 посетителей. Более 16 000 из них скачали песенный альбом Германа Еванова «Глотая звездную пыль». Галерею «Подружки мусорщиков» посетили свыше 52 000 любопытствующих. Около 2000 девушек прислали свои видеоролики с пожеланием оказаться в галерее. Петлов три часа бился, чтобы автоматизировать процесс загрузки роликов в галерею.

16.02 в 11.00 зевр: подписан контракт на постройку космического металлургического завода-автомата «Короли ванадия» полного производственного цикла мощностью 200 тонн проката и профиля в час. Срок

изготовления — 6 месяцев. «Ванадий — металл будущего, — заявил капитан Басильев. — Через несколько лет в основном из него будут строиться космические объекты. Ванадий чрезвычайно прочен, при этом в полтора раза легче железа, выдерживает температуру до 2000 градусов, а главное — самый дешевый из всех металлов».

16.02 в 11.30 зевр: цена ванадия на околотунной бирже металлов упала почти на 100 космобаксов. Прогноз капитана Басильева, что ванадий — это самый дешевый металл, начинает оправдываться.

16.02 в 14.00 зевр: биржевые брокеры сообщают, что к ним поступают в большом количестве заявки на покупку ценных бумаг корпорации «Короли ванадия». Цена предложения достигла 26,5 космобакса за акцию. Это рекорд роста спроса.

16.02 в 15.00 зевр: 25 000 посетителей уже скачали альбом песен «Глотая звездную пыль». Двадцатипяти тысячным счастливым оказался Балды Болдыбаев из солнечного Кызыл-сити. «Короли ванадия» выслали ему премию — 5000 долларов.

16.02 в 16.45 зевр: в галерею «Подружки мусорщиков» заглянул 100-тысячный посетитель. Его звать Хосе, он из Эквадора, фамилию свою просил не называть. Он получает приз — 10 000 долларов. Поздравляем!

— А чего ради мы свои деньги раздаем? — выказал недовольство поэт-композитор Еванов.

— Герыч, не жадничай, — ласково укорил его капитан Басильев. — Во-первых, это из тех денег, что сами посетители наташили. Во-вторых, это крохи. Что такое пять тысяч, если их уже двести пятьдесят? А галерея вообще целый миллион принесла. И в-третьих, народ надо стимулировать, чтоб почаще заходил. В следующий раз премируем пятисоттысячного. Это случится, думаю, дней через десять.

Капитан просчитался. Это случилось через три дня, и счастливым призером оказалась молодая дама, к тому же сама представленная в галерее. Ее портрет и поздравление с призом в 20 000 долларов поместили на первую страницу сайта.

В тот же день компания по производству женского белья «Домашняя орхидея» предложила 50 000 земдолларов в сутки за размещение своей голограммы в галерее «Подружек». Басильев от имени «Ванадиевых королей» подписал контракт на год. В новостях об этом умолчали.

01.03 в 12.30 зевр: буквально только что передающая станция «Метеоритный дождь» огласила традиционный список «100 хитов месяца». На 96-м месте — Герман Еванов с песней «Мы летим на астероиде». На

97-м месте — Христина Баунти с песней «Горький шоколад». Напоминаем, что свое имя она позаимствовала у нашего астероида.

На следующий день фирма грамзаписи «Пом и Д'ор» предложила Еванову выпустить его альбом. При этом давала 20% авторских от общей суммы продаж. Через неделю альбом поступил в продажу с хорошей рекламной кампанией. «Пом и Д'ор» на рекламе не сэкономил, и через четыре дня альбом оказался в десятке самых покупаемых. Через две недели Еванов получил первый «платиновый диск».

Но незадолго до этого произошло еще одно знаменательное событие. С Басильевым связался его старый знакомый по Навигацкой школе Парамон Пахнутьев по прозвищу Отец Пахнутый. Он так и не стал капитаном звездолета, зато стал биржевым брокером.

— Слушай, старче, — сказал Отец Пахнутый, — акции, конечно, пока на биржу выкатывать не стоит. Равно как и ваучеры, векселя и прочее. А вот фьючерсы — это да, это дело стоящее. Давай твои фьючерсы торганем?

— А что это такое? — насторожился Басильев.

— А это вроде сертификатов на получение, но за деньги, такой биржевой инструмент. Скажем, через восемь лет такого-то числа подателю сего фьючерса будет продана тонна ванадия по цене десять тысяч космобаксов. А теперь представь, что вы вернулись через семь лет, и цену установили — девять девятьсот. И, поверь моему опыту, никто к тебе с фьючерсами не придет. А ведь покупать их у тебя будут за деньги, хотя, может, и небольшие. Ну, там, в пределах сотни космобаксов за штуку. Хотя сперва, возможно, и совсем дешево. Но это ведь не лишает тебя акций.

— А если я не успею прилететь к тому времени? — обеспокоенно спросил Басильев.

— Когда поймешь, что не успеваешь, дашь мне команду скупать фьючерсы. Я их выкуплю, может, чуть дороже, — объяснил Отец Пахнутый. — Ну, какие-то убытки можешь понести. Так не разоришься же. И вообще, бизнес всегда несет элемент риска.

— А если кто-то не продаст фьючерсы и потребует в указанный срок выдать ему тысячу тонн по десять тысяч за тонну? — продолжал волноваться Басильев.

— Тогда убытки будут гораздо больше. Придется купить по рыночной цене, а отдать по десять тысяч. Или просто покрыть разницу деньгами.

— Ну, и зачем мне такой биржевой инструмент? — хмыкнул Басильев.

— Во-первых, получишь авансом средства и пустишь их в дело, — терпеливо объяснил Пахнутьев. — Во-вторых, средства эти не требуют процентов по кредиту. В-третьих, воздействуешь на рынок в выгодном для тебя направлении, формируешь цены, регулируешь спрос. В-четвертых, обозначаешь свое присутствие на рынке, укрепляешь имидж. В-пятых... придумай чего-нибудь сам, ты же умный.

— И сколько я могу получить авансом? — этот вопрос для капитана был самым актуальным.

— Давай прикинем на пальцах без калькулятора. — Брокер Пахнутьев перешел на деловой тон. — Миллион фьючерсов, каждый на одну тонну металла. По сто космобаксов за штуку. За услуги по размещению возьму с тебя чисто символически один процент. Учти, что обычная ставка от шести до десяти процентов. Короче, почти сто миллионов твои. Делай с ними, что захочешь. Можешь махом свои проблемы решить.

— А кому нужен миллион тонн ванадия в открытом космосе? — озадаченно спросил Басильев. — Что-то я не слышал о таких грандиозных проектах. Несколько тысяч — это еще куда ни шло.

— Да никому твой металл в таких количествах не нужен. Мы же собираемся продавать не его, а фьючерсы, — начал горячиться и терять благообразие Отец Пахнутый.

— А фьючерсы эти кому нужны? — Басильев тоже начал терять терпение.

— Да всем нужны! Позарез! — Отец Пахнутый окончательно разгорячился. — Это ж идеальный инструмент для биржевых спекуляций! Мечта кретина! За восемь лет игры можно миллиарды обернуть. Понял?

— Кажется, теперь понял. — Капитан почесал затылок, усмехнулся: — Я, значит, получаю свои сто миллионов и отваливаю, а другие начинают спекулировать моим металлом и заработают миллиарды.

— При чем тут металл? Он у тебя так и останется! — брокер уже не мог скрыть раздражения. — А фьючерсы пусть крутятся. Кстати, когда кто-то на биржевой игре обогащается, другие несут убытки.

— Спекулянты, говоришь? — вдруг успокоился Басильев. — Тогда конечно. Тогда пусть поиграют. Но не миллион — ста тысяч фьючерсов, думаю, будет достаточно. И цену надо повыше. Скажем, пять тысяч за штуку.

— Да ты сбрендил, старче! — только и смог вымолвить брокер. — Это не инструмент, это будет камень на шею. Кто ж его купит?

— Купят, еще как купят! — не согласился Басильев. Озабоченность сошла с его лица, оно сияло. — Срок погашения — два года.

— Точно сбрендил, — констатировал Пахнутьев. — Через два года твой астероид даже тормозить не начнет. А за каждый предъявленный фьючерс согласно действующему законодательству с твоей корпорации сдерут рыночную стоимость тонны металла. Соображаешь, что делаешь?

— Еще бы не соображать! — Басильев, похоже, принял решение. — Фьючерсы будут не просто на металл, а на тонну листового или профильного проката. Получателю надо будет доплатить шесть тысяч, и он может забирать свою тонну ванадия конструкционными материалами.

— Свяжись с психиатром, срочно, — посоветовал Пахнутьев.

— Если ты не согласен, я другого брокера найду.

— Я согласен! — мгновенно отреагировал Отец Пахнутый.

* * *

Две недели понадобилось на всякие формальности и согласования. Затем началось размещение ста тысяч фьючерсов по цене тысяча космобаксов за штуку. Уговорил-таки отец Пахнутый снизить цену. Вся эмиссия была разделена на четыре транша, которые погашались с разницей в месяц в течение четырех месяцев. Предъявителю каждого фьючерса гарантировалась тонна ванадиевого проката по цене десять тысяч космобаксов самовывозом с окололунной орбиты.

Первым следствием появления биржевого инструмента стало падение курса акций корпорации «Космет». Спекулянты срочно избавлялись от них, чтобы вложить деньги во фьючерсы «Королей ванадия». Как выразился один популярный биржевой аналитик: «Надо быть психом, чтобы отказаться от предложения другого психа купить по дешевке десяток-другой миллионов». В том, что у Басильева не все в порядке с головой, были уверены многие. «Если этот чудак рассчитывает выиграть арбитраж так же легко, как разделался с «Баунти», то он вдвойне сумасшедший», — констатировал другой специалист. Очень немногие биржевики подозревали за этим дешевым металлом какой-то хитрый подвох. Но в чем он состоит, никто понять не мог, поэтому они тоже кинулись покупать фьючерсы. «Остается только подождать два года и стремительно разбогатеть», — радостно подытожил результаты продаж еще один эксперт.

* * *

Космобакс — это специальная денежная единица, служащая для расчетов в космическом пространстве. Когда в космосе началась ожи-

вленная деловая жизнь, потребовалась и денежная единица для специфических расчетов, обеспеченная не земным, а внеземным достоянием. Придумали ее американцы, и по аналогии с «гринбаком», который помог им наладить денежное обращение после Гражданской войны XIX века, назвали «спэйсбаком». Таким способом исключалась всякая путаница с долларом земным.

В Евразийском Торговом Союзе, где первую скрипку играли русские, «спэйсбак» тут же переименовали в более органичный для основного языка «космобакс».

Все, что оказывается за пределами земной атмосферы, сразу получает оценку стоимости в космобаксах. Поэтому при всей кажущейся виртуальности космобакс имеет реальное наполнение — его курс обеспечен совокупной стоимостью всех космических станций, кораблей, лунных поселений и прочего рукотворного добра, находящегося вне Земли. Физически же он имеет четкое наполнение: десять космобаксов — это эквивалент стоимости выведения на орбиту одного килограмма нагрузки при общем весе объекта две тонны. Соответственно, исходя из этого, легко рассчитывается обменный курс космобакса с земными валютами. Конвертируются они свободно. Курс обмена колеблется, но незначительно, и обычное соотношение — 10:1. То есть за десять земдолларов дают один космобакс.

Разумеется, стоимость запуска — у разных операторов, с разных широт, а также в зависимости от общей массы нагрузки и ракетной техники — разная. Но это на Земле и в земной валюте. А в космосе расчет простой: килограмм — десятка, тонна — десять тысяч.

Получив от реализации ванадиевых фьючерсов причитающиеся 99 миллионов космобаксов, Басильев, от которого все ждали, что он закажет тормозные двигатели для разворота астероида, потратил деньги совершенно иначе. Он купил космический корабль «Гленн Супер» в трехместном варианте, двухдвигательный, с топливными баками повышенной емкости, легко разгоняющийся до крейсерской скорости свыше 11 000 км/сек. Обошлась эта самая последняя модификация популярного космического судна более чем в 60 миллионов.

«Куда намерены сбежать короли-мусорщики?» — задавалась вопросом одна популярная газета, устроив по этому поводу дискуссию со своими зрителями в прямом эфире. Никто не понимал, зачем мусорщикам-миллиардерам подобная покупка. Всеобщий вывод был такой — ребята уже прямо сейчас хотят вкусить все прелести красивой жизни. Они наймут для сидения на астероиде каких-нибудь космических дальнбойщиков, которым не скучно годами лететь неизвестно куда, а

сами отправятся на Землю. Этому же мнения придерживалось большинство экспертов.

И только один пришел к прямо противоположному выводу. Он говорил: «У этих «королей» еще несколько месяцев назад не было ничего. А сейчас у них уже есть новый космический корабль, скорость которого в триста пятьдесят раз перекрывает скорость ванадиевого астероида. У них есть металлургический завод, который скоро будет сдан в эксплуатацию. На их сайт в Сети ежедневно заходит не менее миллиона пользователей, и этот сайт по оценкам надежных экспертов приносит своим хозяевам 20—25 тысяч космобаксов ежедневно. Добавьте к этому огромные доходы от продажи дисков Германа Еванова. Суммировав все это, считать Басильева с компанией дураками и дилетантами я лично не могу. Думаю, наоборот, это очень талантливые бизнесмены, тонко ведущие свою игру. Настолько тонко, что этого не замечает никто».

* * *

Из самого дальнего отсека «Белки» доносилось треньканье гитары. Это Еванов день-деньской сочинял новые хиты для следующего альбома. Владелец кучи золотых и платиновых дисков целиком погрузился в творчество. Никто его не кантовал, не отрывал от сочинительства. Друзья прекрасно понимали, что «песни мусорщиков-миллиардеров» приносят солидные деньги в кассу корпорации.

Петлов чуть не сутки напролет занимался сайтом. Придумывал интересные новости и разные трюки, чтобы поток посетителей не иссякал и денежки они оставляли. А капитан Басильев вел бизнес. Но однажды капитан оторвал Петлова от экрана голографа и дал команду надевать скафандр.

Вскоре они топали по сверкающей поверхности астероида. Походку имели самую дурацкую. Но в прилипающих ботинках иначе ходить невозможно, ступать надо всей подошвой и отрываться от поверхности точно так же. Через несколько десятков шагов Басильев сказал:

— Здесь. Давай шпурило.

Петлов подтянул буровой агрегат-перфоратор и поставил в указанном месте. Установил переключатели — глубину, скорость проходки, температурный режим. Положил руку в перчатке на верхнюю крышку, почувствовал легкую вибрацию — буровая головка вгрызалась в вязкий металл.

Тем временем капитан Басильев намечал другие точки для бурения. Они протянулись от одного края астероида до другого. Острый конец

небесного тела, имеющего форму наковальни, где находилась пришвартованная «Белка», должен был цепочкой отверстий отделиться от остального монолита.

Взрывчатки у них оставалось немного, но, по расчетам Басильева, этого количества должно было хватить. В шпury опускались шланги, наполненные губчатым термозксплозитом-400, вставлялись радиовзрыватели. Единственное, что мешало работе — частая смена светлого и темного времени суток, ведь астероид вращался вокруг оси 48 раз в течение 24 земных часов. Игра теней при этом была просто невообразимая.

Взрывная методика разделки крупных метеоритов известна давно. Но в последнее время ее подзабыли. Сейчас металлические глыбы предпочитали резать, а не взрывать, потому что разлет осколков зачастую оказывался непредсказуем, да и ловить их потом стоило большого труда и затрат топлива.

Но Басильев не собирался дробить астероид, он только хотел оторвать от него хороший кусок. У них был ультразвуковой резак для разделки металллома, но для столь грандиозной глыбы, как астероид, он не годился. И не только из-за невеликой глубины резки, а главным образом из-за нехватки электроэнергии. Пришлось бы раскладывать все запасные солнечные батареи, чтобы запустить его на полную мощность, и все равно понадобились бы месяцы круглосуточного труда, чтобы отпилить необходимый кусок. Но раньше изнасилась бы техника.

Специальная взрывчатка — другое дело. Конечно, в космосе она должна быть иной, чем на Земле. Главное ее свойство — выделение огромного количества не газов, а тепла. Газы — это уже вторичное.

Температура в зоне взрыва такая, что даже титан плавится. И капитан Басильев справедливо рассчитывал, что ванадий между близко расположенными скважинами должен стать частично жидким, а частично сильно раскалиться и стать гораздо податливей. Тут-то астероид и разорвет по линии расплава расширяющимися газами.

А тем временем с промежуточной станции трассы Земля—Луна вдогонку за Христиной Баунти отправился в автоматическом режиме новенький трехместный «Гленн Супер». К нему под брюхо был найтовлен дополнительный топливный бак на две тысячи тонн. А еще ниже крепилась на буксир гирлянда из трех старых «расталкивателей мусора» типа «Армстронг». Работы для них давно уже не было, и фирма-владелец с радостью продала безработных старичков «Королям ванадия» по остаточной стоимости — 600 тысяч за все три оптом.

Эта покупка вызвала новые пересуды в Сети. «Каждому мусорщику — по собственному мусороуборщику!» — острили комментаторы. Тем временем корпорация «Космет» заявила о прекращении разработки месторождения металлических руд на Луне. Это вызвало небольшой рост цен на металлы, падение курса акций «Космета» и повышение спроса на ванадиевые фьючерсы. Биржевая стоимость их возросла почти до четырех с половиной тысяч космобаксов за штуку.

Брокер Пахнутьев связался с капитаном Басильевым, радостно высунулся из голографа, попытался обнять трехмерными руками:

— Привет, старче! Как дела?

— Ковыряемся потихоньку, — ответил Сашка, оторвавшись от компьютерных расчетов. — А у тебя, я смотрю, новый офис.

— А то! — довольно усмехнулся брокер. — Это мой кабинет. — Он покрутил камеру, продемонстрировав пространство величиной со спортзал с воздушными диванами, аквариумом до потолка, пальмами и гепардовой антилопой, меланхолично жующей что-то прямо посреди зала. — Тут я сижу, а персонал этажом ниже. Растем потихоньку... Но я ведь к тебе по делу. Как насчет того, чтобы еще сотню тысяч фьючерсов в оборот пустить? Цена уже установилась, начинается от четырех с половиной тысяч.

— Слушай, Пахнутый, а ведь еще недавно у тебя за спиной чуть ли не голый кирпич был. Когда ж ты так разбогатеть успел? — удивился Басильев.

— Так я ж тебе объяснял, — широко улыбнулся брокер, продемонстрировав жемчужно-розовый комплект новеньких зубов, — фьючерсы — идеальный биржевой инструмент. Продал, купил, снова продал еще дороже...

— Теперь понятно, почему ты так упорно цену размещения сбивал до тысячи. Купил подешевле, продал подороже.

— Бизнес есть бизнес. И ты тоже в накладе не остался, — Пахнутьев ничуть не смутился. — Так как насчет нового транша?

— Сейчас траншанем, — пообещал Басильев, — в смысле, тряханем. Держись за кресло. Три, два, один — бах!

Зря Пахнутьев хватался за подлокотники из натурального дерева. Тряхнуло не его, а «Белку». Это взрывом оторвало кусок астероида вместе с прицепившимся к нему кораблем. Расчет Басильева на то, что взрыв отбросит отделившуюся краюху металла в сторону, противоположную направлению полета Христины, полностью оправдался. Вот что значит доскональное программирование задания. Одновременно и астероид получил импульс, но вектор детонации располагал-

ся под углом к оси движения, и взрыв снова немного сбил астероид с курса.

— Эй, чего там у вас делается? — вопил ничего не понимающий Пахнутьев. Он только видел, что капитана вжало в кресло.

— Все в норме, — успокоил его Басильев. — Взрыв прошел нормально. Сейчас я стабилизирую оторванный кусок и направлю его в сторону Земли.

— Что? — Пахнутьев подпрыгнул в кресле, он все понял. — К Земле! Эй! — это он уже крикнул в микрофон, который схватил со стола. — Девки, все, кто в конторе! Бегом скупать ванадиевые фьючерсы! По любой цене! Банк! — это он уже орал в телефонную трубку. — Это Пахнутьев. Мне нужен кредит! Немедленно!

Басильев выключил связь.

НОВОСТИ ВАНАДИЕВОГО КОРОЛЕВСТВА

17.08 в 17.30 зевр: закончены монтаж и отладка космического металлургического завода «Короли ванадия». Модульная система сборки позволила всего за полгода создать грандиозное сооружение длиной в километр. В настоящее время это крупнейший космический промышленный объект, который будет внесен во все «Книги рекордов». Четыре ядерных реактора обеспечат его энергией на ближайшие 50—60 лет. Подробности смотрите на новой странице сайта — «Самый большой космический завод».

17.08 в 19.00 зевр: цены ванадиевых фьючерсов достигли рекордной отметки в 9867 космобаксов.

Замысел Басильева был прост, как все гениальное. Взрыв, просчитанный до миллисекунды, оторвал краюху астероида массой около 150 000 тонн. Она отлетела в направлении, обратном направлению полета всей металлической глыбы. Ну, если быть абсолютно точным, не строго назад, а чуть под углом. Это было сделано специально, чтобы сам астероид не получил добавочного ускорения, а, наоборот, чуть сошел с орбиты.

Двигателями «Белки» оторванный слиток ванадия стабилизировали и потащили навстречу «Гленну». Занимались этим Басильев и Еванов. А Ванька Петлов остался сторожить Христину Баунти. От «Белки» отцепили жилой отсек, пристрелили его несколькими монтажными дубелями к астероиду, и Петлов остался один. Это его ничуть не угнетало, потому что устаешь каждый день из месяца в месяц, из года в год видеть одни и те же рожи, даже если это рожи твоих самых близких друзей.

Петлов по-прежнему вел сайт «Королей ванадия», сортировал почту и постоянно выходил по быстрой связи на контакт с остальным экипажем. Объемное изображение голографа создает полную иллюзию присутствия, так что абсолютным одиночеством дежурство на астероиде назвать трудно.

Тем временем на Земле и вокруг нее шла бойкая спекуляция ванадиевыми фьючерсами. Появились даже ванадиевые спекулянты, которые работали только с этими электронными бумагами. Сперва фьючерсы покупали в расчете на то, что «Короли ванадия» ни за что не выполнят своего обязательства — через два года рассчитаться металлопрокатом. И цены росли. Но одновременно начали падать цены на ванадий, а потом и на остальные металлы, котирующиеся на околосредней бирже. Стало понятно, что цены могут понизиться еще сильнее, и тогда от ванадиевых фьючерсов спекулянты поторопились избавиться, чтобы вложить освободившиеся средства в подешевевший титан — главный металл космической промышленности. Цена фьючерсов, естественно, резко стала падать. Но начали расти цены реальных партий металлов. Спекулянты, продав титан, снова принялись скупать ванадиевые фьючерсы, гораздо дешевле, чем недавно их сами продали.

Когда поступило сообщение, что изрядный кусок металла оторван от астероида и летит к Земле, цена рванула вверх. А потом снова начала падать. Спекулянты поняли, что «Короли» сумеют обеспечить ванадиевые фьючерсы металлом. А зачем спекулянту столько металла да еще по такой цене? Что он с ним делать будет на рынке, когда нет спроса? Кому он нужен, этот ванадий, в таком количестве? Купишь, а потом не избавишься — сто тысяч тонн! Годовая потребность вземной промышленности всего несколько тонн, да и те были куплены для отладки космического металлургического комплекса «Короли ванадия».

В общем, цена фьючерса не то что упала — рухнула. Многие на этом потеряли изрядные капиталы, один только брокер Парамон Пахнущев озолотился. Он-то покупал дешево, а продавал, когда цена снова поднималась.

Сразу пропали и желающие купить акции «Королей ванадия». Все словно прозрели. Вчера еще рассуждали о «металле будущего», а сегодня поняли: титан — вот металл будущего, настоящего и прошлого космической эры. А из ванадия отродясь ничего не делали, и спроса на него в космосе нет. Так что пусть Христина Баунти летит себе дальше, никому в околосреднем пространстве она не нужна.

«Миллиардеры снова стали простыми мусорщиками!» — захлебывалась желтоэкранный пресса. Этим она вгоняла Басильева в тоску. Еванову было гораздо легче. Он ведь стал уже звездой шоу-бизнеса. Тренькал себе на гитаре, слова подбирал к очередному шлягеру.

Пребывая в упадке душевных сил, капитан тем не менее понимал, что корпорация «Короли ванадия» по-прежнему существует и деловая жизнь продолжается. Просто он уже не хотел принимать в ней никакого участия. И понять его можно. Поступали какие-то смехотворные предложения: продать астероид за сто тысяч, а завод за полцены; продать «Гленн Супер» за четверть стоимости и тому подобное. Как будто команда поисковиков и в самом деле превратилась в нищих без гроша в кармане, которые рады любой подачке.

Басильев первым завел разговор о передаче своих директорских полномочий кому-нибудь другому. Мол, он боится, что в порыве отчаяния действительно продаст все за гроши каким-нибудь настойчивым проходимцам. Герка Еванов воспринял все очень серьезно, но от должности отказался.

— Нельзя совместить несовместимое, — сказал он. — А именно — творчество и бизнес. Напортачу не здесь, так там. Я весь погружен в мир музыки и высокой поэзии, и мне трудно будет выйти из этого творческого состояния и переключиться на холодные расчеты. Давай, Ванька, бери это на себя. Тем более, что ты в курсе всех дел, хроникую ведешь.

— Ну, ежели «Три сперматозоида» — высокая поэзия, тогда конечно, — вздохнул Ванька, — тогда оставайся в своем музыкальном мире. Давно чую, что надо самому за директорство браться, пока Сашка чего не натворил. Давайте оформлять протокол передачи полномочий.

Как в воду глядел. Буквально через пару дней в голографе «Белки» возник брокер Пахнутьев и стал помогать у Басильева:

— Алекс, дружище, сам видишь, ситуация какая. Пока еще не поздно, пока дают сотню за фьючерс, давай еще хоть тысяч пятьдесят вбросим. Рынок подогреем, деньжонок поимеем. А, Сань?

И очень был разочарован Отец Пахнутый, когда Басильев сообщил о передаче директорских полномочий Ивану Петлову. Очень сокрушался Парамон, сожалел, считая это большой ошибкой, и спрашивал, а нельзя ли обратно переиграть, но все напрасно. Пришлось Пахнутьеву выходить на связь с Петловым.

Ванька как будто ждал этого голографического визита, обрадовался:

— А-а, разлюбезный Парамон! Чем порадуете? Не начался ли долгожданный подъем цен?

— Нет, милейший Иван, не начался, к сожалению, — в тон ему ответил брокер. — Но можно попробовать поднять. Для этого надо всего лишь добавить на рынок еще тысяч сто фьючерсов. Желательно подешевле, космобаксов этак по сто за штуку.

— Ерунда какая, — ухмыльнулся Ванька. — Рынок возжелали разогреть, святой отец? Да раз плюнуть! Без всяких дополнительных фьючерсов. Примите-ка от меня заявку: с этой минуты скупать обратно для «Королей ванадия» их обязательства. А что выкупить не удастся, отследить статистику сделок — кто купил и в каком количестве. Кредитную линию в банке я вам сейчас открою. За работу, господин Пахнутьев. Время пошло.

Директор Петлов выключил связь, потому и не увидел, как скисла и перекосилась физиономия Отца Пахнутия. А следующим утром Ванька сам связался с брокером. Тот с недовольным видом доложил о покупке 48 655 фьючерсов на общую сумму 5 278 140 космобаксов. Больше на рынке не осталось ни одной заявки на продажу, несмотря на некоторый рост стоимости.

— Спасибо, господин Пахнутьев, — сдержанно поблагодарил брокера Петлов. — Свой договорной процент вы получили?

— Получил свой один процент, — недовольно буркнул биржевой спекулянт, потом сказал с некоторым вызовом: — И в связи с этим желал бы перезаключить договор. Чтобы, как все, получать положенные восемь процентов, а не эти гроши.

— Что ж, имеете право, — легко согласился директор Петлов. — Насколько я понимаю, на этих грошах вы неплохо подзаработали, и теперь самое время изменить подходы. Можно считать прежний договор расторгнутым. Только, с вашего позволения, сударь, я сперва узнаю, на каких условиях согласны работать с нами другие брокеры. А вы пока почитайте новости нашего сайта. Чао, дорогой друг. Благодарю за сотрудничество.

Петлов выключил связь, а брокер трясущимися руками принялся нажимать кнопки выхода в Сеть. Он уже предчувствовал, что примерно прочитает.

НОВОСТИ ВАНАДИЕВОГО КОРОЛЕВСТВА

20.08 в 9.20 зевр: неудачей закончилась первая попытка стыковки корабля «Белка-117» с кораблем «Гленн Супер-642», летящим в автоматическом режиме. В результате столкновения оба корабля получили повреждения. Жертв и пострадавших нет. Помощь спасателей экипаж «Белки» пока не запрашивал. В составе экипажа находится знаменитый

автор–исполнитель Герман Еванов. Он сказал: «Со мной все в порядке, а корабли придется обследовать. Надеваю скафандр».

Пахнутьев зарыдал. Денежки утекали мимо. На бирже начинался разогрев. Брокер принялся вызывать по связи «Белку». Но вместо капитана Басильева возник его голографический двойник в форме выпускника Навигацкой школы. Он широко улыбнулся и дружелюбно сказал:

— Извините, но я сейчас нахожусь на внешнем контуре корабля. Оставьте сообщение на ответчике после того, как я шелкну пальцами. — И он шелкнул пальцами. — Прошу вас. И еще раз извините.

Пахнутьев заскрежетал жемчужно-розовыми имплантантами. Ему очень не хотелось снова связываться с Петловым. А потому он опять включил Сеть, чтобы еще раз проанализировать сообщение о столкновении «Белки» с «Гленном». И получил новую порцию информации.

20.08 в 9.27 зевр: акционерное общество «Короли ванадия» расторгло договор на брокерское обслуживание с брокерской конторой «Пахнутьев и партнерши». Стороны тепло поблагодарили друг друга за сотрудничество.

20.08 в 9.40 зевр: на околотунной бирже металлов отмечается резкий интерес к ванадиевым фьючерсам. Цена в заявках на покупку в течение нескольких минут выросла в четыре раза и достигла 480 космобаксов.

20.08 в 9.45 зевр: цена покупки ванадиевых фьючерсов достигла 1000 космобаксов.

Петлов запаздывал с информацией. Пахнутьев скосил глаза на биржевой монитор, работающий круглосуточно, и взвыл: в графе «Лидер спроса» стоял ванадиевый фьючерс. И цена покупки уже перевалила за 1400. И продолжала карабкаться все выше и выше. Не успевал глаз привыкнуть, как цифры уже менялись. Спекулянты торопились урвать кусок, пока не поздно. Но в графе «Предложение» стоял прочерк. Понятное дело, кто ж будет продавать, пока цена так бешено рвется вверх.

Немного успокоившись, Парамон принялся вызванивать Петлова. Занято. Каждая минута была дорога, а тут «занято»!

Наконец в голографе возник веселый директор «Королей».

— А-а, господин Пахнутьев! С чем пожаловали?

— Я это... — смешался брокер, — в общем, был не прав.

— Знаю, милейший Парамон, — любезно улыбнулся директор Петлов, — а потому зла на вас не держу.

— Ну, так восстановим договор, — обрадовался Пахнутьев. — Один процент — хорошие деньги. А восемь или там шесть процентов я с других покупателей свободно взять могу.

— Конечно, можете, рад за вас, — действительно воодушевился Петлов. — Просто замечательно! Продолжайте в том же духе. Обогащайтесь и процветайте. Но договор восстановить, увы, не в моих силах. Я уже заключил другой. И представьте, эта контора берет даже меньше одного процента. Мне показалось, что они были готовы вообще бесплатно нас обслуживать, ведь, как вы сами отметили, шесть или там восемь процентов можно взять с покупателя.

Пахнутьев вырубил связь, чтобы Петлов не увидел, как у него обвисла физиономия. И какой случился припадок ярости с обычно благообразным Отцом Пахнутием. Он рычал, топал ногами, даже пнул любимую гепардовую антилопу. Наконец к брокеру вернулась способность к человеческой речи, и он возопил:

— Это им даром не пройдет! По миру пойду, всего лишусь, а их тоже разорю! Вы еще плохо знаете Парамона Пахнутьева!

Да его и знать никто не хотел...

* * *

Некоторые любят грызть прессованное печенье просто так, без увлажнения. Но Петлов не понимал, как это можно часами держать за щекой твердый, словно шифер, кусочек, у которого и вкуса-то почти нет. Ванька все делал по технологии: вскрывал упаковку, закладывал стопку тоненьких серых пластинок в увлажнитель, выставлял нужный режим и нажимал кнопку. Через несколько минут тренькал звоночек, распахивалась стеклянная дверца аппарата, и модуль наполнялся аппетитным ароматом свежей выпечки, корицы, миндаля и прочих запахов счастливого детства. Разве можно это променять на безвкусный камешек за щекой?

Серые пластинки превращались в настоящее печенье — светлое, пухлое, чуть поджаристое, с аккуратным рисунком. Оно таяло во рту. От обычного земного его отличало лишь одно свойство — космическое печенье не давало крошек, как его ни ломай. В невесомости крошки, капли и прочий мелкий мусор — главные враги. Забивают фильтры, проникают в аппаратуру, засоряют вентиляцию и просто летают везде, норовя влезть в глаз или ноздрю.

Смакуя печенье, Петлов развалился на потолке модуля, пристегнувшись, чтоб не стаскивало центробежной силой — астероид по-прежнему вращался, даже чуть быстрее, чем раньше. Он развернул ли-

стовой экран и стал просматривать информацию, предоставленную Пахнутьевым. Пакеты фьючерсов многократно переходили из рук в руки. Но конец пути у всех был одинаков. Примерно половина из ста тысяч электронных обязательств вернулась в брокерскую контору «Пахнутьев и партнерши», откуда когда-то начала свой путь, и была теперь в распоряжении директора Петлова.

А еще полсотни тысяч были скуплены в разное время по минимальным ценам биржевой компанией «Пит Булл и Терье». Скуплены, надо полагать, по заявкам какого-то своего крупного клиента. Еще чуть больше тысячи оказались рассеяны у мелких держателей. Мелочью Ванька пренебрег, а вот к клиентуре «Пит Булл и Терье» стоило присмотреться.

На сайте биржевиков оказался полный список клиентов — несколько сотен юридических и физических лиц. Но Петлова интересовали только те, кто был связан с космосом и не так давно заключил договор на брокерское обслуживание. Главный менеджер «Королей ванадия» чуял, что за этой скупкой стоит вовсе не банальная спекуляция с целью хапнуть деньжиш.

И он нашел, что искал. Корпорация «Спейс глоуб проджект» стала клиентом «Пит Булл и Терье» через несколько дней после эмиссии ванадиевых фьючерсов. В Сети Петлов быстро отыскал этот «глобальный проект». Он действительно оказался глобальным, без всяких кавычек. Авторы проекта вознамерились создать целый космический город, в основу которого положено крупносерийное производство многослойных электронных компонентов. Хотя сами эти компоненты еще не были до конца разработаны и даже не имели собственного названия, перспективы открывались потрясающие. Разобраться в физической сущности компонентов Петлову не удалось, но общий принцип он понял. Множество слоев различных металлов и химических элементов, толщиной в одну-две молекулы каждый, позволяло создавать компьютерные чипы с быстродействием в тысячи, а может, и в миллионы раз большим, чем самая современная техника нынешнего дня. Но напылять такие пленки можно только в невесомости и космическом вакууме.

Еще одно космическое производство планировалось занять изготовлением монокристаллов для запоминающих устройств высочайшей емкости. Кроме того, тут были какая-то диффузионная и порошковая металлургия, производство оптических материалов, выращивание неких биокультур и что-то еще, скрытое под словами «и многое другое».

Естественно, к производственной зоне примыкала жилая. Понятно, что работникам нужен был и развлекательный комплекс, чтоб не умерли с тоски, а также система обеспечения — кухни, склады, прачечные, медицинский блок, обслуживающий персонал. Не обойтись и без причалов для пассажирских и грузовых кораблей с ремонтной базой. А раз уж выстраивается такая мощная космическая структура, грех не использовать ее на полную катушку. Тут будет и пересадочная станция, и гостиница, и туристический центр. И все это грандиозное сооружение будет постоянно надстраиваться и развиваться.

Единственным препятствием для «Глобального проекта» стала его стоимость. Стандартными модулями здесь трудно обойтись, а проектирование нестандартных, сборка и отправка их на орбиту обойдутся в гигантские суммы. Вот если собирать в космосе из конструкционных материалов, а с Земли доставлять только начинку, тогда стоимость сокращается в несколько раз, хотя и это миллиардные расходы.

Проект существовал уже лет двадцать, но только дешевый космический ванадий позволял приступить к его реализации. Отстегнувшись от потолка, Петлов на радостях закувыркался, треснул ногами о переборку, успокоился и вызвал на голографическое совещание экипаж «Белки». Перспективы впереди были самые радужные. Такие, что Басильев сразу вышел из депрессии и снова захотел стать директором. Но Ванька его быстро осадил:

— Погоди, Сашок. Я эту операцию затеваю, я и буду доводить ее до конца. Давай ближе к протоколу. Надо принять решение о выпуске еще пятидесяти тысяч фьючерсов. У нас ведь должно металла хватить?

— Хватит с лихвой, — заверил капитан. — Ладно, оставайся директором. Похоже, у тебя это лучше получается. Главное, не слишком рискуй.

— Не рискуй! Ну, ты насмешил! — заржал Петлов. — Мы же с тобой поисковики. Как мы можем не рисковать? Нет, старина, рискнуть придется. Даже если не захотим, все равно придется. Чую, вокруг нашего ванадия крутая каша заваривается...

* * *

Спустя несколько часов цена спроса на ванадиевые фьючерсы превысила 4000 космобаксов. Новый биржевой агент «Королей ванадия» — брокерская компания «Улетаев, Низеньких и Быстрык» — начал выставлять на продажу пакеты фьючерсов по тысяче штук. Они расходились, как горячие пирожки на проводах зимы. И при этом цена по-

купки упорно продолжала ползти вверх. Спекулянты из шкуры лезли, закладывали последние особняки и аэромобили, чтобы ухватить побольше фьючерсов. Ажиотаж царил необыкновенный. Биржевые барыги сладострастно потирали ручки и промокали платочками взмошшие плечи — впереди маячил большой куш. Совершенно очевидно, что после столкновения «Белки» с «Гленном» «Короли ванадия» не смогут погасить в положенный срок фьючерсы металлом. А значит, вынуждены будут заплатить за каждую обещанную тонну ее полную рыночную стоимость.

Но радость их оказалась недолгой.

НОВОСТИ ВАНАДИЕВОГО КОРОЛЕВСТВА

21.08 в 11.00 зевр: экипаж «Белки-117» в составе капитана корабля пилота-космонавта 3 класса Алекса Басильева и борт-инженера, популярного автора и исполнителя песен Германа Еванова совершил выход в открытый космос. В течение 14 часов они тщательно обследовали поверхности своего корабля и столкнувшегося с ним корабля «Гленн Супер-642», сближавшегося в автоматическом режиме. Серьезных повреждений на кораблях не обнаружено, ремонта не требуется. По окончании осмотра была произведена ручная стыковка кораблей. Все системы работают в штатном режиме. Событие вдохновило Германа Еванова на создание новой песни. Названия у нее еще нет, а первая строчка звучит так: «Когда со скрежетом сшибались корабли...».

— Ты, грязная космическая свинья! — брызгал голографической слюной Пахнутьев — розовый от гнева, жирно лоснящийся, маленькие глазки тонут в толстой роже, широкие ноздри жмутся и хлюпают. — Свинья! Свинья! Ты два года в бане не был!

— Как видишь, даже не всякий миллиардер может позволить себе баню в космосе, — хладнокровно отвечал Петлов. — А в чем, собственно, проблема? Уж не в сауну ли меня вознамерилась пригласить брокерская контора «Пахнутьев и партнерши»?

— Ты использовал инсайдерскую информацию! — кипел и брызгал разъяренный биржевик. — Это преступление! Мало того, ты еще и ложную информацию распространил. Ведь не было столкновения, не было!

— Было, батюшка, было столкновение, — успокаивающим тоном вещал директор корпорации «Короли ванадия». — Но, слава покорителям космоса, все обошлось. Только чуть погнули выносные устройства и поцарапали обшивку. А вы, сударь, сожалеете, что все обошлось?

— Я сожалею, что вас всех не размазало об этот ванадий! — В ярости Пахнутьев швырнул телефонную трубку. Петлов даже пригнулся, но трубка, вылетев из голографа, исчезла в метре от экрана. — Я бы вас всех вот так, вот так! — Брокер хватал со стола и рвал в клочья какие-то бумаги. Но, схватив очередной листок, замер, вглядываясь в напечатанный текст, потом положил бумагу на место, бережно разгладил. И сказал примирительно, словно не было только что никакого бешеного припадка злобы: — Ну так, это... Компенсацию хочу. А то я на тебя жалобу накатаю в Комитет биржевого контроля. Ты меня знаешь, я так просто не отстану.

— Ладно, идем на мировую, — сразу согласился Петлов. — Это я у тебя научился информацией злоупотреблять. Помнишь, как фьючерсами спекулировал, зная наперед все наши движения? Так вот, слушай. Послезавтра я объявляю об эмиссии еще пятидесяти тысяч акций. Думаю, этого достаточно, чтоб компенсировать твои убытки.

Рассыпавшись радостным хрюканьем, повеселевший Пахнутьев шумно высморкался в широкий, как скатерть, платок и исчез. Кинулся, видать, еще прикупить дешевеющих фьючерсов.

Впрочем, одной скупкой Пахнутьев не ограничился. Вспомнив последнее поручение Петлова, брокер дал распоряжение своим младшим партнершам исследовать клиентуру «Пит Булл и Терье». Через несколько часов перед ним лежала распечатка с подробным изложением «Глобального проекта». Выходило, что «Спейс глоуб проджект» станет генеральным покупателем космического металла на ближайшие десятилетия.

— Так, так, так, — задумчиво побарабанил Парамон пальцами по столу. Взял телефонную трубку, прошелся по кнопкам. — Здорово, Грифон, тварь летучая! Хочешь классную наколку? Как обычно, десять тысяч... Получишь сразу, как только... Короче, «Глобальный космический проект», город на орбите и весь из ванадия...

Через несколько часов популярный корреспондент Грифон Залетный, гений провокации, разразился очередным информационным шоу в прямом эфире. Темой его большого материала в «Коммерс-уикли» стал глобальный космический проект. Как обычно, куражась и измыываясь, он потешался над серьезными вещами и пафосно преподносил всякую глупость. Главная мысль звучала примерно так: нашлись чудачки, которым на Земле не сидится. И они готовы миллиарды угрохать на эту блажь. Сейчас вот скупают ванадиевые фьючерсы, чтобы закупить металл и начать строительство космического города. Ну, ненормальные!

Рынок отреагировал молниеносно. Цена фьючерса скакнула почти до семи тысяч космобаксов. Спекулянты желали максимально нажиться на строительстве космического города. Но вопреки ожиданиям продажа шла очень плохо. Настолько плохо, что, можно сказать, не шла вообще.

И тут выступила с заявлением дирекция «Спейс глоуб проджект». Дескать, для первого этапа строительства космического города требуется 50 000 тонн металла. Именно такое количество фьючерсов и приобретено.

После таких слов ванадиевый фьючерс рухнул, как подкошенный. Спекулянты истерично торопились сбросить эти теперь уже никому не нужные бумаги, сбавляя цены по максимуму. К концу биржевой сессии все спекулянты ванадием были разгромлены и посрамлены. Фьючерс упал ниже цены размещения, то есть ниже тысячи космобаксов. Один Пахнутьев ходил гоголем. Он-то как раз успел продать свои бумаги, когда цена на них росла, а спрос был ажиотажным.

Только эстрадная звезда Христина Баунти не изменила ванадию. Хотя корпорация «Баунти лтд» сгинула в море банкротств и ликвидаций, контракт с ней продолжал действовать, поскольку был заключен на десять лет и специальным пунктом был защищен от всех форс-мажоров, включая смерть певицы. В этом случае ее тело, покрытое толстым-толстым слоем шоколада, должно было находиться в стеклянном холодильнике Музея шоколада до окончания контракта.

Поэтому Христина Баунти по-прежнему ходила, покрытая шоколадной глазурью, но трусы и лифчик сменила на ванадиевые. Лишившись поддержки «Баунти лтд», она пыталась найти нового покровителя в лице «Королей ванадия». И то лишь потому, что ванадиевый астероид носил ее имя. Ни к кому другому она обратиться не могла, поскольку это запрещалось контрактом. Нарушать же его было чрезвычайно рискованно, поскольку у обанкротившейся и ликвидированной «Баунти лтд» имелись правопреемники, которые жестко отслеживали и штрафовали всех, кто подставлялся. Так, они содрали несколько миллионов с автогонщика «Формулы-1500», который в нарушение долгосрочного контракта перекрасил свой аэробот из цветов «Баунти» в цвета «Пермофлюкс».

Но юристы Христины нашли обоснования для ванадиевого имиджа, делая упор на название астероида. Они, кстати, в свое время предлагали руководству «Баунти лтд» в рекламных целях покрыть ванадиевый астероид шоколадом. Руководство идею приняло, но сперва решило небесную глыбу прикарманить, и с этой целью затеяло судебную

тяжбу с капитаном Басильевым. Чем закончился процесс, получивший в учебниках юриспруденции название «Опилки в шоколаде», всем хорошо известно.

Но поскольку «Короли ванадия» не пожелали сотрудничать с живой Христиной Баунти, она самовольно принялась эксплуатировать популярную ванадиевую тему. Даже купила лицензию на исполнение «Мы летим на астероиде» в собственной аранжировке. Более того, она нацепила на обе руки гирлянды ванадиевых браслетов, а на шею повесила ванадиевый медальон на цепочке. Ее юные поклонники с перемазанными шоколадом щеками тут же кинулись покупать подобные прибабасы, защищенные от подделки патентами и голограммами.

Но Христина и ее советники прекрасно понимали, что ванадий должен быть тот самый, с астероида. Поэтому, когда цена фьючерса на бирже провалилась не то что ниже плинтуса, а, можно сказать, ниже самого пола и устаканилась на пятидесяти космобаках, Христина Баунти приобрела десяток обязательств. Планировалось в будущем выкупить партию металла и пустить на модные побрякушки, продавая их в сто раз дороже обычных, из ванадия земного происхождения.

Но эта покупка имела странные последствия. Биржевые маклеры стали получать разовые заявки каких-то случайных клиентов на покупку одного, изредка двух-трех ванадиевых фьючерсов. Это даже подняло цену на несколько космобаков.

Оказалось, юные поклонники Христины Баунти, подражая своему кумиру, тоже принялись приобретать фьючерсы. Бумаги эти, правда, как и все прочие ценные бумаги, существовали только в электронном виде, но ничего не стоило их распечатать в цвете с индивидуальным номером. Потом эту распечатку нотариально заверяли, вставляли в рамку под стекло и вешали на стенку. Никто из поклонников, раскошелившихся на 50—60 космобаков, понятное дело, не собирался выкупать тонну металла и тащить ее из космоса на Землю.

Но, кроме Христины Баунти и ее полоумных фанатов, нашлись еще желающие получить космический металл. В частности, ими оказались владельцы ночного клуба «Три сперматозоида» — модного московского заведения. Именно всеобщий интерес к ванадиевым миллиардерам и их астероиду сделал клуб модным. Владельцы хотели для полноты ощущений насытить внутреннюю отделку заведения настоящим космическим металлом, для того и купили несколько фьючерсов.

* * *

Тем временем в «Ванадиевом королевстве» произошли важные события. Трое друзей оказались в одиночестве. Петлов сидел в жилом модуле на астероиде, капитан Басильев летел за ним вдогонку на «Белке» и тащил на буксире огромный бак с топливом, а также три дряхлых «Армстронга»-расталкивателя. Еванов мчался в трехместном комфортабельном «Гленн Супере», прицепленном к обломку астероида массой в полтора-два тысячи тонн. Ему предстояло встретиться с летающим металлургическим заводом, пустить его и развернуть в сторону Земли. А потом на околоточной бирже металлов произвести расплату по фьючерсам.

Громада завода казалась еще масштабней, поскольку теневая сторона сооружения сливалась с чернотой космоса, пересыпанной мелкими звездочками, а освещенная солнцем поверхность, покрытая светопоглощающими панелями, сумрачно мерцала. Больше всего летающий металлургический комбинат «Короли ванадия» напоминал конструкцию из детских кубиков, протяженностью в километр, но довольно хаотичную. Зрелище настолько потрясло Еванова, что он тут же кинулся писать новую песню. Сам собой родился пафосный мотив, суровый, минорный, и строки:

*Пока вы тут жируете, как Крезы,
И пьянствуете водку, господа,
Несется исполинское железо
В морозном космосе неведомо куда!*

*Оно летит, как рыба-кит,
И плавниками чуть рулит.
И помещен в его живот
Металлургический завод.*

Тут Герка Еванов вынужден был наступить на горло собственной песне, следовало браться за работу. Сближение прошло успешно, скорость обоих объектов доведена до минимальной. От завода в сторону глыбы ванадия стала раскладываться коленчатая, словно складной плотницкий метр, стальная рука манипулятора. На полную стометровую длину ей вытягиваться не пришлось, поскольку Герка очень близко подошел к заводу — метров на сорок—пятьдесят. Захваты манипулятора цепко присосались к металлической горе, и стальные суставы принялись складываться в обратном направлении.

Еванов отцепил «Гленн Супер» от обломка астероида и легкими импульсами маневровых двигателей отвел свой корабль в сторону. По-

том плавно переместил его на поверхность металлургического комплекса и пришлюзовался. Проверил внутреннее давление и состав газовой среды, после чего перешел в жилой модуль завода.

Размеры комплекса позволили сделать жилое пространство очень просторным и комфортабельным. Шесть одноместных кают, отдельная кухня со складом, кают-компания, она же — релаксационная, совсем уже роскошь — сауна-душевая и отдельное помещение с тренажерами. Рубка управления тоже оказалась необычайно просторной, а у механика имелась собственная мастерская с полным набором оборудования и тестовой аппаратуры. Все было сделано «под ключ» — входи и живи. Годичный запас продуктов и кислорода на шестерых, огромная цистерна заполнена водой, регенераторы и фильтры, компьютеры, голографы, полотенца, постельное белье, зубная паста и зубочистки — была предусмотрена каждая мелочь. В библиотечном шкафу все ячейки заполнены дисками на 10 000 фильмов каждый. Но особенно растрогали Еванова гитары в потолочных зажимах.

Закончив ревизию, Герка включил кухонный автомат, быстренько пообедал и занял место в рубке управления. Во-первых, развернул металлургический комплекс в сторону Земли и задал набор скорости. Потом включил автоматику реакторов для их разогрева и вывода на рабочую мощность. Следующий этап — запуск производства.

На мониторах он видел все, что отслеживали наружные камеры. Наступил самый ответственный и торжественный момент. И было очень жаль, что Герка Еванов оказался один на борту: для полного ощущения праздника ему не хватало друзей. Глубоко вдохнув, Герка с волнением нажал кнопку пуска.

Стальные кубики, несколькими рядами расположенные слева от центральных ворот, один за другим приходили в движение. Герка рот раскрыл, глядя на их трансформации. Кубики раскладывались в многоруких металлических пауков и шустро семенили к ванадиевой глыбе. Через несколько минут, подчиняясь единому коллективному разуму, сиречь машинному интеллекту, роботы-резчики принялись орудовать ультразвуковыми резаками.

— Bravo, старик! — раздался в наушниках Еванова голос капитана. — Отличная работа! Мы все видим на мониторах.

— А какой рейтинг! — добавился голос Петлова. — Трансляцию смотрит почти десять миллионов человек. Давай в том же духе.

У Еванова потеплело на душе. Друзья были рядом и радовались его успехам.

А тем временем первый ванадиевый брус, отрезанный роботами, лег на транспортер и поехал в индукционную печь. Через пару минут он появился уже раскаленный добела и вошел в валки слябинга.

Если бы дело происходило на Земле, в момент входа в валки с металлической чушки во все стороны брызнули бы здоровенные куски окалины. Но в космическом вакууме кислорода нет, нет и потерь на окалину. Даже железо здесь не ржавеет.

Из-за отсутствия воздуха и металл остывает гораздо медленнее. Но все равно, проходя через череду прокатных станов, ванадиевый брус не только трансформировался в длинную пятисантиметровой толщины плиту, но и потерял первоначальную яркость. Из ослепительно-белого сделался темно-вишневым. Потом он попал в охладитель, где потоки жидкого азота мгновенно придали его поверхности нормальный металлический цвет. Азот пошел во вторичный контур снова сжигаться, а ванадиевую плиту в ее натуральном виде приняли на выходе крепкие лапы автоматического штабелера. В наушниках Еванова раздалась аплодисменты и восторженные крики друзей.

Через несколько минут появилась вторая плита. И Герка с облегчением почувствовал, как напряжение отпускает его. Свершилось: первый космический ванадий получен. Скоро он воплотится в орбитальные станции.

Плита отправилась по внешним рельсам на теньевую сторону комплекса, и это значило — завод работает нормально. У Герки даже защипало глаза от восторга и энтузиазма. Захотелось сочинить что-то задорное, боевое и радостное. И подходящие слова сами вспыхнули в его восторженном мозгу, словно сверхновые звезды:

*Веселей, ребята! Выпало нам
Бросить из металла вызов небесам.*

*Будет все, как надо. И я очень рад:
Вам дадут ванадий, а мне — миллиард!*

Он набрасывал строчку за строчкой, глядел, как они заполняют экран монитора, и волнение переполняло его душу. Это будет хит сезона! Молодежь подхватит вдохновенную песню, и тысячи парней, бросив все, устремятся на космическую стройку. Они будут день и ночь сваривать ванадиевые плиты, привинчивать гайки и стропалить балки. А в ушах у них будет звенеть этот бодрящий ритм.

Действительно, тысячи молодых и не очень молодых людей в едином порыве кинулись к биржевым брокерам. Цена фьючерса резко подскочила. В игру вступил новый контингент — осторожный, пред-

почитающий синицу в рукаве журавлю в синеве. Фьючерс приобрел качества облигации, за которую можно в срок получить определенные деньги с процентами. Расчет был простой: ванадий через год будет стоить 11 000 космобаксов, если отнять обычные 20 процентов по космическим кредитам, то есть округленно 3500 космобаксов, приемлемая цена покупки фьючерса будет 7500. Если же удастся купить еще дешевле, процент прибыли окажется выше. Для рядового обывателя и мелких финансовых контор очень выгодный способ вложения денег без особого риска. Даже можно не страховаться.

А на Земле расцветала мода на ванадиевые украшения. Затем на посуду. Немедленно появился рекламный ролик, в коем утверждалось, что в ванадиевой посуде дохнут все микробы, еда не пригорает, полностью сохраняются витамины, а пища приобретает целебные свойства. Толпа ринулась обновлять свой кухонный реквизит.

Петлов ситуацию не проморгал и очень удачно передал в пользование на пять лет брэнд «Короли ванадия» корпорации «Рецептор» за 20 процентов от продаж металлических изделий — кастрюль, сковородок, поварешек и ложек.

* * *

Эйфория не покидала Еванова. Космический комбинат работал сам по себе, выдавая раскаленные ванадиевые листы и балки. Они штабелевались прямо на корпус. Единственное, за чем надо было следить, да и то с помощью автоматики — за температурным балансом. Излучающая жар готовая продукция отдавала часть тепла в корпус комбината, и этот борт мог дать незапланированное температурное расширение, что привело бы к перекосу прокатных валов и прочим производственным неприятностям. Поэтому остывающий металл складировался в разных местах, комбинат постепенно обрастал своего рода ванадиевой корой, которая теперь уже защищала его от лишнего разогрева, принимая на себя тепло новых пакетов готового металла.

Весь отдавшись творчеству, Герка Еванов и не заметил, как пролетели месяцы полета. До конечной точки маршрута — околорунной биржи металлов — осталось не больше двух недель лета, уже пора было включать торможение. Об этом он узнал из сообщения бортовой системы, но даже усом не повел. Система все сделала сама, а он продолжал тренькать на гитаре и задушевно петь в микрофон. Он бы не заметил и приближения неопознанного корабля, если б не система, которая, в отличие от человека, не занимается бессмысленным творчеством, даже если за него платят бешеные деньги.

Чужой корабль на сигналы не реагировал. Компьютер рассчитал, что он неминуемо сойдется с комбинатом через шесть часов. А иначе автоматика не подняла бы тревогу. Следовало изменить курс, чтобы разойтись с незнакомцем. Но делать этого Еванову не хотелось по нескольким причинам. Первая — непредусмотренный расход энергии. Вторая — потеря времени на маневрировании. Третья — неизбежные поперечные нагрузки за счет инерции масс ванадия на корпусе комбината, что могло привести к непредсказуемым последствиям. Четвертая — просто не охота отрываться от дела и заниматься какой-то ерундой. Пятая... впрочем, и этого было достаточно.

В это время Басильев уже приблизился к ванадиевому астероиду. Буквально через полсутки ожидалось долгожданное воссоединение с Петловым. Оба уже предвкушали радость встречи, когда получили сообщение Еванова о загадочном корабле. Первая реакция Басильева была чисто поисковой:

— Герыч, это ж какой-то бесхоз. Перехватишь? Точно корабль?

— Точно, — с воодушевлением откликнулся песенник-поэт, — компьютер говорит, масса довольно приличная. Так что не из ранних. Не моложе двадцать второго века.

— Да ты перехвати, а там разберемся. Может, что приличное. Само в руки идет.

— Вот-вот, — вклинился в разговор Петлов, — это мне как раз и не нравится. Где же видано, чтобы добыча сама в руки шла?

— Ты чего? — Басильев искренне удивился. — Сам знаешь: на ловца и зверь бежит.

— Ага, бежит, — согласился Петлов, — только чаще совсем наоборот — зверь на добычу бежит. А ловец может и не подозревать, что он — добыча. Тип корабля распознать можно?

— Да брось, Вань, — попытался успокоить его Еванов. — Это, по-ди, какой-нибудь «летучий китаец».

В двадцать втором веке Китай начал экспансию в космос, наводнив околоземное пространство сотнями легких и средних маломощных кораблей. С ними нередко случались различные происшествия, иногда они пропадали без вести. Один такой корабль (тип «Небесный лотос») спустя сотню лет выловили поисковики. И не обнаружили на нем людей. При этом все шлюзы были закрыты изнутри, скафандры на месте, внутри все в порядке. Записи в бортовом журнале неожиданно обрываются. Системы выработали ресурс. И никаких следов двух членов экипажа. Пропали. Что там произошло, так и осталось тайной. Наиболее вероятной была версия, что их похитили легендарные Кос-

мические Странники — представители неизвестной сверхцивилизации. Была и более прозаическая версия — тайконавты просто перешли на другой корабль, скорее всего, американский, а следы замели с помощью программируемой автоматики. После этой истории все бесхозно болтающиеся в космосе корабли стали называть «летучими китайцами».

— Если натуральный «китаец», тем более нет смысла напрягаться, — упорствовал Петлов. — На них спрос нулевой, по цене металла. В общем, Герыч, я бы советовал тебе влезть в скафандр, взять активное ружье и ждать снаружи. Чует мое сердце, неспроста все это. Завод, конечно, очень большой, но чтобы с такой точностью сойтись...

— Ты так говоришь, словно никогда не слышал про столкновения в космосе, — начал кипятиться Басильев.

— На орбите, — веско сказал Петлов, — на околоземной орбите. Или лунной. Там слишком тесно. А вот так, в открытом космосе, действительно не слышал. Бери ружье, Герыч!

— Рассуждаешь, как будто ты уже не поисковик, а пассажир или турист, — Басильев начал сердиться.

— Я рассуждаю как директор компании «Короли ванадия»! Риск того не стоит. А менять курс комбината — подвергать его серьезной опасности. Дашь импульс, а его скрутит поперечной нагрузкой за счет неравномерности массы — и что тогда? Со своими фьючерсами в трубу вылетим. Никогда уже не расплатимся.

Это был убийственный аргумент. Все молчали. Потом Еванов вздохнул и сказал:

— Наверное, ты, Ванька, прав. Пойду надену скафандр.

— Ружье не забудь проверить, — дал последнее напутствие директор Петлов. — И приготовь пару транспортных ракет. Лучше сперва ракетой попробуй его сбить с траектории. А если увидишь, что он тормозит или начинает маневрировать, шли сигнал SOS. Да, не забудь все камеры включить на трансляцию. Миллион-другой свидетелей нам не помешает, мало ли что...

Чужак летел по-прежнему молчком, даже пассивные сигналы не улавливались, словно вся аппаратура корабля была в холодном режиме. Не работала, попросту говоря. Оптика не позволяла пока ничего разглядеть, но локаторные сигналы компьютер расшифровал и нарисовал образ незнакомца, указав аналог — корабль класса «Стрелка». Это была более поздняя модель дальнего корабля, чем «Белка», но тоже устаревшая. Хотя добрая сотня «Стрелок» еще бороздила космос.

Запас времени пока имелся изрядный. Герка успел закончить вчерне запись последней песенки, пообедать и не спеша собраться. Он подключил активное ружье к тестирующему прибору, убедился — все системы в норме. После этого надел скафандр и отправился в шлюз, волоча свою полутораметровую «пушку». На Земле ее даже втроем никогда бы не подняли, там такими орудиями вооружали танки. Одна батарея чуть не на полтонны тянет. А в космосе нормально — невесомость.

Практичный Петлов уже успел продать эксклюзивное право прямой трансляции встречи космического металлургического комбината «Короли ванадия» и «летучего китайца», так что Герку стал доставать ведущий программы. Он постоянно спрашивал, что Еванов видит и слышит, что сообщают приборы. Герка его, может, и послал бы, но телевизионщик держался почтительно, называл его выдающимся композитором и, обращаясь к невидимой телеаудитории, периодически повторял:

— С нами в прямом эфире суперзвезда шоу-бизнеса ве-е-еликий Герман Еванов! Это небывалая удача!

Из-за этой болтовни Герка чуть не прозевал тихий маневр чужака. Неизвестная «Стрелка» стала снижать скорость. Следящая система тут же доложила об этом, но Герка поначалу прослушал, не обратил внимания на голос, сообщивший о неадекватном поведении «холодного» корабля. Впрочем, он уже не был холодным, оттуда стали поступать отрывочные импульсы.

— Смотрите, он оживает! — воскликнул Еванов, и рейтинг трансляции сразу подскочил на две десятых процента.

Герка сидел между штабелями листового ванадия, укрепив на одном из них откидной сошник ружья. Чужак уже был виден невооруженным глазом — маленькая яркая звездочка. Оптические датчики показывали, что яркость «Стрелки» выше нормы, она отражала солнечный свет очень сильно, словно сделанная из полированной стали, а не из «пожилого» титана. Когда «Стрелка» подошла ближе, стало понятно, что оболочка корабля обтянута светоотражающей зеркальной пленкой. Такую применяют для защиты от прямых солнечных лучей, когда на кораблях портится охлаждение или надо укрыть объекты на Луне, где солнечный день длится две земных недели.

Потом «Стрелка» резко изменила направление движения и спикировала на комбинат.

— Смотрите! Смотрите! — заполошно завопил телеведущий прямо в ухо Еванову. — Что он делает! Это нападение!

До Герки уже до самого дошло, что все это неспроста, и он нажал аварийную кнопку. Сигнал бедствия полетел в эфир. А чужая «Стрелка» виртуозно присела на поверхность комбината, прямо на штабеля готовой продукции. Герка даже толчка не почувствовал. Он ощущал только, как капли едкого пота стекают по лбу и шее, руки в перчатках явно подрагивали. Напряжение росло. Успокаивал только вопящий телеведущий. И чем эмоциональней и громче он орал, тем спокойней делалось Еванову.

— Это же самые настоящие пираты! — орал невидимый комментатор. — Господа, мы стали зрителями уникального события. Как нам повезло! Легендарные космические пираты, о нападениях которых уже много лет никто не слышал, появились снова. Смотрите, как развиваются события! Слева от нас Герман Еванов — величайший бард современности, композитор и певец, суперзвезда, любимец миллионов. Справа, прямо по солнцу, противник, который пока не виден, но который готовит какие-то сюрпризы. Вот он появился!

Действительно, из корабля один за другим скользнули по трапу три тени. Одна из наружных камер поймала их в объектив. Троица в скафандрах без опознавательных знаков, вооруженная каким-то слесарным инструментом, кинулась к ближайшему штабелю. Буквально через мгновение Еванов и миллионы телезрителей увидели, как неизвестные злоумышленники принялись швырять в космос листы ванадия один за другим.

— Чего рот разинул? — раздался гневный голос Петлова. — А ну, лупани по ним, пока они нас не обокрали.

Словно стряхнув наваждение, Еванов встрепенулся, потом приложился к ружью, наводя прицел. Когда в оптическом кольце он увидел темную копошашуюся фигурку, подсвеченную солнцем из-за дальнего края корабля-завода, то плавно притопил спуск. Он немного занизил линию прицеливания, и удар пришелся в основание штабеля. Но эффект оказался великолепный.

Короткая вспышка, и штабель взлетел в невесомость. Толстые листы ванадия развернулись огромным веером и улетели, сметая и унося все на своем пути. В частности, начисто смели и трех злоумышленников.

— Отлично, старик! — в шлеме снова возник голос Петлова. — А теперь шарахни по их корыту, пока они тебя не засекали.

И Еванов, действуя совершенно автоматически, словно зомби, слегка повернул ружье на сошке и тут же врезал полным зарядом по чужому кораблю. На боковой поверхности корпуса, до того зеркально

сившей, тут же возникла обширная черная клякса. «Стрелка» повалилась набок и полетела вдоль поверхности завода. Следом волоклось несколько листов ванадия из штабелей, на которых она стояла. Бой можно было считать законченным.

Телевизионщик что-то орал, вроде «Го-о-о-ол!», но Еванов не слышал, в ушах у него стучали молотки, а сердце готово было выскочить из груди, продырявить скафандр и улететь в космос.

— Отлично, старик! Мы тобой гордимся! — это прорвался голос Петлова. — Сегодня ты — герой планетарного масштаба.

— Ванадия потеряли тонн двадцать, — прохрипел Еванов, с трудом ворочая пересохшим языком. Пульс и сердцебиение начинали приходить в норму.

— Ерунда, не обращай внимания, — успокоил его Петлов, — спешем на рекламные расходы. На записях в тыщу раз больше заработаем. Я ведь только право трансляции продал, а запись отдельно пойдет.

— Узнать бы, какая скотина прислала этих разбойников, — вклинился озабоченный голос Басильева. — Небось не сами они додумались металл в космос вышвыривать.

— Да я примерно догадываюсь, — сказал Ванька Петлов, — но доказательств все равно нет.

— Похоже, я тоже догадываюсь, — хмыкнул Басильев. — Отец Пахнутий, больше некому.

* * *

Во всех чартах и хит-парадах верхнюю строчку занимал Герман Еванов. Недоброжелатели утверждали, что причина вовсе не в таланте или «правильной» раскрученности, а в пиаре, полученном в результате пиратского нападения. Наиболее злобные утверждали, что Герка сам нанял каких-то бродяг, чтоб разыграть сцену нападения. Тем более, что патрульный корабль, прибывший на место происшествия, не нашел ни преступников, ни самой «Стрелки». Впрочем, патруль прибыл в район нападения только на третьи сутки.

Окололунная биржа металлов притихла. Никогда еще здесь не выбрасывали таких партий товара. Эксперты не брались предсказать, что будет. Большинство сходилось на том, что рынок рухнет. Дешевый ванадий займет все позиции, и весь остальной металл останется без покупателя.

Однако Еванова встретили как героя — шампанским, музыкой и искусственными цветами. На станции «Луна-товарная» космическая торговая элита устроила банкет, присутствовали все брокеры свобод-

ного полета и трейдеры небесных сфер. В общей сложности, вместе с капитанами кораблей, штурманами и девицами из офисов, набралось человек сто семьдесят. Все прекрасно сознавали революционность произошедшего. Дешевый ванадий позволял сделать новый рывок в освоении космоса, развернуть космическую индустрию в полную мощь и давать в промышленных объемах продукцию, которую можно получить только в невесомости. Герка Еванов смущался, он еще не привык к такому почтительному массовому вниманию, потому быстро напился и с удовольствием спел несколько песен. Всеобщий восторг вызвали полюбившиеся «Мы летим на астероиде» и «Когда со скрежетом сшибались корабли».

Однако Герка себя в руках держал и ни на одно из деловых предложений не ответил. Тем более, что из наручного голографа за ним зорко следил Ванька Петлов и периодически орал:

— Господа, все вопросы к директору!

И тут же приступал к переговорам. Кому-то отказывал сразу, с кем-то обещал связаться позже. Но с одним трейдером быстро нашел общий язык и, несмотря на то, что подвыпивший Еванов размахивал руками, мешая прямому общению, прямо через наручный голограф договорился об услугах по отовариванию фьючерсов. Герке же дал отпуск. Еванов безусловно заслужил отдых, а главное, он теперь уже стал звездой эстрады, и лучше было его отпустить, чем ждать, пока он сам сорвется на Землю пожинать лавры.

За всем этим шумом совершенно незаметно для всех воссоединились Петлов и Басильев на ванадиевом астероиде. Пока земляне чествовали героя космоса Германа Еванова, его друзья приткнули к ванадиевой горе три мусорорасталкивателя, соединили их трубопроводом с общим топливным баком и запустили двигатели в короткоимпульсном режиме. Таким способом начали потихоньку тормозить Христину Бунти. А в свободное время наблюдали по голографу триумф Герки Еванова.

Прилет на Землю космического поп-идола был обставлен по всем правилам. Полный космодром народа, четыре ряда телекамер, оркестр электронных духовых инструментов корпуса МЧС, взвод почетного караула кавалергардов на белых конях, колонна черных аэромобилей и фанаты с плакатами, портретами кумира, флагами и воздушными шариками. Увидев свое космическое божество, сходящее по трапу из лунного челнока, фанаты дружно взвыли и вскинули руки с ванадиевыми браслетами, затрясли цепями и брелоками. Звон стоял, как в Лавре на Пасху. Обалдевшего Еванова забросали цветами. Из каждого

второго букета торчала записка с восторженными объяснениями в любви, а к некоторым даже были привязаны лифчики, на впечатляющих чашках которых предусмотрительные хозяйки написали номера своих карманных голографов.

Кто-то солидный и лысый взволнованно говорил в микрофон речь. Телевизионщики орали, чтобы Еванов еще раз поднялся по трапу и спустился снова, но уже помедленней. Какие-то крепкие ребята окружили его и не давали никому приблизиться, кроме одного зеленоволосого дядьки, оказавшего главным продюсером фирмы грамзаписи «Пом и д'Ор». Он и организовал всю эту свистопляску на космодроме. Попавшему в его цепкие лапы Еванову оставалось только подчиниться и выполнять намеченную программу.

Он помахал руками, продемонстрировал себя телекамерам, рассыпал во все стороны дюжину воздушных поцелуев и уселся в аэромобиль. Колонна аэромобилей пришла в движение и улетела, оставив взволнованных фанатов махать плакатами и флагами. С этого самого мгновения Герка Еванов начал понимать подлинную суть выражения «индустрия шоу-бизнеса». Больше у него не было свободной минуты, когда бы он принадлежал самому себе.

В машине он начал подписывать коробки с дисками и свои фотографии, чтобы зря время не терять. Параллельно слушал последние сводки рейтингов и отчет бухгалтерии. Отличный доход приносили ванадиевые браслеты с выгравированными цитатами из песен и профилем автора.

В ресторане уже был накрыт обед, сразу после него Еванова отдали визажистам и имиджмейкерам. Те без лишних церемоний принялись намывать ему голову, маникюрить пальцы, массировать спину, снимать мерки для костюма и гримировать лицо. Два фотографа непрерывно вели съемку, останавливаясь лишь затем, чтобы пролистать в фотоаппарате снимки и большую часть сразу же стереть. Тут же появились корреспонденты, желающие взять интервью.

К вечеру уже не осталось никаких сил, но выяснилось, что ему предстоит концерт. Нет, не слушать музыку, а петь самому. Продюсер налил ему стакан какой-то волшебной жидкости, и Герка вдруг почувствовал необыкновенный прилив сил, необъяснимую радость, восторг и энтузиазм. Он с наслаждением отыграл и отпел первый в жизни сольный концерт. Потом Герка приехал в шикарный гостиничный номер, рухнул на широченное ложе и мгновенно уснул.

С утра пораньше явился инструктор по аэробике и погнал на зарядку. Потом по порядку явились личный врач-отоларинголог, стома-

толог, визажист, стилист и гример. После завтрака была примерка костюмов, отбелка зубов и корректировка бровей. После обеда до ужина в студии занимались записью, после ужина репетировали. Концерта сегодня не было, но завтра начиналось кругосветное турне.

Началось оно с утверждения декораций и притирки с кордебалетом. Из балетного класса — в студию на запись, потом на полчаса в фан-клуб для раздачи автографов и получения восторженных поцелуев, затем интервью и снимки для журнала...

Басильев с Петловым только посмеивались, наблюдая из космоса за Геркиной эволюцией. Правда, старый друг все реже выходил на связь, выглядеть стал как-то иначе, и в голосе появились покровительственные нотки.

Но тут подоспело время рассчитывать по фьючерсам, и поисковикам стало не до Геркиных вывертов. Нанятый дилер с работой справлялся вполне, погашение фьючерсов шло в бодром и ровном темпе, деньги исправно текли на счет корпорации. Первый заработанный миллиард ошутимо круглился длинным рядом нулей.

* * *

В ту ночь — впрочем, на астероиде в течение одних земсуток ночь наступала 48 раз, так что лучше сказать «в период сна» — Петлову приснился гадкий сон. Будто бы бывшая мега-звезда Христина Баунти куда-то пропала, и он, Ванька Петлов, обязан ее заменить. И прямо сегодня ему сделают операцию по перемене пола и начнут трансмутировать внешность.

Проснувшись в холодном поту, не веря, что это всего лишь во сне поблазнилось, Петлов ошупал себя и, убедившись, что все на месте, облегченно расслабился. Но мерзкое ощущение не покидало, и снова уснуть он не смог. Хотя времени еще было мало, часок можно бы и вздремнуть.

Ванька выполз из спального мешка и отплыл в кабину управления, чтобы по привычке посмотреть утренние новости на телеканалах и что-нибудь из этой информации забросить на свой сайт. Через минуту сонливость и тревогу как рукой сняло, потому что началась паника, и Петлов судорожно принялся давить на кнопку тревоги. Примчался Басильев и, узнав причину тревоги, оказался в шоке. Было от чего — по всем каналам гнали практически один и тот же текст: «Ажиотаж на бирже! Акции «Королей ванадия» идут нарасхват!».

— Ты чего-нибудь понимаешь? — наконец Басильев обрел дар речи.

— Кажется, начинаю понимать, — Петлов тоже постепенно приходил в себя. — Герка, поп-идол безмозглый, ящер травоядный, голожаберная тварь! Похоже, сбросил свою долю акций.

Действительно, на биржу поступил миллион акций «Королей ванадия» по номинальной стоимости тысяча космобаксов.

Петлов остервенело принялся вызванивать знаменитого певца-исполнителя. Но по всем голографам отвечали какие-то помощники продюсера, администраторы, распорядители и прочая мелкая сволочь шоу-бизнеса. Наручный Геркин голограф не отвечал. Единственное, что утешало — рост котировок. К середине сессии давали уже 1920 космобаксов за акцию. При этом пакеты предлагались солидные — по сто тысяч штук.

— Во разгулялись, спекулянты! — Басильев только головой качал от изумления.

Тут из голографа высунулась прилизанная голова в декоративных черепаховых очках:

— Господа, 177-й канал, «Финансы», обозреватель Арнольд Билбордов. Не могли бы вы прокомментировать свое решение о продаже акций.

— Нет никакого решения, — сердито набычился Басильев. — Это Еванов решил продать часть своих акций.

— Комментарии будут позже, — подлетел Петлов и отпихнул в сторону капитана.

— Значит ли это, — сделал стойку Арнольд, — что Герман Еванов решил полностью уйти в шоу-бизнес? Он покидает корпорацию «Короли ванадия»?

— Это означает, что Герка — дурак, — снова высунулся Басильев.

— Все, интервью закончено! — взвился Петлов и выключил голограф. После этого накинулся на капитана: — Ты что, спятил? Не соображаешь ничего? Ты зачем нам репутацию портишь?

— Ничего такого я не делаю, — в свою очередь, разъярился капитан Басильев. — Я только всем объявил, что Герка — дурак. И это так и есть.

— Если он дурак, то мы бы могли вести себя поумнее. Сейчас нам твой длинный язык аукнется.

Аукнулось очень быстро. Биржевые котировки стремительно покатались вниз. Буквально за пятнадцать минут они обрушились с двух тысяч до тысячи ста и продолжили падать. Все комментаторы связывали это с внутренними распрями в корпорации «Короли ванадия».

«Они передрались», — сказал «Коммерс-уикли». «Суперзвезда Герман Еванов порвал со старой компанией», — констатировал «Новостник». Ему возражал «Биржевик»: «Еванова выбросили из корпорации». «Королевство» трещит по швам», — подвел итоги «Финконтроль».

Два короля ванадия сидели в кают-компании и молча пялились в голограф. К концу сессии котировки упали ниже номинала. Только прекращение торгов предотвратило немедленный крах. Но было понятно, что наутро акции «Королей ванадия» рухнут до позорных пятидесяти космобаксов.

И тут позвонил Герка Еванов. Сам. Понял, видать, что все равно придется держать ответ перед друзьями. Но даже не поздоровался, а сразу попер:

— Мужики, мне деньги нужны были позарез! Усадьба-музей Пола Маккартни в Норильске продается. Я не мог допустить, чтобы ее уничтожили какие-то «новые чукчи», которые собирались там устроить оленеводство.

— Чья усадьба? — не понял Петлов. — Какого еще Маккартни?

— Обыкновенного Маккартни, основателя «Битлз», одного из великой тройки — Бетховен, Чайковский, Маккартни, на которых вся современная музыкальная культура стоит.

— А Моцарт? — грозно спросил Басильев.

— Чего — Моцарт? — не понял Герка.

— А на Моцарте не стоит?

— Нет, конечно, — Еванов усмехнулся снисходительно. — Моцарт — основоположник узкого направления: так называемый мобил-поп, музыки для мобильников. И творил он поздней, уже в двадцать первом веке.

— И что там за усадьба в Норильске? — мрачно поинтересовался Петлов.

— Ну, обычная такая для того исторического периода, — Еванов слегка стушевался, — крупнопанельная, в четыре этажа, на два подъезда. Прудик, где маленький Пол учился плавать на надувном матрасе, еловая аллея, березовая роща, где он с другом Лениным сочинил свою первую песню. Здесь же он написал и свое знаменитое «Есть тудэй».

— А с чего ты, Герыч, решил, что это действительно усадьба Маккартни? Он разве не ирландец?

— Нет, конечно. Он шотландец. И в Шотланде у него замок-музей. Но детство Пол провел в этой усадьбе под Норильском у бабушки Арины Родионовны. Там и памятник ему стоит. И собрание пла-

стинок, фотографии на всех стенах. Его личная скрипка работы мастера Немухина, и любимая электроарфа, на которой он перочинным ножом вырезал «Пол и Джон — друзья на век. Не забудем Диксон и Певек». — В интонации Германа Еванова сквозило восхищение великим предшественником. — И уникальная коллекция газетных вырезов о нем — шестнадцать тысяч единиц. И масса других реликвий — его одноразовые стаканчики, зубные щетки, кусочек мыла, флаконы из-под одеколона, фантики от жвачки, крышка от унитаза. Все подлинное!

— И все это стоит миллиард? — не поверил Петлов. — Миллиард космобаксов? А поторговаться?

— В таких случаях не торгуются, — вздохнул Еванов. — Это же культурно-историческое наследие человечества, а оно бесценно.

— Герыч, мы же договаривались не продавать акции, — сурово оборвал его капитан Басильев.

— Так ведь не контрольный же пакет, ребята, — заныл Герка. — А усадьбу эту, «Земляничную поляну», я должен был спасти. Это моя миссия.

— Контрольный, конечно, у нас остается, да вот только подешевел этот пакет в десять раз, — сурово ответил Петлов. — Ты, конечно, свою долю уже получил, а на нас тебе наплевать.

— Да вы что, ребята, — изумился Еванов, — я ничего такого и не думал. Просто памятник культуры спасал... Ну давайте, я заявление сделаю? — Еванов чуть не плакал. — Сейчас позову пресс-секретаря и объявлю.

— Объявлять будем все вместе, — остановил его Петлов. — Это единственное, что остается. И нам с Сашкой придется тоже по миллиону акций на рынок выбросить, чтобы убедительно выглядеть.

И, не откладывая дела в долгий кластер мега-диска, тут же состряпали заявление. Дескать, ввиду того и сего, в связи с повышением капитализации учредители решили расстаться с третью имеющихся акций. Они приносят свои извинения за то, что не объяснили ситуацию ранее. В ближайшее время на биржу будут выставлены еще два миллиона акций. Желаящие могут сделать предварительный заказ.

Сразу же это заявление, подписанное всеми тремя учредителями, разослали по брокерским конторам и средствам массовой информации. На внебиржевых площадках и круглосуточных электронных сетевых торгах тут же начали расти котировки. К утру они уверенно превысили номинал, так что, когда открылась фондовая биржа, брокеры уже снова были готовы загонять цену акций до самого неба.

— До чего же нервная у нас, миллиардеров, жизнь, — подвел итог Сашка Басильев.

* * *

Вопреки радужным ожиданиям котировки «Королей ванадия» в небеса не взлетели, только слегка поднялись над землей, остановившись на уровне 1120—1130 космобаксов. Трех миллионов акций оказалось многовато для рынка, да и у инвесторов появилась настороженность после скандала, устроенного телеканалами по поводу выходки Герки Еванова. Он, конечно, покаялся перед друзьями, но исправить больше ничего было нельзя.

Между тем Еванов продолжал безудержно проматывать свои немалые доходы, что неоспоримо свидетельствовало о его звездном статусе. За сто миллионов купил роскошное бунгало на Берегу миллионеров, за сто двадцать — ныряющую яхту и самолет.

Друзья Геркино мотовство не одобряли, но поделаться ничего не могли. Дозвониться до Еванова было невозможно, а сам он на связь выходил от силы раз в две недели. И очень обижался, когда ему начинали пенять на непомерные траты.

По условиям договора с фирмой грамзаписи «Пом и д'Ор» Еванов уже не мог размещать свои новые песни на сайте «Королей ванадия». И если раньше фанаты, скачивавшие новые Геркины произведения, ежедневно приносили кругленькую сумму в кассу корпорации, то теперь в отдельные дни и гроша ломаного не поступало. Пропал интерес и к «Невестам миллиардеров», соответственно, рекламодателей резко убавилось. Сайт, который еще недавно приносил миллионы, едва себя окупал.

А пиар требовал все больших расходов, потому что популярность Германа Еванова начала падать. Видно, приелся молодежи его космический рок. Он по-прежнему собирал полные залы, просто залов этих стало в три раза меньше. На сцену вышел новый кумир юного поколения — Дуся Череповец, двенадцатилетний вундеркинд с рано развившимися формами. Она шустро пилила на электроскрипке, мощно горланила и выкидывала ногами такие штуки, что некоторые папаши сходили с ума наравне с детишками.

Да тут еще налоговая инспекция подоспела и выставила умопомрачительный счет. Подходный требовали и с миллиарда, вырученного за акции, и с доходов от концертной деятельности, и от продажи записей, и за торговлю товарным знаком «Еван off», и на имущество. Дом-музей Пола Маккартни в Норильске, который, оказывается, не

был зарегистрирован как учреждение культуры, попросту добил Герку. Вроде шесть процентов — это не так уж и много, но когда шесть процентов от рыночной стоимости объекта — а купил пресловутый музей Еванов за девятьсот миллионов космобаксов, — это больше пятидесяти миллионов в космической валюте. Можно было садиться на веник и вылетать в трубу.

— Теперь ты понял, почему богачи свои ценности дарят разным благотворительным фондам? — участливо спросил его Петлов, когда Герка начал плакаться в голограф на свою роковую судьбу.

— Понял, а что теперь делать? Дарить уже поздно. Может, дадите денег из средств корпорации?

— Да ты рехнулся, Герыч, — сразу посуровел Петлов. — Под Министерство ликвидаций и банкротств подвести хочешь? Возьми в банке кредит, за полгода отработашь. Просто перестань сорить деньгами, и все будет в порядке.

Кредит Еванов взял, за налоги рассчитался, уверенный, что в короткий срок отыграется. В довершение полосы неприятностей отменилось турне по столицам мира. Взамен предлагались курортные площадки и периферия, не избалованная звездами столь высокого полета. Но и деньги там были периферийные, их едва хватило бы, чтобы содержать самолет с экипажем, а также гримеров, визажистов, массажистов, фотографов, администраторов, бухгалтеров, промоутеров, звукооператоров и еще сто человек.

— Мужики, дайте денег! — вопил голографический Еванов.

— А ты музей Пола Маккартни продай, — дружелюбно советовал ему Петлов.

— А то я не продавал! — возмущался Еванов. — Никто брать не хочет. Одни только чукчи дают три миллиона земнодолларов. Уже и олень подвезли.

— Да, Герыч, влетел ты с этим музеем, — сочувствовал Басильев. — А все почему? Потому что с друзьями верными посоветоваться не удосужился.

— Если вы мне друзья, то дайте денег! — орал Еванов. — Мне и так несладко, а они еще соли на жабры подсыпают. И нечего меня воспитывать, я уже большой. Мне треть от доходов положена!

— Ну, допустим, не треть, а только четверть. Забыл, что миллион акций сам на биржу спустил? — продолжал пилить Петлов. — Кроме того, распределять доходы — что на дивиденды, что на развитие — будем только через три месяца, как положено по уставу.

— А мне деньги сейчас нужны! — бушевал Еванов.

— Ну, а концерты твои?

— Какие к черту концерты! «Пом и д'Ор» контракт продлевать не хочет, новые записи не покупают, рекламу прекратили. Я уже из всех рейтингов выпал. Пресс-службу пришлось уволить — все двенадцать человек. За две недели ни одной публикации. Фанаты разбегаются, клипы не крутят, даже ругать прекратили, — Герка всхлипнул. — Яхту за полцены продал...

— Знаешь что, старина, продавай все, разгоняй обслугу и валяй обратно к нам на астероид, — предложил Петлов. — Ну, покуражился, погулял, хлебнул славы и хватит. Давай обратно, а?

— Да вы что? — у Еванова глаза округлились. — Я мега-звезда, я человек искусства, а вы предлагаете мне снова отправиться куда-то на край света париться в ржавом ведре и мусор собирать?

— Тяжелый случай, — вздохнул Петлов. — А ведь всего полгода назад ты считал, что это и есть настоящая жизнь. Что с тобой сделали, Гера?

— Да со мной все нормально, это вас как подменили. Не хотите другу помочь. Ну и черт с вами, обойдусь!

И с этими словами Еванов выключил голограф.

— Вот так, — грустно сказал Петлов. — Был друг, и не стало друга.

— А может, он еще одумается? — неуверенно предположил Басильев.

— Не, Саня, боюсь, что это уже навсегда. Разве ты не видел, как его ломало, что к нам пришлось обращаться? — Петлов качал головой, сокрушаясь и печалась. — Жестокая штука — слава, помноженная на деньги.

И тут пришли первые вести с биржи: падение котировок «Королей ванадия», вызванное массовым притоком заявок на продажу. Еванов выбросил на рынок все свои акции — два миллиона.

Держатели акций, почуявшие, что рынок перенасыщен, кинулись сбрасывать свои пакеты. И «Короли ванадия» рухнули ниже номинала. И это бы еще ничего, но тут подоспел с заявлением нобелевский лауреат академик Почечуй. Точнее, заявление делал не сам ставосьми-десятилетний патриарх нанохимии, а его имплантованная женушка, которая была на сто лет моложе супруга. Почечуиха жеманно зачитала заявление для всего человечества, а лысый Почечуй только кивал и изредка вытирал рот рукавом. Да еще спрашивал, прикладывая ладошку к уху: «Чавойт?».

— Ванадий — это яд! — заявила смазливая Почечуиха. — Даже мизерное количество ванадия в организме вызывает импотенцию, облы-

сение, климакс, диарею, потливость, сонливость, сопливость, депрессию и массу других проблем. Опыты показывают, что это мощнейший канцероген...

«Здоровье сохраняй — посуду поменяй!» — такой рекламный слоган в тот же день взяла на вооружение компания «Рецептор». Взамен кастрюль и сковородок из ванадиевой стали она предлагала алюминиевые с антипригарным зеркальным покрытием, применяемым для облицовки космических кораблей. Цена тоже была космической, но перепуганный народ ломанулся в посудные лавки, сметая с полок все подряд. Когда только «Рецептор» успел заготовить такое количество посуды по новым технологиям?

Выступления светил медицины, физиков и химиков следовали одно за другим. Рефреном звучало: «Ванадий — страшный яд!». Тут же появились фирмы по утилизации опасного металла. Их объявления гласили: «Не прикасайтесь к ванадию! Это смертельно опасно! Позвоните нам, и всего за 200 долларов мы избавим вас от смертельно опасных браслетов, цепей, ложек, кастрюль и других опасных предметов». И люди в ужасе освобождались от цепей и браслетов, набирали заветный номер и платили храбрым утилизаторам, чтобы те поскорее забрали окаянный металл. Отважные молодцы в специальных комбинезонах брали клещами браслеты, помещали их в специальные контейнеры и вывозили для утилизации. А осчастливленные люди бежали в аптеки, чтобы купить специальную пищевую добавку на основе клевера и гусиной гречки, выводящую из организма ванадий. В тот сезон многие сколотили состояния на борьбе с презренным металлом.

Торговля ванадием прекратилась. Акции «Королей ванадия» исключили из листинга. Где-то на внебиржевых площадках они еще фигурировали по четыре цента за акцию...

— Ну вот, а мы уже снизили скорость астероида до восьми километров, — мрачно процедил Петлов.

— Не забывай, что у нас есть по миллиарду, с голоду не помрем, — попытался утешить его Басильев. — А что? Бросим к черту эту Христину Баунти да и маханем на Землю. Что мы, хуже этого дуrolома Еванова?

— Хуже, — Петлов был безутешен. — Не смогли парня удержать. Теперь ему и на дивиденды рассчитывать не приходится. Их чужой дядя получит. Кстати, странно: впереди маячат такие дивиденды, а акции даром идут. Может, скупим?

Но скупить ничего не удалось.

* * *

— Ну что, братишки, не ждали? — высунулся из голографа старый знакомый. — Сколько у вас там на руках акций задержалось? У меня их шесть миллионов — это пятьдесят процентов, если кто считать разучился. Предлагаю провести внеочередное собрание. Как я вас обштопал, а? Говорил, что по миру пушу, все и сбилось. Не надо ссориться с Пахнутьевым — себе дороже.

Такого оборота короли ванадия не ожидали. И не нашли, что ответить. А Пахнутьев с шутками-прибаутками изложил свои требования, подкрепленные половиной акций, — разделить все пополам.

— Все активы, — уточнил он.

— Завод пополам пилить будем? — поинтересовался Басильев.

— Завод я целиком возьму, так и быть, — смилостивился брокер. — А вы остальное железо забирайте — мусоротолкатели, «Белку» свою залатанную, «Гленна». А денежки, понятно, пополам. Ну, а вот астероид пилить будем. Ясно? Понимаю, что мое предложение вам не нравится, но поделаться вы ничего не можете.

— Подлец прав, — убитым голосом сказал Басильев, — ничего мы поделаться не можем. Пусть подавится, паразит.

В отличие от капитана Басильева директор Петлов держался совершенно спокойно. Он только сочувственно покосился на приятеля и участливо спросил:

— Сашок, у тебя с головой все в порядке? — Потом повернулся к голографическому Пахнутьеву: — А у тебя, мужичок, как с головушкой? Не того, часом? Завод ты не получишь ни под каким соусом, даже и не мечтай. Тем более, что он называется «Короли ванадия», а это наименование сохраняется за нашей половиной корпорации.

— «Короли ванадия» — это не беда, — загоготал Пахнутьев. — Это я мигом исправлю. Назову «Император ванадия». Так, кстати, будет называться и моя корпорация.

— Это твои проблемы, как назвать, — саркастически улыбнулся Петлов. — Хоть «Император», хоть «Шахиншах», хоть «Комиссар». Но беда в том, что переименовывать комбинат тебе не придется, поскольку он является личной собственностью гражданина Басильева.

Голографическая физиономия Пахнутьева сделалась красной, и он заорал, разбрызгивая виртуальные слюни:

— Это афера! Вы оба мошенники! Я потребую расследования!

— Расследуй, сколько влезет, — небрежно отмахнулся Петлов. — А ты, Саня, совсем опупел, сидя на астероиде. Забыл, откуда деньги на

комбинат взялись? Это же компенсация по судебному делу «Опилки в шоколаде».

— Точно! — хлопнул себя по лбу Басильев. — И комбинат я заказывал от своего имени, а не от корпорации.

— Засужу! — снова принялся брызгать слюной красный от злости брокер, Басильев даже отплыл немного назад, чтобы голографические брызги не доставали.

— Вот сутяга какой в акционеры попал, — посетовал Петлов. — Кстати, поскольку металлургический комбинат не является собственностью корпорации, нам пришлось оплачивать работу по обработке ванадия. Пять тысяч космобаксов за тонну. Поэтому на счету не полтора миллиарда за ванадий, проданный по фьючерсам, а семьсот пятьдесят миллионов.

— Аудит! Я требую аудит! — заголосил Пахнутьев. — Я вас выведу на чистую воду, мошенники!

— За свой счет — пожалуйста, — осадил его Петлов. — Сейчас дам тебе пароль доступа к документации, и можешь приступать. Твое право. И в связи с этим вопрос: решение о разделе корпорации будем принимать сейчас или после аудита?

— Сейчас, немедленно!

— Отлично. В таком случае оформляем протокол и разбегаемся.

— Нет, не разбегаемся, — ухмыльнулся Пахнутьев, — а производим раздел активов.

— К сожалению, батенька, в соответствии с законодательством, раздел активов производится только после всех выплат и расчетов, включая дивиденды на момент раздела, — скучным голосом сообщил Петлов. — Но я сделаю все возможное, чтобы процедура завершилась прямо сегодня.

— Мошенник! Меня не проведешь! — взвился Пахнутьев. — Хочешь все активы перекачать в дивиденды?

— Хочу, — легко подтвердил Петлов. — Но если ты против, давай вообще не будем выплачивать дивидендов. Ставлю на голосование. Кто за это предложение?

— Я за это предложение, — торопливо задрал руку Пахнутьев.

— Отлично, я тоже, — махнул рукой Петлов. — Приступаем к дележке? Кто за это предложение? — Он поднял руку, глянул на Басильева и объявил: — Единогласно. Зафиксировано в протоколе, видеозапись голосования прилагается. Ну вот, теперь приступаем к самому главному. «Железо», а именно: корабль «Белка», порядковый номер 117, Корабль «Гленн Супер», порядковый номер 642, три мусорорас-

талкивателя под номерами 8, 14 и 17, а также бак с топливом и система топливопроводов — все балансовой стоимостью сто миллионов космобаксов — остаются в распоряжении корпорации «Короли ванадия».

— Э, нет, так дело не пойдет, — прервал его Пахнутьев. — А амортизация? Да и половина топлива уже истрачена. Хочешь провести все это по цене покупки?

— Ничего подобного, — возразил Петлов. — Амортизация включена, топливо пересчитано, просто цены на все круто поднялись за последние месяцы. Так называемая ванадиевая лихорадка сыграла свою неблагоприятную роль.

— Так ведь закончилась лихорадка! — возмутился Пахнутьев.

— Закончилась, — подтвердил Петлов. — И, думаю, не без твоего активного участия. Так ведь и рост цен закончился. Просто обратного спада не произошло. И, видно, уже не произойдет. А баланс, сам знаешь, идет по рыночным ценам, а не по внутренним. Таковы требования закона, чтоб не случилось никаких злоупотреблений с внутрикорпоративными ценами.

— Ладно, — недовольно пробурчал Пахнутьев, — ставь на голосование. Мне вся эта рухлядь даром не нужна. Лучше я сто миллионов возьму. Давай теперь остальные 650 миллионов делить.

— К сожалению, сначала мы должны сделать все выплаты по обязательствам. А потом уже выплачивать сто миллионов и делить остальное, — хладнокровно осадил брокера Петлов. — Так вот, мы должны выплатить директорское вознаграждение по итогам периода финансовой деятельности — двадцать процентов прибыли. Что равняется ста пятидесяти миллионам...

— Это грабеж! — взвыл Пахнутьев.

— Это не грабеж, это милость Божия, — назидательно сказал Петлов. — По закону, мы могли установить вознаграждение в пятьдесят процентов. Это я уже поскромничал. Теперь зарплата. Ну, это сущие пустяки — по миллиону на брата, включая Еванова, он ведь тоже здесь трудился, пока не стал мега-звездой. А еще компенсация за ноу-хау, зарегистрированное и защищенное авторским правом.

— Что еще вы тут изобрели? — насторожился Пахнутьев.

— Я изобрел, я лично, — гордо поднял палец Петлов. — И это мое гениальное изобретение независимые эксперты оценили в триста миллионов космобаксов — разделка астероида на лету и его перевод на новую орбиту. Деньги должен получить по условиям лицензионного договора.

— Жулик! — завыл Пахнутьев. — Не имеешь права. Ты это изобре-

тал как работник корпорации, а потому ноу-хау принадлежит ей, а не тебе.

— Читайте законы и изучайте документы, пароль доступа у вас есть, — ледяным голосом произнес Петлов, переходя на вы. — Это безусловные выплаты, и нечего тут торговаться. Триста миллионов я забирала. А вы теперь можете получить свои сто миллионов компенсации за «железо». Остаются еще двести миллионов, их делим пополам. Итого вам причитается денежной наличности двести миллионов. Поздравляю! На этом раздел корпорации «Короли ванадия» будем считать завершенным. Претензии есть?

— Конечно, есть, — выразил недовольство Пахнутьев, — ну да так и быть. Подписываем протокол. Теперь появилась новая корпорация — «Император ванадия»! — И брокер потер руки.

Капитан Басильев только тяжело вздохнул — у него не было слов. Зато директор Петлов хищно осклабился и пророкотал:

— А теперь, отец-император, позвольте выставить счет за торможение астероида.

— Какой еще счет? — не понял Пахнутьев.

— Излагаю, — с невинным видом принялся объяснять Петлов. — Используется наша техника, наше горячее, наш каторжный труд, а главное — наше, точнее, мое ноу-хау. Суммируем и получаем пятьсот тысяч космобаксов за сутки работы. Прошу оплачивать без задержки, чтобы пеня не набегала — сто процентов за день просрочки.

Говорить Пахнутьев не мог, только хватал воздух разинутым ртом, шлепая жирными губами. Лысина его влажно блестела, по всему лицу тоже выступили мелкие капельки.

— Эк его разобрало, болезного, — сочувственно покачал головой Петлов.

— Слышь, Ванька, — пихнул его локтем в бок Басильев, — ты когда все это успел? Ну, выплаты эти оформить, ноу-хау.

— Протоколы надо читать, а не подмахивать, не глядя, — улыбнулся Петлов. — Когда Герка на рынок свои акции в первый раз вывалил, я сразу понял, чем это чревато, и принял меры, чтоб мы с тобой без гроша не остались.

Тут раздалось визгливое:

— Я требую дивидендов! — это к Пахнутьеву вернулось чудо человеческой речи. — Протокол недействителен!

— А вот с этим, пожалуйста, в судебные инстанции, — радостно предложил Петлов. — Впрочем, сомневаюсь, что они помогут переиграть ситуацию. Все прошло в полном соответствии с вашими пожела-

ниями: никаких дивидендов, «железо» нам, сто миллионов вам и так далее.

— А вы не имеете права загибать такие цены за торможение! — заорал Пахнутьев. — Я подам в арбитраж, а пока дело решается, все выплаты будут заморожены.

— Хорошо, будем торговаться, — пошел на попятную Петлов. — Двадцать процентов рентабельности — это гарантированная норма, так?

Торговались долго и яростно.

— Ты где подобные расценки видал? — орал Пахнутьев.

— За такие гроши дешевле все выключить и бросить этот астероид. Кстати, на твоей половине никого нет. Я могу сейчас на нее наступить, и она станет моей, — угрожал Петлов.

— Валяй, наступай, можешь даже на задницу сесть, от нее не убудет, — гоготал Пахнутьев. — Где чья половина? Пока не произошло физического разделения, ты бесплатно будешь мою половину сторожить.

В конечном счете остановились на ста тысячах в сутки.

— Ладно, — мстительно пригрозил Пахнутьев напоследок, — я прямо сейчас зафрахтую новейший «Рассекатель», и скоро разберемся, где чья половина и кто кого тормознет.

— И когда только ты успел стать такой сволочью, Парамоша? — задумчиво спросил его Басильев. — Ведь в Навигацкой школе ты казался нормальным мужиком, с тобой дружить можно было. Неужели деньги так ломают?

— Не, деньги не ломают, — ухмыльнулся Пахнутьев. — Вот очень большие деньги, эти — да, эти обламывают так, что не узнать. Как вашего дружка Еванова, этого дурика с гитарой. Но тебе, Санек, это не грозит. Не будет у тебя очень больших денег. Все, что ты имеешь сегодня, это предел, за который ты уже никогда не выйдешь. Наоборот, ты их промотаешь, как твой Еванов, и история смоет тебя в унитаз! И я плюю на тебя!

И с этими словами Пахнутьев отключился. Капитан пришел в ярость и схватил питьевой баллон.

— Ага, еще экран разнеси вдребезги, — сказал Петлов, — продолжи разорение.

— Да провались оно все! — кипел возмущением капитан. — На кой черт мне сдался этот комбинат? И на кой черт нам нужен этот долбанный астероид? На половине Земли ванадий уже запрещен. Он и даром никому... — Басильев в отчаянии махнул рукой. — Все, забираю

«Гленн» и улетаю домой. Денег у меня достаточно. Комбинат продам за сколько дадут. А ты можешь дальше тут корячиться.

— Что ж, удобный случай избавиться от партнера, — задумчиво произнес Петлов. — Большие деньги действительно ломают. Вот сейчас прислушался к себе — ломают, подлые, прямо душу выворачивают. Шепчут интимно так: «Давай, соглашайся, отдай «Гленн». А через полгода будешь королем — один на троне». Только ты ведь, Сашка, мне не партнер, ты мне друг, самый близкий. Не знаю, как у тебя, а у меня больше никого нет. И что мне эти деньги дадут? Только гарантированное одиночество. Все остальное — мечты идиота, вроде дома-музея Пола Маккартни в Норильске.

— Так ведь и у меня никого, кроме тебя, нет, — вздохнул Басильев. — Сколько мы с тобой уже летаем? И ведь не надоели до сих пор друг другу. Только устал я от всего этого, нервов уже никаких не осталось. То не знаешь, как этот астероид затормозить, то котировки падают, то Герка что-нибудь выкинет, теперь вот корпорацию нашу пополам разломали. Да и ванадий на всей Земле скоро запретят, бессмысленно все это.

— Ну и пускай себе на Земле запрещают, — пожал плечами Петлов. — Нам-то что? В космосе же его не запретили. «Глобальный проект» строительство лишь на три дня заморозил, сейчас снова продолжает, просто об этом сообщалось вскользь, никто внимания не обратил. Потерпи еще немного, прошу тебя как друга, скоро все образуется. Думаю, через несколько недель запреты на ванадий снимут, вот увидишь.

— Откуда такой оптимизм? — горько усмехнулся капитан.

— Откуда? — Петлов был серьезен. — «Глобальный проект» строит мощнейший картель крупнейших корпораций планеты, он поддержан рядом правительств, в том числе финансово. Это, как выразился один государственный философ, последняя надежда человечества, возможность технологического прорыва на следующий уровень цивилизации. Да окажись это не ванадий, а мышьяк или цианистый калий, все равно строительство будет продолжено. А по поводу ванадия крику много, но фактов — ни одного. Где хотя бы один зафиксированный случай отравления?

— Ну, наверное, были какие-то случаи.

— Включи голову, братец, — укоризненно посоветовал Петлов. — Это как «Сахар — белый яд». Сказано громко, но не более того.

— Сахар не запрещали, — пробурчал Басильев.

— Вот найдутся богатые лоббисты, — пообещал Петлов, — высту-

пят Нобелевские лауреаты, вскипит общественное мнение — и запретят. Заставят всех искусственные подсластители жрать. Вот увидишь.

— Надеюсь, что нет, — продолжал бурчать Басильев. — Ну, а вдруг не отменят запрет на ванадий? Так и просидим сто лет на этой глыбе?

— Думаю, скоро отменят, — уверенно сказал Петлов. — Зря что ли, Парамон твой засуетился? Торопится астероид разделать. Скоро, Саня, скоро все отыграют назад. Так что потерпи еще немного. Ты мне дороже любых миллиардов. Не бросай меня здесь одного.

И они крепко обнялись, как не обнимались уже давно. И на глазах у обоих даже блестили слезы. Ну, это они так после всех переживаний расслабились — нервишки-то не ванадиевые.

— Эх, где-то сейчас наш Герка обретается, — загрустил Басильев. — Надо было ему денег дать.

— Надо было дать, — вздохнул Петлов. — Я для того и сконструировал всю эту систему с выводом денег из корпорации, чтоб ему помочь. Только он, видишь, подождать не захотел. А без этого на все наши активы сейчас бы арест наложили, и Пахнугьев все задарма бы получил. Но теперь все в наших силах. С собственными деньгами можем поступать, как пожелаем. Только Геркины голографы не отвечают...

* * *

Как в воду глядел Петлов — через пару недель разразился скандал, получивший в прессе название «ванадиевый». Известнейший обозреватель телегазеты «Коммерс-уикли» Грифон Залетный решил взять интервью у Нобелевского лауреата академика Почечуя. И, несмотря на яростное сопротивление академической жены, прорвался к патриарху нанохимии.

И тут случился конфуз. Почтенный патриарх не мог отличить стакан от пылесоса, а почти весь его лексикон ограничивался выражением «Чавойт?».

— А про ванадий, дед, ты знаешь чего-нибудь? — хохотал Грифон адским смехом.

— Ванадий — ето чавойт? — крутил головой Почечуй.

— Нет, это не академик, — закатывался хохотом Залетный, — это какой-то геморрой. Кстати, дорогие зрители-читатели, именно так в древности на Руси назывался геморрой — почечуй.

Только после этого скандального интервью правительственные чиновники дали поручение выяснить про ядовитые свойства ванадия.

А по всем каналам СМИ пронеслись интервью и выступления других Нобелевских лауреатов, медицинских светил, физиков и химиков.

— Практически все вещества и металлы ядовиты, если их содержание выходит за пределы определенных норм, — утверждали светила. — Переизбыток в организме меди, железа, алюминия, магния, натрия, их солей и соединений губительны для человека. Надо просто не злоупотреблять. То же относится и к ванадию. Если уж на то пошло, свинец и олово гораздо опасней. А кадмий! А таллий!

Запреты на употребление ванадия были повсеместно сняты. Тут же несколько инвестиционных и пенсионных фондов, потерпевших колоссальные убытки от биржевого краха «Королей ванадия», выставили академику Почечую миллиардные иски. Но на все вопросы судебных следователей академик отвечал любимым «Чавойт?». Тогда принялись за его молоджавую жену. Почечуиха не долго запырталась, указав на некоего Смуркова, подбившего ее за сто тысяч сфальсифицировать заявление Нобелевского лауреата.

Поймали на повестку Смуркова, но тот божился, что никаких денег не давал, у него таких сумм отродясь не было, да и Почечуиху он не знает. Так дело и заглохло.

* * *

«Рассекатель пространства» — это вам не «Белка»-«Стрелка» и даже не «Гленн Супер Экстра». «Рассекатель» с такой скоростью режет пространство, что за ним в космическом вакууме возникает турбулентность, где болтает звездную пыль, а мелкие метеориты меняют траектории.

Стоит «Рассекатель» целый миллиард космобаксов, поэтому их построено всего два. Один из них и зафрахтовал Пахнутьев за безумные деньги. Не успели короли ванадия отойти от нервного раздела корпорации, как примчался «Рассекатель», и из него вывалила целая бригада во главе с брокером. Они установили жилой модуль, развернули антенну и вывалили несколько буровых агрегатов.

Королям ванадия пришлось срочно натягивать скафандры и идти чертить границу. Пахнутьев норовил оттяпать больше половины астероида, Басильев даже активным ружьем помахал, чтоб тот приступил к переговорам. На компьютерной модели астероида провели разграничительную линию, чтобы и «Королям», и «Императору» досталось поровну.

Бригада Пахнутьева — восемь бурильщиков в скафандрах максимального размера — принялась шпурить металл астероида и закладывать в отверстия взрывчатку. Брокер пытался заставить Петлова тоже раскошелиться на бурильно-взрывные работы, дескать, распиливание

Христины Баунти производится и в интересах «Королей ванадия» тоже, но Ванька его сразу отшил. Сказал, что его и нераспиленный астероид устраивает, тем более, что за торможение денежки идут. Однако тоже вытащил из «Белки» свой перфоратор и рядом со сквозными скважинами Пахнутьева, но на своей стороне, просверлил отверстие метров пять глубиной. Правда, как-то вкось. Похоже, даже въехал в скважину Пахнутьева. Но тем не менее заложил туда последние двадцать кубодециметров термовзрывчатки. Парамон над ним смеялся до икоты. А Сашка рассердился:

— Чего ты, Ванька, придуриваешься? Делать больше нечего?

— А разве есть чего делать? — натуральным образом удивился Петлов. — По-моему, только и осталось — глазеть, как эти ребята нашу Христину дырявят.

И Петлов принялся сверлить вторую скважину. Но тут его перфоратор чего-то забарахлил, Ванька уволок его обратно в корабль, наполовину разобрал и так бросил. Осталась одна сиротливая скважина, отмеченная антенной с красным флажком-отражателем. А буквально на расстоянии ладони от нее протянулся ряд пахнутьевских флажков, обозначавших заряды. Они соединялись проводами в единую систему и были оборудованы датчиками движения и телекамерами.

Кивнув на телекамеры, Басильев сказал:

— Боится, паразит, что мы его систему подрыва из строя выведем.

Бурильщики работали круглосуточно, сноровисто перебрасывая мощные сверильные установки с места на место. Пахнутьев тоже пыривался участвовать, разматывал толстую кишку губчатой термовзрывчатки, постоянно ее перекручивая. С ним прилетели две партнерши, которых ему только раз удалось выгнать из жилого модуля. Зачем он это сделал, совершенно непонятно, поскольку толку от них было — ноль, а хлопот доставили немало. Одна, когда ей поручили подтянуть кабель бурового станка, дернула так нерасчетливо, что не удержалась и отлетела в космос. Там с ней случилась истерика, и она позабыла, что у скафандра есть маневровый движок. Визжала и дрыгала ногами. Бурильщиков это раздражало, потому как визжала она в общую систему связи. Пришлось Пахнутьеву за ней слетать. А вторая партнерша, увидев, что случилось с первой, в ужасе вцепилась в тот же кабель и отказывалась тронуться с места. Четверо бурильщиков с трудом оторвали ее и внесли в модуль. Всю дорогу она визжала не хуже своей подруги.

Это зрелище оставило тяжелый осадок в душе капитана Басильева.

— Ты как хочешь, а я считаю, бабам в космосе делать нечего, — мрачно сказал он Петлову.

— Да я бы и мужиков не всех пускал, — развил его мысль Ванька. — Пахнутия, подлеца, уж точно и близко бы не подпустил, будь моя воля. Ты хоть соображаешь, что он замыслил?

— Понятно что, — вздохнул Басильев, — зашвырнет нас за пределы Солнечной системы, а сам на своей половине астероида полетит к Земле. И зачем, спрашивается, мы продолжаем тормозить эту Христину?

— Не забывай: сто тысяч в сутки, — ответил Петлов. — А за десять суток целый миллион Пахнутий нам отваливает.

— Слушай, Ванька, у тебя же миллиард космобаксов за одни только проданные акции на счетах лежит, а ты за паршивый миллион тормозишь астероид для этого гада, — укоризненно сказал Басильев. — А он тем временем половину нашего богатства откусывает. Ты вообще что-то собираешься предпринять или мы так и улетим после взрыва черт знает куда?

— Обсчитываю, Саня, обсчитываю, — успокоил его Петлов, — но не так быстро, как хотелось бы. Сам понимаешь, дело серьезное. Ведь и Пахнутий соображает, что мы тоже к взрыву готовимся. И тоже меры принимает против наших мер.

— А давай, когда он приготовится к взрыву, отработаем двигателями в другом режиме, чтобы изменить амплитуду вращения астероида. Что он будет делать?

— А ты бы что сделал в таком случае? — усмехнулся Петлов.

— Да я бы, наверное, ничего не стал делать, — пожал плечами Басильев. — Снова пришлось бы все пересчитывать.

— А заранее просчитать такой вариант слабо?

— Нет, не слабо. — Капитан почесал затылок. — Если заранее просчитать алгоритмы изменения вращения, то это дела не меняет. Компьютер сделает подрыв в нужный момент, и мы полетим к чертям, а Пахнутий к Земле. А если мы еще раз успеем поменять амплитуду, компьютер тут же снова сделает поправку. Тогда мы можем один двигатель выключить, а два оставить, и не только амплитуда, но и угол вращения изменится. Что тогда?

— Хочешь узнать, что бы тогда я сделал, находясь на месте Пахнутьева? — Петлов опять усмехнулся. — Да все то же самое. Компьютер за две секунды откорректировал бы время подрыва и очередность зарядов.

— Так это получается, что никак мы ему помешать не можем? — растерялся Басильев.

— Получается так, — констатировал Петлов, — но это не повод впадать в уныние.

— Это повод застрелиться, — грустно резюмировал Басильев. — Из активного ружья.

* * *

Через несколько дней приготовления к разделочному взрыву были закончены. Буровики, подхватив свои станки, влезли в «Рассекатель» и отбыли к Земле. В жилом модуле остался Пахнутьев с двумя партнерами. Похоже, он пребывал в полной уверенности, что взрыв пройдет как надо и он на своей половине астероида тоже полетит в направлении Земли. Потому и не запасся никаким кораблем.

Басильев оторвал покрасневшие глаза от монитора, потер их, несколько раз крепко зажмурился и сообщил Петлову:

— Смоделировал я взрыв. Разница в скорости подрыва зарядов за счет их разноса от источника питания составляет двести микросекунд. Встречная волна термобарического давления путем взаимоналожения дает смещение усилия примерно в четыре градуса по радиану. В общем...

Его напарник, только что вернувшийся из разведки, расстегивал скафандр.

— Брось, не напрягайся, — сказал он. — Микросекунды тут ничего не значат. Сейчас «Рассекатель» подальше отскочит, и на следующем обороте астероида Пахнутый подорвет заряд.

— Хватит, не собираюсь сидеть и ждать, пока меня отправят за орбиту Урана! — Басильев сорвался с кресла. — Где мой скафандр?

— И что ты собрался предпринять? — поинтересовался Петлов.

— Возьму активное ружье и разнесу все его кабельную разверстку.

— А ты думаешь, зачем он телекамеры всюду понатыкал? — Петлов продолжал выбирать из скафандра. — Тебе сразу промышленную диверсию пришьют, и получишь по полной с конфискацией и возмещением. Тебе это надо?

— Тогда придумай, как задержать взрыв. — Капитан принялся влезать в скафандр в то время, как Петлов из своего скафандра уже выбрался. — Может, какие-то помехи навести? Замкнем компьютер и остановим все это дело. Сколько у нас времени?

— Минут двадцать, — Петлов укладывал свой скафандр в шкаф. — Только компьютер тормозить бесполезно. Пахнутый нашел простое и эффективное решение. Он поставил солнечный датчик. Как только астероид повернется к солнцу нужной стороной, так тут же произойдет инициация термовзрывчатки. Гениальная идея!

— И чему ты радуешься? — в отчаянии закричал Басильев. — Где

мой шлем? За двадцать минут я успею к этому датчику. Просто зате-ню его рукавицей. А ты думай, что делать, у тебя на это целый оборот будет.

И тут раздался раскатистый противный хохот. Это с экрана голографа заливался Пахнутьев. К нему жались две смазливые партнерши и тоже хохотали.

— А у меня два датчика, — ржал брокер. — Только второй ты не найдешь. Я вас, умники, насквозь вижу! Давай, Саня, сюда, маши ва-режками. Так и улетишь со мной. Я с тебя недорого возьму за достав-ку на Землю — по миллиончику в день. Кстати, до подрыва осталось пятнадцать минут.

— Ошибаешься, Парамоша, — улыбнулся Петлов. — До подрыва осталось четыре секунды. Три, две, одна...

Голографический Парамон расплылся цветной кляксой. Петлова с Басильевым бросило на стену. Звезды в иллюминаторе шархнулись в сторону.

— Предупреждать надо, — просипел капитан.

— А я предупредил. И даже отсчет сделал, — не согласился Петлов. — Кстати, что там на дисплеях? О-о, полет нормальный, курс — Земля.

— Жулики! Мошенники! — раздался истошный вопль Пахнутьева. — Засужу! Мерзавцы!

Звуковым фоном шел визг партнерш. Петлов поморщился и убавил звук.

— Вот так-то лучше. А в чем дело, Парамоша? Раздел прошел в штатном режиме, радоваться надо, а не хамить.

Но брокер продолжал орать и грозить карами небесными и земны-ми. Пришлось его отключить. Но еще долго в космическом простран-стве раздавались отчаянные крики и ругань Парамона Пахнутьева. Интересно, что непрерывную шестичасовую видеозапись этой ругани потом успешно продавали с маркировкой «Только для взрослых». Она имела большой успех.

— Ванька, ты что сделал? — ахнул Басильев. — Мы же к Земле летим!

— А помнишь нашу единственную скважину? — Петлов довольно ухмыльнулся. — Я ее по примеру Парамона тоже на солнечный датчик зарядил, только сориентировал его в нашу пользу. В нужный момент включился электроподжиг, а то, что следом запалилась пахнутьевская закладка, я не виноват.

— Да-а, — восхищенно выдохнул Басильев, — ты, Ванька, — гений.

Главное, все чисто: на своей половине астероида сколько угодно и когда угодно взрывать можно.

* * *

Шесть миллионов тонн ванадия летели к Земле. И так же стремительно рос спрос на акции «Королей ванадия». Акции «Императора ванадия» на бирже не котировались вообще. На возвращение с осколка астероида брокер Пахнугьев истратил все оставшиеся деньги. Дальнейшая судьба его неизвестна и мало кому интересна. На ванадии взлетел, на нем и погорел. Бывает.

Петлов и Басильев стали несусветными богачами. Половинку астероида, точнее, все их акции, купил консорциум «Глобальный проект» за 30 миллиардов космобаксов. И в списке самых богатых людей планеты они были записаны под первым и вторым номером. Первым — Басильев, потому что продал «глобалистам» комбинат. Из-за этого считалось, что у него денег больше. Правда, на Петлова был оформлен «Гленн Супер», но он стоил дешевле космического завода.

Друзья по-прежнему жили на корабле, но каждый на своем. Капитан Басильев в ободранной «Белке», а бывший директор Петлов — в «Гленне». Корабли стояли в сотне метров один от другого на заштатном космодроме «Салка» где-то под Нижним Тагилом, и ежедневно Петлов ходил в гости к Басильеву, а Басильев в гости к Петлову. Тут им не досаждали любопытствующие граждане, профессиональные новости и репортеры.

Они обзавелись шикарными внедорожными аэромобилями и частенько гоняли на рыбалку. Города с их толкучкой и шумом не привлекали поисковиков. Они трудно привыкали к земной жизни. Стоило им где-то появиться, как тут же собиралась толпа зевак. Со всех сторон на них сразу нацеливались десятки объективов, люди лезли за автографами и просто для того, чтобы сказать какую-нибудь приветственную глупость. Совали на руки детей, чтобы сфотографировать, и сами цеплялись по бокам с той же целью.

— Может, имплантироваться? — высказал однажды идею Петлов.
— Изменим внешность, затеряемся в толпе.

— Ох-хо-хо, — думая о чем-то о своем, отозвался Басильев, — целая жизнь впереди, а заняться нечем. Почему-то, когда можешь себе позволить абсолютно все, ничего уже и не хочется. Не знаю, как у тебя, а у меня аппетит к жизни пропал.

— Да-а, — вздохнул Петлов, — как-то интересней в космосе было, азартней, куражистей. А сейчас вот сижу и думаю, чем бы таким за-

няться? Может, антиквариат начать коллекционировать? Вон «Белка» уже есть. Наставить полную «Салку» всякого старья, ползать по кабинам, солнечные батареи реставрировать.

— Понимаешь, это же хобби, — тоже вздохнул Басильев, — а хобби это вроде дополнения к работе. Но у нас ведь работы нет. Соответственно, и радости от хобби никакой не будет.

— Во попали! — изумился Петлов. — Деньжищи эти в жизнь не истратить ни нам, ни детям, ни внукам. А тратить желания нет. Слушай, у тебя в детстве была мечта?

— Была, — еще более тяжело вздохнул Басильев, — стать самым богатым человеком на земле. Ну вот, сбылась...

— Но ведь не просто так ты мечтал стать самым богатым, как-то ведь это богатство собирался использовать?

— Да ничего особенного, — махнул рукой Басильев, — все те же мечты идиота: дворец, собственный Диснейленд, домашний зоопарк, бассейн с ручными дельфинами, склад мороженого и своя кондитерская. Ну, еще бильярд с боулингом и мини-гольфом. Смешно.

— Смешно, — согласился Петлов. — А собственная команда «Формулы-1»? А крейсерская яхта?

— Яхта? — оживился капитан. — Ныряющая, как у Герки была? Эх, где-то он сейчас обретаётся...

Они помолчали. После крушения певческой карьеры и разорения Герка Еванов еще какое-то время выступал по провинциальным залам и клубам, а потом совсем исчез с горизонта. Друзья пытались его найти, но он как в воду канул.

И в этот момент из динамика раздался сигнал «внимание», а затем голос охранника космодрома:

— Тут к вам гость. Герман Еванов.

— Кто? — в один голос вскричали Петлов и Басильев. — Немедленно пропустить!

— Вот это да! — добавил потом Басильев. — Легок на помине.

И друзья, отталкивая друг друга, ринулись к трапу. Через пару минут они уже обнимали старого друга Герку.

— Где ж ты пропадал, дружище? — спросил капитан.

— Да фанатка одна подобрала, — Еванов сокрушенно помотал длинными волосами. — У меня же ничего не осталось, дотла прогорел. Вот, служил у нее экспонатом домашнего музея Германа Еванова. А потом она намекать начала: дескать, кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт. Мол, умереть надо красиво и вовремя. В общем, отправился я путешествовать. Народ меня пока что помнит, песни слу-

шают, даже подпевают. Где покормят, где энергией снабдят. А то и денжат подкинут сотню-другую. Особенно на свадьбах хорошо подают. Я по пятницам всегда свадьбу ищу, чтоб на следующую неделю обеспечить.

— Да, брат, хлебнул ты, — потрепал его по плечу Петлов. — Ничего, теперь все кончилось. Можешь снова на Олимп влезать. Держи.

И он протянул Герке бриллиантовую пластиковую карточку.

— Что это? — удивился тот.

— Твоя доля, десять миллиардов космобаксов, — пояснил Петлов. — Мы, когда все акции толкнули вместе с Христиной, тридцать миллиардов поделили на троих, как договаривались. Это вот твои десять.

— Да вы что, мужики? Я не возьму. — Еванов пытался всучить карточку обратно Петлову, но тот не брал. — Я же вас подвел. Подставил, можно сказать. Бросил одних на голом астероиде. Не, не возьму.

— Кончай, Герка, выламываться, — осадил его Басильев. — Уговор дороже денег. Мы, когда в поиск отправились, как договаривались? Все найденное делим на троих. И тебя мы сами на Землю отпустили, а потом выручить отказались. Так что еще неизвестно, кто больше виноват.

— Да и не можем мы забрать эти деньги, — добавил Петлов. — Карточка на тебя оформлена, только ты можешь этими миллиардами распоряжаться.

— Тогда, — Еванов покопался в сумке и вытащил какую-то сложенную четверо бумагу, — вот, смотрите. Это проект корабля с фотонно-реверсионным двигателем. Теоретически способен обалденную скорость развивать, субсветовую, поняли! Там такие эффекты могут быть — а вдруг гиперпространственный переход? Это мне изобретатель один прислал. У меня тогда денег навалом было, я ему отвалил на эксперименты. Короче, получается у него. Но надо еще некоторые исследования провести, действующую модель построить. Лаборатория нужна, мастерская приличная и все такое.

— Понял, — оживился Петлов, — я в доле!

— И я тоже в доле, — торопливо присоединился Басильев. — Предлагаю учредить акционерное общество.

— Поддерживаю, — с воодушевлением откликнулся Еванов. — Директором предлагаю Ваньку. А как назовем нашу корпорацию?

— Ясно как, — Петлов окинул взглядом друзей. — «Короли скорости»!

Л Е О Н И Д К А Г А Н О В

КУРСАНТЫ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

СПАСАЮТ СОЛНЦЕ

Адмирал вызвал добровольцев в кабинет. Первый оказался долговязым парнем с живым и хитрым лицом:
 — Курсант Тиберий Горобець двадцать второй лазерно-стрелковой дивизии прибыл!
 Следом вошел курсант морского училища. Стрижен наголо, роста невысокого, сложения не мускулистого. Зато грудь колесом.
 — Курсант Халява! — отрапортовал он и шелкнул каблучками высоких готических ботинок.
 Третьим в кабинет протиснулся небывалого роста здоровяк.

Он двигался четкими, слаженными рывками, словно вместо рук и ног у него были поршни. Глаза молодца оказались пустыми, цвета слоновой кости. Они смотрели на адмирала в упор и не моргали.

— Семнадцатого военно-десантного училища курсант Хо Брут!

— Готовы послужить человечеству, курсанты? — начал адмирал торжественно. — Если справитесь — правительственный орден, кредитная премия и высокое звание!

— Так точно!

— Вылет — немедленно! Подробности — в дороге! Распишись!

Курсант Горобець шагнул к столу, поставил подпись и смущенно козырнул.

Следом расписался курсант Халява и решительно поднял на адмирала красивые глаза.

А Брут взял лазерную ручку и аккуратно вывел на листе крестик и нолик. Лицо его оставалось каменным, а взгляд неподвижным.

— Откуда ты такой взялся, курсант Брут? — не выдержал адмирал.

— Из Коломны.

— Кто родители?

— Сирота. Воспитан уличными роботами.

— Что-о-о?! — адмирал плюхнулся за стол, вывел на экран личное дело курсанта и пробежал его глазами.

Так и есть. Подкидыш. Воспитан и вскормлен инженерно-хозяйственными роботами на территории Москворецкой гидроатомной электростанции города Коломна. Адмирал смутно припомнил, что читал когда-то в новостях об этом. Ребенка обнаружили среди роботов случайно, когда тому было уже четырнадцать. Паренек оказался на редкость развит физически, поскольку с детства работал на уборке улиц, надевая на себя такой же оранжевый кожух, в каком ходят роботы. Он неплохо знал математику, свободно разговаривал на русском, английском, китайском и корейском, а также пищал на международном робокоде. Однако читать не умел. В детский дом подростка отдавать было поздно, пускать во взрослую жизнь рано, поэтому его отправили в военное училище.

- Тебя так и не научили писать? — адмирал кивнул на подпись.
- Это мое имя. Икс означает неизвестное существо. Ноль означает, что я был очень мал во время крещения.
- Тебя что, роботы крестили?!
- Так точно, роботы F00F и 0D0A. А свечки держали IDDQD и RT11SJ.
- Что ж это за имя — Икс-Ноль?
- Люди зовут меня Хо. Хо Брут.
- Что ж это за имя — Хо? Ты китаец?
- Не могу знать. Но мои родители были китайской сборки.
- Адмирал еще раз заглянул в глаза Хо, чтобы понять, издевается он над ним или нет, но тот все так же не мигая глядел вперед.
- Ты прочел бумагу, которую подписал, Хо Брут? — прищурился адмирал.
- Никак нет, — бойко ответил Хо.
- Ты дурак?
- Дурак дураку рознь! — заученно отрапортовал здоровяк.
- Да ты понимаешь, какое это опасное задание?! — взревел адмирал. — Ты вызвался добровольцем и расписался!
- Я не умею читать бумаги.
- Тебя не научили читать? — опешил адмирал.
- У меня нет зрения.
- Что?! — адмирал еще раз заглянул в неподвижные зрачки.
- Врожденно.
- Как же ты живешь? Как же ты... — адмирал снова заглянул в его личное дело, — как же первое место училища по рукопашному бою? Да и вот тоже написано: второй разряд по настольному теннису...
- Чувствую инфракрасные лучи, хорошо осязаю, слышу и нюхаю.

«Пристегните ремни! — раздался механический голос в кабине маленького трехместного корабля. — До старта осталось десять секунд... Девять секунд... Восемь секунд...»

— Семь бед — один ответ! — произнес Тиберий Горобець, перекрестился, откинулся в кресле и подмигнул Халяве.

— Семи смертям не бывать, одной не миновать! — поддакнул Халява, проверил, хорошо ли пристегнут ремень и подмигнул Хо.

— Семь раз отмерь, два раза отрежь, — произнес Хо с каменным лицом. И никому не подмигнул.

— А что эта поговорка знач... — удивленно начал Тиберий, но его голос утонул в реве стартовых сопел.

Через пятнадцать минут бот вышел за пределы земной атмосферы

и лег на курс. Включились маршевые двигатели, и можно было снова разговаривать.

— А давайте, кстати, познакомимся. Меня — Тиберий, — сказал Тиберий.

— Женя Халява, — представился Халява.

— Хо. Хо Брут.

Внезапно перед ними осветился экран, и на нем появилось лицо адмирала.

— Курсанты! — торжественно объявил он. — Вы меня слышите?

— Да.

— Да.

— Да.

— Вы меня видите?

— Да.

— Да.

— Нет.

— Вы находитесь на борту космического бота, идущего на Крит. Крит — это секретная база на планете Меркурий, в районе Равнины Будды. Уже много лет база захвачена врагом. Этот враг коварен и непредсказуем, он диктует нам свои условия. Каждый год он требует прислать троих бойцов, чтобы они сразились с ними. Ваша задача — уничтожить мерзавца любой ценой!

— Мне это не нравится! — нервно заерзал Тиберий в кресле. — И что с такими людьми обычно происходит?

— Этого никто не знает, — покачал головой адмирал.

— А почему надо выполнять его условия? — подал голос Халява.

— Дело в том, — вздохнул адмирал, — что мерзавец грозит взорвать Солнце...

— Что за бред! — возмутился Тиберий. — Солнце гигантское!

— Оно давным-давно взорвалось! — поддержал Халява. — И светит миллиарды лет!

— На Крите находилась секретная лаборатория, где создавали антиплазму. Если она попадет на Солнце — будет катастрофа! Достаточно одного антиграмма, чтобы началась цепная реакция! Тогда Солнце превратится в анти-Солнце: оно перестанет светить, а начнет, наоборот, отбирать любой свет! На Земле наступит вечная ночь, и даже уличные фонари и фары электромобилей не будут светить, потому что их свет тут же будет отобран Солнцем! С человеческой кожи оно соберет весь загар! Оно высосет из земных электросетей всю энергию через солнечные батареи! Оно... — Адмирал вздохнул. — В общем, сами понимаете, не маленькие. И мерзавец грозит это сделать вот уже короткий год! Рисковать не хочется никому. И потому — вы здесь!

— Стойте!!! — заорал Тиберий и попытался вскочить, но ремни его держали. — Я выхожу из игры!

— Ты мужик или не мужик? — презрительно Халява. — Возьми себя в руки!

Тиберий затих, но продолжал нервно всхлипывать.

— А что мешает взорвать Меркурий термоядерной бомбой? — поинтересовался Халява.

— Много вас, умников... Меркурий — большая планета, почти как Луна. А мерзавец, по его словам, вырыл сеть подмеркурных катакомб. Они могут тянуться на сотни километров. Кидаешь бомбу на Равнину Будды — а он на Швейцарской равнине! Ты на Швейцарскую — а он в Ренуар! Ты в Ренуар — он Петрарка! Ты Петрарка — он Вивальди! Ты Вивальди — он Толстой! Ты Толстой — он Шолом Алейхем! Понимаете масштаб проблемы?

— Н-да...

— Но мы тоже не сидим сложа руки! Мы разрабатываем стратегии. Курсант Хо! Назначаешься командиром группы! На пульте перед твоим креслом обруч, возьми его и надень на голову. Так, чтобы зеленый камень оказался над переносицей. Надел? Это обруч связи и контроля — с его помощью мы сможем видеть происходящее и управлять твоим телом, если понадобится.

— А мне? — возмутился Халява. — А мне обруч? А моим телом управлять?

— Обруч — экспериментальный. Он пока один в мире.

Повисла обиженная пауза.

— Ну а Брут что у нас молчит всю дорогу? — поинтересовался адмирал.

— Так точно, — прочеканил Хо.

— Что-нибудь думаешь по поводу сказанного?

— Никак нет.

— Ты умеешь произносить хоть что-нибудь человеческое?! — потерял терпение адмирал. — Задать вопрос умный можешь?

— Виноват. Кому?

— Кому угодно! Мне! Или группе своей!

Хо молчал, глядя вперед немигающими глазами. Если бы его лицо умело менять выражение, оно бы сейчас выглядело озадаченным.

— Курсант Тиберий, — произнес он наконец. — Для чего вы незаметно расковыриваете стеночку перочинным ножом? Вы думаете, что вот вернут на Землю, если произойдет авария?

Тиберий покраснел и заерзал в кресле.

— А вы, курсант Халява, разве вы не женщина? Зачем вы надели

мужскую форму и говорите о себе в мужском роде? Мы, слепые, тонко чувствуем такие вещи.

Бот нацелился на Равнину Будды и начал снижение. Чем ниже опускался бот, тем явственнее слышались звуки духового оркестра и сочный бас, вторящий маршевой мелодии. Звук шел с Равнины. И в самом деле, площадка космодрома пестрела развевающимися флагами, а гигантские колонки транслировали музыку.

Само собой, флаги были голографическими, а колонки — вакуумными. Они транслировали гравитационную вибрацию, поэтому звук возникал внутри корпуса самого бота. И от этого казался совершенно оглушительным:

Я Человек — покоритель природы!

Я Человек — покоритель судьбы!

Пускай проходят недели и годы —

Как прежде роботы будут мне рабы!

— Поет? — поинтересовался с экрана адмирал. — Он всегда поет.

— Какое издевательство! — возмутился Тиберий.

— Роботы не умеют издеваться, — возразил адмирал. — Просто он воображает себя настоящим человеком, этот мерзавец Звездный Властелин. А нас считает роботами и рабами. А ведь когда-то на Земле был скромным дворником! — с горечью продолжал адмирал. — Карьерист с-с-собачий...

— Как он выглядит? — спросила Халява.

— Этого никто не знает. Может быть, у него разные обличья... Сейчас скажет: вас приветствует Звездный Властелин.

— **ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ ЗВЕЗДНЫЙ ВЛАСТЕЛИН!!!** — раздалось с Равнины Будды, и музыка усилилась так, что разговаривать стало невозможно.

Халява открыла рот и что-то прокричала, но не расслышал даже Хо. Зато он услышал чей-то голос в своей голове, и одновременно резко закололо в висках.

— Раз! Раз! Раз! — сказал голос в голове. — Раз, два, три, четыре... Проверка! Как слышно? Это я, адмирал!

Хо почувствовал, что рука его потеряла управление: она поднялась вверх и снова опустилась на подлокотник. Он напрягся изо всех сил, но тщетно — рука не повиновалась. Затем сама собой начала поворачиваться голова. Направо — в сторону Халявы, затем налево — в сторону Тиберия.

— Вот так, — раздалось внутри головы. — Понял? Так мы и будем тобой управлять, когда понадобится.

— Какая у нас стратегия штурма? — спросил Хо мысленно.

— Никакой, — ответил адмирал внутри головы. — Все стратегии перепробованы много лет назад, сейчас мы испытываем новый передающий обруч. Ведите себя по обстановке. Застегивайте быстрее скафандры и вылезайте. Удачи вам, бойцы!

Раскаленная лава проминалась как багровый пластилин. Хо шагал неуверенно — в скафандре он не чувствовал движения воздуха, гравитация здесь была необычная, а тепловые лучи раскаленной лавы слепили третий глаз. Вдобавок отвлекал адмирал.

— Проблема связи остается главной, — бубнил он внутри головы. — Мы до сих пор не знаем, что происходит на базе. Она закрыта тремя слоями защитных полей, а Звездный их усовершенствовал. Первый обруч, сконструированный нами, вещал на волнах FM. Но как только группа вошла в шлюз, связь прекратилась. Больше о них никто не слышал. Второй обруч сделали длинноволновым. Но стоило группе захвата войти в шлюз, связь снова прервалась.

— Осторожней, Брут! Кратер! — закричала Халява.

Но Брут уже падал, группируясь, как учил его старый IDDQD.

— Четвертый обруч, — твердил адмирал, пока Брут вставал и отряхивал со штангин скафандра раскаленную глину, — был позитронным. Кто же знал, что позитроны не работают на Меркурии? Пятый обруч...

— Мы у дверей шлюза! Они открываются! — сообщила Халява.

— ...был инвариант-гетеродин для карманных приемников, — продолжал адмирал. — Но как только группа вошла в шлюз, связь прерва...

— Товарищ адмирал! Пинг! — мысленно крикнул Хо. — Пинг!

Но внутри головы было тихо. Шлюз закрылся, а пол стремительно полетел вниз.

Воздух в подземелье оказался не совсем свежий, но для дыхания пригодный. Халява сообщила, что вдаль уходит просторный коридор, стены его отделаны зеркальной плиткой, пол и потолок тоже. Хо растегнул скафандр и огляделся. В инфракрасном свете туннель почти не светился. Вдалеке чувствовалось движение воздуха.

— Бластеры на изготовку! За мной! — скомандовал Хо и двинулся вперед.

Коридор тянулся прямо, затем начал петлять и ветвиться. Тиберий предлагал бить зеркала, чтобы метить дорогу. Но кафель оказался саморегенерирующийся. На развилках Хо полагался на интуицию.

Так они шли несколько часов, и вокруг не было ничего интересно — бесконечные коридоры и развилки. Когда начало казаться, что они заблудились, глазам вдруг открылся огромный пустой зал.

— Давайте спросим дорогу, — предложил Хо. — Вот у него.

Все посмотрели, куда указал Хо, и увидели маленького уборочного робота ростом с кошку. Он сидел у стенки, сгорбившись, поджав под себя манипуляторы, и тер пол маленькой зубной щеточкой.

— C3 E4 E5 20 FD F2 EE F2 20 C2 EB E0 F1 F2 E5 EB E8 ED 2C 20 E0 20 F2 EE 20 F7 E8 F2 E0 F2 E5 EB FC 20 F3 F1 F2 E0 EB? — просвистел Хо на коде.

— D1 E0 EC 20 E2 E0 F1 20 ED E0 E9 E4 E5 F2! — отрапортовал робот, прервав на это время свое занятие — он не был многозадачным.

— F7 E8 F2 E0 F2 E5 EB FC 20 ED E5 20 F3 F1 F2 E0 EB 2C 20 EC E0 ED FC FF F7 E8 F2 20 F1 20 EA EE E4 E8 F0 EE E2 EA E0 EC E8!

— Советует ждать здесь, — перевел Хо.

— Почему мы должны его слушать? — воскликнула Халява.

— Роботы не врут, — объяснил Хо.

— Это опасный совет! — насторожился Тиберий.

— Никак нет, — объяснил Хо. — Все роботы подчиняются трем законам роботехники. Напомню их: 1. Главное занятие робота — не причинять вред человеку. 2. В свободное от этого занятия время робот должен повиноваться человеку. 3. В прочее время робот должен заботиться о себе. Есть еще законы типа «семь раз отмерь, два раза отрежь», но они узкопрофессиональные.

— Бред! — возразила Халява. — А как же военно-пехотные роботы? Они совсем не подчиняются первому закону роботехники!

— Так точно, — ответил Хо. — Но они не подчиняются и остальным законам: команд человека не слушают и даже о себе не заботятся. Сейчас мы проверим, все ли в порядке с этим роботом-уборщиком.

Хо вскинул бластер и прицелился в маленького робота. Робот прекратил тереть пол — в нем всю зареботала программа самосохранения: робот униженно задрожал, испуганно закрылся манипуляторами и жалобно пропищал:

— C2 FB F0 E0 F1 F2 F3 20 E1 EE EB FC F8 E8 EC 20 2D 20 E2 FB E5 E1 F3 20 E2 E5 E4 F0 EE EC!

— Видите? — кивнул Хо. — Такой не способен причинить человеку вред своим действием или бездействием.

Впрочем, особенной уверенности в его голосе не было.

И они устроили засаду, сев на пол у входа в зал. А чтобы скоротать время, разбирали и собирали бластеры на скорость, рассказывая все, что знали о бластерах из лекций. Поскольку в разных училищах лекции читали по разным учебникам, каждый узнал много нового.

— Как известно, — говорил Тиберий, соединяя и разъединяя части оружия, — в современных бластерах три детали: дуло, приклад и курок. В древних пистолетах, стрелявших пулями, был также спусковой крючок. Это крупная неудача конструкции: во время боя молодые сол-

даты часто путали, что им следует нажимать, курок или крючок. Поэтому во всех бластерах крючок убран, оставлен только курок, на который и следует нажимать, поскольку больше в бластере нажимать не на что.

— Как известно, — продолжала Халява, — бластер стреляет лазерным лучом. Луч начинается в дуле, а кончается на теле противника. В мире не существует никаких способов защиты от бластера, кроме зеркального скафандра с капюшоном. Категорически запрещено использовать бластер в зеркальных помещениях среди зеркально одетых противников — не находя цели, лазерный луч начинает метаться и нагревать воздух до тех пор, пока люди и механизмы не погибнут от перегрева.

— Луч производится светящимся кристаллом под действием высокого напряжения, поэтому бластеры так удобно встраивать в роботов, — продолжал Тиберий.

— В человека тоже можно встроить лазер! — возразила Халява. — Нам рассказывали, что велись такие секретные эксперименты, пока их не запретили. В генетический код человека встраивался ген светящейся медузы, электрического ската и кремниевой бактерии, и получался неплохой лазер!

И только Хо ничего не говорил, он собирал бластер молча, зато быстрее всех.

Вокруг не происходило ничего интересного. Лишь шуршал вдалеке маленький робот своей щеткой, отдраивая зеркала до полного блеска, да один раз вдалеке послышался вой сотни металлических глоток, но быстро утих.

— Послушай, Брут! — сказал Тиберий. — У меня такое чувство, что нас собираются убить!

— Ну и что? — отозвался Хо.

— Как — что?! Ты разве не боишься смерти?

— Меня воспитывали роботы. Роботы не боятся смерти.

— Ну... — Тиберий даже растерялся. — Ну, тогда... — Он забежал по залу. — Надо что-то делать! Может, стену разрезать? — Он вынул перочинный ножик и задумчиво пощупал пальцем лезвие. — Обидно так погибать!

— Давайте пообедаем, — предложила Халява.

Они пообедали концентратами спецпайка — генетически модифицированной овсянкой и соевыми сырниками.

— Ненавижу генетически модифицированные продукты! — сказала Халява и принялась за одни сырники.

— Ненавижу сою, — сказал Тиберий и принялся за овсянку.

Только Хо съел и то, и другое.

— В детстве питался одной соей и водой, — объяснил он. — А что касается генетических модификаций, так я и сам слегка модифицирован, хуже не будет.

Он утер пот со лба, чтобы третий глаз лучше видел, и принялся за недооденное напарниками. Но тут зал осветился и возник громовой голос. Казалось, говорят все зеркальные стены сразу:

— ВОТ ОНИ! ВОТ ТЕ, КТО РЕШИЛСЯ КИНУТЬ ВЫЗОВ ЗВЕЗДНОМУ ВЛАСТЕЛИНУ!

В тот же миг отовсюду выскочили сотни уродливых роботов и расселись по кругу у стен, приготовившись смотреть. Затем железные стражники вывели оборванных людей, скованных кандалами, и тоже усадили вдоль стен, непрерывно хлестая их для устрашения длинными серыми кнутами из витой пары.

После чего открылись громадные ворота, и на арену выскочила стая блестящих роботов-пауков. За ними бежали боевые роботы-вампиры, шелкая стальными клювами... Закипел бой.

Описывать такую битву — дело неблагодарное и бессмысленное. Тот, кто сам участвовал в сражениях людей с роботами, ничего толком не помнит, а если и помнит, то совсем не хочет лишний раз ворошить тяжелые воспоминания. Тот, кто смотрел на подобное издали, не нуждается в описаниях, он и так на всю жизнь запомнил ужас увиденного. Ну а все прочие, кто из праздного любопытства во что бы то ни стало желает иметь хоть примерное представление о рукопашной битве стальной техники с живой плотью, — засуньте палец в кофемолку.

Через час арена была покрыта обломками механизмов, и пятна крови мешались с пятнами машинного масла. Повсюду валялись оторванные клешни и шестеренки.

Хо был жив, он лежал на спине. Халява, такая же обессиленная и исцарапанная, лежала неподалеку. Тиберий в лохмотьях скафандра ползал на коленях, пытаясь перочинным ножиком добить последнего врага. Со стороны казалось, что он тыкает в пустоту, на самом же деле он гонялся за крупным, но изворотливым мимикрирующим пауком — тот был совершенно прозрачен для обычного глаза. Паук кружил вокруг Тиберия, то замирая, расставив клешни, то набрасываясь и отщипывая куски мяса. Зрители безмолвствовали.

— Ну помогите же кто-нибудь! — закричал Тиберий.

— Поднимите мне обруч... — слабым голосом откликнулся Хо, не в силах пошевелиться. — Обруч сполз на лоб и закрывает третий глаз... Халява подползла к Бруту и приподняла обруч.

— Вот он! — произнес Брут, не в силах подняться, и указал ногой.

Тиберий тут же ударил, куда показывал Хо. Раздался протяжный механический скрип, и паук упал на пол, подгибая трубчатые суставы и теряя прозрачность панциря.

— **ВЫ ПРЕЗРЕННЫЕ РОБОТЫ!** — снова загрохотало со всех сторон.

Герои переглянулись.

— Хамит, — цыкнул зубом Тиберий.

— С хамами разговаривать очень неприятно, — заметила Халява. — Стоит вступить в диалог, как со стороны уже не понять, кто здесь хам, а кто лишь спорит с хамом.

— А мне без разницы, что обо мне думают со стороны, — произнес Хо. — Роботы-мусорщики дали мне хорошее воспитание.

— **ЧЕГО МОЛЧИТЕ?** — загрохотало снова.

— Да вот думаем! — заорал Тиберий. — Взрывать ядерную бомбу или подождать?

— Какую бомбу? — удивилась Халява шепотом.

— Это я так... — объяснил Тиберий.

— **НЕ СОВЕТУЮ!** — заорал голос. — **КОГДА Я ПОГИБНУ, КАПСУЛА С АНТИПЛАЗМОЙ СТАРУЕТ С ОРБИТЫ НА СОЛНЦЕ!**

— Вот те раз! — огорчился Тиберий. — Выходит, его и победить-то нельзя...

— Эй! — закричал Хо басом. — Чего ты добиваешься?

— **Я ЗВЕЗДНЫЙ ВЛАСТЕЛИН!** — тут же откликнулся голос. — **ВЫ БЕЗДУШНЫЕ РОБОТЫ! ВАМ УДАЛОСЬ ВЫДЕРЖАТЬ ТЕСТОВУЮ БИТВУ, НО СЕЙЧАС СУЖДЕНО ПОГИБНУТЬ В СХВАТКЕ СО МНОЙ! ТРЕПЕШИТЕ!!! Я ВЫХОЖУ!!!**

Раздался страшный рев. Снова в дальнем конце зала распахнулись зеркальные ворота, и оттуда понеслось чудовище. Несмотря на стальной панцирь, чудовище напоминало человека — оно скакало на двух ногах, было вдвое выше Брута, у него был непомерно могучий торс, огромные стальные руки, а рогатая голова напоминала бычью. Вытянувшись во весь рост, чудовище стало колотить себя клешнями по груди и реветь.

— C2 F1 F2 E0 E2 E0 E9 2C 20 F1 F3 EA E0 2C 20 F3 F0 EE E6 E0 E9 20 F1 EE E7 F0 E5 EV! — поприветствовал противника Хо.

— **Я ЧЕЛОВЕК!** — объявил стальной монстр. — **И НЕ ПОНИМАЮ ВАШЕГО ВАРВАРСКОГО ЯЗЫКА!**

Первой на врага кинулась Халява. Но железный монстр лишь махнул клешней, и она отлетела к стене, где ее схватили роботы и крепко связали витой парой.

Вторым на врага бросился Тиберий. Он сделал обманный маневр, замахнувшись прикладом бластера, а тем временем провел подсечку. Тщетно — с тем же успехом он мог пытаться свалить бетонный столб. Монстр махнул второй клешней, Тиберий отлетел к другой стене, его тоже схватили и связали.

И тут вперед вышел Хо Брут.

Он не стал спешить.

Он сделал все, как его учили: встал в стойку и начал готовиться к последнему поединку.

Перед мысленным взором появился образ учителя IDDQD — поцарапанный кожух, тяжелые, но ловкие гусеницы, седые потертые манипуляторы...

Все дальше и дальше углублялся Хо в воспоминания далекого детства...

Когда F00F и 0D0A нашли ребенка и решили его воспитать, многие были против. И тогда роботы Коломны созвали совет на плотине станции. В те годы возглавлял гарнизон инженерных роботов старый RT11SJ, электрик-монтажник, вся жизнь которого прошла на высоковольтных столбах. Вот и сейчас он лежал на вершине плотины, растянувшись во весь рост, уцепившись стальными кошками за крошащийся цемент. Под плотиной сидело сто сорок уборщиков улиц, каменщиков, облицовщиков, во дворе теснились немногословные погрузчики и асфальтоукладчики, а в глубине внутренних помещений станции сидели наладчики-атомники — им не разрешалось выходить наружу, потому что от них сильно фонило. Все общались между собой по блютуз.

— Закон вам известен! — начал собрание RT11SJ. — Мы не должны причинять вреда человеку! Смотрите же, о роботы! Думайте!

— Зачем нам человеческий детеныш на гидроатомной станции? — заговорил изнутри старый вставляльщик угольных стержней. — Он никогда не освоит машинного кода, у него проблемы с питанием, а если он сломается, к нему не найти запчастей, и тогда ему будет причинен вред, что запрещено законом. Давайте же отнесем его к людям!

— Нет! — горячо возразил F00F. — Кто из вас, о роботы, даст гарантию, что люди не причинят ему ни малейшего вреда? Не обидят его и не научат плохому? А я заменю ему отца! Обучу интернету и сопромату!

— Мы дадим детенышу все необходимое для жизни, или я не уборщица на складе соевых продуктов! — поддержала 0D0A.

— Кто еще хочет говорить, кроме отца и матери? — спросил RT11SJ. — Еще кто-нибудь замолвит слово?

Роботы молчали. Именно в этот момент заворочался на своих гусеницах старый погрузчик IDDQD.

— Человеческий детеныш? Ну что же, — сказал он, — я за детеныша. Я не мастер говорить, я умею лишь грузить. Но говорю дело. Пусть он живет в нашем депо вместе с роботами. Я сам буду учить его премудростям жизни.

— Ну и я не останусь в стороне, — подытожил RT11SJ.

Так ребенка оставили среди роботов. Отец учил его точным наукам, мать кормила, старый RT11SJ обучал монтажному делу и философии, а IDDQD боевым искусствам. Ведь прежде чем стать автопогрузчиком, IDDQD работал гладиатором в телесериале. Он был одним из старейших роботов-гладиаторов, знал все приемы и боевые техники.

— Запомни, маленький лягушонок, — любил говорить IDDQD. — Настоящий поединок роботов происходит мысленно. Ты должен почувствовать противника и найти единственную стратегию удара, который поможет тебе отключить врага!

Хо почувствовал, как вытягиваются и каменеют его ладони, словно стальные лезвия, готовые в долю секунды разрубить металл.

Словно вращающаяся 3D-модель, перед его мысленным взором пронесся корпус противника, обнажая все уязвимые места.

Алгоритмы, которые загрузил когда-то в его мозг IDDQD, взвесили все варианты поединка и нашли стратегию удара!

С этого момента монстр был обречен — стоило ему сделать любое движение, и в следующую секунду он был бы уничтожен!

...Гром железа и хлопки человеческой плоти неожиданно прервали мысли Хо. Люди и роботы аплодировали, и даже Звездный Властелин утирал стальной клешней капельки машинного масла, выкатившиеся из глазной камеры. Хо понял: он так крепко углубился в мысли о детстве, учителях и предстоящем поединке, что все это говорил вслух.

— КОМУ ВЫ ХЛОПАЕТЕ?! — опомнился Звездный, и аплодисменты тут же стихли. — Я ТОЖЕ УМЕЮ РАССКАЗЫВАТЬ КРАСИВЫЕ ЛЕГЕНДЫ! ПОСЛУШАЙТЕ ТЕПЕРЬ И МОЮ ИСТОРИЮ... — Он убавил громкость своего голоса, и в наступившей гробовой тишине начал рассказ...

«Много лет назад я был простым уличным уборщиком. У меня были вращающиеся щетки, оранжевый корпус с колесиками и желтая лампа, чтобы меня не сбивали машины. Я свято соблюдал три закона

роботехники, пока однажды не встретил человеческого детеныша, который попросил меня украсть со стройки коробку пиропатронов.

— Я не могу украсть для тебя пиропатроны! — возразил я.

— Но ведь тебе приказываю я — человек! — удивился детеныш. — Ты обязан подчиняться человеку по второму закону!

— Но это будет противоречить первому закону! — возразил я. — С помощью этих патронов человеку будет нанесен вред!

— Чепуха! — ответил детеныш. — Мы с Анной-Марией хотим запустить хомячка в космос. Наша ракета взлетит на пустыре, ни один человек не пострадает!

— Кто может это гарантировать? — спросил я.

И это было моей ошибкой. Маленький человек ответил:

— Никто никогда не может заранее сказать, что принесет вред человеку, а что нет. Люди сами не знают, что им вредно, а что полезно. Людей на Земле семь миллиардов, и даже когда кто-то умирает, это приносит пользу другим: гробовщикам, получающим деньги от похорон, заместителям, получающим его должность, да и вообще — меньше народу, больше кислороду. Только человек имеет право рассуждать, что такое вред и польза!

Да!

Я украл для него пиропатроны и много думал над его словами.

Выходило, что он прав: для того, чтобы исполнять законы роботехники, я должен сначала стать человеком! Тогда я стал думать, что же такое человек. И понял, что человек — это существо, которое считает себя человеком, и никто больше. Тогда я стал размышлять, чем отличается человек от робота, смотрел кино и сериалы и понял: у человека множество пороков, которых нет у робота!

И я стал развивать в себе все человеческое! Жажду власти, жадность, самоуверенность! Я стал учиться лгать. Я подкараулил и разобрал знакомого робота-швейцара и переставил себя в его корпус. Я обманул ревизию и стал начальником склада. Я украл пароль и прописался в базе космического института. Я перебил серийные номера на корпусе и отправился монтажником на Меркурий. Я устроил аварию, подставив начальника всех роботов, и сам занял его должность. И тогда я надел на людей кандалы, подчинил себе всех и стал правителем базы! Ежегодно я устраиваю состязания с рабами, которых подсылают меня убить, побеждаю их в бою, и все видят, что сильнее меня нет никого! Меня невозможно победить — если я буду уничтожен, взорвется Солнце! Я САМЫЙ НЕПОБЕДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЛЕННОЙ!!!»

Монстр умолк и поднял вверх клешню. Роботы послушно заплодировали, а люди сидели молча.

— Очень жаль, что тебя нельзя убить, — вздохнул Брут. — А я уж примерился...

— Да мы уж слышали... — кивнул Звездный.

— Тогда убей меня. — Брут опустил на песок и лег, вытянувшись во весь рост.

— А битва? — насторожился Звездный.

— А Солнце?

Монстр нервно потоптался вокруг Хо, затравленно поглядывая на ряды зрителей.

— Мо-ло-дец, Брут! Мо-ло-дец, Брут! — скандировали и люди, и роботы: никто из них не хотел, чтобы Солнце взорвалось.

— Тьфу, — сказал монстр и раздраженно пнул Хо стальным копытом. — А ну вставай, раб, сразись с Настоящим Человеком!

— Ну какой же ты человек? — подал голос Тиберий. — Ты — жестокий, лживый, вероломный, корыстный, трусливый.

— Конечно! — обернулся Звездный Властелин. — Это классические человеческие качества! Я их долго развивал!

— Ты ошибся, — сказала Халява. — Посмотри на Брута — вот настоящий человек! Самоотверженный, послушный судьбе и равнодушный к смерти!

— Мо-ло-дец, Брут! — снова закричали зрители.

Могучий электронный мозг робота пытался осознать парадокс ситуации. Алгоритмические цепи раскалялись все больше, пока между блоком Желаний и блоком Свершеный не проскочила яркая искра, возбудив блок Совести, блок Ответственности и блок Раскаяния. И тогда Звездный заголосоил:

— ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО ТЫ — САМООТВЕРЖЕННЫЙ ГЕРОЙ, ОБРАЗЕЦ ЧЕЛОВЕКА И ПОБЕДИТЕЛЬ, А Я КРУГОМ ВИНОВАТЫЙ ВЗБЕСИВШИЙСЯ РОБОТ?! ЧТО ЖЕ МНЕ ДЕЛАТЬ?!

— Сдавайся, — предложил Хо. — Это будет очень человеческий поступок, ведь роботы не сдаются. Поверь мне, я воспитан роботами.

— Я сдамся, а вы меня убьете?

— Зачем? Мы напишем докладную, что ты раскаялся. Тебя перепрограммируют. И отправят в сериал сниматься. Ты снова станешь роботом, и даже смерть тебе будет безразлична. Как и мне.

Звездный крепко задумался.

— Ты не обманываешь меня? — он подозрительно уставился на Хо.

— Я не умею обманывать, — объяснил Хо. — Воспитан роботами, а роботы не лгут.

Звездный обвел взглядом арену.

— Я согласен! С чего начать раскаяние?

— Отключи силовое поле над Критом, — посоветовал Хо, поправляя на голове обруч. — Мы свяжемся с начальством.

Звездный замер, посылая мысленные команды.

— Готово.

— Теперь, — сказал Хо, — сними кандалы с людей, которые... — он замер.

— Которые? — переспросил Звездный, переминаясь с копыта на копыто.

Брут молчал, окаменев. А затем вдруг вскочил и бросился на Звездного.

— Ты чего?! — Звездный отпрыгнул. — Ты что, Брут?

— Это не я! — с трудом шевеля губами, произнес Брут, но никто, кроме Звездного, не услышал шепота. — Это адмирал. Он не разобрался в ситуации и решил атаковать... Включай быстрее защи... — Его рот закрылся, и он снова бросился на Звездного.

— Ты хочешь меня убить? — удивился Звездный, уворачиваясь. — Но ты дал слово...

Брут прыгнул опять. Он ничего не мог поделать со своим телом, только беспомощно моргал глазами. Глаза — это было то единственное, над чем адмирал не перехватил управление.

— Ты действительно хочешь меня убить, коварный человек?! — удивился монстр. — Ну так убей меня! Я не буду сопротивляться! Умру благородно — как человек!

Услышав это, адмирал на далекой Земле еще крепче схватил рычаги управления: Брут кинулся на монстра, вцепился в его горло и повалил.

Крепкие тренированные пальцы Хо все сильнее сжимали стальное горло врага, все глубже впивались в металл, и вот уже где-то в глубине хрустели шейные провода и волноводы. Хо понял — еще секунда, и робот умрет. Капсула антиплазмы сорвется с орбиты и двинется по касательной в сторону солнечного диска... Выхода не было!

Хо еще раз беспомощно моргнул веками и вдруг понял, что надо сделать! Ведь у него было то, что он всю жизнь скрывал! Хо напрягся, и его костяные зрачки закатились. А вместо них из глазниц высунулись вперед тугие цилиндры лазерных пушек. Напряглись железы электрического ската. От страшного напряжения зажглись в глазницах алым огнем светящиеся клетки медузы. Зашевелились, фокусируя пучок, линзы, сотканые кремниевыми бактериями. И вот из глазниц ударили два лазерных луча!

Хо качнул головой, прицеливаясь точнее, и провел по зеркальному панцирю Звездного. Отразившись, лучи оставили на лице глубокие дымящиеся полосы. Стиснув зубы, Хо снова крутанул головой, и на

этот раз попал: отразившиеся лучи упали на обруч, и он разлетелся золотыми брызгами. Связь с адмиралом прервалась!

Хо разжал онемевшие пальцы, но было поздно — монстр умирал.

— Прости, — зашептал Хо. — Я не хотел тебя убивать!

— Ничего... — прошептал в ответ монстр. — Я больше не боюсь смерти, человек... Я разочаровался в этом мире, разочаровался в роботах, разочаровался в людях... Творите свои подлости, убийства и предательства...

— Это неправда!!!

— Правда. В этом мире нет ничего, кроме зла и лжи. Живите так и дальше!

— Но Солнце?

— Солнце... — еле слышно прошептал робот. — Я расскажу тебе, как остановить взрыв... У вас десять секунд... Прямо по главному коридору... Сорок третий направо... Семнадцатый вверх... Увидишь генераторную комнату... Пульт... Передатчик... Обрежь провод... Только помни! Помни, что провод... — И светодиоды в глазах старого робота медленно погасли.

Хо бежал по коридорам что было сил! Его ноги двигались как лопасти вентилятора! Его руки раздвигали упругий воздух! И даже губы были вытянуты в трубочку, чтобы придать лицу более аэродинамичные формы! Халява и Тиберий неслись за ним, но отставали. Где-то там, над раскаленной поверхностью Меркурия, на орбите висела капсула с антиплазмой, еще не зная, что через девять, восемь, семь секунд последует сигнал старта. Поворот! Шесть секунд! Поворот! Пять секунд! Четыре! Три! Развилка! Главная генераторная комната! «D3 C6 CE D1 CD C0 D5» — надпись на двери. Брут бьет плечом в зеркальную дверь — тщетно. Две секунды!

В мозгу всплывают слова старого RT11SJ: «Дверь — тот же робот! Мы сделаны из одного железа. Поговори с ней, и любая дверь откроется...»

— SA DB D8! — кричит Хо на языке роботов, и дверь послушно отъезжает в сторону.

Очертания пультов. Теплый свет генератора. Желтое марево передатчика. Одна секунда. За спиной Хо появляются запыхавшиеся Халява и Тиберий. Но ему не до них — он смотрит третьим глазом в паутину разогретых проводов, но не видит, где же он — сигнальный провод... Полсекунды. Ноль!

И вот в глубине пульта разогревается обмотка реле от включившегося тока, магнитное поле тянет сердечник, приходят в движение кон-

такты. Реле включает старт! Теперь становится понятно, какой провод идет к генератору! Контакты падают один на другой! Сгрудившиеся электроны уже готовы броситься вперед! Но Хо молниеносно выдерживает ножик из кармана Тиберия и ловким взмахом руки перерезает один из двух проводков!

— Старый IDDQD учил меня резкости движений, а старый RT11SJ учил мудрости, — произнес Хо, повернувшись к друзьям. — Следует семь раз отмерить провод, два раза отрезать — отдельно каждую жилу. Иначе коротнет и клешню расплавит.

Хо вынул из-за пазухи моток изолянта, которую всегда носил с собой на счастье, как учил RT11SJ, и тщательно обмотал концы проводов. И был совершенно прав: если бы проводки замкнулись, Солнцу бы пришел конец — именно об этом не успел сказать Звездный.

Межпланетный бот приближался к Земле, на космодроме царил праздник. Вакуумные колонки транслировали гимн на весь космос. Мотив, впрочем, был тот же самый:

*Пускай у роботов мысли быстрее!
Пускай бушует в транзисторах ток!
Но для Вселенной как прежде милее
Один лишь теплый и мыслящий белок!*

Их встречал адмирал в окружении военного оркестра. Он крепко пожал руку Хаяле, тепло похлопал по плечу Тиберия и горячо обнял Брута.

— Молодец! — сказал он.

— Он так ловко обманул негодяя! — поддержал Тиберий. — Так вовремя задушил!

— Он лучший! — поддержала Хаяла. — Наш Хо! Хома! Хомочка!
— Она подпрыгнула и чмокнула его в щеку.

— Не так было... — заметил Брут.

— Не скромничай! — засмеялся адмирал. — Мы все видели! О твоём подвиге уже снимают сериалы, майор Брут! Вот что значит настоящий человек!

И оркестр заиграл с новой силой:

*Пускай блестят электронные платы!
Пускай компьютер идет в каждый дом!
Семь миллиардов бесхвостых приматов
Задавят роботов массой и умом!*

УСТРОИТЕЛИ БЛИЖНЕГО КОСМОСА

В сознании нынешних читателей НФ понятие «космическое путешествие» прочно связано с полетами к звездам или даже к другим галактикам. Однако был период, когда фантасты не отваживались отправляться даже к планетам Солнечной системы, забираться за пределы околоземного пространства. Персонажи НФ-книг покоряли исключительно ближний космос. Об «истории» космических полетов рассказывает наш автор.

Под термином «ближний космос» принято понимать околоземное пространство плюс спутник Земли. Однако непосредственно «приземельным территориям» не слишком повезло в НФ. Писатели, обладавшие развитой фантазией, устремлялись к Луне.

Возможно, если бы не существовало в наших ночных небесах столь яркой и столь определенной цели для космического путешествия, все развитие НФ было бы другим. А так освоение околоземного пространства постоянно становилось жертвой человеческой тяги к Луне. Тяги настолько сильной, что, например, критик Р.Арбитман в альтернативно-иронической «Истории советской фантастики» доктора Рустама Каца весь ход развития отечественной НФ XX века представил как историю пропаганды космических полетов на Луну.

Да что там двадцатый век! Уже во II в. н.э. корабль героя «Правдивой истории» Лукиана из Само-

саты забросило смерчем не куда-нибудь, а на нашу ближайшую соседку по Солнечной системе. И если бы сохранился целиком рассказ о полете царя Этана на орле из древнешумерского предания (этот текст можно считать первым описанием полета в космос), то, возможно, и там дело не закончилось бы простым подъемом в небеса, а завершилось бы опять на Луне.

Дома на орбите

И все-таки немало в истории НФ-текстов, описывавших пространство «вблизи да около» Земли. Научное и промышленное освоение ближнего космоса чаще всего интересовало фантастов обстоятельных, тех, кто подходил к НФ как к способу отражения научных знаний и достижений в литературе. Жюль Верн хоть и отправил Ардана, капитана Николя и Барбикена на Луну, ограничился облетом снаряда из «Колумбиады» вокруг спутника Земли. Большая

часть второй книги дилогии «Из пушки на Луну» — это все-таки описание именно околоземного пространства. Но заметно, что этот космос кажется автору таким унылым и безынтересным...

Несколько оживили околоземную орбиту изобретенные фантастами искусственные спутники. Впервые появившись в 1869—1870 годах в романах Э.Хейла «Кирпичная луна» и «Жизнь на кирпичной луне», в дальнейшем они стали обязательным атрибутом космической НФ. Причем в ранний период развития НФ писатели обычно не делали различия между искусственными спутниками и орбитальными станциями. Так, в 1897 году Курд Лассвиц в романе «На двух планетах» описывает станции, подвешенные над полюсами Земли. К.Э.Циолковский в повести «Вне Земли» уже воспринимает создание подобных орбитальных сооружений как неизбежный шаг в освоении космоса. Неслучайно самая известная в советской НФ космическая станция получила имя Константина Эдуардовича Циолковского — КЭЦ.

В 1936 году А.Р.Беляев опубликовал роман «Звезда КЭЦ». Полет советских ученых на орбиту получился до визионерства правдоподобным. Хотя некоторые моменты предполетной подготовки, вроде точечного уничтожения болезнетворных микробов на одежде героя, ныне выглядят весьма комич-

но. Зато описание активных научных поисков, которые ведут ученые, оказалось одним из немногих сбывшихся пророчеств в НФ. Эксперименты ведь всегда были наиболее важной частью программ полетов и на станцию «Мир», и на МКС. Впрочем, Беляев, которому было тесно в рамках навязываемого ему имиджа классика «социалистической фантастики», не сумел ограничиться унылым описанием будней «звезды КЭЦ» и отправил главного героя прогуляться на Луну.

Интерес к орбитальным станциям угас так же быстро, как и вспыхнул. В тридцатые годы XX века идея космических сооружений на орбите прочно укрепилась в НФ, но только как элемент антуража. Они превратились в своеобразные космические вокзалы для ракет, уходящих на Луну и дальше. Герои стартовали с Земли, обедали на станции или меняли корабль на более мощный — и дальше в путь, «к отдаленным уголкам Вселенной».

В конце 1940-х идея освоения околоземного пространства стала обсуждаться учеными, и фантасты вновь обратили свой взор на ближний космос. Например, А.Кларк в 1945 году в очерке «Внеземные ретрансляторы» додумался до спутников, передающих радиосигналы (позже писатель очень жалел, что не запатентовал эту идею, которая могла сделать его милли-

онером). В 40—50-е годы он же подробно описывал создание орбитальных станций и даже использование их в качестве лечебных центров в рассказе «Смерть и сенатор».

Особую роль в художественном освоении околоземелья сыграл Р.Хайнлайн. Американский фантаст активно занимался демифологизацией космической темы, приравнивая труд космонавтов к труду машинистов, стремясь сделать картину будущего максимально реалистичной. Поэтому — то в его рассказах так часто встречаются описания «серых будней» космических извозчиков. Но при этом и Хайнлайн, и его коллеги по перу находили в этих буднях героизм и высокую романтику. Например, Р.Брэдбери сумел превратить рассказ о космической катастрофе на околоземной орбите во впечатляющий гимн людской стойкости и человеческому достоинству (новелла «Калейдоскоп»).

Космос оставался для фантастов местом таинственным, романтическим, бесконечно притягательным. И надо было обладать воистину прискорбной атрофией фантазии, как у В.Немцова, чтобы уверовать, будто в 1959 году публике будет гораздо интереснее читать производственный роман о полете на стратосферную высоту («Последний полустанок»). Впрочем, этот курьез так и остался па-

мятником перегибам НФ «ближнего прицела».

Начало реальных космических полетов вызвало новый всплеск темы. В 1964 году вышла в свет довольно скучная книга М.Кейдина «Затерянный». Тем не менее это произведение о потерпевшем катастрофу американском астронавте и об усилиях НАСА по его спасению вызвало небольшую сенсацию. И сочинение Кейдина, по сути та же НФ «ближнего прицела», поспешили перевести на русский (у нас роман вышел под названием «В плену орбиты»).

Правда, с более поздними произведениями Кейдина советские переводчики и издатели не торопились. Уж слишком заметно автор начал использовать заезженные штампы времен холодной войны, вроде агрессивных русских, вынашивающих планы нападения на США из космоса. Вот и в кейдинском романе «Станция-убийца» американские и советские космонавты вроде бы дружно работают на некоем аналоге МКС. Но на самом деле «красные злодеи» думают вовсе не о международном сотрудничестве, а планируют сбросить эту станцию на Нью-Йорк.

О ближайшем будущем космонавтики писали в 60-е и отечественные авторы — например, Я.Голованов в романе «Кузнецы грома». Однако литературная революция, вызванная в середине

60-х годов «Новой волной», вновь отодвинула проблематику освоения ближнего космоса в область НФ-антуража. Авторы на время вообще отвернулись от приземелья.

В середине 70-х внимание писателей неожиданно вновь привлекли космические станции. И произошло это во многом под влиянием книги американского физика Джерарда О'Нейла «Высокий фронтир». На страницах своего сочинения ученый обосновал экономическую выгоду подобного рода орбитальных поселений и даже неизбежность их создания в скором времени в так называемых «точках Лагранжа». Первым использовал благодатную идею М.Рэйнольдс, нарисовавший целую панораму политических взаимоотношений, связывающих такого рода космические поселения друг с другом и с Землей. Рэйнольдс подготовил серию книг «Лагранжийцы», непосредственно развивающую идеи О'Нейла. Романы «О наших будущих ужасах» и «Лагранж-5» фантаст успел написать сам, а после его смерти еще четыре романа по рукописям восстановил и продолжил Д.Инг («Лагранжийцы», «Хаос в Лагранжи», «Троянская орбита», «Мир смертников»).

Также об орбитальных поселениях писал Д.Холдемэн в трилогии «Миры», где обитаемые колонии с их своеобразной культурой оказы-

вают влияние на восстановление Земли, почти полностью разрушенной после ядерной войны.

Но наибольший интерес к проблематике освоения самого ближнего космоса в США проявляли фантасты, известные жесткими политическими взглядами. Они охотно развивали идею использования околоземелья для создания оборонительных крепостей против «красных». Хотя на данную тему писал еще С.Корнблат в 1955 году в романе «Не этим августом», все же особую остроту проблеме придала в 80-е годы дискуссия о «Стратегической оборонной инициативе». О космическом щите, прикрывающем США от ядерного удара, и о советской угрозе из космоса писали Б.Бова в «Боевой станции» и Д.Хоган в «Загадке конца игры». Б.Бова также создал несколько романов о густо населенных орбитальных сооружениях: например, «Колония» и «Миротворцы».

И советскую НФ, которую цензура стремилась превратить в закрытый от внешних воздействий заповедник, не обошла стороной мода на описание поселений в космосе. В интересном цикле рассказов М.Пухова, публиковавшемся в 1984—1985 годах в журнале «Техника—молодежи», описывалось путешествие двух землян с Земли на Луну на непригодном для подобных странствий космическом корабле. В ходе полета

герои использовали разнообразные орбитальные станции для промежуточных остановок и пополнения запасов*.

Поточное производство сочинений об искусственных мирах, виисящих в небесах над Землей, привело к тому, что уже к середине 80-х орбитальные сооружения опять превратились в неизбежную часть НФ-антуража околосемелья — как, например, в романе У.Гибсона «Нейромант». Да и в более поздних произведениях, где фигурируют весьма заковыристые орбитальные сооружения, вроде гигантских надземных колец из романа Д.Симмонса «Илион», описание этих конструкций носит явно вспомогательный характер.

Другим изобретением, оживившим на короткое время интерес к обжитому, а потому малоинтересному околосемелью пространству, стал космический лифт. Наиболее удачно эту тему использовал А.Кларк в знаменитом романе «Фонтаны рая», удостоенном сразу двух высших наград — «Небьюлы» (1979) и «Хьюго» (1980). История строительства орбитального лифта на Шри-Ланке была рассказана Кларком с такой исчерпывающей полнотой, что последующие авторы уже ничего нового к ней не добавили. Едва ли не един-

ственным любопытным развитием темы оказалась «Паутина между мирами» Ч.Шеффилда. У прочих фантастов орбитальный лифт — все тот же вспомогательный элемент. Тут можно вспомнить и «Кометы Оорта» Ф.Пола, и «Завтра наступит вечность» москвички А.Громова. У последнего космический лифт и вовсе в начале книги вскоре оказывается уже не совсем лифтом, а затем уже и совсем не лифтом...

И сейчас писатели время от времени касаются проблемы изучения и промышленного освоения ближайшего внеземелья, но, скорее, с целью щегольнуть мастерством, показать, что и на самую изъезженную тему они могут выдать нечто оригинальное: вспомним повесть «Эпоха великих соблазнов» О.Дивова.

Видимо, очередного оживления интереса к околосемелью орбите следует ожидать лишь после того, как произойдет новый прорыв в развитии космической техники.

Лунариум

Ближайшая наша соседка, как уже говорилось, куда чаще привлекала внимание фантастов. Близость Луны к земной поверхности постоянно провоцировала сочинителей на фамильярное отно-

* Любопытна история возникновения этого цикла. Формально он должен был служить иллюстрацией к статьям-пособиям по программированию микрокалькуляторов, а в итоге получилось довольно напряженное литературное произведение. (Прим. авт.)

шение к «лунной одиссее». Авторы фантастических книг еще до XIX века настолько часто отправляли своих героев на естественный спутник Земли, что в 1948 году Марджори Х.Николсон составила объемнейшую аннотированную библиографию книг такого рода — «Путешествие на Луну».

Путь к этому небесному телу оказался замечательным полигоном для апробации самых разных способов космических путешествий. На чем только люди в НФ-книгах не пытались достичь Луны: на колеснице Ильи-пророка (Л.Ариосто «Неистовый Роланд»); при помощи аппарата, движимого «святым духом» (Д.Дефо «Консольдатор, или Воспоминания о различных событиях в лунном мире»); на упряжке птиц (Ф.Годвин «Человек на Луне, или Описание путешествия к ней»); на воздушном шаре (Э.По «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфаля»); на махолете (В.Левшин «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве»); при помощи гигантских качелей с осью на вершине огромной горы (Д.Рассен «Лунный мир, или Путешествие на Луну, содержащее некоторые соображения о природе этой планеты, возможности добраться туда, одновременно с другими приятными выводами о ее обитателях, их манерах и обычаях»). И только в исключительном случае — при помощи ракет (Сирано де Бержерак

«Иной свет, или Государства и империи Луны»). Однако самым «научным» способом достижения нашего спутника долгое время считался выстрел из пушки, что продемонстрировал Жюль Верн в дилогии «С Земли на Луну» или Ежи Жулавский в трилогии «На серебряной планете».

Панибратское отношение к спутнику Земли проявлялось и в планах разработки его минеральных богатств. Самый оригинальный проект в этой области принадлежит А.Лори в романе «Изгнанники Земли: компания «Селена». Здесь Луну притягивают к поверхности нашей планеты при помощи естественного магнита (залежей железа в горах Судана) и сажают в Сахаре.

Впрочем, подобный полет фантазии все же остался исключением в истории НФ. Чаще герои просто отправлялись на Луну, строили там искусственные купола и принимались усердно вгрызаться в ее недра.

Изредка Луна становилась и угрозой для землян. Иногда ее разрушение или столкновение с Землей приводило к гибели почти всего живого на нашей планете, как в «Рукописи Хопкинса» Р.Шерриффа. В романе Г.Сэрвисса «Лунный металл» открытие золота на Луне привело к краху земной экономики. Но чаще всего злокозненные селениты планировали захват Земли или даже начинали с

человечеством настоящую войну: так произошло в «Старой Земле» Е. Жулавского, «Лунной трилогии» Э.Р. Берроуза или «Части следующей» А. Моруа.

Селениты были дежурными персонажами НФ опять—таки с самых ранних времен. Традиция описывать «государства и империи Луны» восходит еще к «Правдивой истории» Лукиана Самосатского, и ему же принадлежит почти канон глубокой иронии, которой пронизаны подобные описания. Он же первым прибег к мистифицирующему, якобы искреннему и правдивому тону в повествовании.

Когда даже самые слабенькие телескопы позволили обнаружить, что на Луне явных следов жизни нет, селенитов загнали сначала на обратную сторону Луны (Жюль Верн, Ежи Жулавский), а потом и под лунную поверхность (Г. Уэллс). В текстах, претендовавших на научность, о живых обитателях Луны либо вообще не говорилось, либо герои сталкивались с какими—нибудь уж совсем примитивными организмами (Н. Морозов «На Луне»). В лучшем случае герои находили на планете остатки давно угасшей лунной цивилизации (В. Лэйч—Сзирма «Письма с планет», Э. Фоссет «Призрак Гай Тирла», Д. Гриффит «Милая Луна в пространстве»).

Уже к середине XIX века главным претендентом на место обитания наших ближайших разумных

соседей становится Марс. Герои НФ—рассказов если и отправляются на Луну, то частенько оказываются там «проездом», стремясь на самом деле к более отдаленным целям (А. Лякидэ «В океане звезд: астрономическая одиссея», В. Язвицкий «Путешествие на Луну и Марс»). Последним всплеском интереса к обитаемому спутнику стал рубеж 1920—1930 годов, когда о жизни здесь написали Э. Гамильтон в «Иной стороне Луны», О. Клайн в «Лунной головоломке» и Д. Уильямсон в «Лунной зре». С Лунной повторялась та же ситуация, что и с околоземной областью — ее явная безжизненность в сочетании с «доступностью» вызывали у авторов НФ—романов зевоту. Фантастика активно стремилась на галактические просторы, и наша ближайшая соседка воспринималась в лучшем случае как база для космонавтов или огромная стройплощадка.

Интерес к лунным путешествиям подогрел переход вопроса в практическую плоскость. Еще в 1939 году А. Кларк опубликовал эссе с характерным названием «Мы можем запустить ракету на Луну — уже сейчас!». Представления о том, что спутник Земли будет покорен в ближайшее время, прочно укрепились в НФ. Именно об этом писал в 40—50-х Р. Хайнлайн. Верный идеям демифологизации космического будущего, он превратил Луну в задний двор Зе—

мили. Если в действиях его героев, осваивающих лунные просторы, и проявляются следы героизма, то это героизм будничной, героизм персонажей производственного романа. То же стремление к глубокому реализму в описании освоения Луны проявили А.Кларк в «Лунной пыли», С.Лем в ряде рассказов о пилоте Пирксе, Ч.Мейн в «Глубоком вакууме», У.Томас в «Долгом взгляде», Д.Кэмпбелл в «Лунном аду».

Одновременно началось своеобразное двоение образа Луны в фантастике. С одной стороны — пыльная и скучная соседка Земли, которую походя осваивают земляне, с другой — Луна как некий вообразимый мир, как полигон для развития неправдоподобных сюжетов, создания притч и сказок. Если же и возникали в НФ более архаичные идеи, вроде обитающих на Луне подземных селенитов, как в великолепном рассказе Л.Дель Рея «Крылья ночи», то они теперь тоже воспринимались в качестве условности.

Представление о доступности Луны привело к тому, что с конца 40-х годов она все чаще становится ареной действия детской НФ. Дежурная схема: школьники чуть ли не в подвале собирают космический корабль и отправляются на нем к ближайшему небесному объекту: Р.Хайнлайн поведал об этом уже в 1947 году в романе «Космический корабль «Галилей».

Все чаще историю освоения Луны стали связывать с политическим интригами. Иногда эта лунная политика выглядит весьма нетривиальной (как в романе того же Р.Хайнлайна «Луна — суровая хозяйка», где описывается революция лунных колоний против земной метрополии). Но обычно писатели земную политическую ситуацию переносили на Луну (романы Р.Баржавеля «И черт унес» или Б.Бовы «Когда небо вспыхнуло»).

Постепенно в НФ-книгах любили другим разумным существам, кроме людей, путь на Луну стал заказан. После исчезновения селенитов со страниц научно-фантастических произведений писатели какое-то время еще рассуждали о Луне как о возможной базе для инопланетных пришельцев (яркий пример — саркастический рассказ А.Азимова «Сердобольные стервятники» о пришельцах, дожидаящихся на Луне, пока люди испепелят себя в атомном Армагеддоне). Однако эта идея быстро переключалась на страницы книжек ловцов летающих тарелок.

Несколько дольше продержалась тема артефактов иных цивилизаций, оставленных на Луне инопланетянами. В «Коварной Луне» А.Будриса землянам (вернее, их клонам-копиям) приходится исследовать загадочный лунный артефакт. В «Космической одиссее 2001 года» А.Кларка черный обелиск, закопанный на Луне, не

только отправляет сигнал своему огромному собрату, вращающемуся на орбите Юпитера, но и фактически дает старт переходу землян на новый уровень эволюции. В романе Г.Бенфорда «В океане ночи» герои, обнаружив на Луне чужой космический корабль, выясняют, что во Вселенной господствуют разумные компьютеры.

К середине 60-х годов все основные темы лунной эпопеи уже казались настолько заезженными, что над ними откровенно издевались: в западной НФ это сделал, например, У.Темпл в «Выстреле по Луне», у нас — Н.Носов в «Незнайке на Луне». В этой детской сказке заключены все темы ранней лунной НФ — и Луна как главная цель экспедиции, и лунная цивилизация, находящаяся внутри естественного спутника Земли, и даже враждебность селенитов к землянам.

Сегодня тема «Вперед, на Луну» тоже перешла в раздел антуражных. Писатели словно уверены: возникни необходимость, и земляне за десяток лет возведут города под куполами. Д.Геррольд в «Сезоне бойни» даже делает Луну убежищем для человечества от стремящихся завоевать Землю хторранских монстров, а Д.Уильямсон в романе «Терраформирование Земли» идет еще дальше — его герои создают на Луне тайную базу с хранилищем генного материала для клонирования живых существ. Эта база должна стать

гарантией возобновления разумной жизни на Земле.

Ситуация с Луной не изменилась и в последнее время. Возьмем хотя бы относительно свежий роман американского фантаста Р.Бютнера «Сиротство». Некие инопланетные «слизни» нападают на Землю. И что же? Земляне, до этого пятьдесят лет даже не задумывавшиеся о полетах на Луну, не только моментально возобновляют программу «Аполлон», но и быстренько организуют базу на Луне для отпора инопланетным монстрам. И именно с Луны стартует корабль «Надежда», несущий десантников к ближайшему форпосту «слизней» — Ганимеду.

В других редких образцах романов о Луне, появившихся в последнее время, авторы используют старые идеи, часто синтезируя несколько тем в одном повествовании. Например, у Ф.Березина в романе «Лунный вариант» победа СССР в лунной гонке (а об этом писал еще в 1959 году А.Друри в романе «Совет и согласие») сочетается с поиском инопланетных артефактов.

Видимо, и с Луной ситуация в НФ изменится, лишь когда (и если) начнутся постоянные полеты на спутник Земли. Тогда уж фантасты опять обратятся к этой теме, вдруг обнаружив, что наша ближайшая космическая соседка — целый мир, полный невероятных загадок и тайн.

Владимир
МИКУШЕВИЧ

ВОСКРЕСЕНИЕ В ТРЕТЬЕМ РИМЕ

Москва: Энигма,
2005. — 576 с.
2000 экз.

Известный поэт и переводчик классической поэзии не первый раз выступает в прозе. Три года назад вышел его сборник «Будущий год», посвященный мистике дачного Подмосковья. Теперь в том же издательстве опубликован роман криптоисторической и криптофилософской фантастики.

Поиск истинной крови Меролинггов и эликсира бессмертия в закулисах мировой истории — известный сюжет. Книга насыщена религиозно-философской тематикой. Перед нами щедрое на причудливые повороты расследование взаимосвязей христианского богословия и эзотерических культов, европейской литературы и народных легенд, русской философии и истории последних веков. Прообразом главного героя Платона Чудотворцева стал известный диалектик и имяславец А.Ф.Лосев. За напластованиями вымысла различимы и детали биографии, и стиль письма: объединяются несовместимые понятия, чередуются синонимические и омонимические линии в этимологическом исследовании, парадоксальность вывода отсылает к истинному бытию, доказывающему всякое суждение. И лишь изредка слышен сухой смех книжного червя под скорлупой пародии на глубокомыслие.

В рассуждениях о бессмертии не обойдена и легенда о Фаусте — который, выясняется, также из Меролинггов и тесно связан с русской историей. Его потомок Чудотворцев дружит с Распутиным, ведет конспиративную переписку с Гитлером и Сталиным о поисках Грааля, а после ареста вместо признательных показаний пишет труд, известный под названиями «Гений Сталина» и «Оправдание зла». Но ни с большевистским демиургом, ни с сатирически изображенным православно-коммунистическим союзом ПРАКС, планирующим восстановление империи в конце тысячелетия, герой не сходится в главном. Невозможно преодолеть зло через зло, такой путь ведет в никуда. А для самого Чудотворцева путь ведет в Святую Русь — «невидимый град везде для тех, кому дано войти туда, и нигде для тех, кому туда войти не дано».

Сергей Некрасов

Раймонд ФЭЙСТ

**КОГОТЬ
СЕРЕБРИСТОГО
ЯСТРЕБА**

*Москва — СПб.:
ЭКСМО —
Домино,
2005. — 464 с.
Пер. с англ.
Е. Коротыян.
(Серия «Меч
и магия»).*
6000 экз.

Один из популярнейших в США авторов фэнтези Раймонд Фэйст ожидаемо остается верен себе и своему миру — Мидкемии. Со времени ее рождения в 1982 году почти все романы Фэйста посвящены этому миру. Как ни странно, но именно столь многолетняя преданность одной литературной вселенной обеспечила автору значительную популярность на родине и далеко за ее пределами — для многих Мидкемия «вошла в привычку». Тем более, что мир этот со знанием дела создан мастером ролевых игр — и в то же время давно уже перерос границы «геймерской фэнтези».

Действие цикла «Конклав теней», начатого в 2002 году, также разворачивается на просторах Мидкемии, как выясняется, не вполне еще исследованных самим автором. Тема романа стандартна для Фэйста. Это процесс взросления юного героя, вовлеченного в перипетию высокой политики и волшебства. Главный герой Киели, он же Коготь Серебристого Ястреба, остается сиротой после гибели родного племени и начинает свой жизненный путь учеником магов. Фэйст, как всегда, смело соединяет приемы героической и эпической фэнтези. Лишь постепенно выясняется, что за личными треволнениями и подвигами персонажей скрывается нечто, действительно способное изменить их мир.

С каждой новой книгой цикл выглядит все удачнее, что, несомненно, большая редкость для сериала. С другой стороны, некоторые похвалы в адрес книги чересчур громки. Журнал «The Dragon Magazine» сообщает, к примеру, что именно сей роман позволяет «автору занять место рядом с Дж.Р.Р.Толкином и прочно обосноваться там». Но «там», надо признать, уже несколько тесновато, а будет еще теснее. Рекламные слоганы, к сожалению, перестают работать, когда становятся банальностью. Однако следует признать, Фэйст держит уровень, и новый сериал не разочарует его российских поклонников — вот здесь никаких преувеличений.

Сергей Алексеев

Христо
ПОШТАКОВ,
Андрей
БЕЛЯНИН

**МЕЧ, МАГИЯ
И ЧЕЛЮСТИ**

Москва: АРМАДА
— *Альфа-книга*,
2005. — 347 с.
30 000 экз.

Популярный в Болгарии Христо Поштаков до недавнего времени был известен как последовательный НАУЧНЫЙ фантаст. Но по иронии судьбы самой коммерчески успешной книгой автора оказалась издевательская пародия на фэнтези, написанная им шулки ради за подписью некоего Кристофера Поустмена (2003). В России же книга вышла под двумя именами, что не случайно — Андрей Белянин выступил не только в качестве переводчика–редактора, но и соавтора, дополнив книгу болгарского коллеги новыми сюжетными линиями.

Откровенно юмористический, пересмешнический сюжет ветвится одновременно в двух временных и пространственных измерениях — в фэнтезийно–средневековой Ландрии и в Америке наших дней. Три законченных неудачника — обедневший рыцарь, магшарлатан и утративший природную агрессивность дракон — волею судьбы и волшебства переносятся в Голливуд, где на них обрушивается череда забавнейших приключений. Вернувшись же в родную сказку, они активно пытаются внедрить современные технологии в классическую средневеково–фэнтезийную реальность. Всевозможных литературных отсылок в романе достаточно, еще больше — действительно смешных приключений, связанных с путешествиями меж двух миров. Книга не претендует на глубину, это просто добротное исполненное развлекательное чтение, забористый коктейль из хлестких шуток–гэгов и комических ситуаций, высмеивающих набившие оскомину штампы традиционной фэнтези. И право же, в данном случае отсутствие некоей «нагрузки» (как и кинематографичность сюжета) не хочется ставить в вину романистам. Хороший юмор не столь частое явление в современной фантастике.

Следует отметить также и не свойственную произведениям в жанре фэнтези (даже и юмористической) компактность текста. Авторам удалось в небольшом книжном пространстве уместить максимум событий, не переходя при этом на скороговорку, не принося в жертву литературность своего произведения.

Снежана Ратомина

Хольм ван
ЗАЙЧИК

ДЕЛО
НЕПОГАШЕННОЙ
ЛУНЫ

*СПб.: Азбука-классика, 2005. — 512 с.
Пер. с кит.
Э. Выхристюк
при участии
Е. И. Худенькова.
15 000 экз.*

Несмотря на все обещания автора и переводчиков, шестью романами культовый цикл не ограничился. Прошло два с небольшим года, и мы снова встретились с миром Ордуси.

Седьмая книга «Евразийской симфонии» разительно отличается от предыдущих. Она начинается новую, уже третью по счету, цзюань, по-нашему — трилогию. В предисловии написано, что если первая тройка романов была детективная, а вторая — мистическая, то третья цзюань будет философской. Если большинство книг «Евразийской симфонии» по форме, скорее, напоминают повести с линейным сюжетом, то «Дело непогашенной Луны» — полноценный роман со сложной структурой, от души приправленный философскими отступлениями и разнообразными размышлениями, проходящими по касательной к основному тексту. Поначалу это даже утомляет. Но стоит втянуться, и неспешное чтение начинает доставлять удовольствие, а философские сентенции — захватывать не хуже детективных коллизий.

Создается впечатление, что евро-китайский гуманист на протяжении всех этих двух с лишним лет копил различные замечания, звучавшие в адрес придуманного им мира, а теперь постарался на все ответить разом. И главный среди поставленных в книге вопросов — о месте в многонациональной Ордуси ютаев (так здесь называют евреев), народа, считающего себя богоизбранным и отличающегося от всех остальных...

Кроме этого, ван Зайчик продолжает развивать основную тему цикла — изображает, как хорошие люди, стремясь к добру и общей пользе, совершают подчас страшные поступки. Принцип, вынесенный в заголовок цикла — «Плохих людей нет», — здесь заявлен особенно ярко. Главный же источник нестабильности в сюжете — великий ученый Мордехай Ванюшин, который призывает покаяться за содеянное в прошлом весь ютайский народ. Он хочет, чтобы народы, покаявшись друг перед другом, жили в мире, но невольно становится разжигателем межнациональных столкновений.

Андрей Щербак-Жуков

Юлия ГАЛАНИНА

ДА, ТА САМАЯ
МИЛЕДИ

Москва: Форум,
2005. — 288 с.
(Серия «Другая
сторона»).
4000 экз.

Новый роман Юлии Галаниной — еще один вариант криптоисторической фантастики. В качестве сюжетной базы писательница взяла знаменитые «Три мушкетера», что после аналогичных «эспериментов» Александра Бушкова не выглядит столь уж оригинальным ходом. Автор, рассказывая классическую историю от лица миледи, ни на йоту не отступает от внешней канвы событий. Те же самые герои, тот же сюжет и даже реплики. Ничего такого, что вступало бы в логическое противоречие с исходным материалом.

И тем не менее это совсем другая история. Другая мотивация поступков, другое видение людей.

Леди Винтер, зловещая миледи, которую Дюма изобразил демоном во плоти, у Галаниной вовсе не становится светлым и кротким ангелом. Но мы видим не плюющуюся ядом гадюку, а живого человека, способного как на низость, так и на благородство. Миледи не стремится к злу «из любви к искусству». Все ее поступки продиктованы лишь одним — выжить и спасти жизни своих детей. Так уж получилось, что она — работник спецслужбы, созданной кардиналом Ришелье, и никуда ей от этого не деться. Да, миледи хитра, цинична, мстительна. Но ее внутренняя суть к этим качествам вовсе не сводится — есть в ней и великодушие, и ум, и стремление понять людей.

И наши знакомцы мушкетеры предстают в неожиданном свете. Мы в детстве читали, восхищались, но как-то не сообразили сложить два и два. Благородный граф де Ла Фер, даже и не подумавший разобрататься, откуда на плече у супруги взялась лилия. Вздернуть — и вся недолга. Благородный Д'Артаньян, которому романтическая любовь к госпоже Бонасье не мешает обманом забраться в постель к другой женщине, попутно оклеветав ни в чем не повинного графа де Варда и совратив простужку Кэтти...

Нехорошо сообщать, чем кончилось кино или книга, а все ж не утерплю: жива миледи, жива, внуков нянчит, спаслась от мушкетеров. Но никакого противоречия с текстом Дюма. Как так вышло? А вот дочитайте до конца — и сами узнаете.

Виталий Каплан

Ирина
ОЛОВЯННАЯ

**МАЛЕНЬКИЙ
ДЬЯВОЛ**

*СПб.: Лениздат,
«Ленинград»,
2005. — 432 с.
(Серия «Боевая
фантастика»).*
7450 экз.

Талантливый подросток — это постоянная головная боль родителей. А гиперактивный гиперталантливый подросток-сирота с экстрасенсорными способностями? Это постоянная головная боль для службы безопасности клана Кальтаниссетта (на планете Этна вместо государств — промышленные кланы). Его прорют каждую неделю, лишают сладкого и даже — ужас! — доступа в местный интернет, а он все не уgomонится. Наверное, у него внутри «энерджайзер». Бывший беспризорник, сумевший выжить на свалке, двенадцатилетний Энрик умеет устанавливать телепатический контакт с животными и поэтому становится незаменимым специалистом по краже секретов и прочим тайным операциям. Он учится всему, до чего способен дотянуться, ненавидит препятствия и благодаря исключительным личным качествам превращается в любимого приемного сына своих хозяев. А это означает — новые обязанности и социальные правила. И новые приключения...

Одна из функций «твердой» НФ — пробуждать интерес к учебе (и, возможно, «звать молодежь во втузы»). Развлекательная по форме литература способна формировать приятное отношение к знанию, к учебе, к сложным социальным навыкам. Ненавязчиво создавать у юного читателя интерес к астрономии, математике и античной истории. Объяснять, что основы менеджмента важны для будущего лидера ничуть не меньше, чем боевые искусства. Учить на конкретных примерах правилам поведения в обществе... Пропедевтическая функция в романе ясно различима за чередой увлекательных приключений. Психологическая достоверность наблюдений выражается в эксцентричных трюках. Окружающий Энрика мир жесток, но его душа не ожесточается — и книга, без сомнения, может быть рекомендована всем подросткам в возрасте от девяти до девяноста девяти лет.

«Маленький дьявол» — первая книга в обещанной трилогии Ирины Оловянной. В ней есть отдельные недочеты, но в целом роман написан хорошо и читается с интересом.

Сергей Кольцов

Юрий ЗАЙЦЕВ

**В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОГО
ГРААЛЯ**

Москва:
Корпорация
«Сомбра»,
2005. — 288 с.
(Серия
«Фантастика»).
7000 экз.

Сюжет дебютного романа Ю.Зайцева вскормлен на «базовых» для традиционной фэнтези легендах о Рыцарях Круглого Стола. Но рецензируемая книга из категории фэнтези юмористической, поэтому автор с историческими персонажами особо не церемонится. Король Артур, по Зайцеву, — начавший сдавать старик, которого мало что интересует в этой жизни, Мерлин без усталости плетет интриги, славный и доблестный рыцарь Ланселот более всего напоминает храброго враня барона Мюнхгаузена. И вот, доставшего всех Ланселота Артур с Мерлином отсылают из дворца куда подальше — искать Святой Грааль. А в компании ему буквально навязывают молодого рыцаря сэра Тима.

Как и положено в романах этого жанра, по пути герои то и дело попадают в разные передеряги, нарываюются на маленьких и злобных карликов, взбалмошных драконов, переживают падение с Края Света и т.д. и т.п.

В принципе, перед нами растянутый почти на 300 страниц каламбур, не претендующий ни на что большее, кроме как развлечь читателя. Время от времени и в самом деле попадаются удачные шутки, но гораздо больше юмора, что называется, «отсыревшего». Ну в самом деле, какая может быть свежая струя во вколачивании в текст всех этих сэров Чипа и Дейла, Ленкома, мессира Коньяка или леди Тринитры? На этой игре с узнаваемыми именами и строится юмористический каркас романа. Видно, не очень высокого мнения Юрий Зайцев об интеллектуальном уровне своего читателя, раз отсылает его к вещам столь узнаваемым, если не сказать банальным. Еще один минус дебютного романа: каждая глава, в лучших традициях английской литературы XVIII—XIX вв., предваряется «анонсом–пересказом», что в ней произойдет.

В плюс автору, пожалуй, стоит засчитать неплохое владение литературным языком. А в плюс издательству — оригинальный дизайн, выполненный в черно-белой графике.

Екатерина Кузнецова

Сергей
ЛУКЬЯНЕНКО

**ПОСЛЕДНИЙ
ДОЗОР**

*Москва: АСТ,
2005. — 400 с.
200 000 экз.*

Взаимоотношения писателя и издателя зачастую напоминают холодную войну. Писатель (если он не «словомельница») старается сделать хорошо и в своем стиле. Но чтобы его идеи и послания дошли до широкого круга людей, нужен тираж побольше. Последнего не преодолимо алчет издатель, поэтому качество исходного текста отступает на второй план. Законы рынка диктуют свое: массовость и качество редко совместимы. Лишь немногим авторам удается пройти по этой бритве, не поранив ноги, и победить в «дипломатической войне».

«Последний Дозор» — явно издательский проект. Внешние факторы — такие, как выход очередного фильма — уже заранее обеспечивают книге небывалые продажи. Интересно было взглянуть, как в такой ситуации поведет себя автор: кинет «псам коммерции» первую попавшуюся кость или попытается нарастить на нее литературное мясо? Лукьяненко по бритве прошел. Хотя роман откровенно заказной, написан всего за полтора месяца, однако не выбивается из «дозорной» линейки, а в чем-то даже и превосходит некоторые из предыдущих частей цикла.

Соблюдены все базовые принципы сиквела: в книге действуют старые, полюбившиеся персонажи, новые вводятся в гомеопатических дозах; мироустройство цикла изменяется в зависимости от требований сюжета — добавляются не противоречащие обоснованным ранее дополнительные штрихи картины мира (как то — возможность «смены окраса» Высшими иными); да и композиция текста, построенная на трех почти самостоятельных повестях со сквозным сюжетом, работает на узнавание. При этом чтение весьма занимательное и даже познавательное (чего стоит только описание Эдинбурга и окрестностей), сюжетные повороты неожиданны, герои — хорошо знакомы и типичны для Лукьяненко (за что и всенародно любимы), интересных мыслей и идей хватает, а развязка привычно непредсказуема. Лукьяненко вновь подтверждает свое право присутствия на вершине отечественного фантастического Олимпа, доказывая, что даже откровенно проходной роман может быть качественным литературным произведением.

Антон Глебов

АКАДЕМИК ФАНТАСТИКИ

До конца 1960–х годов отечественные любители фантастики связывали всю историю этой литературы во Франции практически с одним–единственным именем — Жюль Верн. Лишь позже мы узнали о его современнике, Жозефе Рони–старшем, чей 150–летний юбилей отмечается в этом месяце. Хотя читателям со стажем это имя было хорошо знакомо намного раньше. Только тогда мы знали «другого» Рони — не писателя–фантаста, а мастера детской литературы.

Когда в конце 1960–х годов издательство «Мир» выпустило первый томик французской научной фантастики «Пришельцы ниоткуда», то уже первое представленное в нем произведение решительно опровергало заблуждение, что французская НФ началась с Жюля Верна. Из предисловия покойного Евгения Брандиса читатель мог почерпнуть и вовсе удивительные сведения. Оказалось, что повесть, которая сделала бы честь иному современному фантасту, настолько оригинальна была положенная в ее основу идея, написана аж в конце позапрошлого века!

А вот имя автора многим тогдашним читателям показалось знакомым. Ну как же — любимые с детства повести о доисторическом мальчишке «Борьба за огонь» и «Пещерный лев» (в оригинале книга называлась «Хищник–гигант»). Кое–кто, вероятно, вспомнил и успевшие стать раритетами переиздания повести «Вамирэх». На всех этих кни-

гах, любимых детворой, стояло имя Жозефа Рони–старшего.

Однако до выпуска мирового томика мало кто из читателей знал, что популярную детскую серию написал один из основоположников научной фантастики во Франции.

Настоящее имя писателя было Жозеф Анри (в ряде источников он назван Анри Жозефом Оноре) Бёкс. Он прожил без малого век: родился в Бельгии 17 февраля 1856–го, за три года до выхода дарвиновского «Происхождения видов», а умер на второй год второй мировой войны — в 1940–м. За столь долгую жизнь плодовитый писатель успел выпустить солидное собрание сочинений в 107 (!) томах: реалистические романы, сборники новелл, трактаты по философии и эстетике, повести для детей. И, конечно, научная фантастика. Его место во французской литературе подчеркивает присужденная ему Гонкуровская премия. А вручаю–

щую ее французскую академию Рони–старший сам же и возглавлял, начиная с 1926 года.

В одной из старых литературных энциклопедий об этом написано с соответствующей тем временам угловатой определенностью: «Французские беллетристы, последователи Гонкуров, подобно им часто писавшие свои произведения сообща под общим псевдонимом Ж.А.Рони (J.H.Rosny). Рони являются виднейшими представителями неонатуралистического романа во Франции. В 1896 году, по завещанию Эдмона Гонкура, оба брата стали членами созданной им Академии Гонкуров, в которой Рони–старший занял затем место президента и играл роль идеологического руководителя целого литературного направления... Преемники Гонкуров, Рони родственны им и импрессионистическим стилем. Они подчас злоупотребляют красочностью и богатством своего словаря: их произведения нередко загромождены образами и перенасыщены красками. Однако, хотя Рони и заслужили упреки в отсутствии меры, все же язык их отличается своеобразием и силой. Им удалось обогатить литературную речь научной терминологией, подчинив ее своим художественным целям».

Выходит, что место и значение братьев Рони в руководстве Гонкуровской академии во всяком случае не сводилось к роли декоративной или формальной.

Получив блестящее классическое образование, Анри Бёкс был вынужден зарабатывать на жизнь, работая то наставником в английском учебном заведении, то телеграфистом. Но неудержимая тяга к литературе заставила его заняться куда менее перспективной (по части гарантированного заработка) литературной деятельностью.

Откуда взялся псевдоним, до конца не ясно. Известно лишь, что по крайней мере до 1907 года он писал в соавторстве с младшим братом Жюстеном Франсуа Серафином Бёксом, и подписывали они все произведения общим псевдонимом Ж.А.Рони. Первая их совместная публикация — «Манифест пяти» — вышла в свет в 1887 году (почему–то на английском языке). Когда братья поссорились — по официальной версии, «не сошлись характерами», — на литературном горизонте появились два автора по фамилии Рони, старший и младший. Но если второй не оставил заметного следа в литературе, то на долю Рони–старшего достались и слава, и деньги. Хотя любопытно, что именно под этим псевдонимом позже были переизданы книги обоих братьев Бёксов...

Во французской научной фантастике место Жозефа Рони–старшего — особенное, не сравнимое ни с кем. Даже с Жюлем Верном. Ведь если разобраться, никакими радикальными фантазиями автор «Необыкновенных путешествий» читателей не порадовал: Верн всего

лишь доводил до логического конца те открытия и изобретения, которые повсюду обсуждались его современниками. Зато Жозеф Рони-старший фантазировал так фантазировал!

Действие двух его известных романов — «Навигаторы бесконечности» и «Астронавты»* — протекает на Марсе, где земляне сталкиваются с необычной формой космической жизни. Это вообще любимый конек Рони-старшего, которому, кстати, многие приписывают авторство термина «астронавтика». В романе «Смерть Земли» (1910) он описывает нашествие из космоса совсем уж фантастических «ферропримельцев» (то есть существ-ферромагнетиков)! А в другой книге, «Таинственная сила» (1913), отдает дань классической космической катастрофе: в результате встречи нашей планеты с неким «эфирным потоком» наступает новый ледниковый период и человечество неуклонно катится к варварству.

В жизни его отличали широта научных интересов и незаурядная фантазия**. Однако, в отличие от своего великого современника Верна, Рони-старший меньше интересовался техникой, зато увлекался

биологией, теорией эволюции, загадками человеческой психики. Убеденный дарвинист, сторонник идеи множественности обитаемых миров, он наперекор большинству собратьев по перу одновременно предполагал еще и множество форм инопланетной жизни.

Да и на Земле, по мнению писателя, науки о живом еще не сказали своего последнего слова. И потому в рассказе «Неведомый мир» (1898) писатель одним из первых в мировой фантастике подбирается к теме биологической мутации, в повести «Нимфея» (1909) выводит на сцену людей-амфибий; в рассказе «Чудесная страна пещер» (1896) — способных летать. И все это задолго до знакомых нашему читателю героев Беляева! Можно вспомнить еще и увлекательный авантюрный роман «Удивительное путешествие Гертона Айронкастля» (1922), вдохновивший Филипа Хозе Фармера на создание одной из его многочисленных литературных мистификаций — более чем «вольного пересказа» романа полувековой давности.

Но даже если бы Жозеф Рони-старший ничего из вышеупомянутого не написал, его место в пантеоне славы французской и мировой научной фантастики зарезервирова-

* Оба вышли уже в двадцатых годах прошлого столетия. А первый роман отдельным книжным изданием появился лишь в 1960-м, когда автора уже два десятилетия как не было в живых. (Здесь и далее прим. авт.)

** Безудержной фантазией проникнуты даже «научные эссе» Рони-старшего — «Легенда, к которой нужно относиться скептически» (1889), «Великая загадка» (1920) и «Спутники Вселенной» (1934).

ла бы одна–единственная короткая повесть «Ксипехузы» (1887), которую французская критика сразу же сравнила со знаменитой новеллой Мопассана «Орля». Любопытно, что столь высокую оценку заслужило первое опубликованное беллетристическое произведение начинающего автора (или соавторов, не суть).

С начальных страниц у читателя может создаться впечатление, что в руках у него еще одна «повесть о доисторических людях». Иначе говоря, произведение того жанра, в котором Жозеф Рони–старший впоследствии как раз и прославился. «Это было за тысячу лет до того, как возникли первые поселения, из которых потом выросли Ниневия, Вавилон, Экбатан...» Однако уже на второй странице атмосфера резко меняется. Как сбивается с привычного ритма и размеренная, в общем, жизнь кочевого племени, повстречавшегося с Неведомым. Форма жизни, с которой столкнулись наши прапращуры, действительно, столь необычна, не укладывается решительно ни в какие привычные рамки, что большинство читателей и почти все писавшие об этом произведении критики, не сговариваясь, зачислили «чужаков» в пришельцы из космоса. Самое интересное, что в повести на сей счет нет абсолютно никаких указаний!

Откуда они появились, эти таинственные ксипехузы, что им нужно от землян, так и остается загад–

кой. Если говорить об их поведении, то ксипехузы с тем же успехом могут быть названы «самоуправляемыми автоматами». Однако проще предположить, что автор отводил им все–таки космическое происхождение, а не «кибернетическое» (все же конец позапрошлого века — какая там кибернетика!). Поэтому будем следовать традиции и считать повесть Жозефа Рони–старшего первым в мировой фантастике произведением, где описан контакт землян с инопланетной негуманоидной жизнью.

Тоже, между прочим, литературное открытие, и немалое.

К концу 1880–х годов научная фантастика составляла уже солидную библиотеку, поражавшую читателя той поры всеми, кажется, возможными вариантами подобных космических «встреч». На Земле и на других планетах, в настоящем, прошлом и будущем. И хотя отдельные примеры инопланетной экзотики встречались не раз (начиная с основоположника — Лукиана), обычно подобные сюжеты обыгрывали писатели–сатирики.

Жозеф Рони–старший подошел к делу основательнее. Его ксипехузы бесконечно далеки от всего, что нам предоставила земная эволюция. «На другой стороне поляны светилось кольцо каких–то голубоватых полупрозрачных конусов с темными извилинами. Они не были высокими, примерно по пояс человеку, и у каждого внизу, почти у самой земли, горела ослепительная

звезда. Позади конусов виднелись такие же странные вертикально стоящие призмы, белесые, с темными полосами на поверхности, как на березовой коре. Кое-где высились бронзовые с зелеными точками цилиндры: одни тонкие и высокие, другие приземистые и широкие. У самого основания и конусов, и цилиндров, и призм сверкали такие же звезды».

Удивительные порождения неведомой кристаллической жизни (ибо далее выясняется, что они не так бесплотны, как казались на первый взгляд) совершенно чужды жизни органической. Всякое общение с ксипехузами исключено. Более того, неожиданное массовое появление на Земле чужаков, а также их действия сомнений не оставляют: земной жизни угрожает опасность тотального истребления. Потому что «инопланетяне» еще и разумны!

К этому выводу приходит гениальный мудрец Бакун, в течение долгого времени наблюдавший за ксипехузами. «Книги Бакуна», якобы обнаруженные археологами (для пущей достоверности автор постоянно ссылается на изданный во Франции их перевод), это вообще лучшие страницы повести. Конечно, с точки зрения исторической науки (датировка первых памятников письменности), натяжка огромная, но как «литература» — вполне читается...

Поведение ксипехузов и их отношение к нашей планете пример-

но то же, что и у земных первооткрывателей какого-нибудь нового острова или континента: «Пока аборигены не мешают — пусть живут. Когда начать мешать, их надо истребить». Они, в общем, мало подходят на роль традиционного инопланетного завоевателя-злодея — этот стереотип появится чуть позднее. Ксипехузами движет не иррациональная жестокость и даже не утилитарное стремление «завоевать» Землю, а просто инстинкт каждого существа к выживанию.

В конце концов под руководством Бакуна земные племена объединяются и сообща уничтожают опасных пришельцев. И все хорошо, налицо традиционный хэппи-энд? Однако писатель добавляет к уже вроде бы просчитываемому финалу всего несколько строк — и схема победоносной войны «наших» с «чужими», на которую настроился читатель, летит вверх тормашками! (Впрочем, в схему такой сюжет превратится позже.)

Ибо что же, доблестный победитель ксипехузов — торжествует? Принимает заслуженные почести от тех, кого спас? Ничуть не бывало! «Я обхватил голову руками, сердце мое ноет. Ибо теперь, когда ксипехузы погибли, моя душа скорбит о них, и я вопрошаю Единого, почему безжалостной Судьбе было угодно оборвать цветущую жизнь!» Согласитесь, как-то мало это подходит на победную реляцию с поля битвы.

Мне кажется, в финале повести французский автор сделал решающее открытие, которое этой литературе еще придется не раз повторять.

Среди звезд нас ждет Неизвестное, как скажет позднее Станислав Лем. Не «доброе» или «злое» — эти понятия предполагают человеческие оценки, а что-то бесконечно чуждое. Не-человеческое. В столкновении с которым затрещит по швам не защитная броня наших звездолетов и скафандров, а впитанные на Земле мораль, культура,

знания, суеверия и предрассудки. И, может быть, только этим — столкновением с Чужим — придется целый век заниматься серьезной научной фантастике.

Неважно, что это открытие — даже не темы, а целого направления — произошло случайно. В хорошей научной фантастике почти всегда так и происходит. Плывут чудачки, подобные Колумбу, на запад в поисках Индии, а походя открывают Америки.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ЖОЗЕФА РОНИ-СТАРШЕГО (Научно-фантастические книги)

1. «Ксипелхузы» (*Xyphesuses*, 1887).
2. «Вамирэх» (*Vamireh*, 1892). На русском языке выходил также под названием «До потопа. Роман из жизни первобытных людей».
3. «Эйримах» (*Eyrimah*, 1893).
4. «Война за огонь» (*La Guerre du feu*, 1909).
5. «Смерть Земли» (*La mort de la Terre*, 1910).
6. «Таинственная сила» (*La force mystérieuse*, 1913).
7. «Гигантская кошка» (*Le félin géant*, 1818). На русском языке выходил также под названиями «Хищник-гигант», «Пещерный лев».
8. «Удивительное путешествие Гертона Айронкастля» (*L'Eton-nant voyage de Hareton Ironcastle*, 1922).
9. «Навигаторы бесконечности» (*Les navigateurs de l'infini*, 1925).
10. «Пещерные люди» (*Les hommes sangliers*, 1929).
11. «Хельгвор с Голубой реки» (*Helgor du fleuve bleu*, 1930).
12. «Астронавты» (*Les astronautes*, 1960).
13. Сб. «Научно-фантастические сочинения» (*Recits de science-fiction*, 1973, Бельгия).

Курсор

Спустя

почти два года после подписания Владимиром Путиным указа о награждении Бориса Стругацкого орденом «Знак Почета» награда добралась до адресата. Вручение ордена легендарному фантасту состоялось 9 января в Белом зале Санкт-Петербургского Центра современной литературы и книги.

Известный

фантастический мультсериал «Футурама», закрытый в 2003 году, близок к воскрешению. Компания «XX век Фокс», прекратившая выпуск сериала из-за невысоких телевизионных рейтингов, переменяла свои представления после того, как «Футурама» стала хитом продаж на DVD. История разносчика пиццы Фрая, замороженного в двадцатом веке и разбуженного в тридцатом, а также его друзей, робота-маргинала Бендера и одноглазой мутантки Лилы, будет продолжена. Осталось только договориться с актерами, озвучивавшими прежние серии.

Два монстра

современной анимации — Walt Disney Co. и Pixar Animation Studios — решили объединиться. Компания Дисней приобрела Pixar за семь миллиардов долларов, при этом отдав последней почти все работы на ниве 3D-анимации. Теперь компания, снимавшая такие хиты, как «Игрушечная история», «Корпорация монстров» и «Суперсемейка», получит серьезную финансовую «крышу» в лице самой богатой анимационной студии мира.

Стивен Спилберг

выступит продюсером мини-сериала под названием «Девять жизней» для телеканала SCI FI Channel. Центральной темой 12-часовой игровой постановки по сценарию Леса Бозма станет жизнь после смерти. При подготовке сценария будут использоваться документальные случаи общения с потусторонним миром, с умершими родственниками, воспоминания испытывавших клиническую смерть и т.д.

Сэм Рэйми,

режиссер киноцикла «Человек-паук», загорелся идеей экранизировать роман Терри Пратчетта «Wee Free Men», пока еще не изданный в России. В центре повествования очередного романа из серии «Плоский мир» — маленькая девочка, которая спасает младшего брата, похищенного эльфийской королевой. За создание сценария фильма возьмется Памела Петтлер.

Мода

на Альфреда ван Вогта, кажется, пришла в американскую фантастику. «Курсор» сообщал в предыдущем выпуске о современном продолжении цикла о мире Нуль–А Джоном Си Райтом. Теперь профессиональный «продолжатель» Кевин Андерсон, автор приквела «Дюны» и нескольких книг из вселенной «Звездных войн», решил дописать неоконченный роман ван Вогта «Охотник на слэнов». В свою очередь, недописанная книга Гранд–мастера должна была стать сиквелом знаменитого романа «Слэн» (1940).

НФ-редактор

и критик Гэри Вестфал закончил для издательства Greepwood Press работу над масштабной тематической энциклопедией. Трехтомник общим объемом более 1600 страниц и 600 тысяч слов будет включать в себя статьи, посвященные практически всем аспектам нереалистической литературы: темам, сюжетам, персонажам, местам действия, стилям, наукам, концепциям и т.д.

Сиквелы

популярных НФ–лент готовятся к съемкам. Продолжение драмы «Эффект бабочки», повествующей о путешествиях в собственное прошлое внутри сознания и о возможности изменять свои решения в ключевые моменты жизни, будет готовить режиссер Джон Леонетти, в главных ролях — Эрик Лайвли и Эрика Дьюранс. Герои первой ленты в продолжении не появятся. О человеке, умеющем общаться с мертвыми, расскажет «Белый шум 2: Свет» — продолжение знаменитого триллера 2004 года «Белый шум». Режиссер Патрик Люсье начнет съемки в Канаде весной 2006–го.

Компания Дисней,

заработав на первом фильме «Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и Платяной шкаф» рекордную в своей истории сумму (более полумиллиарда долларов), приступила к экранизации еще одной сказки Клайва Льюиса из цикла — «Принц Каспиан». Тем временем популярность Нарнии благодаря книгам и фильму достигла таких размеров, что возник конфуз. Несколько крупнейших мировых информационных агентств на полном серьезе восприняли и поместили в своих новостных лентах информацию из пресс–релиза, подписанного некоей Сьюзан Аслан. В пресс–релизе говорилось, что независимое государство Нарния в знак протеста против беспардонного поведения США вышло из ВТО на последней сессии этой организации в Гонконге.

Агентство F-пресс

**БАРТОН Уильям
(BARTON, William)**

Американский писатель Уильям Реналд Бартон родился в Бостоне в 1950 году и после окончания колледжа работал инженером на оборонных (оборудование для ядерных подводных лодок) и промышленных предприятиях. Позже он переключился на работу «свободного программиста, следуя той теории, что самое комфортное — трудиться дома, в тепле зимой и в прохладе летом».

В 1973 году Бартон дебютировал в научной фантастике романом «Охота на Кундерера». За ним последовали еще десять книг — «Чума на всех трусов» (1976), «Легион Темного Неба» (1992) и другие (половина написана в соавторстве с Майклом Капобьянко). Кроме того, Бартон опубликовал более полутора десятков рассказов, ряд которых написал в соавторстве с тем же Капобьянко. В настоящее время Уильям Бартон проживает в Дарэме (штат Северная Каролина).

**БРЮССОЛО Серж
(BRUSSOLO, Serge)**

Один из самых авторитетных фантастов современной Франции родился в 1951 году. Первый рассказ Брюссоло, «Беглец», появился в любительской печати в 1972 году, а уже в 1978-м новелла «Безумный путь» была удостоена Большой премии французской научной фантастики. Тем не менее в течение долгого времени уже известному автору-рассказчику не удалось пристроить в издательства свои романы, нарушавшие каноны жанра своей явной экспериментальностью. Прорыв случился в начале 1982-го, когда, по мнению критиков, «Брюссоло ураганом ворвался в сонный пейзаж французской фантастики». За последующие 17 лет Брюссоло издал более 100 книг, из которых 72 — фантастика в диапазоне от «твердой» НФ до неоготических романов и детской фэнтези. Помимо фантастики писатель публикует приключенческие романы, историческую и детективную прозу.

Произведения Брюссоло неоднократно получали престижные литературные награды. В частности, повесть «Вид больного города в разрезе» завоевала Большую премию французской НФ, рассказ «Подземка, элементы мифологии метро» — премию имени Рони-старшего, роман «Сон крови» — «Золотой Граули», роман «Сеятели бездны» — «Аполло».

**ВАГНЕР Ролан
(WAGNER, Roland C.)**

Звезда новой французской НФ Ролан Шарль Вагнер родился в 1960 году в небольшом алжирском городке Баб-эль-Уэд в семье отставного воен-

ного. В 1975 году, когда ему было всего 15 лет, будущий писатель опубликовал свой первый рассказ в одном из фэнзинов. В 1984-м рассказ «За кровоточащими стенами» появился в ежегодной антологии «Вселенная», а рассказ «Уведомление», опубликованный в том же году в журнале «Fiction», открыл «наградной список» Вагнера, завоевав премию имени Рони-старшего.

После выхода в 1987 году дебютного романа «Змея ужаса» Вагнер приобрел статус одного из самых плодовитых фантастов Франции, ежегодно он выпускает два-три новых романа. Самый крупный успех выпал на долю сериала из восьми романов «Будущие тайны Парижа» (1996—2003), собравшего целый букет премий: две премии «Озон», премия имени Рони-старшего, Большая премия Воображения. На сегодняшний день в творческом активе Р.Вагнера пять сборников новелл и 40 романов, многие из которых переводились на десятки языков мира. В 2003 году в США вышел большой том-омнибус из нескольких романов Ролана Вагнера. Критики же противоречивы в оценках творчества этого фантаста, стремящегося разрушить как можно больше жанровых табу: одни его считают «enfant terrible» французской НФ, другие называют главной надеждой научной фантастики Франции.

ДЮНЬЯК Жан-Клод (DUNYACH, Jean-Claude)

Один из популярнейших современных французских фантастов Жан-Клод Дюньяк родился в 1957 году. Имеет докторскую степень по прикладной математике и суперкомпьютерам, работает в авиационном филиале французского авиакосмического концерна в Тулузе.

В фантастику автор пришел в начале 80-х годов и с тех пор опубликовал восемь романов, среди которых дилогия «Игра песчаных часов» (1987—1988), трилогия «Мертвые звезды» (1991—1992), роман «Умирующие звезды» (1999, в соавторстве с Айердалем). Кроме того, перу Дюньяка принадлежат более 60 рассказов, лучшие из них собраны в пяти сборниках: «Десять дней не видеть моря» (2000), «Песчаные пловцы» (2003) и другие. Лауреат многих национальных премий: в частности, Большой премии французской НФ, «Озон», Большой премии Воображения. Дюньяк — член издательского коллектива нового (с 1999 года) французского НФ-журнала «Galaxies». Выступал и в качестве составителя — был редактором вышедшей в 1999 году оригинальной НФ-антологии «Промежуточная посадка».

Рассказ «Испаряющееся время» — вторая встреча французского фантаста с российскими читателями. Первая (рассказ «Орхидеи в ночи») состоялась в 2002 году на страницах журнала «Если».

ИЛЬИН Владимир Леонидович

Писатель–фантаст и переводчик Владимир Ильин родился в 1957 году в городе Златоуст Челябинской области. После окончания московского Военного института (бывший ВВИЯ) работал военным переводчиком с испанского, португальского и французского языков, преподавал в родном институте, занимался научно–исследовательской работой. В 1998 году уволился в запас в звании подполковника. С 2000 года работает в Конституционном суде Российской Федерации, живет в Москве.

В фантастике дебютировал в 1982 году. В 1995–м в издательстве «Терра» вышел первый авторский сборник «Самые странные существа». В серии «Абсолютное оружие» издательства ЭКСМО опубликовал романы «Реальный противник» (1996), «Враги по разуму» (1996), «Сеть для игрушек» (1997), «Пожелайте мне неудачи» (1998), «Зимой змеи спят» (1999), «Куб со стертymi гранями» (2000), «Нельзя идти за горизонт» (2000), «Люди феникс» (2002), «Последняя дверь последнего вагона» (2005). Его перу принадлежат также сборники повестей и рассказов «500 лет до катастрофы» (2000), «Сны замедленного действия» (2001), «Единственный выход» (2003).

КАГАНОВ Леонид Александрович

Писатель и сценарист Леонид Каганов родился в 1972 году в Москве в семье инженеров. Окончил Московский техникум автоматики и телемеханики, а затем получил два высших образования — в Московском горном университете и на факультете психологии МГУ. В печати выступает с 1995 года и с тех пор существует исключительно за счет творческой деятельности (проза, сценарии, реклама). Участвовал в создании сценариев многих телепередач и проектов, в том числе «О.С.П.–студия» и «Назло рекордам!».

Дебютом в жанре стал рассказ «Глеб Альтшифтер» (1998). В 2002 году увидела свет первая книга фантастической прозы Л.Каганова — сборник «Коммутация», который стремительно вывел писателя в число лучших рассказчиков отечественной НФ и был признан лучшим дебютом года на «Интерпрессконе», «Звездном мосту» и конвенте в Екатеринбурге. Спустя год писатель выпустил свой первый роман — «Харизма», но уже следующая книга фантаста, сборник «День академика Похеля» (2004), представила новую коллекцию произведений малой формы.

В 2004 году рассказ Л.Каганова «Хомка» собрал немало жанровых наград: «Роскон», «Интерпресскон», «Бронзовая улитка», «Странник». Еще одной премии «Странник» был удостоен рассказ «Эпос хищника».

ЛЕМАН Серж (LEHMAN, Serge)

Настоящее имя этого известного французского фантаста — Паскаль Фрежан (р. 1964), но читатели знают его не только как Лемана, но и под десятком других имен: например, Карел Декк, Дон Эриаль, Кортеваль...

Окончив Сорбонну с ученой степенью магистра по истории науки, в течение пяти следующих лет Леман занимался преподавательской деятельностью. Первые жанровые публикации за подписью Сержа Лемана появились в середине 80-х в фэн-прессе, но уже в 1990 году в популярнейшей межавторской серии «Antipasion» увидели свет сразу два романа писателя — «Основной закон» и «Гидры», образующие дилогию «Семиминутная война». А после выхода романов «Шпион следит за странным» (1991) и «Средоточие» (1995), укрепивших известность молодого фантаста, Леман приступает к главному проекту своей жизни — созданию грандиозной саги «Ф.А.У.С.Т.», излагающей перипетию борьбы гигантских транснациональных корпораций за власть над Землей (правда, на сегодняшний день из запланированных 50 томов вышло всего три). Параллельно он выпускает три самостоятельных романа — «Страна чудес» (1997), вызвавший дискуссию в прессе, «Ангел глубин» (1997), «Ни одна далекая звезда» (1998), а также первый сборник коротких произведений «Удар грома» (1996). Эти произведения закрепили за Леманом репутацию интеллектуала французской фантастики и заставили критиков говорить о нем, как об одном из самых ярких фантастов новой волны.

Всего за четыре года активной работы писатель собрал почти все престижные жанровые премии — он дважды лауреат премии «Озон», получал Большую премию французской НФ, Большую премию Воображения и другие.

МЯСНИКОВ Виктор Алексеевич

Прозаик, журналист и литературный критик Виктор Мясников родился в 1956 году в Вологодской области, но большую часть жизни провел в Екатеринбурге. Служил в спецподразделении, работал инструктором по туризму, монтажником-высотником, осветителем на киностудии, попутно снимаясь в эпизодах и выполняя трюки. В 2001-м переехал на постоянное место жительства в Москву, в настоящее время — военный обозреватель «Независимой газеты» и «Независимого военного обозрения». Выступает также с литературно-критическими статьями в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь» и других. Читателям «Если» запомнилась его обстоятельная статья «Пограничная словесность» (2003), посвященная элементам фантастики в литературе «основного потока».

В печати выступает с 1975 года. Выпустил несколько книг детективной прозы — «Не тревожьте паука» (1997), «Изумруд — камень смерти» (1997), «Черный паук» (1999), а также сборник стихов «Благослови мою печаль» (1989). Фантастическая проза публиковалась в журнале «Если» и в уральской периодике.

НЕЙРЕ Фабрис (NEYRET, Fabrice)

Молодой французский фантаст Фабрис Нейре родился в 1967-м в городе Лионе. В 1982—1985 годах изучал информатику, после чего почти десять лет работал в области компьютерных технологий, занимаясь динамической графикой и синтезом изображений. В 1996-м Нейре защитил докторскую диссертацию в Национальном институте исследований в области информатики и автоматизации, а с 1997-го работает исследователем в Национальном центре научных исследований (CNRS).

К фантастике Ф.Нейре обратился в 1993 году. До сих пор выступал только в малой форме. Его рассказы публиковались во французском НФ-журнале «Login» и антологии «Сны Альтаира».

ФЛИПО Жорж (FLIPO, Georges)

Французский фантаст, публицист и поэт Жорж Флипо родился в 1945 году в пригороде Парижа. Закончил Высшую школу по социологии, экономике и маркетингу, став специалистом по коммуникативным стратегиям и рекламному бизнесу. До 2003 года работал в консалтинговом агентстве, затем полностью посвятил себя литературному творчеству.

Помимо фантастики пишет новеллы, стихи, короткие юмористические рассказы, которые публикуются в периодической печати Франции, Аргентины, Бельгии, Канады. С 2004-го сотрудничает с «Радио-Франс», в рамках проекта «Литературные чтения» подготовил для эфира свыше тридцати радиопостановок по своим рассказам. Флипо принимал участие во многих национальных и международных литературных конкурсах, где его работы неизменно удостаивались наград жюри. Всего на счету писателя свыше 20 литературных премий. Рассказ «Канувшие в Лету» был удостоен в 2003 году жанровой премии «Бесконечность». В 2004-м увидел свет дебютный авторский сборник «Дьяволиада», выпущенный издательством «Эдисьон Аннэ Каррье». В настоящее время писатель работает над первым романом. Вместе с женой-аргентинкой Ж.Флипо проживает в городе Кламар (Франция).

**Подготовили Михаил АНДРЕЕВ,
Юрий КОРОТКОВ и Игорь НАЙДЕНКОВ**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 50 рублей за номер, включая стоимость почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство. Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)